Сакен Сейфуллин

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ

Сакен Сейфуллин

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ

Историко-мемуарный роман

Перевели с казахского С. Талжанов и И. Щеголихин

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ЖАЗУШЫ“
АЛМА-АТА—1975

С 28
Р 2

Сейфуллин Сакен

С 28 Тернистый путь. Историко-мемуарный роман. Алма-Ата, «Жазушы», 1975.

432 с.

Жизнь Сакена Сейфуллина — подвиг, пример героической борьбы за коммунизм.

Солдат пролетарской революции, человек большого мужества, несгибаемой воли, активный участник гражданской войны, прошедший страшный путь в тюрьмах и вагонах смерти атамана Анненкова, С. Сейфуллин в своей книге «Тернистый путь» воссоздал картину революции и гражданской войны в Казахстане.

Это была своевременная книга, явившаяся для казахского народа и историей, и учебником политграмоты, и художественным произведением.

Эта книга — живой, волнующий рассказ, основанный на свежих воспоминаниях автора о событиях, в которых он сам участвовал. В романе показан восставший народ, выведены типы карателей, баев, мулл и алаш-ордынских главарей. Роман проникнут сочувствием автора к угнетенному народу, ведущему борьбу за свое освобождение, революционным энтузиазмом, верой в победу революции.

По охвату жизненного материала роман «Тернистый путь» — монументальное произведение основоположника казахской советской литературы, писателя-большевика Сакена Сейфуллина.

С $\frac{70303\quad 204}{402(07)75}$ 130—75 Р 2

© «Жазушы», перевод на русский язык, 1975.

Молодым борцам за новую жизнь, сыновьям рабочего класса Казахстана посвящаю я от души свой скромный труд, где описано без прикрас все мною увиденное и мною пережитое на тернистом пути великой перестройки мира.

Сакен.

17 апреля 1926 года.

САКЕН СЕЙФУЛЛИН

(1894—1938)

Четверть века его нет среди нас. Он трагически погиб в 1938 году, но как живая легенда вошел он в память родного народа не только своим бессмертным литературным наследием, но и примером героической борьбы за коммунизм.

Мы, его современники, хорошо помним этого кристально-чистого ленинца, человека большого сердца, огненного темперамента, алмазно-ясной мысли.

Высокий, стройный, с гордо посаженной головой, с умными живыми глазами, с большим открытым лбом, он шел по жизни твердым, уверенным шагом, не умел и не хотел сгибаться под пулями врагов, выше всего ставя совесть большевика-ленинца, являя пример высокой гражданственности и служения народу. Он поражал нас принципиальностью, жизнелюбием и душевной красотой.

Он и внешне был красив — человек с лицом бойца, сердцем поэта и глазами мыслителя.

Он смолоду стал живой былиной родных степей, и юношество подхватывало каждое его слово.

Всеми давно и неоспоримо признано, что Сакен Сейфуллин является основоположником казахской советской литературы. Еще в июне 1936 года было торжественно отмечено двадцатилетие литературной деятельности этого замечательного поэта, прозаика, драматурга и литературного критика, и советское правительство наградило его орденом Трудового Красного Знамени.

Казахский краевой комитет ВКП(б) и Совнарком КАССР приветствовали С. Сейфуллина как «большеви-

ка-поэта казахских трудящихся», «заслуженного солдата пролетарской революции».

«В период колониального порабощения казахского народа царизмом,— говорилось в приветствии,— в годы революции, гражданской войны и социалистического строительства Вы своим художественным словом вдохновляли казахских трудящихся на борьбу с классовыми врагами казахского народа, с врагами пролетарской революции и крепко держали знамя великой партии Ленина...»

Со статьями и стихотворениями о любимом писателе выступали тогда все видные литераторы Казахстана: М. Ауэзов, Б. Майлин, С. Муканов, И. Джансугуров, Г. Тогжанов, Г. Мусрепов, А. Токмагамбетов, А. Тажибаев, Т. Жароков, К. Джумалиев, У. Турманжанов, Е. Исмаилов, С. Камалов и другие. Уже названия этих статей говорят о роли и значении С. Сейфуллина в казахской литературе и о той славе, которой пользовался поэт: «Первенец казахской советской литературы» (С. Муканов), «Поэт правдивый и гордый» (М. Ауэзов), «Ветеран казахской революционной поэзии» (Г. Мусрепов). А поэт Ильяс Джансугуров посвятил Сакену замечательное стихотворение «Тулпару», в нем дается поэтическая характеристика творческого пути «тулпара казахской поэзии».

Ильяс Джансугуров, сделавший доклад на юбилее писателя, говорил о нем как о первенце новой эпохи:

Как мне не петь в это светлое лето,
Если радость льется рекой
И ни один из казахских поэтов
Не был увенчан славой такой.
(Перевод *К. Алтайского*)

«Октябрьскую революцию он защищал от врагов не только пером, но и мечом. Он организовал в казахском ауле первые советы, первую партийную ячейку, первым записался в партизаны, первым вступал в бой с врагом, защищал советскую власть, первым перенес зверские пытки колчаковских и алаш-ордынских бандитов, разил врага одновременно и пером, и мечом и стал одним из победителей, завоевавших для трудящихся вечную свободу. Он не просто поэт, а поэт-революционер, большевик.

Он не только поэт трудящихся, но и батыр-победитель Октябрьского фронта».

Вот так был оценен и прославлен «правдивый и гордый» трубадур казахского народа. И в этом не было никакого преувеличения. Недаром имя пионера казахской советской литературы часто сочетается со словом *«первый»*. Один из *«первых»* революционеров-коммунистов, один из *первых* основателей советской власти в казахской степи, один из первых председателей советского правительства в Казахстане, автор первого казахского стихотворения о Великой Октябрьской социалистической революции и В. И. Ленине, *первого* революционного романа «Тернистый путь», *первой* революционной пьесы «Красные соколы», *первой* повести о рабочем классе «Землекопы» и *первой* советской поэмы «Советстан»— вот какую историческую роль сыграл Сакен Сейфуллин как революционер, как гражданин, как писатель на заре социалистической эпохи.

* * *

Сакен (Садвокас) Сейфуллин родился в 1894 году в кочевом ауле Нильдинской волости Акмолинского уезда Акмолинской губернии (ныне территория Жана-аркинского района Карагандинской области) в семье крестьянина-скотовода. По свидетельству самого поэта, отец его Сейфулла кроме скотоводства занимался охотой, держал беркутов и гончих собак, обладал музыкальным слухом, был отличным домбристом, исполнял на домбре песни и кюи, и вообще был человеком веселого нрава, рассказывавшим в кругу одноаульцев разные истории из жизни охотников. Мать Сакена Жамал была красивой женщиной и также умела искусно рассказывать смешные сказки и предания. К тому же аул Сакена отличался тем, что из него выходили талантливые акыны, здесь часто происходили поэтические состязания (айтысы). Вся эта атмосфера способствовала пробуждению в детской душе Сакена яркого поэтического дарования. Сверстники поэта свидетельствуют, что с мальчишеских лет Сакен был влюблен в родные степи с их тюльпанами, ирисами, маками, с пением жаворонков и курлыканьем журавлей, с ароматом полыни и шалфея, с миражами, играющими на горизонте.

Смелый мальчик любил степные скачки, охоту с ловчими птицами, пастушеские костры, высокие звезды...

Грамоте (арабской) он научился в ауле у муллы. В 1905 году, когда мальчику исполнилось десять лет, отец послал его в русско-казахскую школу при Нильдинском медеплавильном заводе. Но в первый год он не смог поступить в школу из-за незнания русского языка. Только в следующем году, после того как он побыл зиму и лето в русской семье, помогая ей в хозяйстве, и немного научился говорить по-русски, его приняли в школу. Закончил ее он в 1908 году. В том же году Сакен приезжает в Акмолинск и поступает сначала в приходскую школу, затем в трехклассное училище.

Здесь он пишет первые рифмованные стихи. Здесь происходит рождение поэта. Это были, конечно, робкие попытки, неуверенные словосочетания.

В Акмолинске начинающий поэт встречается с известными акынами Газизом и Иман-Жусупом. Читает много книг, а стихи Абая, опубликованные впервые отдельной книгой в 1909 году, он заучивал наизусть. Окончив Акмолинское училище в 1913 году, С. Сейфуллин поступает в учительскую семинарию в Омске. В стенах семинарии зарекомендовал он себя и как поэт, любящий литературу, и как активный участник молодежной организации «Бирлик» («Единство»), которая, по утверждению самого С. Сейфуллина, преследовала цель распространять культуру и знания среди казахского населения.

В Омске завязывается у него знакомство с известным писателем-революционером Феоктистом Березовским, который сыграл немаловажную роль в формировании идейных и эстетических взглядов Сакена Сейфуллина. По свидетельству современников, впервые в революционную работу С. Сейфуллина вовлек Ф. Березовский, и это послужило причиной установления за молодым Сейфуллиным полицейской слежки.

Общавшийся в Москве с Феоктистом Березовским поэт Константин Алтайский рассказывает: «Феоктист Березовский никогда не забывал своих казахских друзей, а о Казахстане говорил всегда с большой теплотой. Особенно часто вспоминал он своего друга Сакена Сейфуллина, к которому он питал отеческие чувства. По словам Березовского, Сакен Сейфуллин уже в юности был одним из самых замечательных казахов, какие ему встре-

чались. Смелый, умный, самоотверженный, он поражал неукротимой жаждой знаний. Березовский, помнится, сравнивал Сейфуллина с молодым степным орленком, рвущимся в большой полет. Березовского удивляла восприимчивость Сейфуллина: «Скажешь ему новое для него слово, он посмотрит внимательно, осмысливая его, а потом осторожно, немного стеснительно начинает расспрашивать. Невольно отвечаешь ему, а у него нет конца вопросам. И вот что интересно: он расспрашивал не только о русской поэзии, но и о революционной борьбе русского народа, о подполье, о партии большевиков. И это был такой способный и внимательный ученик, что на него не жалко было никакого времени. Чувствовалось, что ни одно слово, сказанное Сейфуллину, не пропадало даром. Мне не раз приходило на ум, что из него вырастет незаурядный человек, преданный революционер, способный писатель. И я не ошибся».

В первый же год пребывания в Омской семинарии юный Сейфуллин проявил свой незаурядный поэтический талант, и товарищи по организации «Бирлик» помогли ему издать в Казани первый сборник стихов, названный «Откен кундер» («Минувшие дни»). Если учесть, что первая книга стихов классика казахской поэзии Абая Кунанбаева издана лишь после его смерти, в 1909 году, то можно себе представить, каким большим и необычным событием был выход в свет книги молодого, еще никому не известного семинариста С. Сейфуллина.

В сборник вошло 20 стихотворений. В них выражены мечты и чаяния одаренного юноши. Хотя не все стихи этого сборника полноценны в художественном отношении, среди них есть слабые, а многим из них не хватает социальной насыщенности и идейной глубины и остроты, но уже в этих ранних лирических стихотворениях мы чувствуем смелые порывы молодой души. В них ясно и четко определилась любовь поэта к родине, народу и народному поэтическому слову.

Этапным моментом в становлении мировоззрения С. Сейфуллина явилось национально-освободительное восстание 1916 года. Работавший к тому времени аульным учителем С. Сейфуллин, хотя и не принимал непосредственного участия в вооруженном восстании, но жил боевым духом протеста и возмущения народа, сочувствовал его борьбе против угнетателей. С болью говорит

поэт в стихах этих лет о социальных пороках — о нищете и невежестве, о несправедливости и насилиях, о бесчеловечной эксплуатации трудящихся.

Я пел бы радостные песни,
Но жизнь мне петь их не дает,
Но — от земли до поднебесья —
Передо мной весь мир встает:
Несправедливость и обиды,
И торжествующее зло,
И люди добрые лишь с виду,—
И так на сердце тяжело;
И видя неимущих слезы,
Слезами плачет грудь моя,
В очах моих сверкают грозы,
И песнь борьбы слагаю я.

(Перевод *М. Львова*).

Февральская революция 1917 года потрясла поэта. Появились его «радостные песни». В образе крылатых коней он воспевает «солнечное освобождение» родного народа, когда пишет:

Они летят крылатой стаей,
Посланцы света и свободы,
И слезы радости блистают
В глазах казахского народа.

(Перевод *В. Виноградова*).

Как и у его русских братьев — поэтов «Кузницы», у Сейфуллина мы обнаруживаем несколько отвлеченные, почти «космические» образы революционного переворота. Но за «крылатыми конями, штурмующими небо» нетрудно разглядеть и услышать трубы земной революции, пробуждающийся, расправляющий плечи народ.

Вскоре С. Сейфуллин убеждается в том, что Февральская революция, свергшая самодержавие, не дала казахским трудящимся подлинной свободы, и он решительно поддерживает линию большевиков, подготавливавших Октябрьский переворот. Это был первый и единственный из казахских поэтов, который с удивительной прозорливостью разобрался тогда в исключительно сложной социально-политической обстановке периода, разделявшего буржуазно-демократическую и социалистическую революции 1917 года.

С. Сейфуллин принимает активное участие в революционной борьбе за установление советской власти в Казахстане. Один из организаторов совдепа в Акмолинске, член Коммунистической партии с 1918 года, С. Сейфуллин с первых же дней Октябрьской социалистической революции становится ее пламенным певцом. В его боевых призывах, исполненных могучего революционного пафоса, слышится голос пробужденного народа. Вот почему стихи Сакена Сейфуллина за 1917—1919 годы — «В степи», «А ну-ка, жигиты», «Мой крылатый скакун», «Марсельеза казахской молодежи» и другие сразу стали боевыми песнями. Они шли из уст в уста; их пели в степи, часто не зная, кто их автор. Сейфуллину выпало счастье услышать свои стихи в виде народных песен, о чем мечтал В. В. Маяковский.

Выше флаги!
Жар отваги
Ты буди у всех в груди.
Песня-пламя,
Над полями,
Над просторами лети!

(Перевод *М. Львова*).

Таков девиз всех песен поэта-революционера. Таков лейтмотив и первой его пьесы «На путь счастья», созданной в 1917 году и поставленной на клубной сцене 1 мая 1918 года молодыми товарищами автора. В ней писатель-революционер беспощадно клеймит притеснителей народа — баев, мулл и волостных правителей, их черные дела в степи. Воспользовавшись тем, что младший сын в семье бедняка подвергается мобилизации на тыловые работы, волостной правитель-узурпатор обещает отцу мобилизованного освободить сына при условии, если тот отдаст ему в жены свою любимую дочь. Отец соглашается. Жена, старший сын и дочь протестуют. Но воля отца должна победить. Таков неписаный патриархальный закон. Над девушкой нависает угроза стать второй женой ненавистного человека. Спасается она от этого только благодаря революции.

Как коммунист, как видный деятель молодой советской власти в Акмолинске и как писатель-пропагандист большевистских идей С. Сейфуллин подвергается аресту со стороны контрреволюционеров и почти год (с лета

1918 до весны 1919 года) пребывает в застенках Колчака и алаш-орды. Вместе с группой совдеповцев С. Сейфуллина пешком в кандалах перегоняли из Акмолинска в Петропавловск, а оттуда — в Омск. О поэте-кандальнике слагали песни. Его имя обошло необъятные степи. Поэта заключили в вагон смерти атамана Анненкова. Много товарищей Сейфуллина было расстреляно, а также погибло от пыток и голода. Только бегством удается С. Сейфуллину спастись от верной гибели. И в тюрьме, и в лагере, и в вагоне смерти, и в глубоком подполье он не прерывает свою поэтическую деятельность. Несгибаемая воля революционера, неукротимый дух оптимизма и светлые чувства гуманности пронизывают даже интимные» лирические стихотворения, написанные им в тяжелые дни временного поражения, заточения и изгнания.

Бескрайний, залитый солнцем мир открылся перед Сейфуллиным после мрака темницы:

О, без грани и без края,
С табунами и с людьми,
Степь свободная, родная,
Ты к груди меня прижми!
(Перевод *М. Львова*).

После побега С. Сейфуллин пробирается через Сибирь на родину, а затем через Голодную степь — в Аулие-Ату, где проводит работу по укреплению советской власти в ауле. Обо всем этом подробно рассказано в мемуарной книге писателя «Тернистый путь».

После разгрома контрреволюции в марте 1919 года С. Сейфуллин снова возвращается к руководящей работе в Акмолинске. Когда в 1920 году была организована Казахская автономная советская республика, он избирается членом президиума ЦИК КАССР, а в 1922 — заместителем народного комиссара просвещения и уже на III съезде Советов избирается председателем Совета народных комиссаров КАССР и членом ВЦИК СССР. С 1925 по 1937 год С. Сейфуллин работал сначала редактором республиканской партийной газеты «Енбекши казах», потом свыше десяти лет — преподавателем Казахского Государственного педагогического института по истории казахской литературы, главным редактором литературного журнала «Адебиет майданы». И все эти

годы он был одним из руководителей писательской организации и КазАПП, и Союза писателей Казахстана.

Выполняя ответственную работу в руководящих советских органах, а также в области журналистики и народного просвещения, С. Сейфуллин совмещал все это со своим основным призванием — призванием писателя и ученого-литературоведа.

Первый этап в творчестве Сакена Сейфуллина подытожен книгами «Асау тулпар», «Бахыт жолына», «Қызыл сункарлар», изданными в 1922 году в Оренбурге. Выход в свет за один год трех книг одного писателя — событие небывалое в истории казахской культуры. Оно как нельзя лучше характеризовало творческий взлет не только С. Сейфуллина, но и подъем духа освобожденного революцией казахского народа, создание при советском строе неограниченных условий и возможностей для расцвета талантов. Вместе с тем это событие сыграло неоценимую роль в пробуждении и воспитании новых творческих сил народа, в борьбе против идеологии буржуазного национализма.

В сборник стихов «Асау тулпар» вошла часть стихов из дореволюционного сборника «Откен кундер» и цикл новых стихов о революции и гражданской войне. Мотивы природы, любви, тоски по родной степи, столь характерные для ранних стихов С. Сейфуллина, сменяются теперь высоким революционным пафосом, романтикой борьбы за свободу, за новую счастливую жизнь. Стихи, написанные в первые годы революции, напоминают своим боевым призывным духом, своими революционно-романтическими образами знаменитые горьковские песни о буревестнике и о соколе. Образ асау-тулпара (неукротимого тулпара, то есть крылатого сказочного коня-бегунца), именем которого и названа книга, берется поэтом почти в значении горьковского сокола. В самом посвящении к книге Сейфуллин дает расшифровку своего романтического образа: «Молодежь, разбившая оковы рабства, с пламенным сердцем ищущая равноправия, счастья, как сокол, взмахнувшая крыльями, окинувшая взором всю планету, мчащаяся, как неукротимый тулпар по безграничной степи в поисках любви и радости! Я вам посвящаю эту песню! Вы рождены для борьбы, для свободного и счастливого труда. Зовите своих братьев, еще стонущих под игом! Вам, юношам и девушкам, идущим

по героическому пути к свободе, посвящается эта песня! Пусть сольются ваши голоса, и могучая песня пронесется над всем миром! Встряхните, обновите старый мир!»

Образ сокола не только перекликается с эпическим образом тулпара, он выражает настроение поэта, который встречает революцию не как сторонний наблюдатель или даже сочувствующий, а как активный ее участник, отдающий ей свое сердце. Весьма характерно в этом смысле стихотворение «В степь». В нем есть такие примечательные слова:

И от счастья грудь расширилась моя,
Словно хваткий сокол, встрепенулся я.
Звонким криком ширь степную оглашая,
Я приветствовал родимые края.
(Перевод *С. Наровчатова*).

Таковы же стихи «А ну-ка, жигиты!», «Мы спешно собрались в поход», «Рабочему», «Товарищи» и другие. Тема всех этих стихов — социалистическая революция, воспетая казахским поэтом в образах «неукротимого тулпара», «крылатого коня», «хваткого сокола», «ветра-непоседы», и т. д. В них запечатлены стремительный бег времени, порыв и дыхание революции, принесшей в степь долгожданную свободу, свет солнца и радости жизни. Стихи же, написанные в заключении, такие, как «Из заточения», «Ответ на допросе», «Соскучился я», «В нашем крае», «Друзьям, павшим за правое дело», «Заблудившимся», «Марсельеза казахской молодежи», несмотря на отдельные нотки уныния и тоски, призывают к борьбе за дело революции и полны оптимистической веры в победу нового над старым.

Поэт все более осознает себя глашатаем молодого советского Казахстана. Он говорит не от себя лично, а от имени всего бедняцкого, пастушеского и рабочего Казахстана.

Следует отметить, что многие стихи Сакена Сейфуллина того периода, заложившие фундамент новой революционной политической лирики, особенно такие, как «Товарищи», «Марсельеза казахской молодежи», стали благодаря огромной идейно-художественной силе популярными в среде молодежи песнями. Вот лейтмотив «Марсельезы казахской молодежи», заключающий в се-

бе боевой клич объединиться под красное знамя для борьбы за новую свободную жизнь:

Пусть навеки исчезнет, сгинет
Тот закон приносящий в народ
Унижение, рабство и гнет.
Пусть народ сам решает судьбу!
Пусть зовет красный стяг на борьбу!
Азамат, встань бойцом в общий строй,
Ты на мир свои очи открой,
Знамя красное — сила твоя,
Все под красное знамя, друзья!

(Перевод *М. Львова*).

Мотивы гражданской войны вошли в творчество Сейфуллина. Ленина поэт называет командармом. В стремительных, полных движения стихах поэт передал фронтовую обстановку, где «пыль на зубах, как сахар хрустит».

В стихотворении «Маузер» Сейфуллин живописал образ беззаветного бойца-казаха, умирающего в степи от белогвардейской пули. Красноармейцу-другу он передает боевое оружие для сына:

Вот мой маузер. Он — черен.
Был в боях он, лучший друг.
Бил без промаха и все же
Рано выпал он из рук.
Передай его ты сыну —
Пусть он маузер хранит.
Чтоб дрожали перед дулом
Враг, изменник и наймит!

(Перевод *В. Алтайского*).

Даже умирая, боец думает о грядущей победе и передает оружие сыну. Такими рисовались Сейфуллину его друзья-однополчане. Так непримирим был поэт к врагам советского строя.

Наряду с лирическим, романтически приподнятым обращением поэта к молодежи, к товарищам, к народу в поэзии С. Сейфуллина начинает развиваться и сатирический элемент, обличающий врагов революции, особенно ненавистных Сакену националистов из лагеря алашорды. Известно, что в те годы развитие молодой казахской советской литературы протекало в острой классовой борьбе против буржуазных националистов в литера-

туре, восхвалявших феодальное прошлое Казахстана, против эпигонов декаденства, выступавших в обличии реакционного романтизма и символизма, чьи произведения были проникнуты лютой ненавистью к революции, к советской власти. А. С. Сейфуллин как поэт-революционер, глава советского правительства в Казахстане возглавлял эту борьбу и, естественно, был объектом злобных нападок со стороны националистических поэтов и критиков. С. Сейфуллин не только отражал эти нападки, но и сам наступал на идейных противников, разоблачая в своих публицистических статьях и сатирических стихах всю лживость их клеветнических выпадов. В стихотворениях «Бред одного поэта» и «Бред националиста» поэт-большевик зло высмеивает бредни националиста, называя его безнадежно больным:

Болен националист,
Как осенний желтый лист,
Он трясется чуть живой
На перине пуховой.
— Брат мой! Свет мой! Вы! О вы!
— Мой аул! Увы! Увы!
— О страна! Народ родной!
Слышишь ли ты голос мой?
Слышит националиста
Лишь один хитрец-мулла,
Но в душе его нечисто,
Еле шепчет он «алла»...
И, чалмой своей качая,
Хочет «другу» смерти он —
Заработает на чай он..
Будет толк хоть с похорон.

(Перевод *М. Львова*).

В сборнике «Асау тулпар» встречаются и такие стихотворения, как «Маржан», «Черный жеребец» (паровоз), «На небе», в которых автор впервые затрагивает в казахской поэзии тему рабочего человека, тему, которая займет в дальнейшем большое место в творчестве Сейфуллина. Поэт приветствует рабочую девушку-казашку, любуется ее духовной и физической красотой («Маржан»), восторженно пишет о самолете («На небе»), о паровозе («Черный жеребец»), славит их создателей — рабочих-героев.

В стихотворении «Иван и Мырзабек» С. Сейфуллин касается идеи дружбы казаха и русского.

Разумеется, не все произведения, вошедшие в книгу, были равноценны. Наряду со зрелыми, вдохновенно написанными стихами встречались и слабые в художественном отношении вещи, так как С. Сейфуллин во всех областях, темах и вопросах первый прокладывал путь, можно сказать, поднимал целину. Этим объясняются его отдельные срывы и ошибки идейно-политического порядка. Например, в стихотворении «Азия» колониальную политику империализма в Азии поэт ошибочно представил как политику разбоя на Востоке со стороны Запада, не раскрывая при этом социально-классовых причин грабительской политики колонизаторов. За эти ошибки стихотворение «Азия» справедливо было подвергнуто критике на III всеказахской партийной конференции в марте 1923 года в докладе Е. Ярославского. Подобные ошибки имели место и в последующие годы, особенно в оценке новой экономической политики, Сейфуллин считал, что нэп все пожирает, все поглощает, что баи и торгаши стали жить привольно.

Глубоко и всесторонне раскрыта идея дружбы народов в пьесе «Красные соколы», написанной в 1920 году. Эта первая пьеса о борцах социалистической революции. Известный русский критик, знаток казахской литературы З. С. Кедрина правильно отмечает, что «Пьеса Сакена «Красные соколы» (1922) воспевает непреклонное мужество революционеров, готовых умереть, но не отступить от дела революции»[1].

Если в первой пьесе «На пути счастья» была отображена борьба казахской молодежи за свои личные права, за свободу любви, борьба против последних рецидивов старого патриархально-феодального мира, то в пьесе «Красные соколы» изображена вполне зрелая, осознанная социально-политическая борьба. Главный герой пьесы Еркебулан — поэт, честный и мужественный борец за счастье народа, питает неистребимую веру в победу нового строя и верой этой зажигает своих менее стойких и колеблющихся товарищей, разоблачает трусов и предателей. В образ Еркебулана писатель вложил много такого, что он сам лично пережил в плену у колчаковцев и алаш-ордынцев. Показаны также и друзья Еркебулана —

[1] Социалистический реализм в литературе народов СССР. М., Изд-во АН СССР, 1962, стр. 310.

Нестеров, Жагпар, Лозовой, Ахметкали, Байдильда, которые, находясь почти год в тюрьме, имели возможность проявить разные стороны своей внутренней жизни. Но при всех различиях и особенностях характеров эти люди сумели продемонстрировать единство политических взглядов, преданность делу коммунизма, интернациональный характер Великой Октябрьской социалистической революции.

Как первый опыт создания серьезного произведения драматургии на тему социалистической революции, как произведение, написанное в разгар борьбы с контрреволюцией при полном отсутствии каких-либо традиций в этой области, пьеса «Красные соколы» не свободна от известных недостатков жанрово-художественного порядка. Обстановка тюрьмы, где только и рисует писатель свои персонажи, ограничила их связи с внешним миром, и поэтому в пьесе ослаблено впечатление жизненности происходящего. Однако несмотря на недостатки, пьеса в свое время имела неоценимо большое значение для зарождения и развития казахской революционной драматургии, много раз ставилась и тепло была встречена во всех уголках необъятной республики. Впоследствии автор учел замечания и пожелания массового зрителя и внес существенные коррективы в композиционную структуру пьесы, значительно расширив в ней социальный фон действия.

* * *

Следующий этап поэтического пути Сакена Сейфуллина, отмеченный выходом в свет таких книг, как «Домбра» (1924), «Экспресс» (1926), «Союз и трудовой договор — защита батраков», «На волнах жизни» (1928), характеризуется дальнейшим развитием его яркого поэтического таланта, направленного на воспевание побед Октябрьской революции и социалистического строительства. Тема революции и новой жизни приобретает в лирике С. Сейфуллина в этот период более конкретные, реалистические очертания. Ключ к новому решению этой темы поэт находит в образе великого вождя В. И. Ленина. Автор первого казахского стихотворения о Ленине, С. Сейфуллин еще при жизни вождя посвятил ему в 1923 году замечательные строки, полные глубокого понимания его великой исторической роли:

Ленин!
Ступень для лежащих в пыли.
Имя его — святыня нашего времени.
Ленин — величайший провидец земли,
Опора всех угнетенных — в Ленине.
Ленин — свобода, если ты батрак,
Ленин — бой за равенство бой священен.
Ленин — знамя великих атак,
Твердая политика и мудрость — Ленин.

(Перевод *В. Виноградова*).

Цикл стихов, написанных поэтом в связи с кончиной Ленина, выражает всю силу горя и скорби народа, а также всю силу монолитного сплочения советских людей вокруг ленинского знамени, вокруг великой ленинской партии.

Впервые в картины новой жизни вносится образ рабочего человека, чей труд преобразует мир. В 1921 году поэт в стихотворении «Рабочему» с чувством сострадания рисует невыносимо тяжелый труд рабочего люда в прошлом и вселяет веру в то, что очень скоро свободный труд принесет свои плоды.

Лопата, тяжелый молот и кирка —
Привыкла к ним рабочая рука,
В грязи по грудь ведущая работу,
Заря труда свободного близка!

Родные братья! Недалек тот час,
Когда могучий наш рабочий класс
Иную жизнь построит на планете,
И солнце засияет и для вас!

(Перевод *М. Львова*).

И уже в 1923 году в стихотворении «Мускулы рук» С. Сейфуллин создает красочную картину, в которой поэтизируется труд рабочего. Следует отметить, что в лирике поэта развиваются эпические и драматические элементы, в ней нашли счастливое сочетание сложные мысли и чувства поэта, реализм и романтические мотивы в отображении действительности.

«Синтетический» характер лирики С. Сейфуллина, расширивший обычные границы лирики, был в казахской поэзии безусловно новаторским явлением, свидетельствовал о победе принципа социалистического реализма, позволяющего и в рамках лирики делать глубокие

социальные обобщения. В его поэзию вошли могучие и весомые образы экспресса, аэроплана, паровоза, которые уверенно мчатся к заветной цели.

Мчись, экспресс! Лети, свети!
Вихрь во мгле кружи в пути!
Как звезда в ночи, лети
Бурям всем наперевес!
Пусть от страха плачет трус,
Но храбрец не дует в ус!
Крепнет сила братских уз!
Мчись вперед! Лети, экспресс!

(Перевод *М. Львова*).

Образ экспресса, возникший вначале в лирических произведениях, вскоре перерос в образ большого эпического масштаба в поэме «Советстан». Это первая советская поэма, написанная С. Сейфуллиным в 1925 году. Она посвящена восьмой годовщине Советов и вошла в книгу «Экспресс». В первых же строках поэмы автор сравнивает поезд с прежним тулпаром. Невольно вспоминаются есенинские строки о красногривом жеребенке, не могущем догнать паровоз. Но если у Есенина эти «гонки» окутаны дымкой грусти, звучат несколько элегично, то у Сейфуллина предпочтение паровозу выражено безоговорочно, без всякой оглядки на крылатого коня, без всякой элегии. Советстан, как «родина храбрых», как «колыбель юных героев» берется поэтом то в образе от-арбы (огненной телеги), то в образе восьмилетнего льва, перед которым «трепещут враги» и который «отвоевал наши права», то в образе экспресса, который «летит по мостам, по свежим лугам, по широким полям» наперекор препятствиям «мира старого и хилого», что глядит из могилы и хочет вернуться любой ценой, ибо «Союз наш могуч», в дружбе народов — его великая сила.

Нас в поезде много, и вера сильна,
Нас цель воедино связует одна.
Когда нам грозили —
Расправили крылья
В едином усилье
Готовые к смертным боям племена.

(Перевод *В. Бугаевского и А. Торковского*).

Участник и певец Октябрьской революции и гражданской войны, С. Сейфуллин всегда был тесно связан с

народом и выражал его мысли и чувства. Он живо откликался на все важнейшие проблемы современности, следил за успехами советского народа — строителя новой жизни. В своих лирических произведениях, исполненных высокого политического пафоса, поэт воспевал новый мир в его революционном становлении, представляя его в постоянном стремительном и неудержимом движении вперед к светлой цели. Как художник социалистического реализма С. Сейфуллин видел закономерность этого движения. Правдиво отображая действительность, поэт-реалист утверждал социалистический идеал нового человека, человека борьбы и труда. Если в ранних произведениях речь идет о том, что несет революция народу, о ее героях, то в стихах второй половины двадцатых годов внимание поэта сосредотачивается на конкретных достижениях революции, на конкретном человеке труда — на рабочем, крестьянине, интеллигенте, на раскрепощенной женщине-казашке, привлеченной к общественному труду. В стихотворении «Ласточка» (1927) мы читаем:

Прославляя труд и братство,
Пой, ударница труда!
Пусть бедняк взрастит богатство —
Будет с хлебом он всегда!

(Перевод *М. Львова*).

Теме труда, рабочему и крестьянину посвящены многие стихи этих лет. Таковы, например, стихотворения «На ткацкой фабрике», «Наборщик», «Типография», «Сеятель» и другие. Кроме того, целый цикл назиданий в стихах, опубликованных отдельной книгой, посвящен защите труд батраков. Книга так и называется «Союз и труддоговор — защита батраков». Это — история забитого, в прошлом безропотного батрака Сарсена, долгие годы бесчеловечно эксплуатировавшегося беспощадным баем Буенбаем. Поэт убедительно показывает, как советская власть положила конец эксплуатации баями батраков и путем заключения труддоговора защитила труд Сарсена и ему подобных. Ряд стихотворений —«Наша Сауле», «Моей сестре — студентке совпартшколы». «Из окна вагона»— пронизан чувством радости за счастливую долю освобожденных казашек, участвующих наравне с мужчинами в строительстве новой жизни.

В стихотворении «Из окна вагона» поэт при виде зимней степи вспоминает прошлую беспросветную жизнь и противопоставляет ей светлое здание строящегося нового мира. Поэт гордится тем, что надежный фундамент этого мира суждено заложить его поколению и что это историческое дело будет достойно оценено потомками. Патетическая концовка этого философского, оптимистического стихотворения звучит особенно жизнеутверждающе:

Фундамент мы здесь заложили,
Возводим стену за стеной.
Не раз еще тяжкие камни
Поднимем мы вместе с тобой.

И память о нас сохранится
До самой далекой поры,
О подвиге старшего брата,
О подвиге старшей сестры.

Надежный заложен фундамент,
Мы стены построим теперь,
В дворец, воздвигаемый нами,
Потомкам откроем мы дверь.

(Перевод *С. Наровчатова*).

Поэт видит жизнь в поступательном движении к великой цели. Сравнивая ее в данном случае с караваном, он замечает, что враги хотели бы вернуть его «на старый ночлег», но возврата к прошлому нет.

И мы не вернемся обратно,
Но наши потомки не раз
У памятника на стоянке
По-доброму вспомнят о нас.

(Перевод *С. Наровчатова*).

Читая эти строки, поневоле вспоминаем знаменитые стихи В. Маяковского:

Пускай нам общим памятником будет
Построенный в боях социализм.

С. Сейфуллин написал свое замечательное стихотворение до поэмы В. Маяковского «Во весь голос». Поэтому о заимствовании образа у великана советской поэзии речи быть не может. Но весьма характерно, что оба поэта, сознательно служившие коммунизму, услышали серд-

цем созвучные мотивы. В своих идейно-творческих принципах поэзия С. Сейфуллина схожа с поэзией великого русского поэта. Как и В. Маяковский, С. Сейфуллин отчетливо понимал место поэта в обществе, роль поэзии как орудия борьбы и воспитания. Для него, как и для В. Маяковского, не существовало разрыва между поэзией и политикой, поэтом и народом. Вот это единство С. Сейфуллина как поэта и гражданина с партией, с народом и советским государством ясно выражено почти во всех его произведениях. Он выступает от имени народа и партии, от имени передового человека и действует, думает и переживает за народ, за партию, за счастье простого человека труда — строителя нового общества. Отсюда его частые обращения к людям из народа, особенно к молодежи, с призывом бороться с баями, учиться грамоте, поднимать культуру, овладевать техникой, честно трудиться во славу народа. И эту глубокую заинтересованность поэта в скорейшем обновлении жизни обычно рассматривают как «агитку». Да, это —«агитка». Но не голая и холодная риторическая дидактика, а пламенная, большевистски-страстная, поэтическая агитка». В упомянутом выше стихотворении «Из окна вагона» посвященном Саре Есовой как поздравление с новым 1927 годом, говоря об историческом смысле борьбы и труда своего поколения, поэт делает такое оптимистическое заключение:

Еще не прошло наше лето —
Ведь осень еще не прошла,
И жарко горящее сердце
Покрыть не посмела зола.

А если зима подберется,
Не будем пенять на судьбу,
Пусть волосы снегом осыплет,
Пусть лягут морщины на лбу.

И здесь горевать мы не станем,
Идет все своим чередом.
Не мучайся в горьких раздумьях,
Свой век мы не зря проживем!

(Перевод *С. Наровчатова*).

Здесь осознанная агитация — жить и работать, приближая светлое будущее.

В поэзии С. Сейфуллина звучат иногда и «личные» мотивы, но никогда не диссонируют они с гражданским голосом поэта-революционера. Пишет ли поэт о природе, любви и дружбе, пишет ли о своих раздумьях, он тесно увязывает их с общественными мотивами, с настроением человека, с его отношением к обществу, к жизни и быту. Поэт-реалист не закрывает глаза на неустроенность в жизни, на отрицательные явления. Наоборот, он проявляет нетерпимость к ним, бичует их. Этим и объясняются некоторые нотки горечи и грусти при виде еще отсталых условий быта казахской бедноты, сытой зажиточной жизни баев и нэпманов. Однако горечь и грусть не переходят у него в пессимизм, а перерастают в веру в счастье, в окончательную победу трудящихся над баями, в торжество счастливой жизни. Таковы, например, стихотворения «Осенью в степи», «Летом в степи», в которых горечь поэта по поводу неустройства жизни аульной бедноты сменяется бодрым призывом к классовой борьбе против недобитых остатков эксплуататоров в ауле. А в стихотворении «Вот бедный аул» поэтом овладевает радостное чувство в связи с советизацией аула. В ряде стихов этих лет —«Аул бедняка в трескучий мороз», «Думы молодухи», «В трескучий мороз в землянке Жумата»— выводится образ бедняка Жумата, которого поэт рисует с особой теплотой и симпатией, разделяет его горести и радости.

В философско-лирическом стихотворении «Таинственный ларец», написанном в 1926 году, С. Сейфуллин в удивительно звонких, отчеканенных стихах, в тонкой аллегорической форме рассказывает горькую правду о непостоянстве и неблагодарности некоторых так называемых «друзей» и вместе с тем воздает славу настоящей, искренней, неподдельной дружбе, в которую поэт безусловно верит. Фальшивых друзей поэт уподобляет курицам, которые «снуют, пока вы не в опале».

Их дружба — сущая безделица.
Друг проверяется на деле.
Друг с вами тайнами поделится
И ваши горести разделит.
Душа людская — клад бесценный,
Она — хранилище сокровищ,
Таинственных и сокровенных.
Ее лишь другу ты откроешь.

(Перевод *В. Виноградова*).

Некоторые критики в свое время усматривали в этом стихотворении неправильное обобщение относительно якобы изменчивости человеческой природы, с одной стороны, и недоступности для познания простым людям тайн «избранных душ»— с другой. Такой вывод никак не вытекал из замысла произведения. Доля правды имелась лишь в том, что идея непостоянства «друзей» художественно конкретизирована неточно и недостаточно, а это дало некоторое основание для упреков в нежелательном обобщении. Подобные неточности, дающие повод для ошибочных суждений, имели место и в таких стихотворениях, как «Сын Советов», «В мягком вагоне поезда», в которых действительно отразилось несколько подавленное настроение поэта в связи с отдельными проявлениями нэпа. Впоследствии сам С. Сейфуллин признал эти ошибки и преодолел их в своем творчестве.

Поэт-коммунист С. Сейфуллин чувствовал себя в ответе за все, что творится в мире. Он пристально следил за важнейшими международными событиями и чутко откликался на них. После неудачного стихотворения «Азия» поэт неоднократно обращался к международным темам и воспевал идею пролетарского интернационализма, лелея мечту о счастье и братстве народов, мира на земле. Таковы, например, стихотворения «Германским рабочим» и «Алтай». В первом поэт призывает германских рабочих к борьбе с капитализмом во имя свободы и счастья. Во втором — поэт рисует картину того времени, когда угнетенные народы колоний поднимутся на национально-освободительную борьбу и эту борьбу поддержит пролетарская революция на западе.

Из произведений эпического жанра на международную тему следует отметить поэму «Чжан Цзо-лин». Рассказывая о злодеяниях китайского генерала Чжан Цзолина, поэт создает типический образ гоминдановского генерала, жестокого и коварного предателя китайского народа, и вместе с тем верно и проникновенно рисует всю подноготную чанкайшистской камарильи.

* * *

С. Сейфуллин был новатором в литературе в полном смысле этого слова. Он выступил революционером в казахской поэзии. Сравнить его неповторимую деятель-

ность в этой области можно только с деятельностью Владимира Маяковского, сыгравшего в русской поэзии ту же роль, что С. Сейфуллин сыграл в казахской. Поэтому слова М. И. Калинина о том, что Маяковский «стремился слить с революционным народом не только содержание, но и форму своих произведений», можно целиком отнести и к Сакену Сейфуллину. И если на ранней политической лирике С. Сейфуллина сказалось влияние революционно-романтических песен М. Горького, то к середине двадцатых годов поэт начинает все больше испытывать на себе влияние поэзии В. Маяковского. Поэма «Советстан» и является одним из первых плодов этого благотворного влияния. С. Сейфуллин, как и В. Маяковский, понимает, что новые формы — не самоцель, что они вызваны новым социалистическим содержанием. Как певец советской эпохи он живо откликался на все новое и для выражения нового содержания, новой современной тематики неустанно искал новые средства и формы. И материал для них он находил в арсенале русской, западно-европейской и казахской народной поэзии. Новаторство С. Сейфуллина в отображении современной тематики базировалось на прочной народной основе.

Собиратель и любитель народного фольклора, поэт-революционер Сакен Сейфуллин постоянно обращался к сокровищнице народного творчества и черпал из нее не только сюжеты и мотивы, но и образы и сравнения, богатую словесную «фактуру», он имел чуткое ухо, верный, острый слух и умел вслушиваться в тайны народного языкотворчества. Он великолепно понимал, что живой, вечно обновляющийся язык создает народ, и непрестанно учился у него.

Примером такого плодотворного использования богатств народного фольклора могут служить замечательные лиро-эпические поэмы «Разлученные лебеди», «Песня о лашине» и «Кокше-тау», созданные на основе народных легенд и сказаний. Это подлинно поэтические произведения, в которых поется гимн благородству народа, лучшим человеческим деяниям, силе и чистоте любви, красоте природы.

Большая поэма «Кокше-тау» является этапным произведением не только в творчестве С. Сейфуллина, но и во всей казахской поэзии. Дело тут, конечно, не столько

в объеме произведения, сколько в его истинной народности и поэтичности, в силе любви, с какой воспел поэт Кокше-тау — этот чудесный уголок казахской земли.

Представьте группу зеркальных озер, среди которых красуется сказочная голубая гора Кокше-тау, отражая в прозрачных водах свои поросшие хвойным лесом скалы, Нет там ни одного утеса и скалы, ни одного заметного камня, ни одного озера, с которыми не была бы связана какая-либо легенда. Вот и создает С. Сейфуллин такую поэму, которая является по сути дела поэтической коллекцией народных легенд о волшебной горной жемчужине и хрустальных озерах, окруженных со всех сторон необъятным степным простором. Вот что написано об этом во вступительной части поэмы:

Кокше-тау легенды в народе живут,
И не только певцы о ней песни поют,
Даже звучные ветры, летящие с гор,
Шепот древних легенд и преданий несут.

Здесь седыми легендами дышит простор,
Здесь легенды звучат в гулких волнах озер.
Ты услышишь легенду из уст старика,
И юнец про нее же начнет разговор.

Не записан нигде этот песенный клад,
Им владеет народ, им он горд и богат,
И сокровище это певцы берегут,
Старики его в памяти сердца хранят.

(Перевод *Ю. Феоктистова*)

Легенды эти вошли в художественную структуру поэмы, они составляют одно композиционное целое.

Здесь легенды и о старой горе, названной «Жеке-батыром», и о славном «герое-великане», «охранявшем спящие скалы» и «уснувшем на страже», и о синей горе «Бурабай», получившей такое название от слова бура (двугорбый верблюд-самец), который некогда жил на Кокше-тау и каждый день спускался к озеру. Этот бура, гордый и неподступный, не дал людям заарканить себя и, очень дорожа своей свободой, ушел от людской погони, но он был вещим и «все беды чуял наперед», «всякий раз о том трубил тревожно», «предупреждая и будя народ». К несчастью, нашелся безжалостный и хищный сын Аблая Касым, который забавы ради направил свою

стрелу в грудь верблюда. Сраженный злым Касымом, бура превратился в синюю гору на берегу озера.

Обращаясь к богатой кладовой легенд о Кокше-тау, С. Сейфуллин создал подлинно народную поэму, пропитанную соками народного творчества, создал прекрасные поэтические образы. Он не увяз в легендах, а поднялся над ними и даже продолжил их своим рассказом об истории Кокше-тау, о его знаменитых людях — поэтах и певцах, борцах и героях, а также о сегодняшнем и завтрашнем днях этого прекрасного уголка нашей республики.

* * *

Как уже отмечалось, в первой половине двадцатых годов была введена новая экономическая политика. Оживились капиталистические элементы. Процесс советизации казахского аула шел гораздо медленнее, чем хотелось бы поэту-революционеру. С. Сейфуллин не понял сути этой политики, что в известной степени отразилось и в его творчестве.

Нэп был мудрой ленинской политикой, рассчитанной на создание экономической базы социализма, о которой Маяковский писал:

В восторге враги
заливаются воя,
Но так
лишь Ильич умел и мог.—
Он вдруг
повернул
колесо рулевое
Сразу
на двадцать румбов вбок.

И не все тогда сразу поняли эту ленинскую стратегию. Но такие значительные социально-политические мероприятия советской власти, как политика ограничения эксплуататорских элементов, подел посевных и сенокосных угодий, затем конфискация имущества крупных баев, проведенные в Казахстане во второй половине двадцатых годов, совершенно смыли осадок того настроения, под влиянием которого (правда, очень недолго) находился Сейфуллин. А начало развернутого социалистического строительства в стране, принятие и осуществление первой пятилетки, развитие тяжелой

индустрии, реконструкция сельского хозяйства, ликвидация кулачества как класса на основе сплошной коллективизации, развертывание культурной революции в конце двадцатых и начале тридцатых годов — все это вызвало новый творческий подъем у всех советских писателей. Особенно импонировало это духу и настроению корифея казахской советской литературы Сакена Сейфуллина. Поэту-революционеру, романтику, представляющему свою советскую родину — Советстан то экспрессом, то аэропланом в быстром безостановочном беге-полете, устремленном в светлое будущее — к коммунизму, бурный темп социалистического строительства дал новые силы, вдохновил, воодушевил его. И С. Сейфуллин создает в это время целый цикл стихов, объединенных в одной книге с характерным названием «Социалистан». Характерны также и названия стихотворений, вошедших в эту книгу: «На текстильной фабрике», «Песня маляров», «Песня каменщиков», «Новая песня в степи», «Тракторист», «В колхозе», «Золотая осень», «На весеннюю посевную».

Даже в названиях этих чувствуется героика великой стройки, а читая стихи, можно слышать в них стук колес, звук мотора или трактора, можно слышать песню человека, строителя новой жизни, овладевшего техникой и наукой. Своим героическим трудом он закладывает фундамент социализма, преображает степь, переделывает жизнь и вместе с тем переделывает свою природу. Поэт поет славу освобожденному труду.

О чем бы и о ком бы ни писал поэт в эти годы, неизменно предстает перед ним цельный образ социалистической родины, родины Октябрьской революции. Удивительно удачно находит он каждый раз путь для перехода от любой темы к этому любимому образу и наоборот, от любимого образа к любой теме, взятой из жизни, ибо для Сейфуллина нет темы, которая не была бы связана с родиной, с революцией. Гигантское строительство социализма, которое развернулось перед глазами поэта, понимается им как воплощение в жизнь великих идей социалистической революции, идей ленинизма.

Поэт-патриот С. Сейфуллин, для которого, как и для Маяковского, понятия родины, революции и коммунизма слились в одно целое, умел свое патриотическое чувство и советскую национальную гордость сочетать с чувством

глубочайшего уважения к народам других стран, по-братски сочувственно относился к их судьбе, присоединял свой поэтический голос к их борьбе против угнетателей. Стихотворения «В день Октября», «Рабочему классу в великом бою», «Представителям польского рабочего класса» выражают всю силу пролетарского интернационализма советских людей, их братскую солидарность с трудящимися других стран.

Настойчивые поиски новых поэтических средств, форм, размеров и интонаций для выражения нового революционного содержания были характерны для творчества С. Сейфуллина еще в двадцатые годы. Ярким выражением этой новаторской тенденции была, как известно, поэма «Советстан» и много других лирических произведений.

Три новых размера стиха создал С. Сейфуллин только за последние годы. Пусть не все они удачны. Но факт постоянного стремления совершенствовать форму и звучание стиха на основе потенциальных возможностей родного языка, а также творческой учебы у русских, восточных и европейских поэтов, был явлением, достойным поэта-революционера, новатора социалистического реализма.

Не произвольное желание, а факты заставляют признать сходство творческих принципов Сакена Сейфуллина с принципами великого поэта советской эпохи Владимира Маяковского. Особенно относится это к эпическому творчеству поэтов, и причем — к периоду создания поэм «Владимир Ильич Ленин» и «Хорошо».

Поэма «Советстан» была итогом творческого развития поэта в первые годы революции и советской власти. Поэма «Кокше-тау» подытоживала обращение поэта к народному творчеству и стремление использовать его богатства для развития поэзии социалистического реализма. Поэма же «Альбатрос», написанная в 1932 году, как бы подводит итог развитию поэзии С. Сейфуллина со времени написания в 1924 году скорбных стихов на смерть В. И. Ленина. Здесь и результат усилий поэта глубже и по-новому осмыслить образ великого вождя, впервые воспетого С. Сейфуллиным еще в поэме «Советстан», и результат его новаторских поисков на пути отображения новой социалистической действительности.

Так же, как и в поэме «Советстан», в поэме «Альбатрос» образ Ленина С. Сейфуллин рассматривает в нерасторжимом единстве с революцией, с партией, с борьбой народных масс за свободу и счастье. Точно так же рассматривал его В. Маяковский в своей поэме «Владимир Ильич Ленин».

С. Сейфуллин в «Альбатросе» не только повествует о событиях, но и обнаруживает свое отношение к ним, выступает как участник событий. Его голос, его интонация ощущаются в каждой главе, лирически окрашивают весь рассказ, всю поэму. Так, например, говоря о смерти любимого вождя, автор-поэт обращается к земле:

Нет!
Невозможно осознать!
Слез не стереть со щек.
Что ж ты, глухая планета-мать,
Кружишься все еще?
Что же не смогла ты повременить,
Бег свой остановить,
Чтоб не порвать одну только нить —
Жизнь его не оборвать?

В заключительной главе поэт восторженно рассказывает о том, как страна строит новую жизнь. Напоминает о капиталистическом окружении, об опасности. Выводит образ альбатроса, которому не страшны «ни бури, ни расстояния, ни преграды», и, обращаясь к читателю, своему современнику — строителю коммунизма, призывает он его с альбатросовым бесстрашием беречь и отстаивать великое дело Ленина.

Будь на земле, где ты рожден и рос,
Бесстрашен
Альбатросовым бесстрашьем,
И горд, и зорок.
Словно альбатрос!
Путь Ленина —
Ты по нему иди!

Интересно свидетельство русского поэта К. Алтайского, знавшего Сейфуллина и переводившего его:

«У Сакена Сейфуллина я заметил пристальное внимание ко всему, что относится к Ленину. Приехав в Москву в 1936 году, Сейфуллин посетил Ленинскую библиотеку и, попросив большую по объему «Лениниа-

ну», долго делал из нее выписки наименований книг о Ленине.

Однажды он сказал мне: «Книги русских поэтов, целиком посвященные Ленину, я, кажется, знаю. Назовите мне, пожалуйста, поэтов, у кого в книгах есть отдельные стихи о Ленине. Лучших, конечно».

Я назвал несколько имен: Есенин, Асеев, Инбер, Саянов...

Оказывается, Сейфуллин все это читал. Я назвал поэму «Улялаевщина» Ильи Сельвинского, где есть строфы о Ленине.

— Найдите мне эту книгу,— с живостью попросил Сейфуллин, и я подумал, что он снова вынашивает мысль написать о Ленине.

Потом Сейфуллин посетил музей В. И. Ленина, пробыл там долго, вернулся в гостиницу «Москва» взволнованным, и в тот вечер написал стихотворение в прозе «Ленин с нами». Я перевел это стихотворение, и оно появилось в «Литературной газете».

При расставании с Сейфуллиным я снова подумал, что он непременно напишет новое произведение о Ленине».

Последняя по счету поэма «Қызыл ат» («Красный конь») написана в 1933 году и посвящена исправлению последствий известных перегибов и ошибок, допущенных краевым руководством в сельском хозяйстве, особенно в кочевых аулах в первые годы коллективизации. Известно, что в результате указанных извращений линии партии, которые ловко использовали враги колхозного строя, был нанесен тяжелый урон животноводству Казахстана. В поэме «Қызыл ат», построенной на диалоге поэта — автора и Қызыл ата (красного коня, на котором воин-поэт скакал в пору гражданской войны), раскрывается через образ коня, доведенного до жалкого состояния, общее положение животноводства в колхозах, выясняются причины урона. Қызыл ат жалуется:

Не пощадили нас лжебельсенды,
Везде их преступные следы,
Наущенные баями собаки
Терзали, грызли нас на все лады.

Враги не пощадили верблюжат,
Ни дойных кобылиц, ни жеребят;

Скота сожрали сколько! А на сходках
О новых достижениях трубят[1].

Он считает, что в таком положении виновен и поэт, который в эти годы, увлекшись техникой, поездами, автомобилями, аэропланами, тракторами и комбайнами, прославлял их в своих песнях, оторвался от аула, забыл о своем друге — Кызыл ате, то есть о животноводстве. При этом делает существенную оговорку, заявляя, что он не против техники, что и он признает ее пользу и превосходство.

Не думай, я не против тракторов —
На этот счет мой взгляд вполне здоров,
Но ты не забывай о положенье
И лошадей колхозных, и коров...

Из взаимных признаний поэта и Кызыл ата видно, как партия смело и решительно ликвидировала создавшееся положение в ауле, и колхоз, окрепший, очищенный от врагов, организованно и с участием Кызыл ата провел большевистскую весну, положившую начало расцвету колхозной жизни.

Очень несложная, даже несколько примитивная по своей конструкции и художественному решению поэма «Кызыл ат» была в свое время очень острым по постановке вопроса, очень актуальным произведением. Она не только поднимала злободневную в Казахстане тему народно-хозяйственной жизни, но первая смело сказала правду о действительном положении дела в сельском хозяйстве республики 1930—1932 гг. и о роли партии в быстром преодолении извращений.

Большой поэт Сакен Сейфуллин был и крупным прозаиком, внесшим значительный вклад в развитие казахской советской прозы. Сейфуллин понимал, что становление советской казахской литературы немыслимо без создания монументальных прозаических произведений, знаменующих зрелость литературы. И как один из основоположников этой литературы отдал много времени, усилий и вдохновения прозе.

Интересно отметить, что казахский поэт-революционер не только свои революционно-романтические стихи, но и первый прозаический рассказ «Утешение» (1917) написал под влиянием великого основателя литературы

[1] Отрывки из поэмы «Кызыл ат» даны в переводе М. Львова.

социалистического реализма Алексея Максимовича Горького. Интересно также, что тема этого рассказа, как и пьеса «На путь счастья», написанной в том же году, затрагивала волнующий вопрос о судьбе угнетенной казахской девушки. Рассказ «Утешение» — это по сути дела небольшое стихотворение в прозе, лирическое обращение поэта к девушке Муслиме, попавшей в тяжелую беду. Терзаемая несчастьем, она плакала горькими слезами. Оказывается, она насильно продана дряхлому старику, разлучена с любимым человеком. Высказывая глубокое сострадание к положению девушки, поэт утешает ее тем, что вот уже восходит заря свободы и что с ней придет счастье ко всем девушкам и женщинам.

Судьба казахской девушки — тема первой повести писателя «Айша», написанной в 1922 году, а также рассказов «Дети степи», «Две встречи», написанных в 1923 году. Но этим первым прозаическим опытам писателя не хватало еще художественного совершенства. Вот почему С. Сейфуллин в 1935 году вернулся к своей повести «Айша» и существенно ее переработал. В переработанном виде повесть представляет одно из зрелых произведений писателя. В ней правдиво рассказывается о девушке Айше, которую родители продали за калым ненавистному старику-вдовцу. Единственная девушка среди братьев-батраков и рабочих, Айша показана красивой, умной, волевой. Она может постоять за свою честь и достоинство. Айша с помощью своих братьев и их товарищей убегает на прииски к рабочим. Яркими романтическими красками нарисовал писатель сильный характер девушки, ее неукротимую волю к сопротивлению, к борьбе и к победе над темными силами прошлого.

Сразу же после окончания гражданской войны С. Сейфуллин стал писать свою знаменитую книгу «Тернистый путь». Отдельные ее главы, написанные по живым следам событий, были впервые опубликованы в журнале «Кзыл Казахстан» в течение 1922—1925 годов. А уже в 1927 году вышла она в свет в виде **громадного** тома. Я подчеркиваю это слово потому, что история казахской литературы не знает издания книги такого объема. Но дело не только в объеме. Дело в том значении для всей казахской советской культуры, которое сыграла эта замечательная книга. С чем можно было бы сравнить это значение? Если взять его в рамках казах-

ской национальной литературы, то разве только с выходом в свет 1909 году первого сборника стихов Абая и с опубликованием повести Б. Майлина «Памятник Шуги» в 1915 году. Если же сравнить это значение с явлениями в русской литературе, то только с изданием книги «Мать» А. М. Горького. Конечно, не понимается это как знак равенства между двумя различными книгами. В. И. Ленин назвал роман «Мать» своевременной и очень нужной книгой. Очень своевременной и нужной оказалась для казахского читателя и книга «Тернистый путь».

Только что закончилась гражданская война. Буря Великой Октябрьской революции прошла всюду и подняла весь народ на борьбу за свободу, за счастье, а костры национально-освободительного восстания 1916 года пылали до того во всех уголках казахской степи. Все эти величайшие исторические события, разыгравшиеся на казахской земле за какие-нибудь три-четыре года, надо было осознать, осмыслить. Нужна была понятная, доступная массовому читателю книга.

В 1922 году, когда начали публиковаться отдельные главы книги Сейфуллина, не было еще ни истории, ни учебников, ни солидных художественных произведений, помогающих читателю глубоко и всесторонне познавать недавно отгремевшие исторические события. Даже в русской литературе не было еще ни «Года восемнадцатого» Алексея Толстого, ни «Тихого Дона» М. Шолохова, ни «Разгрома» А. Фадеева, ни «Жизни Клима Самгина» Горького, ни «Первых радостей» К. Федина,— вышли только книги-первенцы: «Железный поток» А. Серафимовича (1924), «Чапаев» Д. Фурманова (1923), «Бронепоезд» Вс. Иванова (1922).

Художественным произведением, воссоздающим действительность бурных лет в Казахстане, и явился «Тернистый путь» С. Сейфуллина — книга своеобразного синтетического жанра. Прав был Сабит Муканов, который еще в 1936 году в своем докладе на юбилее писателя говорил: «Тернистый путь» — это, с одной стороны, история, с другой стороны — учебник политграмоты и с третьей стороны — самое интересное, захватывающее читателя художественное произведение»[1]. Прав

[1] С. Муканов. Осу жолдарымыз. 178 б.

также исследователь Сакена Сейфуллина критик и литературовед С. Кирабаев, назвавший эту книгу «Летописью революционной борьбы».

Конечно, нельзя эти оценки понимать в буквальном смысле. Они лишь подчеркивают своеобразный жанровый, тематический и стилевой характер книги, которая как бы синтезирует в себе черты и свойства исторического, мемуарного и социально-политического романов. Как раз эту особенность книги С. Сейфуллина недоучитывают те товарищи, которые часто спорят относительно ее жанровой формы под углом зрения: роман или не роман, очерк или не очерк? Собственно, ничего необъяснимого здесь нет, если, тем более, обратиться к известным высказываниям В. Белинского о видах романа. Вот что он писал, например, об историческом романе: «Исторический роман как бы точка, в которой история, как наука, сливается с искусством; есть дополнение истории, ее другая сторона»[1]. С. Сейфуллин так и понимал свою задачу, когда в предисловии к первому изданию на казахском языке писал, что его «цель — как-то письменно запечатлеть следы исторических событий 1916—17—18 годов, тех великих революционных изменений, которые довелось лично видеть и знать». Писатель еще не ставил перед собой задачи воссоздать целую эпоху. Он стремился запечатлеть факты и явления недавних исторических событий, «которые довелось лично видеть и знать». Отсюда не только исторический, но и мемуарный характер книги. Белинский считал, что в мемуарах «важную роль играют очерки событий и лиц». Видимо, на этом основании некоторые литературоведы жанр книги С. Сейфуллина относят к очеркам. Но ведь Белинский говорил: «Если очерки живы, увлекательны,— значит они — не копии, не списки, всегда бледные, ничего не выражающие, а художественное воплощение лиц и событий». Раз так, то «мемуары, если они мастерски написаны, составляют как бы последнюю грань в области романа, замыкая ее собою»[2]. Так что, если согласиться с В. Белинским, что талантливо написанные мемуары — это и очерки, представляющие из себя «художественное воплощение лиц и событий», и роман, последнюю грань

[1] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. V, 1954, стр. 42.
[2] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. X, стр. 316.

которого они замыкают, то беспредметный спор о том, к какому жанру относится книга С. Сейфуллина, к очеркам или роману, сам собой снимается. «Тернистый путь» — историко-мемуарный роман. Это значит, что в этой книге речь идет о действительных исторических событиях, в которых автор сам участвовал или которые он сам лично и достоверно знал, речь идет о событиях, которые даются в художественном изложении в виде мемуаров. «В том-то и дело,— пишет там же Белинский,— что верное воспроизведение фактов невозможно при помощи одной эрудиции, а нужна еще фантазия. Исторические факты — не более как камни и кирпичи: только художник может воздвигнуть из этого материала изящное здание»[1].

«Тернистый путь» — не свод исторических фактов и сведений, а цельное произведение, то есть роман, в котором исторические события «переплетаются с судьбой частного человека». В нем слились действительность с вымыслом, эрудиция с фантазией.

Определение жанра произведения С. Сейфуллина как историко-мемуарного романа в чем-то может и не соответствовать этому названию. Ничего удивительного нет. Установленные термины не всегда исчерпывают понятие. На этот счет также можно сослаться на Белинского. Великий критик всегда предупреждал об условности жанровых форм и об отсутствии между ними «государственных границ».

Известный советский ученый, литературовед, проф. Д. Д. Благой, обративший наше внимание на эти высказывания В. Белинского, говоря о жанре книги «Былое и думы» А. И. Герцена, пишет: «Полностью обрел Герцен в «Былом и думах» и свой совсем особый литературно-художественный род...— тот род, который давал возможность вне всяких условий, литературных форм и приемов воспроизводить реальную жизнь во всей непосредственности, со всей непринужденностью, озаряя ее вместе с тем горячим поэтическим светом.

Сам Герцен определил свою писательскую манеру в «Былом и думах» словами: «Писать о чем-нибудь жизненном и без всякой формы», то есть вне той или

[1] В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. X, стр. 316.

иной традиционно сложившейся литературно-условной формы». Таким образом, по заключению Д. Благого: «В «Былом и думах» отсутствует единая жанровая форма, которая могла бы быть обозначена тем или иным существующим литературным термином. Но, как и сама жизнь, «Былое и думы» заключают в себе огромное богатство и сочетание самых различных жанровых форм».

В определенном смысле это же самое можно сказать и в отношении книги С. Сейфуллина «Тернистый путь». В самом деле нельзя ее со всеми присущими ей особенностями «вместить в единую жанровую форму и обозначить тем или иным существующим литературным термином». Поэтому мы только условно относим «Тернистый путь» к историко-мемуарному роману, так как эта форма больше, чем другие формы, подходит к характеру книги.

Как писатель-большевик, активный участник гражданской войны, переживший муки и пытки в вагоне смерти Колчака, С. Сейфуллин поднял в своей книге богатейший материал великих исторических событий. Богатству материала, документов и фактов, которыми располагал писатель, может завидовать целое научно-исследовательское или архивное учреждение. Приходится только удивляться, как один человек, действовавший лишь в одной из областей Казахстана и около года томившийся в тюрьмах и лагерях, оказался обладателем такого документального сокровища. А С. Сейфуллину, благодаря этому сокровищу, стала предельно ясной вся картина революции и гражданской войны в Казахстане, и писатель воссоздал эту картину в своем произведении со всей достоверностью и правдивостью. Коммунистическое мировоззрение писателя помогло ему не утонуть в море материала, а правильно оценить и осмыслить его, раскрыть закономерности событий, увидеть ведущие тенденции развития революции. На основе неопровержимых данных, фактов и доводов удалось писателю показать причины, побудившие родной народ к борьбе в 1916 году, в октябре 1917 года и в годы гражданской войны, а также окончательно разоблачить истинное лицо алашордынских предателей, очутившихся в лагере контрреволюции. Изображая на фоне борьбы типические образы представителей народа и его врагов, писатель сумел

создать, говоря словами автора «Былого и дум», «отражение истории в человеке».

А мемуарный характер романа заключается в том, что центральная стержневая часть произведения состоит из живого, волнующего рассказа, ведущегося от первого лица. Рассказу предшествует реалистическая картина быта казахского аула накануне восстания 1916 года. В ней обнажаются разительные противоречия дореволюционной социальной действительности казахского аула. Широко и правдиво описан процесс стихийного возникновения восстания во многих местах, верно и убедительно нарисован коллективный образ восставшего народа, выведены отвратительные образы карателей и предателей, волостных правителей, баев, мулл и алаш-ордынских главарей. Следует отметить, что вся эта картина эмоционально окрашена сердечным сочувствием и состраданием писателя к тяжелому положению аульных батраков и бедноты. Недостаток книги — отсутствие ярких образов вожаков народного восстания. Зато с большой силой показаны презренные типы карателей, насильников и взяточников.

Вероятнее всего, тут сказалась изумительная скромность Сейфуллина. Он сам и его читатели знали, что вожаки народного восстания, как и в последующие годы вожаки партизанского движения, были такими же, как сам Сейфуллин. Скромность сдерживала Сейфуллина рисовать этих людей батырами, ведь тем самым он поэтизировал бы и самого себя. Это соображение и приглушило краски его палитры.

Если в событиях 1916 года С. Сейфуллин выступает только как свидетель и сочувствующий наблюдатель, но выносит в душе глубокие впечатления от виденного и слышанного, то после свержения царя в феврале 1917 года он уже переезжает в Акмолинск и попадает в сложнейшую обстановку междувластия и двоевластия, демагогической шумихи и неразберихи, когда расплодились в городе всякие общества и организации, выходили всякие газеты и журналы. С. Сейфуллин в своем романе всесторонне воспроизводит эту обстановку и выступает как деятельный участник борьбы за свободу и демократические права своего народа. Здесь и обнаруживается чрезвычайно широкая осведомленность С. Сейфуллина в совершающихся событиях не только в Акмолинске, но

и во всех уголках Казахстана. Перед нами проходят десятки и сотни лиц, прямых и косвенных участников этих событий, представителей всех слоев общества. Создаются сложнейшие отношения этих людей, в которых не так-то легко разобраться. Документами, фактами, силой логики, а также силой художественной фантазии Сакен Сейфуллин проливает свет на эти отношения, на всю смутную обстановку того времени, и шаг за шагом начинает выясняться политическое лицо каждого участника событий и расстановка классовых сил. Еще больший накал принимает борьба после победы Октябрьской революции, когда образовались два противоположных лагеря — лагерь сторонников и лагерь противников социалистической революции. В этой не прекращавшейся ни на один день борьбе окончательно формировались и укреплялись политические взгляды людей, представлявших борющиеся классы.

С. Сейфуллин, как это известно и из его биографии, был одним из тех, кто с первых дней Октябрьской революции стал ее сознательным сторонником, защитником и борцом. В этой книге Сейфуллин выступает летописцем, но не бесстрастным, «добру и злу внимающим равнодушно», а страстным бойцом, живым участником того, о чем он повествует. В романе «Тернистый путь» мы видим истинную правду о борьбе за советскую власть сторонников революции, в числе которых С. Сейфуллин играет не последнюю роль. Писатель оперирует обильными документальными данными и, иллюстрируя свое повествование, приводит письма и телеграммы, статьи из газет, списки лиц, участвовавших на тех или иных съездах и собраниях. На первый взгляд такая документальная иллюстрация кажется чужеродным телом в организме художественного произведения, нарушением его художественной ткани. Но если учесть документально-исторический и мемуарный характер произведения, то такая «документация» оправдывается тем, что она представляет живой интерес для читателя, вводит его в конкретную атмосферу времени, создавая как бы ощущение наглядности и осязаемости. Кроме того, с помощью документов создается широкая картина социальной борьбы, которая развернулась во всем Казахстане, сложные переплетения этой борьбы. Участвовали в ней виднейшие революционные деятели казахского народа —

А. Жангильдин, А. Иманов, А. Майкотов, С. Шарипов, А. Айтиев, А. Асылбеков, А. Нурмаков, Мухамедкали Татимов, К. Сутюшев и другие. Невольно хочется сказать, что в этом списке лучших казахских революционеров стоит, сияя, и имя Сейфуллина. Конечно, без этой широкой картины, только в узких рамках мемуаров человека, действовавшего лишь в одном уезде, нельзя было бы составить впечатления о масштабе великого исторического события, осязать всю широту и глубину его социального фона.

Первый совдеп в Акмолинске, членом которого состоял С. Сейфуллин, был в тех краях пионером советской власти, воплотившим великую идею социалистической революции. Он стал осуществлять на деле лозунги большевистской партии и советского правительства. Вот почему с таким остервенением обрушилась против него объединенная сила контрреволюции. Свержением совдепа в Акмолинске и арестом его руководителей в июне 1918 года начинается новый этап повествования писателя. Рассказ его на время замыкается в застенках Колчака и алаш-орды, куда с группой совдеповцев попадает и Сакен Сейфуллин. Отныне в новом, более замкнутом русле следуют один за другим эпизоды, касающиеся жизни совдеповцев в заключении, невыносимые сцены пыток, издевательств, голода, которым подвергаются мужественные представители народа.

Описывая страшный и мучительный период пребывания в течение десяти месяцев в тюрьмах и лагерях, в этапах и адском вагоне смерти Анненкова, ярко и убедительно показал С. Сейфуллин героическую стойкость и выдержку людей, беззаветно преданных делу революции. Представители разных наций, выразители одних классовых интересов, эти люди символизировали своей сплоченностью и взаимной поддержкой великую дружбу народов, идею которой несла социалистическая революция. Дружба народов в книге не декларируется, а если угодно, исследуется, причем автор обнажает ее истоки, живописует, где и как она зарождается, как крепнет, в каком огне закаляется. Эту же тему писатель поднимал еще в пьесе «Красные соколы» (1922). Как и в пьесе «Красные соколы», С. Сейфуллин в своем романе не закрывает глаза и на отдельных маловеров, случайно оказавшихся в составе совдепа (Бочок, Петрокеев). Проводя

своих героев через испытания, писатель раскрывает их характеры. Незабываемы, например, образы Бакена Серикбаева, Жумабая Нуркина, Абдоллы Асылбекова, Авдеева и Кондратьевой.

В среде своих товарищей особо выделяется сам Сейфуллин. Он похож на товарищей как большевик, как стойкий солдат революции, а отличается от них, как поэт, особенностью своих поэтических восприятий. Ведя рассказ от своего лица, С. Сейфуллин имеет возможность эмоционально выразить свои восприятия то в виде монолога, то в виде раздумья, то в виде лирических отступлений. И природу, и людей, и явления окружающей жизни мы воспринимаем не только так, как их представляет нам писатель, а как он сам их воспринимает. А это, лирически окрашивая все повествование, позволяет вместе с тем заглянуть во внутренний мир самого рассказчика-поэта. Поэтому в таком монументальном эпическом произведении, как «Тернистый путь», автор выступает как бы в образе лирического героя, преломляющего в себе все окружающее и вносящего в свой эпос какую-то внутреннюю лирическую струю. Лирическая окрашенность книги делает ее достоверной, возводит ее в ранг драгоценного человеческого документа, где все верно, все выстрадано. Некоторые критики недостаточно чувствуют эту незримую силу, пронизывающую всю книгу, начиная от раздумья поэта об озере Аупильдек, на берегу которого некогда стояла убитая горем девушка, от изумительной песни Хабибы об этой девушке и кончая впечатлением поэта от рассказа Ашая о знаменитом кобызисте Иклясе. А рассказ о девушке, за которой наблюдал поэт в тюрьме, а психологическая картина ожидания расстрела в заключении, а описание городского сада, куда на время вывели из тюрьмы поэта, а образ благородной женщины Батимы, скрывшей поэта после побега из лагеря, а пейзажи лета и зимы, так ярко нарисованные художником, а песни, которыми выражал поэт свою тоску по свободе, и многое другое — разве все это не доказательство того, что лиризм составляет внутреннюю силу произведения С. Сейфуллина? Конечно, немало в книге описательства и иллюстративности, очерковости и публицистичности. Но эти недостатки не способны перечеркнуть основное в книге — правду жизни, верное изображение событий. Часть недостатков оправдана харак-

тером и особенностью книги, а часть (описательство, например) действительно является недостатком, но он определяет общий уровень казахской прозы, еще молодой, неопытной, не имевшей традиций.

К достоинствам романа следует отнести талантливое достоверное изображение отрицательных характеров. Немногими деталями и штрихами автор умеет выпукло нарисовать сатирический образ. Достаточно показать небольшой портрет, воспроизвести какое-нибудь слово или жест, запечатлеть одно только действие — и образ вылеплен. Таков, например, сатирический образ Нурмагамбета, крупнейшего бая, феодала, которого писатель сравнивает с каменным Буддой. Таков также образ волостного правителя Олжабая, мстительного карателя, жестоко расправлявшегося с повстанцами. В своеобразном облике феодала-узурпатора, тупого, невежественного самодура выведен образ волостного правителя в Уральске — Салыка.

Исключительно интересна сатирическая сцена в доме главы западной алаш-орды Жаханши Досмухамметова; в ней с убийственным сарказмом нарисован тип этого «интеллигентного» алаш-ордынского хана, так низко пресмыкавшегося перед служителями мусульманского культа, перед волостными правителями, а позднее перед Колчаком.

Книга Сейфуллина густо населена. Наряду с главными персонажами на страницах ее много эпизодических, второстепенных персонажей.

В книге проходит очень много лиц, выведенных как в положительном, так и в отрицательном плане. Хотя не выполняют они главных ролей в произведении, но несут определенную идейно-художественную нагрузку, дополняя или выясняя отдельные обстоятельства, характеры и образы. Вместе с тем они создают фон для главных героев, связывают их с внешним миром, с народом. Молодой Жанайдар Садвокасов и его товарищи, готовившие побег совдеповцев, мадьяр Хорват, сочувствующий заключенным, австрийский пленный солдат, устроивший побег С. Сейфуллина, умная, смелая, благородная женщина Батима и ее муж Мухан Айтпенов, укрывшие Сакена от преследования, женщина на вокзале и крестьяне деревни, оказавшие помощь заключенным хлебом, табаком, юный жигит из Бетпакдалы Суиндик, сопрово-

ждавший С. Сейфуллина в Аулие-Ату, и др. выражали сочувствие и поддержку деятелям советского строя.

Сакен Сейфуллин правдив в показе исторических лиц. Но прошло немало времени с момента написания книги, и жизнь внесла известные поправки в оценку их политической деятельности. Поэтому, естественно, могли быть у С. Сейфуллина отдельные неточности в характеристике того или иного исторического деятеля или персонажа, но это ни в какой степени не может снизить достоверности всего произведения.

Так, например, в книге содержится правильная для того времени оценка некоторых сторон деятельности известных поэтов и писателей: Султанмахмута Торайгырова, Сабита Донентаева и Мухтара Ауэзова. Эти писатели (особенно относится к последним двум) осознали моменты заблуждения и твердо встали на путь служения своим творчеством строительству социализма.

Вся книга в целом является зеркалом социалистической революции в Казахстане, замечательным историческим памятником борьбы за власть Советов. Этим только и объясняется колоссальный успех книги у массового читателя, широкая популярность в народе ее автора — незабвенного Сакена Сейфуллина.

Появившаяся позднее замечательная трилогия Муканова «Школа жизни» создана на почве, вспаханной Сейфуллиным, продолжает его традиции, написана с учетом частичных недостатков, содержавшихся в сейфуллинском труде.

«Тернистый путь» С. Сейфуллина, только условно обозначенный историко-мемуарным романом, является в то же время вполне современным произведением большого познавательного и воспитательного значения, произведением, которое в корне опровергает ошибочное утверждение о том, что гроза Октябрьской социалистической революции якобы прошла стороной в Казахстане,

Перевод романа С. Сейфуллина на русский язык впервые осуществляется только теперь, если не считать перевода одной главы этой книги при жизни писателя. Перевод выполнен переводчиком поэмы «Қызыл ат» и автором повести о Сакене Сейфуллине Сайдилем Талжановым совместно с русским писателем Казахстана Иваном Щеголихиным.

После опубликования своей большой историко-революционной мемуарно-публицистической и художественной книги «Тернистый путь» Сакен Сейфуллин приступает к работе над первой повестью о рабочем классе, названной «Землекопы», и заканчивает ее в 1928 году.

В повести автор выводит группу казахских рабочих: Бузаубака, Хасена, Калкена, Сатая, Азимхана, занятых на строительстве железной дороги в Центральном Казахстане. Это вчерашние батраки и бедняки, пришедшие сюда из аула. Часть из них до революции работала в шахтах у иностранных концессионеров. А теперь, в советское время, они пришли на строительство и здесь составили одно дружное звено. Здесь, как и в других произведениях Сейфуллина, сказалось его чувство историзма. Он очень верно определяет обстановку, создавшуюся на данном историческом отрезке, и задним числом не «подправляет» истории, не приукрашивает действительности.

Писатель реалистически показывает неустроенность и примитивные условия быта этих рабочих, но вместе с тем в романтически-возвышенном ключе рисует их свободный, радостный труд и противопоставляет его подневольному труду у капиталистов. Художник социалистического реализма, он понимает временный преходящий характер трудностей быта и в горячей инициативе рабочих, в их восторженном отношении к труду он видит радостную, счастливую перспективу.

С. Сейфуллин не только поэтизирует труд рабочих в советское время, но и поднимает новую морально-этическую проблему в рабочем коллективе. У Бузаубака, честного, добродушного человека, труженика,— молодая жена Гулия, преданная своему мужу, но не любящая его. Она в первое время терпит ревность грубоватого мужа, патриархальное отношение к ней. Наконец она уходит. Гулия любит Азимхана, одного из товарищей мужа, который также ее любит. Но он не смеет на ней жениться, потому что, как ему кажется, неудобно перед товарищем.

Показ молодой казахской женщины, которая благодаря предоставленной советским законом свободе, сумела самостоятельно и смело решить свою судьбу по ве-

лению сердца, является для того времени новым решительным шагом вперед в деле разработки в литературе темы освобожденной женщины.

Продолжая писать все новые и новые поэтические произведения, С. Сейфуллин не прекращал свою работу над прозой до последних дней жизни. На страницах литературного журнала опубликованы главы из неоконченных романов, рассказы и повести. Стоит особо отметить законченную киноповесть «Плоды», написанную в 1935 году. Повесть была удостоена премии конкурса на лучшие произведения в связи с 15-летием Советского Казахстана. В ней писатель показал расцвет новой жизни. Октябрьская социалистическая революция, давшая свободу казахскому народу, великая борьба трудящихся за новый строй принесли свои плоды. Новое поколение советских людей строит социализм в непримиримой борьбе со всем тем, что мешает этому строительству.

«Плоды» можно назвать публицистической киноповестью. Сейфуллин всю свою сознательную жизнь много сил и времени отдавал публицистике и был для своего времени блестящим публицистом. На его публицистических трудах воспитывались целые поколения казахских журналистов.

Не вдаваясь в анализ этого своеобразного произведения последнего периода творчества писателя, хочется указать на одну отличительную его особенность. Один из главных ее героев Нияз выступает в повести вначале с активной поддержкой революции и борется на стороне советской власти. Но по недоразумению он попадает в отряд бандитов, пребывает там некоторое время и только впоследствии видит свое заблуждение, возвращается и плодотворно трудится на советском производстве. Такой путь героя в повести художественно вполне оправдан. Обычно для казахской литературы того времени было характерно прямолинейное изображение человеческих образов. А Сейфуллин, показывая противоречивый путь героя, сделал один из первых шагов к созданию сложных психологических характеров.

Таким образом С. Сейфуллин был новатором не только в поэзии и драматургии, но и в области художественной прозы. Его рассказы, повести и романы подняли в литературе целинные нетронутые темы. Вслед за ним дружное развитие прозы Б. Майлина, С. Муканова,

М. Ауэзова, И. Джансугурова, Г. Мусрепова и Г. Мустафина утвердило принципы социалистического реализма в казахской прозе.

* * *

Деятельность Сакена Сейфуллина была прервана в расцвете сил и творчества. Путь, который он прошел в жизни и литературе, исключительно интересен, неповторим. Он — живой пример борьбы за коммунизм. А творчество, созданное разносторонним дарованием. С. Сейфуллина как поэта, драматурга, прозаика, критика, публициста, ученого, историка и педагога, бесценно. Это не реликвия, а живой источник познания, вдохновения и эстетического наслаждения.

Когда мы произносим имя Сакена Сейфуллина, перед нами встает благородный образ учителя жизни. Он был таковым в прямом и широком смысле этого слова. Мы учились на его личном примере, по его произведениям, по его лекциям и беседам. Они представляют собой подлинный учебник жизни, учебник стойкости и принципиальности в борьбе, коммунистической партийности и народности в творчестве.

Легендарный борец-революционер, верный сын народа, писатель большого многогранного таланта, человек кристальной чистоты, Сакен Сейфуллин пользуется огромной известностью, любовью и уважением в народе. Его имя овеяно заслуженной славой. Она идет дальше пределов республики. Вот что пишет о Сакене Сейфуллине известная русская писательница Галина Серебрякова: «Я уже знала от Фадеева, что стихи Сакен писал с ранней юности и был широко известен на родине. С первых дней Октябрьской революции он посвятил ей свою лиру. Сейфуллин был не только талантливый писатель, но и человек большой души, честного сердца, настоящий ленинец»[1].

Далеко не полный обзор творческого пути С. Сейфуллина хочется закончить замечательной поэтической характеристикой, которую дал его личности и творчеству классик казахской литературы покойный Мухтар Ауэзов в 1936 году в связи с двадцатилетием литературной дея-

[1] Галина Серебрякова. Странствия по минувшим годам. М., 1963, стр. 67.

тельности писателя: «На всех поэтических перевалах Сакена, с каждой высоты неизменно звучали гордые звуки слов, постоянно обращаясь к прошлой истории народа, к сегодняшнему пробужденному классу своему, ко всем угнетенным трудящимся, и твердили: «Я — не кляча, а тулпар, я — не лунь, а сокол». Одним из больших этапов мощного раската этих гордых звуков является «Альбатрос». Вот он, бесстрашный альбатрос, гордо летящий навстречу грозовой буре своей эпохи, разбивая снег своими стальными крыльями. «Сокол»— второе имя «Тулпара». Это — СССР. СССР — гордо выстаивающий в бурях. Сакен — горд. Но гордится он не сам по себе, не своей личностью, а классом, родиной своей. Он гордится их величайшими деяниями, верой в будущее и устремленностью в светлые дали, могучим взмахом своих всепреодолевающих крыльев. И сегодня, когда его народ, вчера еще отсталый, слабый, достиг счастья и возрожден, Сакен, воспевая это счастье и возрождение, воодушевляет и вдохновляет его на новые успехи и победы».

К этой характеристике, данной лучшим писателем Казахстана, лауреатом Ленинской премии, нечего прибавить.

Имя Сакена Сейфуллина не умрет в памяти казахского народа, в памяти народов СССР.

Вечная ему слава!

ОТ АВТОРА

Начало этого повествования было опубликовано в журнале «Кзыл Казахстан». Собранные воедино разрозненные главы впервые выпускаются отдельной книгой. Время требует ее неотлагательного издания, может быть, поэтому в книге заметны следы торопливости и непоследовательности изложения. Отчеканивать каждую фразу, исправлять мелкие недочеты у автора не было досуга... Основная задача автора заключалась в том, чтобы оставить грядущему поколению живое свидетельство бурных исторических событий, развернувшихся в Казахстане в 1916—1919 годах, свидетелем и непосредственным участником которых был я сам.

Здесь упоминаются многие люди. Повествуя об историческом движении, нельзя опускать имен борцов правых и неправых. Слов из песни не выкинешь. Не было у меня ни малейшего желания и тем более права незаслуженно восхвалять одних и чернить других. На разных этапах сложной революционной борьбы было немало колебаний, противоречивых действий и устремлений борющихся сил. Разобраться во всем — дело истории.

Группа акмолинских казахов под руководством российских большевиков приняла участие в революционном преобразовании родного края, боролась против врагов всех мастей и калибров, особенно против своего местного врага — алаш-орды.

В этой книге немало говорится об алаш-орде. Подробно характеризуя деятельность этой партии, я имел единственное намерение оставить в печати исторически неопровержимые фактические сведения о ней.

В свое время алаш-орда выступала против Октябрьской революции. В наши дни многие бывшие буржуазные националисты осознали свои ошибки, поняли великое прогрессивное значение советской власти, и некоторые из них вступили в ряды большевистской партии.

Книга названа «Тернистый путь» в соответствии с главами, опубликованными в журнале «Қзыл Қазахстан». Временами мне хотелось переиначить название на «Великое преобразование», «Великий брод», «Неприступный перевал», но поскольку в рукописи излагаются помимо общественных событий и личные переживания автора, я предпочел данное заглавие всем другим. В нем, как мне кажется, передается художественное осмысление обстановки того времени.

Некоторые сведения взяты мною из газет. К сожалению, у меня не оказалось под рукой некоторых необходимых номеров издаваемых в те дни газет: «Бирлик туи»—«Знамя единения», «Жас азамат»—«Молодой гражданин», «Уш жуз»—«Три сотни» и «Тиршилик»—«Жизнь». Но тем не менее я надеюсь, что в основе своей эта книга послужит важным материалом для изучения развития революционного самосознания у казахского народа, пробужденного Октябрем.

Сакен.

17 апреля 1926 года
Қзыл-Орда

НАКАНУНЕ

В мае 1916 года я окончил омскую учительскую семинарию и приехал в Акмолинск. Здесь я получил назначение в Буглинскую волость Акмолинского уезда учителем аульной школы на берегу Нуры. Школа должна была открыться осенью. Поскольку до начала занятий оставалось три месяца, я решил принять участие в сельскохозяйственной переписи, проводимой тем летом по всей России.

Население Акмолинского уезда было условно разделено на две части — северную и южную, и соответственно с этим делением были созданы две комиссии по переписи. Южную возглавил Асылбек Сеитов, только что окончивший Томский университет, а руководителем северной комиссии назначили меня. Мне с тремя помощниками предстояло произвести перепись в двенадцати волостях.

Было начало лета. Мы выехали в степь. Верстах в тридцати пяти от Акмолинска сделали первую остановку в ауле, раскинувшем свои юрты в долине реки Ишима. Пригласив волостного и старшин, мы объяснили им цель нашего приезда, попросили собрать жителей и начали, согласно инструкции, переписывать население, учитывать поголовье скота, записывать размеры пахотных земель, перечислять имеющийся у каждого сельскохозяйственный инвентарь. Собрав необходимые сведения, мы двинулись по течению Ишима в другую волость. Постепенно перемещаясь из аула в аул, из волости в волость, мы добрались до Аксираккульской волости (по названию

озера Аксираккуль — Белая голень), граничащей с Атбасарским уездом. Почти все аулы в это время находились на летовке возле урочища Шубыра, поэтому вместе с волостным управителем, старшинами, писарями и почтальонами мы отправились туда же.

НА ШУБЫРЕ

Шубыра — это заболоченная местность с пышной растительностью. Здесь сгрудились невысокие холмы, у подножия которых, в низине, сочно зеленеют болотистые луга. На Шубыре нет леса, не видно горной гряды и высоких сопок. Здесь пробегает небольшая речушка, и возле нее теснятся аулы. Склоны холмов, болотистые низины и луга — все покрыто разнотравьем, словно устлано большими коврами с причудливым узором.

Начало лета — цветущая пора, напоенная ароматом лугов. Нам поставили юрту в некотором отдалении от речушки, где посуше. Рядом с нами в отдельной юрте расположились волостной управитель, старшина и писарь. Юрты стояли на пышной, густой траве, но тем не менее в знак особого уважения к приехавшим нам расстелили ковры и посредине поставили круглый низенький столик.

Мы с удовольствием разместились в юрте, убранной со вкусом и старанием, разложили бумаги и приступили к своему непосредственному занятию.

На тысячу верст из конца в конец раскинулись двенадцать волостей. Заметно было, что здешний народ живет богато, в достатке, а кто богат, того не грызут заботы, тот не прочь попить кумыса сверх нормы, вдоволь поспать. С утра до позднего вечера бродят мужчины под легким хмелем, кое-как, наспех одетые, охотятся по аулам за кумысом и девушками.

Немало скучающих бездельников толпится у нашей юрты, глазеют, как идет перепись. Другие ищут случая поухаживать за девушкой, резвятся, словно упитанные бычки, заводят веселые игрища, изощряются в шутках и насмешках друг над другом, в краснобайстве. Немало среди них отменных певцов и домбристов. Дерут глотку почем зря, смеются зычно, на всю округу, одним словом, убивают время, как могут.

Волостные управители, старшины, третейские судьи — все словно на одну колодку — беззаботные, сладострастные баи. Посмотришь на них, когда они соберутся вместе, понаблюдаешь со стороны, так и кажется, что эти раскормленные бугаи вот-вот начнут беситься от жира.

И только прислуги и чабаны, черные, как смоль, от палящего солнца, с каплями пота на лбу, не зная отдыха, тянут свою лямку. Изнемогая на солнцепеке от зноя и жажды, стерегут они байские стада на выпасах. Тщетно пытаясь спастись от оводов, они вынуждены усмирять и доить буйных, полудиких кобылиц. Несчастные батраки, с обветренными лицами и потрескавшимися от жары губами, весь день собирают кизяк, чтобы развести костер и вовремя приготовить еду своему хозяину. Бесправные люди, им не дано пожинать плоды своей тяжелой работы...

Следует сказать, что перепись шла не гладко, создавались определенные затруднения, потому что казахи обычно скрывают количество скота, и мало находится простаков, которые давали бы точные сведения.

Вскоре мы окончили перепись на Шубыре. Полагалось отправиться на следующий пункт. Дорога ожидалась дальняя, и нам, откровенно говоря, не хотелось покидать гостеприимную Шубыру. А тут, кстати, волостной управитель, писарь и старшина начали уговаривать нас погостить на Шубыре еще денька два-три. Мы охотно согласились. Нас манил приятный терпкий запах кумыса из черной сабы[1], вкусное мясо молодого ягненка, чистый воздух зеленых лугов и, наконец, теплота и радушие здешних людей.

Время перевалило за полдень. Жара смягчилась, пошла на убыль, шелковистый ветерок приятно ласкал лица. Земля и небо как бы слились воедино, все вокруг утопало в зелени. Наступала предвечерняя тишина. Словно в оцепенении, утих многоголосый аул.

Я поднялся верхом на ближайший холм и огляделся вокруг. Я увидел мирную картину, тучные стада и поодаль аулы с юртами, поставленными, согласно обычаю, в полукруг...

---

[1] Саба — мешок из конской кожи, в котором приготовляется и держится кумыс. (Здесь и далее примечания переводчиков).

Под вечер мы втроем выехали из аула на конях, чтобы отдохнуть, развеяться от дневных забот. Кони под нами резвые, и потому настроение у нас приподнятое. Мы объезжаем заболоченные густозеленые места, взбираемся на сопки. Пустив коней галопом в сторону заходящего солнца, мы доскакали до границы между Акмолинским и Атбасарским уездами и поднялись на одну из сопок. Кони грызут удила, бьют копытами, порываются вперед. И здесь, насколько хватает глаз, низины и склоны холмов покрыты густой зеленью. Не земля, а зеленое море. Солнце, как слиток золота, клонится к закату. Призрачная даль колышется, переливается разными оттенками. Дуновение вечернего ветра слегка колеблет степные травы. Горизонт слился с небом, словно крепко обнявшись. И вдали на заходе, в стороне Атбасара, едва виднеются два смежных озера. Темнеет на них прибрежный камыш в набегающем вечернем тумане.

— Что это за озера, как они называются? — спросил я своего спутника, здешнего уроженца.

— Это Аупильдек и Ала-коль,— ответил он.

— Неужели это то самое озеро, о котором сложена знаменитая песня «Аупильдек»?

— Оно самое. А песню о несчастной девушке сочинили здесь, в ауле, который стоит на дальнем берегу и отсюда не виден.

Я не раз слышал песню об озере Аупильдек и о юной девушке, сестре некоего Сыздыка. Девушки, по слухам, уже нет в живых.

— Да, не выдержала, несчастная, умерла от непосильного горя.

Мы долго, пристально всматривались в далекие озера.

«Разлучена с любимым, продана за калым в жены нежеланному...»— грустно думал я.

Я вижу перед собой ее глаза, полные слез. Мне чудится, как она бежит из ненавистного аула, куда ее продали за скотину. Вижу, как светлой тенью блуждает она в темноте возле озера Аупильдек...

Молчит звездное небо. Хранит тревожную тишину земля. Безлюдно. И только чуть колышется серебристое озеро. На его берегу плачет одинокая девушка. Не слышат ее ни земля, ни небо, не внемлют травы ее горемыч-

ным слезам. Только тихо шелестит, шепчет ласковый озерный камыш, будто утешает, будто разделяет скорбь. И озерные птицы вторят ей печальными голосами. Плачут птицы. Плачет девушка...

Камыши твои, озеро Аупильдек,
Вдруг под ветром
расходятся в разные стороны.
Я сижу и грущу.
Я простой человек,
И душой
за вершинами горными.
Только б крылья иметь...
Только б под облака.
И к тебе
прикоснуться несмело.
У судьбы моей
руки нелегки.
Посмотри!
Я к тебе прилетела!
Всюду снег.
Аупильдека молчат камыши.
Ну давно ли
училась я в школе?
Ты откликнись на зов
моей гордой души
И меня уведи
из неволи.
Мне шестнадцать...
А озеро Аупильдек
Неподвижно под снегом
застыло.
Ты судьбою мне дан,
мой хороший, навек.
Без тебя больше жить
я не в силах.
...Глухо, горько поет
Аупильдек под водой,
Тяжело и ему
почему-то.
Словно тронут, как все,
лебединой бедой
И кричит в глубине
много суток.
И несется
тоскливый крик птицы опять,
Разбиваясь
о дальние скалы.
Словно криком суметь можно
воды поднять,
Чтобы озера
больше не стало.

Но безжалостно
озеро Аупильдек,
И несчастным оно
не поможет вовек.

Одна за другой грустной вереницей прошли перед моими глазами картины ее безрадостной жизни в чужом ауле. Молча глядя на озеро, мы постояли несколько минут и повернули коней обратно...

За время нашего отсутствия жигиты соседнего аула сговорились устроить вечеринку. Заправилами оказались сам старшина, писарь волостного управления Байсеит[1] и несколько других расторопных молодцов.

На вечеринку пригласили и нас четверых. Мы — это два татарина, один русский и я. Галимжан — молодой учитель татарской школы в Акмолинске, Нургаин — учитель. В тот вечер у Нургаина болели зубы, и ему было не до веселья, так же, как и пожилому русскому из нашей компании Михаилу. Поэтому на вечеринку пошли мы вдвоем с Галимжаном.

Издалека видна белоснежная праздничная юрта. Внутри она устлана коврами, нарядно убрана. В юрте полно молодежи. Едва мы с Байсеитом, Галимжаном и пятью сопровождающими нас жигитами вошли в юрту, как нас сразу же любезно усадили на почетное место. Сидящие образовали полукруг. Напротив нас заняли места старшина — он же ақын, и несколько жигитов, устроителей вечера. Через некоторое время в юрте появился волостной управитель в сопровождении пяти-шести ақсақалов, которых усадили церемонно, с почетом. Они сидели особняком, в то время как молодежь устраивалась где попало, парни, конечно, поближе к девушкам. Между Галимжаном и Байсеитом, между Байсеитом и мной, по обычаю, сидели девушки. Подали кумыс. Одни еще не насладились вдоволь кумысом, а другие, наиболее ретивые, уже затеяли шумную игру. Девушки и молодицы одеты нарядно, иные роскошно. Монеты в косах звенят при каждом движении, на запястьях серебряные браслеты. Шелковые платья мягко шелестят, как будто слышится шорох молодого тростника. Девушки отзывчивы на шутку жигита, но держатся с достоинством. В двух-трех

[1] У казахов прежде фамилия и тем более отчество в обиходе употреблялись чрезвычайно редко, имели значение только имена.

местах в юрте неярко горят свечи. Несколько сорванцов самовольно пробрались в юрту, начали было резвиться наравне со старшими, но их быстро выпроводили. От кумыса кое-кто уже заметно захмелел. Старшина акын взял домбру и стал наигрывать быструю, стремительную мелодию, щелкая пальцами по струнам. Приятно в такую минуту утолить жажду целебным и вкусным, чуть желтоватым на вид кумысом.

Представьте себе начало лета, теплый, бархатисто-мягкий вечер, нарядную, в коврах и узорных кошмах, увешанную легкими шторами юрту. Перед вами, взволнованные вниманием жигитов, сидят юные красавицы Сары-Арки. Как тут не опьянеть, как не растаять сердцу перед такой обворожительной картиной! Одна игра сменяется другой, более интересной, и каждая завершается непременным условием: спеть песню. Домбра переходит из рук в руки.

Поют жигиты один лучше другого, поют девушки. В переливах мелодии слышатся задорные намеки, в словах песни волнующий тайный смысл.

Подошел черед выполнить условие девушке, задумчиво сидевшей между мной и Байсеитом. Она совсем юная, лет шестнадцати, не больше, черноглазая и черноволосая. Я невольно обратил внимание, что как только подошла ее очередь, все в юрте замерли. Один из распорядителей вечера настоятельно попросил:

— Пусть Хабиба споет под домбру.

— Другие девушки пели без сопровождения,— заметил я.

— Хабиба всегда поет с домброй!

И вот домбра в руках девушки. Я предупредительно отодвинулся, чтобы не мешать певунье.

— Вы не стесняйтесь, пожалуйста,— сказала мне Хабиба с улыбкой.

— Начинай, Хабиба!— послышалось со всех сторон.— Гости ждут.

Хабиба настроила домбру по-своему, и ее тонкие, гибкие, как тростник, пальцы замелькали, забегали по ладам, а пальцы правой руки начали легко и звучно ударять по струнам, будто золотой горох посыпался на серебряное блюдце.

Хабиба запела. Взгляды присутствующих неотрывно и восхищенно следили за каждым ее движением.

— О голубушка! — слышались взволнованные восклицания аксакалов, сидевших рядом с волостным управителем.

Девушка напоминала жаворонка, который в звенящем пении, в прихотливой, ласкающей душу мелодии машет и машет невидимыми крыльями и летит в глубину поднебесья. Вот он словно застыл на мгновение и вдруг молнией срывается вниз, вихрем кружится и с переливчатым звоном падает до самой земли. Здесь ему как будто становится тесно, словно нет простора, и голос снова взмывает в небесную голубизну, высоко-высоко, и поет уже как будто не один, а перекликаясь с пением других птиц, поет то скорбно, то радостно, протяжно, пленительно.

Звучит мелодия за мелодией, широко, бесконечно, словно на яркий шелк ложится жемчужина за жемчужиной... Поет тысячеголосый жаворонок. Слушаешь его и думаешь, что песня приносит наслаждение не только тебе, но и всей вселенной, ласкает, баюкает все живое на земле и в небе...

Голос Хабибы жаворонком спустился вниз и оборвался. Слушатели еще молчали некоторое время, не спуская с нее глаз. Неторопливым движением девушка передала домбру сидевшему напротив жигиту, но вокруг зашумели: «Спой еще, Хабиба, просим!» Девушка не противилась, спела еще несколько мелодий.

После пения Хабибы других уже не хотелось слушать. Вновь начались игры. Татарин Галимжан, оказывается, еще не видел таких забавных казахских игр и почти не слышал наших песен. А вокруг играли в «Орамал тастамак», «Бугибай», «Мыршим»[1].

---

[1] Народные игры. «Орамал тастамак»— бросание платка. Играющий держит кольцо во рту и бросает платок, кому пожелает (парень девушке и наоборот). Тот, кому брошен платок, должен взять кольцо в рот и в свою очередь бросить платок следующему избраннику.

«Бугибай»— играющие стоят вокруг, держась за руки, и поют. Двое ведующих в центре вызывают на круг парня и девушку (обычно влюбленных или «заподозренных») и предлагают им выполнять какое-либо задание, обычно остроумное, либо просто спеть, сплясать.

«Мыршим»— один из играющих прячет кольцо в рот. Ведущий наугад требует произнести слово «мыршим». Скрывающий кольцо должен произнести его без запинки и не картавя. Обманутый ведущий должен выполнять какое-нибудь задание играющих и продолжать поиски кольца.

Утихомирились и начали расходиться под утро. Перед расставанием я попросил Хабибу еще раз спеть «Аупильдек» и она выполнила мою просьбу.

Мы пошли к своей юрте пешком. По дороге Галимжан долго восторгался:

— Ну, Сакен, по-настоящему я увидел казахов только сегодня! До меня впервые дошло очарование ваших песен! Ей-богу, я начал жалеть, что не родился казахом, или хотя бы не рос среди вас. Не будь я женатым, клянусь аллахом, сбежал бы из города в казахский аул!..

Галимжан долго еще изливал свои восторги, пока не улегся в постель. Да и сам я долго не мог избавиться от впечатления, которое произвело на меня пение Хабибы. Ее очаровательный голос, можно сказать, заворожил меня. Я видел перед собой шелестящие прибрежные заросли, видел серебристую гладь сказочного озера и лебединое гнездо в дремучих камышах на его середине. Вкрадчиво шепчет камыш, слышится печальная песня лебедя, похожая на звук свирели. Время от времени легкая рябь пробежит по зеркальной воде, словно кто-то неведомый рассыплет по озеру снежно-белый бисер. Гогочут гуси, разноголосо крякают утки, и до человеческого слуха помимо птичьего гомона доносятся какие-то глухие странные вздохи воды, прерывистые и страдальческие. Это стонет в мрачной глубине озера птица аупильдек. Птицу словно душит вода, и птица глухо стонет от ее холодной тяжести: «Ауп! А-у-у-п-п! А-а-у-у-у!...»

Придавленная непомерной тяжестью птица безнадежно пытается подняться, встрепенуться. Голос ее звучит сдавленно и жутко, берет за душу, наводит тоску и уныние. Слушаешь — и тебе мерещится, чудится, будто где-то рядом стонет, глотая слезы, всеми покинутая одинокая женщина. Ее горестные вздохи сливаются с песней лебедя, перекликаются с невидимой птицей.

Злое озеро,
тайну свою расскажи.
Ты жестоко для всех —
не иначе.
Как печально шумят
над тобой камыши.
Гордый лебедь
в гнезде своем плачет.

Медленно прошли перед моими глазами слова горемычной песни, а мелодия ее звучала в моем сердце, и в мою голову пришли иные слова, и мне страстно захотелось поделиться ими со всеми:

Разве лебедь способен,
как люди, рыдать?
Кто красавца заставил
от горя страдать?
Может, плачет,
птенцам доставляя обед,
(Крик обиды,
поймут только люди),
Иль подругу зовет,
а ее нет и нет,
И, пожалуй, с ним рядом
не будет.

ЧУЧЕЛО

Мы расстались с Шубырой. Впереди был далекий путь. То рысью, то галопом, пересаживаясь время от времени на запасных лошадей, мчались мы с утра до вечера и только лишь на следующий день добрались в назначенное место.

Теперь предстояло заняться переписью в трех волостях: Моншакты, Қарабулак и Қзылтопырак.

Мы приблизились қ аулу известного в этих местах Нурмагамбета Сагнаева, прозванного в народе Паном, что значит надменный, высокомерный.

Дорогой я поинтересовался у сопровождающего, за что Пан получил от царя награду. И услышал в ответ следующее. Как-то раз царский наследник, путешествуя, прибыл в Омск. По такому случаю здесь был устроен неслыханный пир, на который съехалась степная знать со всей округи — именитые баи, высокопоставленные мырзы, волостные управители. В Омск, желая собственными глазами увидеть наследника, прибыла знать из Акмолинска, Атбасара, Қокчетава, Петропавловска, Қаркаралинска, Павлодара, Баян-Аула и других мест. Чтобы отличиться друг перед другом, каждый вез с собой юрты, роскошное убранство, каждый старался своим богатством, пышностью затмить других. Пан Нурмагамбет превзошел всех. Он сумел привлечь особое внимание наследника тем, что среди роскошных юрт соперников поставил свою, укра-

шенную золотыми узорами. Наследник удостоил своим посещением золоченую юрту и пил в ней кумыс из черной сабы, помешивая его серебряной мешалкой, украшенной драгоценными камнями. Помимо всего прочего Нурмагамбет пригнал на торжество три косяка молодых, разной масти, кобылиц. Наследник очень увлекался лошадьми, и угодливый Нурмагамбет подарил ему все три косяка с золоченой юртой в придачу. Долг, как говорится, платежом красен. Наследник наградил Пана серебряной медалью.

...Когда мы въехали в аул Нурмагамбета, невыносимо пекло солнце. Прежде всего хотелось утолить жажду, а потом уже повидаться с Паном.

Юрты табунщиков стояли на почтительном расстоянии от юрты Нурмагамбета. За сопкой, в низине, на зеленом лугу мы увидели четыре белоснежных, установленных попарно юрты. Между ними было не меньше сотни шагов, и, судя по тому, что трава осталась неприятой, жили здесь как будто чужие люди.

Едва мы остановили свою телегу у ближайшей юрты, навстречу нам вышел расторопный смуглый жигит в одном бешмете. Он поздоровался с нами и спросил, кто мы и откуда. Затем жигит скрылся в юрте и, снова выйдя через некоторое время, пригласил: «Добро пожаловать».

В передней безлюдной половине были разостланы ковры и узорчатые кошмы. Жигит молчаливым жестом пригласил нас дальше. Войдя во вторую юрту, мы увидели дивную роскошь. Здесь не было и клочка величиной с ладонь, который не был бы застлан пестрым шелковым ковром. На стенах висели бархатные ковры, блестел атлас, светлело серебро. У самой стены полукружьями, высотой с аршин, возвышалось нечто вроде скамьи, застеленной дорогими коврами, обшитыми снизу бахромой с кистьями. Уыки[1] и шанырак[2] были раскрашены в светло-синий цвет и обвиты бахромчатой тесьмой. На почетном месте поверх ковров лежат шелковые одеяла. Гость, по желанию, может располагаться на этих одеялах, либо садиться на ковровую скамью. Справа от почетного места, под балдахином из синего шелка, мы увидели поблескивающую металлом кровать и сидящего на ней

[1] Уыки — гнутые деревянные жерди, образующие остов юрты.
[2] Шанырак — деревянный потолочный круг юрты.

Нурмагамбета. Кроме него, в юрте никого не было. Пан восседал неподвижно и безмолвно, как идол. На голове его покоилась бобровая шапка, на носу поблескивали очки в золотой оправе, на плечи был накинут халат из серого сукна с воротником темно-рыжего бархата, под халатом виднелся бешмет из того же дорогого серого сукна. На ногах глянцевито блестящие ичиги в галошах. Рукой в белоснежной перчатке Пан поигрывал небольшой серебряной тростью. У него жгуче-черные борода и усы, на вид ему уже перевалило за пятьдесят. Когда мы, озираясь на роскошное убранство, вошли и поздоровались, Нурмагамбет степенно поднялся и ответил на приветствие невнятным голосом, словно не желая утруждать себя громкой речью. Мы уселись на ковровое сиденье. Пан молчал, мы тоже не проронили ни слова, продолжая с любопытством оглядывать стены.

На меня он произвел впечатление человека недалекого, несколько вялого, но с крутым характером. С первого взгляда он мне показался красиво разряженным чучелом. Жигиту, сидящему на корточках у входа, Нурмагамбет сделал едва заметный знак, кивнув бородой. Следивший, как пес, за каждым движением своего хозяина жигит вскочил и вышел. Минуту спустя вместе с другим слугой он внес тяжелый, выложенный серебром тегень, большой деревянный сосуд с кумысом. Поболтав кумыс большим роговым ковшом, они начали разливать его в звенящие пиалы из чистого фарфора. Мы с наслаждением утолили жажду холодным, пахучим, шибающим в нос напитком. Слуги едва успевали наполнять и подавать нам багрового цвета пиалы. Сам Нурмагамбет тоже пил, не отставая от гостей. В юрте царило молчание.

Выйдя из юрты Нурмагамбета, мы поинтересовались, кто живет в двух других белоснежных юртах. Оказалось, что там, в ста шагах — обиталище жены Пана. Церемония приглашения повторилась: жигит вошел в юрту, через некоторое время вышел и с достоинством сказал:

— Добро пожаловать в ее обитель.

Мы вошли и увидели то же красно-пестрое убранство, узорчатые кошмы и ковры, бахрому, окрашенные синим и увитые бахромчатой тесьмой уыки и шанырак. Жена Пана покоилась на ярко-красном шелковом одеяле, сложенном вчетверо. Возле нее возвышалось шесть пуховых подушек, над головой расходились складки красного

шелкового балдахина. На ней был халат из белого шелка, на голове того же цвета шелковый кимешек, ниспадающий до одеял. Кимешек плотно облегал лицо и был украшен жемчугом. Худощавая, бледная женщина едва слышно, как бы со стоном, ответила на наше приветствие и еле заметным жестом велела принести кумыс. Мы увидели тегень более оригинальной формы, чем у Нурмагамбета, также орнаментированный серебром. Мелодично звенели серебряные колечки ковша. Кумыс, такой же холодный, желтоватый, пахучий, подавали в пиалах светло-синего фарфора. Мы пили кумыс, а женщина сидела, как мумия, ни на кого не обращая внимания.

Двухкупольные юрты, белеющие на зеленом лугу, остались позади. В одной из них каменным идолом сидит одинокий Нурмагамбет, в другой, на расстоянии ста шагов, томится от безделья хрупкая, изнеженная жена Пана, напоминающая умирающего лебедя...

«Аристократы, чиновники, мырзы — все одного склада дармоеды и паразиты! Они, как барсуки, пьют народную кровь!» — не раз твердил мне товарищ Сорокин еще зимой в Омске. Сейчас я вспомнил его слова и вслух повторил их.

— Смотри, как точно угадал! — удивленно заметил мой спутник татарин.

— И как этим собакам не скучно жить! — ввернул его товарищ.

ПЕРЕД БУРЕЙ

В конце июня мы добрались до волости Коржункульской, граничащей с Павлодарским уездом Семипалатинской губернии. Здесь, в роде Канжыгалы, шла в это время борьба между двумя партиями за чин волостного управителя. Одну партию возглавлял сам волостной, а другую натравливал на него тучный, лоснящийся от жира мырза. Волостной безжалостно притеснял население, поэтому очень многие были недовольны его правлением. Из полутора тысяч хозяйств на стороне волостного оставалось не более ста. Но наделенный властью волостной все еще не смирялся и, как разъяренный волк на беспомощную добычу, набрасывался на перепуганное население, требуя исполнения своих прихотей.

Мы выслали вперед гонца, чтобы заранее предупредить о своем приезде жителей аулов, расположенных на берегу двух живописных озер: Ащи-коля (Соленое озеро) и Каска-ат (Лысый конь). Солнце клонилось к закату, когда мы прибыли на западный берег Ащи-коля.

Неподалеку виднелось несколько белых юрт. На другом берегу разместились два-три малочисленных аула. Верховые пастухи пригнали к озеру табун лошадей на водопой. Один из всадников, заметив нас, повернул коня и поскакал нам навстречу. Черный стремительный красавец-конь, казалось, готов был проскочить через колечко. Посеребренное седло поблескивало. Конь не стоял на месте, дико косил глазами, вертелся вьюном, словно для того, чтобы лишний раз показать серебро седла своего всадника, рослого жигита, одетого по-городскому — в ботинках, в шляпе, но в казахском халате. Я узнал Толебая, с которым мы учились вместе с детства, в городе Акмолинске. Оказалось, что он работает писарем Коржункульского волостного управления. А волостной — его дядя Олжабай.

— Ассалаумагаликум!

— Уагаликумассалям![1]

— Вот так встреча!

— Настал все-таки день, когда мы снова увиделись!

Так радостно, восторженно встретились мы со школьным приятелем. Толебай привел нас в гости к двоюродному брату волостного и после обстоятельной беседы о том о сем неожиданно спросил меня:

— Ты не слышал, что казахов будут брать на тыловые работы? Из города получено указание составить списки всех жигитов в возрасте от девятнадцати до тридцати одного года.

— Нет, не слышал,— ответил я и в свою очередь засыпал товарища встречными вопросами: — Куда берут? Кого берут? Когда берут?

— Люди не знают — верить или не верить этим слухам,— продолжал Толебай.— Все в глубоком смятении, все напуганы и насторожены. Отец уехал в город, чтобы проверить эти тревожные слухи, и должен был вернуться еще вчера, но до сих пор почему-то задерживается.

---

[1] Будьте здоровы! Мир вам! — арабское приветствие, вошедшее в казахский язык из корана.

Беседа наша затянулась. Мы сидели в уютной, чисто убранной шестистворной юрте. Излишней роскоши в ней не было, но стенные решетки и уыки хорошо выкрашены и вообще убранство неплохое. Хозяйка хлопотала, поставила самовар, начала готовить сладкую закуску к чаю. Зной спадал, с озера потянуло успокоительным влажным ветерком, багровая заря окрасила горизонт. Устав от долгой тряски в телеге по бездорожью, мы прилегли на стеганые одеяла и белые подушки не первой свежести. Рядом с нами сидел, скрестив ноги, заместитель волостного и вел мирную беседу.

Перед нами появился круглый низенький столик, накрытый цветастой зеленой скатертью с бахромой. Звенела красная фарфоровая посуда, посыпались на скатерть свежежареные баурсаки, замешанные на кумысе. На дастархане появились две тарелки с маслом, закипел самовар, и после всех этих приготовлений нас пригласили к столу. Усевшись в круг, мы пили чай, а писарь между тем послал гонца собрать людей из окрестных аулов.

На другой день к полудню прибыл из города отец писаря Барлыбай, старший брат волостного. К этому времени собралось уже много народу из ближайших аулов. Жигиты вышли встречать Барлыбая. Придерживая лошадь под уздцы, помогли ему слезть с коня, угодливо открыли перед ним дверь, всячески старались подчеркнуть свое уважение к нему. Присутствующие в юрте встали при его появлении, начали здороваться с Барлыбаем за руку. Мы последовали их примеру. Чувствуется, что все озабочены, с нетерпением ждут новостей. Сразу же после приветствия послышались голоса:

— Какие новости в городе?

— Уф,— тяжело дыша, отозвался Барлыбай.— Какие могут быть новости?.. Забирают казахов. Вот указ,— пробормотал Барлыбай. Усаживаясь, вынул из кармана свернутую бумагу с крупными русскими буквами и подал ее своему сыну.

Сын начал читать.

Лица присутствующих были растеряны, все молча ждали, когда писарь разберет русский текст и объяснит по-казахски. Ознакомившись, писарь передал бумагу мне.

Это было разъяснение Акмолинского губернатора по

высочайшему указу императора от 25 июня о мобилизации на тыловые работы казахского населения в возрасте от девятнадцати до тридцати одного года. Пока я знакомился с разъяснением, то и дело слышались встревоженные голоса с просьбой поскорее передать смысл документа.

— Да, положение тяжелое,— сказал я.— Правительству потребовались рабочие руки, поэтому мобилизуют и казахов.

Никто из присутствующих не поверил, что речь в указе идет лишь о привлечении на тыловые работы, а не на фронт.

— Это обман! Будут забирать на войну, в настоящие солдаты. О аллах, за что нам посланы такие страшные бедствия. За что такое проклятие на нашу голову!..— загомонили в юрте все громче и беспокойнее.

Торопливо закончив перепись, к вечеру мы выехали из аула и остановились на ночлег, проехав не более трех верст, на берегу озера Каска-ат. На другой день мы разделились на две группы: Галимжан с Михаилом направились для переписи в Спасск и Караганду, а мы с Нургаином двинулись по долине реки Слети.

Назавтра мы послали нарочного в аул волостного, за пятьдесят верст. В этот день волостной не успел приехать по нашему вызову. В ожидании его мы отдыхали в небольшом шалаше на берегу речушки, в которой почти не было воды. Местное население, услышав о переписи, стало собираться, но до приезда волостного и писаря мы не могли начать свою работу.

Люди здесь жили заметно беднее, чем на Шубыре. Нас посетил старшина, прихватив с собой бурдюк хорошего кумыса. Закололи годовалого ягненка и поставили на жер-ошак — продолговатое углубление для очага — котел для варки мяса. Рядом с жер-ошаком густо задымил медный самовар. Понемногу начали собираться любопытные, переговариваться между собой негромко, судачить о том о сем.

Жарко, а хмельной кумыс добавляет жары еще больше. Мы вспотели, словно от непосильного единоборства, пришлось расстегнуть рубашки, чтобы освежить грудь.

К вечеру прибыли волостной и писарь, оба усталые от долгой верховой езды, утомленные солнцепеком. Увидев их, люди столпились возле нашего жилища. До глу-

бокой ночи вместе с волостным и писарем мы занимались подготовкой к предстоящей переписи. Спать легли поздно. Летние ночи коротки, и на рассвете нас разбудил громкий горестный женский плач. Я с трудом проснулся, мне показалось, что эти звуки послышались во сне. Но теперь я явственно услышал причитания женщин и грубоватые, степенно-успокаивающие голоса мужчин. Один из них, войдя в нашу лачугу, разбудил сопровождавшего нас жигита и негромко, со смешком проговорил:

— Глупые бабы, ревут, как коровы. Собрались спозаранку, шумят, галдят, плачут, не поймешь, чего им надо?

Жигит, чмокая спросонья губами, отозвался:

— Ай-ай, это бабье! Слышали звон, да не знают, где он. Вечно показывают свою глупость, где надо и где не надо.

Я окончательно проснулся. В лачуге уже теплело от восходящего солнца. Я увидел, что на груди вошедшего поблескивает на сыромятном ремешке нечто вроде медной медали величиной с копыто стригунка. На нем был черный бешмет с красными плетеными погонами, на боку — шашка в плоских черных ножнах с медными кольцами. По одежде нетрудно было узнать вестового, какие обычно прибывали из города со срочными оповещениями.

Женский плач снаружи не унимался. Я коротко спросил вестового о цели его приезда.

— Сегодня утром кто-то приехал сюда из Омска и пустил глупый слух, что молодежь забирают в солдаты. А тут вдобавок еще и я появился. Вот глупые бабы и взбудоражились,— пояснил вестовой.

Я быстро оделся, Нургаин последовал моему примеру.

Через несколько минут мы выяснили следующее. Аул, где мы находились, располагался на границе с Омским уездом. Услышав об указе, по которому казахскую молодежь привлекли на тыловые работы, несколько жигитов в испуге бежали из Омского уезда, распуская слухи о том, что казахов поголовно будут забирать в солдаты, что в Омском уезде уже началась мобилизация и что берут казахов не на тыловые работы, а прямо на фронт. Всех мобилизованных ждет неминуемая смерть...

Слух этот, преувеличенный, приукрашенный, доведенный до нелепости, мгновенно разнесся по аулам. А тут еще вдобавок появился вестовой. И когда люди наперебой начали задавать вопросы, ища успокоения, весто-

вой еще больше взбудоражил, огорошил их неуместной отсебятиной:

— А чего тут особенного, если вас заберут в солдаты? Откажетесь, что ли? Это указ самого царя, попробуйка его не выполнить! Уж лучше с богом начинайте сборы.

Как тут не всполошиться, как не испугаться женщинам в аулах!

«О аллах, чем мы заслужили твою кару!.. Чем мы разгневали тебя! Мы принесем тебе в жертву аксарыбаса и бозкаску[1], самую дорогую жертву, только будь опорой несчастных!..»

Женщины с громкими воплями и причитаниями начали выкликать имена своих сыновей и братьев, как будто уже навсегда расстались с ними.

Нас окружили. Не слушая, перебивая друг друга, женщины загалдели:

— Оказывается, ваша перепись — вранье! Вы приехали, чтобы составить список в солдаты!

— Хоть вы и казахи, но вы шпионы от русских, хотите продать им наших сыновей и братьев!

— Вас подкупили!.. Неужели вы не мусульмане?..

— Мы вам ничего не скажем для переписи, не дадим никаких сведений!

— Возвращайтесь той же дорогой, по которой приехали!

Не слушая наших объяснений и доводов, женщины все теснее обступали нас, выкрикивая не очень лестные пожелания в наш адрес. У некоторых в руках нагайки, черенки от лопат, кетмени. Мужчины молчат, скрывая свое истинное настроение, и для отвода глаз пытаются делать вид, что удерживают женщин. А на самом деле исподтишка подзуживают их.

Кое-как вместе с волостным и писарем нам удалось успокоить толпу, разъяснить, что задача переписи совершенно иная и что мы никакого отношения к мобилизации не имеем.

Женщины постепенно успокоились, стали расходиться. С трудом собрав мужчин, мы начали перепись. Теперь было видно, что люди нам не верят и полагают, что мы

---

[1] Аксарыбас — белая желтоголовая овца, по традиции приносимая в жертву в особо важных случаях, так же, как и светлолысая овца — бозкаска.

скрываем свои истинные цели и тайком составляем список тех, кого следует забрать в солдаты.

Когда мы собрались ехать дальше, то оказалось, что в ауле нет ни одной телеги, все они были спрятаны от нас. С немалым трудом старшине удалось разыскать телегу. Вместе с нами собрались волостной и писарь, намереваясь поскорее расстаться с вестовым, который действительно привез предписание всем волостным составить в наикратчайший срок поименные списки мужчин в возрасте от девятнадцати до тридцати одного года.

Мы решили поскорее добраться до аула, в котором жил ветеринарный врач. До этого аула, расположенного в долине реки Оленти, было около двухсот верст. Нам долго не давали подводу, поэтому сопровождающий нас жигит отправился поискать какую-нибудь случайную подводу. Мы в это время сидели в юрте местного бая. Наш жигит вернулся очень скоро, вбежал в юрту, запыхавшись, со словами:

— Никто не дает подводу! Какой-то негодяй прогнал меня, даже нагайкой ударил. Не дадут нам здесь лошадей, хоть пешком иди!

Рассердившись, я решил применить всю полноту власти и, чтобы припугнуть бая, вынул из кармана карандаш, и потребовал назвать фамилии самого бая и того скандалившего у жели человека. Мой сердитый вид возымел действие — по приказу бая через несколько минут нам выделили подводу.

Поехали дальше. У жели мы надели узду на густогривого серого жеребца из байского косяка и усадили на него сопровождавшего нас жигита. Теперь, поняв создавшуюся в аулах обстановку, мы решили свернуть свою деятельность по переписи, добраться до ветеринарного врача, взять у него общие сведения о количестве скота и поскорее вернуться в город.

По пути мы замечали, что население встречало и провожало нас настороженными, отчужденными взглядами. К закату солнца мы прибыли в одинокий бедный аул. Подозревая нас в недобрых намерениях, жители спрятали ездовых лошадей, а выделенные баем подводы мы обязаны были вернуть. И вернули, оставив себе лишь серого байского жеребца. Убедившись, что коней нам здесь не дадут, мы с трудом запрягли в телегу трофейного жеребца. Он оказался необъезженным, буйным и с первых

шагов понес нас по бездорожью во всю прыть. Телега скрипела, колеса тарахтели, едва касаясь земли. Жигит тщетно пытался натягивать вожжи, я взялся ему помогать, но безуспешно. Мы перевалили через какой-то бугор, и здесь оборвался гуж. Телега мгновенно перевернулась вверх колесами, что-то хрястнуло, и мы оказались на земле. Никто, к счастью, не получил серьезных ушибов, и мы тотчас вскочили на ноги. Жеребец тащил за собой двухколесный передок с одной оглоблей, никак не мог от него избавиться, бешено лягался и кружил вокруг нас. Нам удалось поймать его. Кое-как наладили разбитую телегу, скрутили жеребцу кнутовищем губу, завязали платком глаза, снова запрягли его и медленно двинулись дальше.

Вечерело. Наступили сумерки. Кругом безлюдно, ни звука, степь будто вымерла. Небо затянулось тучами. Узкая малоезженная дорога превратилась в тропинку. Жеребец выбился из сил, и нам пришлось идти пешком. Бедный жеребец еле тащил за собой покалеченную телегу. Мы изредка останавливались, прислушивались к ночной степи в надежде учуять признак человеческого жилья и брели дальше. Тропинка наконец совершенно исчезла, и мы уперлись в берег высохшего озера, заросшего камышом, кугой и солончаковой травой. Мы долго брели, спотыкаясь о кочки и проваливаясь в болотистые ямы. Казалось, что здесь еще не ступала нога человека. В нос бил запах высохшего озера с гниющей травой. С трудом мы выбрались из болота и опять по бездорожью продолжали идти на юг. Густые облака начали постепенно редеть, небо вскоре очистилось, и мы разыскали тропинку. Наш провожатый снова забрался на жеребца, а мы продолжали брести за телегой.

Усталость валила с ног. Перед рассветом сделали привал, жеребца выпрягли, привязали чересседельником к телеге, а сами уснули рядом.

С первыми лучами мы поднялись на ближайший холм, чтобы оглядеть окрестности, определить, где находимся. Найденная ночью тропинка вела на запад. Вдали виднелись многочисленные табуны лошадей. Мы снова завязали глаза отдохнувшему жеребцу, жигит сел на него верхом, а мы с Нургаином — в телегу. Неподалеку от табуна, взобравшись на небольшую возвышенность, мы увидели перед собой несколько аулов и двинулись к ним.

От табуна навстречу нам поскакали два табунщика. Мы охотно повернули к ним своего многострадального жеребца. Один из табунщиков услужливо впряг в нашу телегу своего коня и проводил нас до крайнего аула.

Оказалось, что за ночь мы добрались до земель Павлодарского уезда. Аул начал просыпаться. Вскоре женщины и дети окружили нас со всех сторон, с любопытством разглядывая и расспрашивая, кто мы такие и откуда едем. Учитывая печальный опыт последней встречи, мы скрыли, что занимаемся переписью, и назвались землемерами, которым якобы поручено ознакомиться с пограничными землями Акмолинского, Омского и Павлодарского уездов. На мне была форменная учительская одежда с желтыми пуговицами, и потому мне легче было сойти за чиновника-землемера. К тому же для убедительности я решил притвориться незнающим казахский язык и заговорил по-русски. Нургаин, поняв мой замысел, начал переводить мою речь.

— Япырымай! — удивлялись женщины.— Боже мой, как он похож на казаха!

— Ни дать ни взять этот чиновник — вылитый казах! Но почему он не говорит по-казахски?

— Отец его был крещеным казахом,— уверенно пояснил Нургаин.— Казахского языка этот человек не знает. Сейчас он специально объезжает аулы, чтобы познакомиться с жизнью народа. Он всем интересуется, его, видимо, тянет сюда какая-то неведомая сила.

— О бедняжка! — вздохнула одна из женщин.— То-то он похож на казаха, гляньте на его глаза...

Нас пригласили в юрту. Я так устал, что сразу повалился на подушки. Нургаин бодрствовал. Провожатый возился у телеги. Чтобы не подогревать любопытства женщин, я закрыл глаза и притворился спящим. Нургаин между тем интересовался последними новостями и выпроваживал из юрты чересчур любопытных и разговорчивых.

— Господин очень устал с дороги,— убеждал Нургаин входящих в юрту зевак.— Поэтому прошу вас не беспокоить его и удалиться.

Другим, посолиднее, он говорил:

— Пока господин проснется и почаевничает, прошу вас приготовить коней.

Изредка Нургаин осторожно перебрасывался со мной словами по-русски, советуясь.

Мы попили чаю. Появился хозяин серого жеребца, с которым мы страдали прошедшую ночь, и увел его.

Взяв подводу, мы уехали. Уже прошло время полуденной молитвы, когда мы прибыли к ветеринару в Олепти. Ветфельдшером здесь работал Хусаин Кожамберлин, мой дальний родственник. Жил он со своей семьей. У него мы отдохнули на славу, переночевали и на другой день направились в сторону Акмолинска.

В одном из аулов Ерейменской волости, где жили казахи рода Канжыгалы, мы увидели необычное волнение, похожее на подготовку к восстанию. Мужчины на конях куда-то ускакали, видимо, на тайный сбор.

Жены и слуги бая отвели нам для ночлега отдельную юрту, где никого не было. Мы укладывались без свеч, в полной темноте.

Наутро нам запрягли какого-то никудышнего верблюда в дрожки и с горем пополам подбросили до соседнего аула.

Так, с немалым трудом добывая подводы, мы добрались до озера Ащы-коль, в аул, о котором я уже рассказывал. Здесь слухи о мобилизации растревожили всех. Аул гудел, как улей. Мужчины на конях собираются толпами, и разговор слышится только об одном: казахам идти в солдаты не полагается. И если кто-нибудь пытался утверждать нечто противоположное, того объявляли недругом. Чувствовалось, что народ здесь поднялся по-настоящему и намерен сопротивляться. Мы снова встретились с Толебаем, его отцом Барлыбаем, его дядей Олжабаем, обстоятельно расспросили их обо всем, чтобы иметь полное представление о создавшемся положении.

Отсюда мы направились прямо в город. По пути то и дело попадались группы и отряды конных казахов. При упоминании о русских все поплевывали в ладони, делая вид, что готовы хоть сейчас вступить в решительную схватку. К вечеру остановились в одном из аулов. Молодежь встретила нас открыто недружелюбно. Едва мы расположились в юрте Жахуда, сын которого знал нас, как в юрту ворвались шумной толпой какие-то жигиты и без особого почтения учинили нам допрос: кто мы и зачем пожаловали? Мы начали пространно говорить о несправедливости русского царя, о невзгодах казахской

жизни. И только потому, что аксакал Жахуда вступился за нас, а мы ругнули царя, возбужденные жигиты со словами «вон какое дело» ушли с миром.

Акмолинск был взбудоражен. Панические слухи один страшнее другого с быстротой молнии распространялись среди горожан:

— Казахи идут на город и собираются уничтожить всех.

— В Тиналинской волости убили пристава Иванушкина. Из Омска прибывают регулярные войска.

— Едет сам губернатор Кочура-Масальский.

— Казахи создают армию, самовольно избрали ханов, делают ружья, пики, секиры, отливают пули.

— Готовят себе кольчуги, а молодежь обучают военному делу...

Я пробыл в городе с неделю. Не слышно было на улицах прежних песен, прежнего веселья. Напуганный город превратился в слух.

Вскоре прибыла комиссия по переписи из южных волостей во главе с врачом Асылбеком Сеитовым. Оказалось, что казахи-тиналинцы и темеши сильно избили их, связали, обрили головы, заставили по-мусульмански молиться и несколько дней продержали в заточении, пока комиссию не освободил акмолинский торговец борец Жуман.

Приехал губернатор. Он собрал аксакалов, биев, старшин, баев из степи и из города. Собралось много и простого люда. Губернатор, похожий на взбудораженного самца-верблюда, выступил с речью. Народ стоял без шапок, теснились плечом к плечу. Грозные слова губернатора толмач переводил людям с покорно обнаженными головами:

— Я прибыл сюда после того, как услышал позорную весть, будто акмолинские казахи не желают подчиниться царскому указу идти на тыловые работы и собираются бунтовать. Это сумасшествие, безумие, это непроходимая глупость! Могут ли безоружные казахи противостоять силе русского оружия? Пока не поздно, пусть они откажутся от этого сумасбродства!.. Аксакалы, вы уважаемые люди в казахской степи. Прошу вас спешно выехать по аулам и уговорить мужчин, чтобы в течение одной недели они вышли на тыловые работы согласно указу царя. Если вы этого не добьетесь, не ждите от меня милости.

В степь, в аулы я пошлю свои войска с приказом истребить казахов, как баранов. Вы знаете, что такое пулемет. Это оружие, которое сеет пули, как дождь. Мои войска вооружены этими пулеметами и будут .косить казахов, как зеленую траву. Если вы не сумеете в недельный срок успокоить народ, войска выйдут в степь и будут расстреливать любого, кто встретится на пути. Пулеметы будут установлены на машинах, которые не пробьет никакая пуля. Если вы через неделю не успокоите народ, то прежде всего я упрячу в тюрьму вас самих! Даю вам пятнадцать минут на совещание между собой, после чего вы должны дать мне решительный ответ.

У собравшихся вытянулись лица. Растерянные аксакалы уселись вокруг во дворе, подобрав под себя ноги. Сидели, угрюмо нахохлившись, и негромко совещались.

— Давайте попросим у губернатора отсрочку,— послышались голоса наиболее решительных.— Многие аулы находятся далеко от города, за неделю мы не успеем съездить туда и вернуться обратно.

Через пятнадцать минут аксакалы с обнаженными головами, будто овцы, напуганные ревущим половодьем, подталкивая друг друга, пошли к губернатору излагать свою просьбу.

Губернатор на отсрочку не согласился. А кто осмелится ему перечить?..

Аксакалы единодушно выразили готовность в течение одной недели утихомирить бурлящие аулы, хотя и знали, что возбужденный народ так сразу не успокоится. Знали и все же не устояли перед гневом грозного губернатора, согласились отправиться в степь.

Казахская знать оказалась в отчаянном положении. Впереди глубокий омут, а сзади отточенные пики. С понурым и убитым видом разошлись аксакалы по домам, вздыхая и восклицая: «О аллах, что же мы будем делать!»

Аксакалы и баи поскакали в степь. Я последовал за ними, чтобы узнать положение в аулах, побывать в гуще народа.

КАЗАХСКОЕ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

(1916 год)

На пути из Акмолинска в степь я интересовался настроением людей не только в казахских аулах, но и заглядывал в некоторые русские поселки. Вблизи города казахи волновались сдержанно. Некоторые из молодых жигитов держали наготове оседланных коней и, кажется, ждали, какой оборот примут события. Все они в случае беды были готовы умчаться к месту вооруженного сопротивления. Однако все эти настроения тщательно скрываются, приготовления к бунту незаметны. Трудно сказать, намерены ли пригородные аулы открыто выступить против правительства.

Но в аулах, чуть подальше от Акмолинска, уже начались разговоры о том, чтобы потихоньку сняться с насиженных мест и откочевать подальше в степь. На лицах растерянность и страх.

Отношения между русскими и казахами весьма натянуты.

Русские городские богачи и сельские кулаки в разговорах с казахами желчно недоумевали: «Владеете такой необъятной землей, живете спокойно, в достатке, а еще враждуете с русскими, отказываетесь от царской службы!»

Казахи же смело заявляли: «Царь отобрал нашу землю и воду, теперь он хочет забрать наших людей, послать их под германские пули, чтобы казахов скосить, как траву. Царь хочет уничтожить нас совсем. Лучше мы погибнем на родной земле, чем в далекой Германии!»

Вражда между русскими поселками и казахскими

аулами особенно чувствуется в отдаленных, окраинных, уголках уезда.

На юг от Акмолинска, приблизительно в ста пятидесяти километрах в направлении к нашему аулу, на берегу Нуры стоит село Захаровское. Здесь живет пристав, отвечающий за порядки в южных волостях Акмолинского уезда. Приехав в Захаровское, я зашел к приставу. В разговоре со мной он был неискренен, явно рисовался, всячески стараясь показать, что болеет душой за казахов.

Сдерживая усмешку, я спросил у пристава:

— Если вы так озабочены судьбой казахов, почему бы вам не поехать в аулы и не поделиться мудрым советом?

— А если меня казахи убьют? — ответил пристав.

«Правда ведь,— подумал я.— Эту собаку могут прикончить в ауле».

Из самого крайнего поселка русский возница нехотя довез меня до ближайшего аула и, быстро ссадив, моментально повернул лошадей обратно.

Я оказался в ауле Жолболды, где жили казахи большого рода Тока. Меня тотчас окружили, едва успев поздороваться, сразу засыпали вопросами. Я вошел в юрту аксакала Копбая, моего близкого родственника. Путника из самого Акмолинска Копбай принял очень хорошо. Сначала не спеша, спокойно расспросил о положении в городе, о других не слишком важных новостях, потом обеспокоенно заговорил о главном:

— Что намерена предпринять русская власть? Верно ли, что против нас снаряжаются войска? Чем все это кончится?

В здешних местах взбудораженные казахи своего недовольства уже не скрывали. Чувствовалась решимость выступить против русских властей. Жигиты не расседлывали коней, приготовили пики, секиры, дубинки. То и дело скакали между аулами взад и вперед группы всадников. В руках зажаты дубинки, у колен длинные палки с топорами на концах — секиры. Острия поднятых пик сверкают на солнце. Не только молодых, но и старых подняла какая-то неведомая сила, все приготовились к бою.

Аулы по берегам Нуры самовольно выбрали своим ханом хаджи Альсена. Видно, что народ ни перед чем

не остановится, не отступит перед царскими войсками, не померявшись силой, хотя против винтовок, пулеметов и пушек будут выставлены только дубины и пики.

— Мы погибнем без страха и сожаленья, но мы должны выступить против русского царя, забравшего наши земли и воду, а теперь хватающего нас самих,— такими словами казахи поднимали друг у друга боевое настроение.

Разговор в юрте Копбая то журчал, то шумел, словно весеннее половодье. Но готовности принять самим какое-то решение, начать действовать самостоятельно пока не чувствовалось. Разговоры оставались разговорами.

Заночевав в ауле Жолболды, рано утром я отправился в путь и к вечеру добрался до своего аула. Здесь народ поднялся по-настоящему. Люди шумно, возбужденно переговаривались. И в прежнее время не очень работящий, ленивый, наш аул сейчас совсем забросил хозяйство. Равнодушных нет, взбудоражились, поднялись все. Собираются выбрать ханом хаджи Амета. И еще одного-двух хаджи прочат ему в визири. Молодежь кует пики, кинжалы, секиры.

Сверкают на солнце наконечники пик, толпами скачут между аулами жигиты, степь гудит.

«Лучше принять смерть на земле, где мы родились и впервые стали на ноги, чем погибнуть в неизвестной, чужой Германии! Что бы ни случилось, будем готовы пожертвовать своей жизнью, пойдем на священную войну — газават! Кто примет смерть на поле газавата, тот будет блажен на том свете...»

Женщины, дети и старухи плачут. Особенно горько рыдают бедные матери, у которых сыновья призывного возраста. Печаль матерей как черный туман. Дети — свет материнских очей. Пойдут ли сыновья на «германца» и сложат там свои головы или выйдут на битву с царским войском и погибнут здесь — в любом случае бедной матери одно горе. Днем и ночью думает она о своем сыне, тоскует, проливает горькие слезы.

По соседству с нашим аулом, в двух волостях казахская знать рода Кареке выбрала своим ханом Нурлана Кияшова. Он долгие годы служил волостным. Распространился слух, будто аулы рода Тинали организовали пятнадцатитысячный отряд повстанцев. Построили сорок кузниц и делают ружья. Хаджи Куаныш, ставший ханом,

разослал всюду своих гонцов с призывом объединиться. Тиналинцев якобы поддержали другие роды.

В урочище Карагаш собрался отряд повстанцев и провозгласил ханом сына Чона Оспана. Оспан послал гонцов к нам.

Среди тиналинцев объявился мулла Галаутдин. Он начал проповедывать: «Гяуры будут побеждены. Я пойду впереди нашего войска, и пуля никого не тронет». Вслед за родом Тинали поднялись аулы Тургая и тоже избрали своего хана. Их примеру последовали аулы Атбасара.

Народ волновался. Одна за другой распространились вести о готовящемся мятеже. Любой ценой решили отказаться казахи от царской мобилизации. Становилось очевидным, что без катастрофы, без вооруженного столкновения народного возбуждения теперь не унять.

Всюду появились муллы, усиленно проповедующие шариат. Муллы призывали каждого принять участие в священной войне против царя. Участвовать в газавате — обязанность всех мусульман. Если царь нарушил свое обещание не брать казахов в солдаты, то воевать с ним не грех. Появился какой-то мулла Кумисбек с призывом: «Не бойтесь, мусульмане, вы победите! Если царские солдаты поднимут ружья, глаза их застелет пыль. Если они выстрелят, пули улетят в небо».

Народ верил ему и вторил: «О дай господь!»

Слухи ходили самые невероятные. Будто какой-то старик чабан видел самого Ануарбека, султана Турции. Султан оказался летающим. Подлетел он к отаре старого чабана на самолете и приземлился. Старик испугался, но Ануарбек быстро подошел к нему и успокоил: «Не бойся меня, я Ануарбек. Я явился сюда, чтобы посмотреть, что творится в аулах. Передай всем казахам, пусть они ничего не боятся — я еще явлюсь. А сейчас мне надо спешить». И султан якобы улетел дальше.

То и дело слышится: «Надо объединиться с тиналинцами. Пора готовиться по-настоящему».

Очень скоро я убедился, что не подействуют никакие уговоры аксакалов, посланных по приказу акмолинского губернатора. Народ им не поверит.

«Было бы лучше, если бы молодые казахские жигиты побывали в солдатах,— думал я.— Они бы научились владеть оружием, обучились военному искусству, а потом бы выступили против царя». Но эти мои соображе-

ния вряд ли показались бы убедительными в такой напряженной обстановке.

Наблюдая за происходящим, я замечал, что многие не очень жаждут смертной схватки, больше стремятся показать свою воинственность на расстоянии, а еще лучше просто-напросто без греха откочевать подальше. Большинству хотелось не борьбы, а всего лишь избавления от солдатчины.

Начал распространяться слух о том, что из города в степь двинулись войска. Переселение аулов, располагавшихся ранее вблизи русских поселков, усилило панику среди аулов, решивших оставаться на своих местах. Волостным начали угрожать: «Не подавайте списки призывников!» Волостных старались не пропустить в город. Сына бывшего нашего волостного по дороге на Спасский завод подстерег визирь новоявленного хана:

— Куда ты едешь?

Тот ответил, что едет на завод.

— Что тебе делать на заводе?

— Вот тебе раз! — воскликнул сын волостного.

Визирь ударил его камчой, сказал: «Получай уат тиби нас!». Избил и заставил вернуться обратно.

Аулы волнуются, паника нарастает. Пошли слухи, что против тиналинцев выступили войска. Жигиты продолжают гарцевать на конях, бряцать оружием, но особой готовности поддержать тиналинцев не обнаруживают. Кажется, что горя и слез у детей, стариков и женщин будет еще больше, что это только начало. Настроение у людей такое, что готовы хоть сейчас бежать без оглядки. Пусть после схватки с царскими солдатами останутся на родной земле трупы убитых, но те, кто будет жив, должен спасаться бегством в дальние края. Иного выхода нет — только бегство. Прощай, родная земля, прощайте, ручьи и реки.

Нет сил спокойно смотреть на страдания народа. Слышишь горестные восклицания матерей, стариков и невест, видишь молодых, полных сил жигитов, обреченных на погибель в схватке с царскими войсками, и душа заволакивается черным туманом. Кажется, вот-вот разорвется от горя сердце с тихим печальным звоном, как рвутся до предела натянутые струны домбры. Люди ме-

[1] Искаженное русское «вот тебе раз».

чутся, не отдавая отчета в своих действиях. Одни, словно повинуясь слепой силе рока, молча, терпеливо приготовились к смерти, другие, более благоразумные, стараются что-то предпринять, но все равно поддались панике и мечутся, не зная, что делать. Народ всколыхнулся, как море во время черного урагана. Глухо, сдержанно бьет прибой, пенятся валы, и нет силы, которая смогла бы успокоить стихию...

Я сижу в родном доме, не зная, что предпринять, куда пойти, чего добиться. Плачет мать. Плачет мой брат, твердо решивший принять смерть на родной земле в бою.

Я обратился к одному богатому родственнику с просьбой дать мне подводу, чтобы добраться до Захаровки. Он отказал мне. Если бедняки в эти дни думали о собственном спасении и забывали о своем хозяйстве, то баи прежде всего беспокоились о том, как бы сохранить скот, табуны и отары. Судьбы людей мало интересовали их. Отказал мне и другой родственник, хотя у того и у другого в табунах было около тысячи лошадей. Мне не нашлось и одной. Пришлось обратиться к тем, кто победнее. Взял телегу у одного, пару коней у другого и вместе с Сатаем Жанкуттиевым поехал в город.

Стоял август, время уборки. К заходу солнца мы приехали к колодцам на западном берегу реки Есен и увидели, что здесь поспешно, в суматохе ставит юрты только что прикочевавший аул. Все мужчины на конях. Ревет скот возле колодца, перемешались лошади и верблюды, коровы и овцы. Бегают дети, суетятся женщины, наспех устанавливая шалаши и юрты. Утварь, тюки с домашним скарбом свалены на землю как попало. Кое-как нам удалось узнать, что здесь располагаются наши сородичи, тот самый аул Жолболды, в котором я останавливался по пути из города.

На ночь мы приютились в одном из шалашей, подробно расспросили о причинах столь поспешной перекочевки. Оказалось, что днем произошло вооруженное столкновение с двадцатью пятью русскими солдатами, прибывшими в аул во главе с приставом из Захаровки. Солдаты пришли с требованием вернуть двенадцать лошадей, которые были украдены в одном из русских поселков. Вместе с ними явились хозяева пропавших лошадей. Но так как жители этого аула были не виноваты,

лошадей украл кто-то из другого аула, то они и отказались отвечать за кражу. Солдаты открыли стрельбу и ранили двух лошадей. Казахи ответили, и пули посыпались с обеих сторон. Солдаты вынуждены были удалиться ни с чем, а казахи спешно перекочевали на другое место, захватив в плен есаула-казаха вместе с конем в богатой серебряной сбруе.

Из разговора мы узнали, что эти же двадцать пять солдат задержали караван из рода Шубыртпалы. Большой караван — в триста верблюдов — вез продовольствие и попытался оказать солдатам сопротивление. Главный караванщик, внук Агыбай-батыра, безоружный храбрец, вздыбив коня, поскакал на вооруженных солдат с кличем: «Агыбай!» Караванщиков, разумеется, разбили в пух и прах. Пристав убил двух караванщиков, а оставшихся в живых, избитых и покалеченных, отвели в Захаровское и взяли под стражу. Сивый конь в серебряной сбруе, захваченный казахами вместе с есаулом, оказался конем внука Агыбай-батыра.

Узнав, что мы направляемся в город, аулчане попросили нас передать приставу письмо, в котором они объясняют свою непричастность к пропаже двенадцати лошадей, просят не преследовать их попусту. Если власти присудят возместить убытки именно этому аулу, то волей-неволей они согласны подчиниться, только пусть им дадут время для розыска настоящих виновников — конокрадов.

Следующую остановку мы сделали в ауле Усабая. Здесь трое посланцев, выехавших вместе с нами из аула Жолболды, написали письмо приставу, скрепили его печатью Усабая.

В полдень мы выехали из аула Усабай-бия, расположенного на берегу Есена, ехали по бездорожью и к вечеру прибыли в крайний русский поселок Коскопа, откуда как раз были выкрадены неизвестными двенадцать лошадей.

В поселке у первого встречного мы спросили, где нам можно переночевать. Тот указал на постоялый двор. Мы подъехали к постоялому двору, нас сразу же окружили русские мужики. Послышалась громкая ругань, мы увидели перед собой сердитые, злобно сверкающие глаза. Неожиданно появились два солдата и начали на нас кричать: «Вы шпионы, мы вас арестуем!» Пришлось нам сой-

ти с телеги. Мужики тотчас завладели нашими лошадьми. Нас привели в дом, куда вскоре пришел староста и первым делом набросился на меня:

— Ты кто такой?

Я объяснил. Мужики окружили нас еще теснее.

— Нет, все это вранье! — кричал староста.— Мы знаем, что ты главарь бунтовщиков, приехал сюда, чтобы разузнать наше положение! Вы собираетесь напасть на наше село! Документы у тебя есть?

Я показал свои документы. Староста прочитал их и немного успокоился, но мужики не унимались:

— Документы он мог подделать! Это шпионы казахские, надо поубивать их!

— Топорами! Топорами прикончить! — послышались яростные голоса.

Поднялся шум. Разгневанные кражей лошадей и столкновением с аулом, мужики требовали нашей казни.

«Вот она смерть! — молнией пронеслось у меня в голове.— Нежданно-негаданно. Достаточно одному поднять руку, как разъяренная толпа, потерявшая человеческий облик, разнесет нас в клочья...»

— Ты здесь главный, — сказал я, обращаясь к старосте.— Что бы ни случилось с нами, перед законом придется отвечать тебе. Ты своими глазами читал мои документы, подписанные акмолинским инспектором народного образования. За все неприятности, которые будут нам причинены здесь, отвечать будешь только ты. Если я нужен тебе, можешь приказать, и я никуда не сбегу.

Староста ненадолго задумался. Мужики продолжали кричать, требуя нашей смерти.

— Молчать! — наконец не выдержал староста.— Я не намерен отвечать за вас перед судом!

Под грозным окриком старосты мужики заметно притихли. Старший из солдат обыскал нас, забрал ножи. Порывшись в наших сундуках, забрал бумаги и документы. Затем приставил к нам двух солдат, а мужикам велел разойтись.

Солдаты неусыпно караулили нас всю ночь. Время от времени к нам входил староста в сопровождении двух-трех мужиков и солдата. Они усаживались возле нас и вели между собой разговор, явно желая, чтобы мы его услышали: «Из Акмолинска прибыло триста солдат... И десять пулеметов... На улицах установлены... Придет-

ся их теперь все время здесь держать...» Я понемногу начал с ними заговаривать. Мой товарищ Сатай прислушивается к разговору и, ничего не понимая по-русски, дрожит от страха. Пока мужики здесь, я ничем не могу ему помочь. Но как только они ушли, я попытался успокоить Сатая, сказав ему коротко, что бояться нечего. Он молчит, онемел от страха. По свирепому виду мужиков можно легко догадаться, что они намерены поступить с нами самым наихудшим образом. Вражда между русскими и казахами в эти дни особенно обострилась, чувствовалось, что схватка будет не на жизнь, а на смерть. Было уже несколько случаев убийств застигнутых в одиночестве людей среди казахов и среди русских.

Мы улеглись спать на полу. Солдаты сидели...

Утром староста с двумя мужиками и одним вооруженным солдатом повели нас к приставу в село Захаровское. В полдень неподалеку от села, возле холмов мы заметили караван верблюдов. На верблюдах восседали солдаты с ружьями. Это оказались те самые верблюды, которые были отобраны у караванщиков, прибывших из Каркаралинска за продуктами. На верблюдах солдаты охраняли Захаровское от нападения казахов.

Нас повели к приставу, тому самому, с которым я имел честь познакомиться по дороге из Акмолинска в свой аул.

Пристав чуть ли не выбежал нам навстречу, начал расспрашивать и, узнав в чем дело, рассмеялся. Конвой во главе со старостой, видя, что пристав нас освободил и не намерен принимать строгих мер, ушел недовольный и сконфуженный.

Мы зашли в дом пристава, и я передал ему письмо жолболдинцев насчет пропажи двенадцати лошадей. Тут же я поинтересовался положением каравана из трехсот верблюдов, спросил, не намерен ли пристав разрешить каравану следовать своим путем. Он ответил, что послал в город соответствующее донесение и ждет ответа сегодня-завтра.

Пристав удовлетворил мою просьбу повидаться с кем-нибудь из караванщиков. Ввели двоих. Один был сильно избит. Я поговорил с ним, попытался, как мог, утешить его.

Дождавшись вестей из Акмолинска, я добился оправ-

дательной бумаги для своих сородичей и, вручив ее Сатаю, попросил его самого отправиться в аул...

В Захаровской я не увидел ни одного казаха на свободе, все были согнаны в одно место и находились под охраной часовых. Никого к ним не подпускали. Многие уже были расстреляны, караванщики ждали решения своей участи.

Весь день я не показывался на улице. Я ничего не мог понять в создавшейся обстановке. Не с кем было поделиться своими сомнениями и тревогой за судьбу простых казахов. Что их ждет впереди?

Тяжело оставаться в одиночестве. Как будто заблудился, остался один на краю пропасти.

Я зашел в лавку, хозяином которой оказался татарин Карим Муксинов. Жена хозяина, преждевременно состарившаяся женщина лет пятидесяти, вышла мне навстречу и пригласила к себе. Я зашел. Хозяина дома не оказалось, он уехал в город по делам. С хозяйкой жила невестка и сын лет двенадцати-тринадцати. Два старших сына в солдатах. Вспомнив о них, женщина загрустила. Мы долго с ней беседовали о тяжелом времени и не спеша пили чай. Я обратил внимание на гармонь-двухрядку и спросил, кто на ней играет.

— Мой старший сын играл,— ответила женщина.— А сейчас гармонь осиротела. Понемногу учится играть младший. Если хотите послушать, он сыграет...

Мне захотелось послушать какой-нибудь кюй.

Мальчик взял в руки гармонь и начал играть заунывную и печальную мелодию. Льются звуки, то дрожаще-нежные, то громко рыдающие, порывисто всхлипывающие. Мы молча сидели с хозяйкой, поглощенные музыкой. Душа словно оттаяла, размякла. Я вижу, что женщина начинает вытирать рукавом слезы. Печаль захватила и мое сердце, но я стараюсь сдержаться, терплю. Печальный, плачущий кюй уводит за собой, не выпускает из грустного плена. Я не выдержал, заплакал и, выскочив на улицу, пошел к себе.

Когда наша земля попала в такую беду? Почему мы не смогли оказаться рядом с народом и не облегчили его участи? От сознания бессилья сердце обливается кровью.

Назавтра прибыл из Акмолинска нарочный к приставу с приказом доставить захваченных караванщиков в Акмолинск.

Я решил последовать за караванщиками, узнать, что их ждет в городе и, если удастся, помочь.

Приезжаю в Акмолинск. Подошла пора уже ехать по назначению в аульную Буглинскую школу, но я не решаюсь, брожу по городу в предчувствии новых важных событий.

Караванщиков упрятали в холодный подвал. Я купил барана, заколол его и ношу караванщикам передачи — мясо и хлеб.

А в степь идут и идут царские войска. Городские тюрьмы переполнены казахами, захваченными в плен во время набегов на аулы. Многие безвинные расстреляны без суда и следствия. Аулы разоряют, скот угоняют, жигитов убивают, девушек насилуют. Нескольких новоявленных «ханов» упрятали в тюрьму. Арестован хаджи Альсен и двое сыновей Чона. А из степи привозят и привозят новых пленников и «преступников». Начали загонять их в подвалы каменных домов. Поступают слухи, что «зачинщиков бунта» тюремные надзиратели избивают каждый день. Беспрестанно учиняют допросы «ханам» и тоже избивают их, несмотря на высокое звание. Хаджи Альсена забили в тюрьме до смерти.

Расположенные вблизи города аулы, не успевшие откочевать, согласились отдать своих жигитов в солдаты. Старшин из этих аулов вызвали в город к начальству.

В русских поселках появилось множество ценных украшений и дорогой утвари, награбленной в казахских аулах. В самом Акмолинске в эти дни вдруг появилось множество ковров, кошм, самоваров, тазов, меховых шуб, серебряных седел, сбруи, серебряных браслетов, колец и других драгоценностей.

В аулы рода Тинали, где, по слухам, собралось пятнадцатитысячное войско повстанцев, двинулись солдаты на автомобилях.

За аулом Чона, в урочище Карагаш, располагался аул Конек, где жили казахи рода Тока, близкого нам. Волостным здесь был Омар, прозванный Такыром (Голым) за то, что у него было мало скота по сравнению со здешними баями. Однажды в ауле Такыр-Омара появились семеро солдат во главе с унтер-офицером. Омар обманом заманил их в свой дом и здесь прикончил всех семерых вместе с унтер-офицером...

В роде Канжыгалы волостной Олжабай сам повел войска на те аулы, которые не поддержали Олжабая во время выборов волостного. Солдаты сжигали зимовки и расстреливали невинных людей. Началось повальное бегство в глухие, малоизведанные углы. Несчастные убегали, не успевая взять с собой больных, стариков и старух, а подчас оставляли маленьких детей в колыбели. Некоторые аулы, уходя с родных мест, все ценные вещи прятали в могильники. Солдаты пронюхали об этой уловке и начали разрывать свежие могилы, извлекая вещи, а подчас оскверняли настоящие могилы.

Человеческие глаза еще не видели того, что творилось в аулах, через которые прошли царские войска. Множество расстрелянных, изнасилованные и избитые женщины и девушки, осиротевшие дети. Жилища перевернуты вверх дном, все ценное забрано, а что нельзя увезти, разрушено, сломано. На степь будто напала черная чума...

Как-то раз я встретил на улице знакомого по семинарии казачьего прапорщика Зырянова. Он только что приехал из степи. Оказалось, его направили к нам из Омска усмирять «бунт казахов». В разговоре я спросил: неужели ему тоже приходилось убивать? Рассмеявшись, Зырянов ответил:

— Собственноручно я зарубил всего лишь пятерых.

Вот каковы были дела в степи, вот какие люди туда направлялись!

Я поехал в аульную Буглинскую школу, которая только что открылась. В ауле было спокойно, располагался он в шестидесяти верстах от Акмолинска. Я устроился здесь, собрал детей и приступил к занятиям.

Прошло несколько дней. Постепенно в ближайших аулах наступило относительное спокойствие, и солдатские отряды начали возвращаться в город. Не утихомирились аулы рода Тинали и некоторые другие, расположенные в самых глухих местах уезда.

Губернское и уездное начальство продолжало гнуть свою линию. Призыв на тыловые работы жигитов в возрасте от девятнадцати до тридцати одного года продолжался. В Акмолинском уезде в трех местах были созданы призывные пункты, которые подчинялись непосредственно только Акмолинску. Волостные начали подавать списки призывников. В аулах опять началась паника. У богатых и у бедных — у всех одна забота — избежать

призыва, откупиться, сунуть какому-нибудь начальнику взятку за своего сына или брата. У взяточников появились посредники, услужливые маклеры. Волостные, бии, старшины, все чиновники почувствовали себя увереннее прежнего, начали без труда находить даровую добычу.

За бедняка заступиться некому, нечем ему заплатить выкуп, нечего сунуть в хищную лапу посредника старшины или бия. А тем временем среди байских сынков все больше появляется «непригодных» к военной службе, потому что баи не жалели скота для выручки своих сынков и родственников.

Из аулов толпами двинулись в город ходоки и просители. Еще большее горе пришло в мирные, успокоившиеся было аулы. Видя, что не добьешься справедливости ни возмущением, ни покорными просьбами, народ только сейчас понял всю глубину своего несчастья.

Отдаленные аулы продолжали сопротивляться и не отдавать своих жигитов. В нашей волости из двух тысяч семей оказались годными всего сорок-пятьдесят человек. Остальным, тем, кто сунул взятку побольше, дали отсрочку.

Чиновники совсем потеряли совесть, дерут три шкуры с народа. Крупному баю ничего не стоит отдать в жадные руки старшины или бия часть своего скота. А бедняки оставались совершенно разоренными.

Наших жигитов призывали на тыловые работы на Спасском заводе. Волостной управитель, сговорившись с баем Сейткемелевым, обитающим в Спасске, сунул крупную взятку начальству, и теперь они распоряжались жигитами волости, как хотели. В солдаты попали сплошь бедняки. Взяточники никого не стеснялись, бесчинствовали открыто, все им было дозволено, о чести и совести, о сострадании к человеку не могло быть и речи.

Я написал акмолинскому уездному начальнику письмо, подписавшись вымышленным именем. В письме я рассказал о произволе и бесчинствах, об оголтелой жадности чиновников, о том, что обнаглевшие торговцы, пользуясь случаем, скупают дешевый скот, суют несчастному казаху деньги, которые нужны ему, чтобы дать взятку, откупиться. В конце письма, для весомости, я приписал, что рано или поздно, но справедливость должна восторжествовать и что звери-чиновники когда-нибудь ответят за свои издевательства.

Оставив школу, я снова поехал в Акмолинск. И здесь положение скверное, жители неспокойны. Шныряют торговцы, торопясь набить мошну на народной беде.

В доме Мусапира собралось несколько казахов. Я попытался успокоить их: «Не поддавайтесь панике, постарайтесь держаться спокойно, иначе все вы бессмысленно пропадете».

По Акмолинску слоняются хмурые жигиты-призывники, ищут по домам кумыс, пьянствуют, поют песни, шумят, плачут, точь-в-точь, как русские рекруты перед солдатчиной. Те гуляли с гармошкой, у этих добавилась к гармошке еще и домбра.

Однажды подгулявшие молодые жигиты забрали меня с собой. С гармоникой, с песнями мы ходили от одного торговца кумысом к другому и пили кумыс. Жигиты чаще пели заунывные, скорбные татарские песни. Плакали и на мотив татарских песен пели родные казахские.

...Понадобился я царю,
Когда мне исполнилось двадцать лет,
Понадобился я царю.

Я не знаю мелодий более печальных и скорбных, чем татарские.

Зашли в дом, где сидели несколько молодых жигитов и пили пиво. Один из них играл на гармошке, другие вразнобой пели. В комнату ввалился жигит по имени Қилыбай, известный в Акмолинске покоритель девушек, у которого, как вскоре выяснилось, «не все дома». Қилыбая тотчас усадили, угостили вином и потребовали, чтобы он спел. Тот не заставил себя долго упрашивать, спел, затем выпил, громко ухнул. Опьянев, он подсел ко мне, обнял и заплакал: «Пришел мой черед идти в солдаты...»

Я удивился, почему он должен идти в солдаты? На вид Қилыбай был заметно старше призывного возраста.

— Разве тебе не исполнилось еще тридцать один? — поинтересовался я.

— Да исполнилось, будь он проклят этот возраст, но я все равно иду в солдаты.

И Қилыбай рассказал, какой казус произошел с ним. В тот вечер, когда писаря ходили по домам и переписывали жигитов в возрасте от девятнадцати до тридцати одного года, Қилыбай как раз любезничал в девичьей компании. Заходят писаря и начинают записывать фами-

лии, имена жигитов и возраст. Килыбая все хорошо знали по имени и спросили, сколько ему лет. Тот постеснялся в присутствии девушек назвать свой истинный возраст и сказал, что ему исполнилось двадцать пять. Так вот и попал в список на тыловые работы.

— Шуток люди не понимают,— сокрушался Килыбай.

— Так почему же ты позже не исправил ошибку? — изумился я.

Совсем охмелев, путая русские и казахские слова, Килыбай еле-еле объяснил:

— Спохватился, да поздно. Не можем, говорят, исправить, не можем.

Вот так среди печальных событий попадались иногда и веселые случаи.

Однажды я пришел провожать очередную партию мобилизованных на тыловые работы. Собрались возле большого кирпичного дома, в котором прежде размещалась лавка. Улица перед домом запружена провожающими. Стоит неумолчный шум, гам, плач, в дом постоянно входят и выходят люди, ищут неизвестно чего, волнуются в ожидании отправки. Но вот появилась вереница телег в сопровождении солдат. Телеги остановились возле красного дома. Народ смолк, пристально следя за тем, что будет происходить дальше. Солдаты вошли в дом и через несколько минут начали поочередно выводить оттуда мобилизованных жигитов и усаживать их на подводы. И тут же без всякого прощания тронулись, увозя жигитов от родных и близких.

Снова плач и крики, нет ни одного человека, который не плакал бы. Несчастные женщины как будто сошли с ума, кричат, бегут за телегами.

На другой день я вернулся в Буглинскую школу.

Шли дни... Наступила зима. Время от времени мне попадают русские газеты, слежу за событиями, происходящими в Москве в связи с Петроградской думой... Начали меняться министры... Сердце полно предчувствий, напряженно ждет, встревожено ожиданием больших перемен...

И вдруг как гром среди ясного неба весть: царское правительство пало!

ПЕРВЫЕ ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ

Мало было казахов, которые, услышав о свержении царя, не обрадовались этому событию. Восторженно воспринимала это известие казахская трудящаяся молодежь, в особенности образованная. Разумеется, не по нутру пришлось известие о революции таким, как Нурмагамбет и ему подобным царским прислужникам.

За исключением горстки «почетных граждан», все казахи ненавидели царя. Царь отнимал землю, глумился над людьми, брал молодежь в солдаты, оскорблял религиозные чувства казахов. Поэтому всяческих благ и успехов желал притесняемый народ тому, кто боролся с русским самодержавием. Когда Россия проиграла войну с Японией, в казахской степи с удовлетворением говорили: «Так тебе и надо!..» А события 1916 года нанесли народу незабываемую, неисцелимую рану, сердца людей обливались кровью.

В эти дни я начал получать письма из Омска и Акмолинска от прежних моих товарищей-единомышленников. В письмах они безмерно радовались низложению царского правительства, сообщали о своем активном участии в бурных многолюдных собраниях и митингах. Втянувшись в общественно-политическую борьбу, они без разбора ринулись защищать всех казахов вообще, не разделяя их на классы. Конечно, в первые дни многие не понимали сущности большевистской борьбы...

Я немедленно приехал в Акмолинск. Характерной чертой этого периода было множество разных собраний и митингов. Словопрения вспыхивали ежедневно, чуть ли

не через день переизбирались какие-нибудь новые комитеты и бюро.

Появились доморощенные ораторы, вожди-краснобаи, вылезающие на трибуну по любому поводу. Прежде ничем не отличавшиеся незаметные люди яростно бросались в ораторские сражения, старались сказать свое слово кстати и некстати.

Бывшие приказчики, бакалейщики, спекулянты, учителя, технические работники, писаря, переводчики, мелкие чиновники, ветеринарные фельдшеры, врачи и прочие — все включились в борьбу, все спешили выступить в роли вождей от имени народа.

Горожане Акмолинска разделились на группы. Русское казачество, мещане, мусульмане (татары и казахи), учителя, солдаты гарнизона и трудовой люд — каждая группа устраивала свои собрания обособленно. Вместо прежних приставов для управления жителями города и степи был избран коалиционный комитет. Смещен уездный начальник, и на его место назначен комиссар, смещены крестьянские начальники.

Я приехал в город как раз ко дню выборов городского уездного коалиционного комитета.

Казахские городские «лидеры» для проведения выборов собрались в медресе[1].

Я присутствовал на этом собрании. В большом переполненном зале медресе выступавшие, в основном, образованные молодые казахи, говорили об одном: что делать? Царизм пал, народ получил политическую свободу, и забитая в прошлом народная масса не знает теперь, как жить дальше, что делать.

Кто теперь будет управлять, руководить народом в степи? Как поступить с бывшими волостными управителями? Войдут ли аульные представители в уездно-городской коалиционный комитет? А если войдут, то сколько человек и на каких правах?

Выступавшие говорили много, сбивчиво, неопределенно, все плавали вокруг до около. Политического опыта не было, каждый толковал по-своему, поэтому спорили до бесконечности... Так и разошлись ни с чем, решив еще раз собраться на следующий день.

Назавтра собрались в медресе татары и казахи вмес-

[1] Медресе — мусульманская религиозная школа.

те. Наиболее горячо и задорно выступали два татарина — Сеит Латыпов и Шарип Ялымов. Небогатые купцы с хорошо подвешенными языками, они оказались в роли вожаков среди нас и выступили со своими предложениями и требованиями от имени всех мусульман. Крупные богачи совещались отдельно.

И на этот раз собрание обсуждало тот же вопрос: о выборах в уездно-городской коалиционный комитет. Туда должны были войти представители от разных национальностей, от разных классовых группировок, от разных сословий. Было дано указание свыше: выдвигать в комитет по равному количеству депутатов, независимо от численности избирателей, то есть поровну от мусульман, от русского казачества, от мещан, от жителей слободки, от солдат, от сословия учителей. Большинство, за исключением русского казачества, с такой установкой не соглашалось. Именно этот вопрос и обсуждали на собрании в медресе.

— Я призываю всех казахов и татар, всех мусульман выступить против такого положения,— говорил Сеит Латыпов.— Нас подавляющее большинство, поэтому мы не можем участвовать в комитете наравне с представителями мелких групп русского населения. Пусть состоятся всеобщие выборы без ограничения. Тот, кто получит большинство голосов при тайном голосовании, будет членом комитета.

Участники собрания одобрительно зашумели.

— Завтра,— продолжал Латыпов,— прибывший для проведения выборов комиссар из Омска должен созвать избирателей в бывшей городской управе. Мы попросим слово и от имени мусульман заявим, что не согласны с созданием комитета на такой основе. Я предлагаю выделить сейчас двух уполномоченных, которые пойдут в учительскую семинарию и расскажут о наших требованиях представителям городских учителей Горбачеву и Колтунову.

Собрание единодушно одобрило предложение Латыпова, поручило ему и мне выступать завтра в управе от имени мусульман, а сегодня немедленно пойти в семинарию и переговорить с представителями учителей, которые выступали в поддержку прежнего принципа выборов комитета.

Горбачева и Колтунова мы застали в семинарии. Я их

видел впервые. Оба учителя семинарии оказались людьми сведущими в революционном движении. Мы им изложили мнение мусульманского собрания насчет создания коалиционного комитета. Учителя наше решение одобрили и вдобавок сообщили следующее:

— Малочисленное сословие учителей не будет ущемлять интересы более крупных общественных групп. Принцип создания коалиционного комитета выдвинут людьми недостойного поведения, «бывшими». Учителя намерены дать решительный отпор такому принципу. Выборы должны быть всеобщими и равными для всех.

Поговорив о других важных делах, мы распрощались.

На другой день комиссар из Омска созвал совещание представителей в бывшей городской управе.

Пришли и мы. Большой зал заполнен до отказа. Люди стояли плечом к плечу. За столом, покрытым зеленым сукном, сидел комиссар из Омска, тучный офицер, рядом с ним сидели еще пятеро неизвестных мне. Первые ораторы сразу же начали возражать против организации коалиционного комитета.

От имени мусульман выступил Латыпов, человек бойкий и видавший виды. Он умел говорить.

Согласно мнению большинства, вопрос о создании коалиционного комитета отпал. Была избрана временная комиссия и принято решение в ближайшее время всеобщим тайным голосованием избрать уездно-городской комитет.

Вначале русские, казахи и татары составили общий список кандидатов. Потом появился какой-то отдельный список, предложенный группой от русского населения. Вслед за ним увеличилось количество группировок, и было составлено пять или шесть разных списков.

Выборы состоялись. В состав комитета вошли всего два казаха. Малочисленность наших представителей объясняется тем, что еще не все казахи понимали значение выборов.

Избранный комитет решил направить людей по аулам, чтобы на местах вести разъяснения и соответствующую пропаганду.

Очередное собрание в медресе открыл уже упомянутый мною Ялымов. На многолюдное собрание пришел аксакал Балапан, человек бывалый, один из активистов городской бедноты. Ялымов вел себя заносчиво, говорил

с большим самомнением, хотя особых оснований распоряжаться людьми у него не было. Ялымов работал в конторе по перевозкам, имел маленькую бакалейную лавку. Как многие люди из сословия небогатых торгашей, он был смекалистым пройдохой. Быстро, расчетливо он вылез вдруг в организаторы, начал горделиво выступать от имени чуть ли не всего мусульманства. Был он неуравновешенным, сумасбродным, сумел втереться в доверие татар и казахов и вошел в комитет.

При обсуждении вопроса о том, кого следует направить в степь, Балапан вдруг сцепился с Ялымовым.

— В степь надо посылать казахов,— решительно заявил Балапан.

Но Ялымов намеревался послать в аулы побольше татар, главным образом мелких торгашей и спекулянтов-бакалейщиков. Балапан настаивал на своем. Тогда Ялымов вскочил, ударил кулаком по столу и начал кричать на него, гневно вращая глазами. Всегда находчивый, обычно острый на язык Балапан на этот раз растерялся, не сумел ответить новому начальству. Сыграла роль, видимо, его забитость в прошлом, приниженность бедняка. Но все же, кажется, он не струсил.

В конце концов решили отправить в степь смешанную группу из казахов и татар. Выходя на улицу после собрания, некоторые стали разыгрывать Балапана:

— Ну как вас Ялымов здорово припугнул?..

Назавтра Балапан пришел ко мне и начал возмущаться:

— Пес этот Ялымов... Зачем мы избрали эту собаку?

— Вся беда в том, что вы вчера испугались его,— заметил я в шутку.

— Нет, я не испугался, просто... маху дал. Он кричит на меня по-русски: «Оказывается он не имеешь право!» Я сначала не понял, потом додумался,— искренне признался Балапан.

Это выражение Балапана: «Оказывается он не имеешь право»— в виде шутки по сей день бытует среди жителей Акмолинска.

Вскоре после этого события комитет был переизбран. За короткий промежуток времени в Акмолинске было столько собраний, выборов и перевыборов комитета, что всех не упомнишь...

Собраний было очень много, а власти — никакой. Управлял уездом не комитет, бесконечно переизбираемый, а прибывший от правительства Керенского комиссар. Но и его власти хватило ненадолго. Каждый мнил себя хозяином положения, никто никому не подчинялся. Суду было не на что опереться, малочисленная милиция оказалась бессильной.

Вся свора царских чиновников: волостные управители, приставы, крестьянские начальники — продолжали жить припеваючи. Смещенные с должности, и то не везде, они жили на прежних местах, не испытывали никаких затруднений. У нового правительства не было и мысли о том, чтобы наказать этих кровопийц за бесчинства в прошлом. Ведь совсем недавно, год тому назад, когда была объявлена мобилизация на тыловые работы, когда народ восстал против несправедливости, эти подлые живодеры-чиновники драли три шкуры с обездоленных казахов.

До глубины души угнетала нас их теперешняя безнаказанность. Мы хлопотали, бегали, требуя возмездия, и все впустую, наши жалобы шли на ветер.

В 1916 году на Спасском заводе, в селе Алексеевке, обещая освободить молодежь от мобилизации, нагло брали огромные взятки начальники Гоякович и Орлов. Свою добычу они делили с баем Сейткемелевым. Сейчас эти хапуги жили в Акмолинске, и сколько я ни добивался, чтобы их заключили под стражу и судили, все было впустую. Очень трудно было найти справедливого и власть имеющего судью, способного наказать преступников по заслугам. Каждый жил своевольно. Каждый по-своему понимал завоеванную свободу и стремился использовать ее по своему усмотрению. Стоило заинтересоваться причиной того или иного недостойного поступка, как в ответ можно было услышать пренебрежительное:

— Да ведь сейчас свобода!..

В Казахстане повсеместно начали проводиться уездные, областные съезды. В апреле состоялся областной съезд казахов в городе Омске. Представителями от Акмолинска мы направили ветфельдшера Хусаина и Байсеита. На этот съезд на свои средства самовольно отправились два степных льва, толстопузые баи: Жанторе из рода Тама и Олжабай — коржынкульский волостной управитель.

На этом съезде был избран казахский областной комитет.

От редакции газеты «Қазах» на съезд приехал из Оренбурга Мержакип.

Вскоре после съезда в Акмолинск прибыли два комиссара: Адилев и Кеменгеров, которые создали уездный казахский комитет. Но вся местная власть по-прежнему была сосредоточена в руках комиссара правительства Керенского.

То там, то здесь продолжались всякие совещания, проводились съезды. От имени казахов и казахского комитета в них должны были принимать участие наши представители.

Председателем казахского комитета стал адвокат Дуйсембаев, заместителем я. В состав комитета вошли Адилев, Кеменгеров, Шегин, позднее Айбасов и другие. Мало-мальски грамотных в уезде приняли на работу. Решено было организовать типографию и выпускать газету. Собрали деньги на покупку шрифтов и откомандировали с этой целью Дуйсембаева в Казань.

Теперь избрали председателем комитета меня. Мы продолжали рассылать уполномоченных по всем волостям Акмолинского уезда для организации волостных комитетов. Составили обстоятельную инструкцию с указанием, как организовать эти комитеты, не избирать бывших притеснителей и обидчиков населения, агитировать подписываться на нашу газету. Собирать деньги. С уполномоченными мы рассылали специальную тетрадку с указанием условий подписки на газету.

Теперь начали ухудшаться отношения между акмолинским уездным комиссаром и казахским комитетом. Я вынужден был срочно выехать в аул для улаживания одного скандального дела. Оказалось, что в мое отсутствие вернувшийся из Казани Рахимжан Дуйсембаев оскорбил на митинге уездного комиссара Петрова, назвал его провокатором. Смертельно обиженный комиссар отдал Дуйсембаева под суд. Спешно вернувшись в город, мы дали секретную телеграмму в три адреса: Омскому областному комиссару, областному казахскому комитету и областному совдепу, обвиняя Петрова в неправильных действиях.

В те дни мы жили вчетвером в одной из комнат в до-

ме, где размещался комитет: Динмухаммет Адилев, Бирмухаммет Айбасов, Кеменгеров и я.

Мы безмятежно спали. Глубокой ночью проснулись от стука. Открыли дверь и увидели почтальона.

— В чем дело?

— Получите повестку.

— Что за повестка ночью?

Почтальон вручает, смотрим — действительно повестка. Русский уездный комитет срочно вызывает нас на экстренное заседание... Мы в недоумении переглянулись, спросили у почтальона, что это за неотложное совещание и кто на нем присутствует? Почтальон ответил, что ему подробности неизвестны, приказано вручить повестку. Единственное, что он может сообщить: члены комитета уже собрались и ждут нас.

Мы быстро оделись и вышли все вместе. Почтальон сообщил, что вызывают всех членов комитета. Пришлось нам идти по квартирам, поднимать людей. По пути зашли к Баймагамбету Огизтазову, тоже члену нашего комитета, служившему прежде переводчиком при уездном начальнике.

Русским языком он владел неплохо, и мы решили пригласить его с собой. Узнав, куда мы направляемся, Баймагамбет испугался и пока собирался, все повторял: «Ну в чем там дело? Что могло случиться?» Мы чуть не силой увлекли его за собой.

Ночь стояла безлунная, темная, город спал в глубоком сне, и только горстка членов казахского комитета шагала по ночным улицам. На небе легкие перистые облака, кое-где, как будто с легкой улыбкой, подмигивает нам звезда. Подобно глазам шайтанов поблескивают темные окна спящих домов.

— Боже мой, зачем мы понадобились им, что стряслось? — продолжал волноваться Баймагамбет.— Обязательно что-то случилось, иначе не стали бы вызывать. Ай-ай, дети мои, сколько раз я предупреждал вас, вы меня не слушались. А вот и дождались. Наверное, русский царь опять сел на трон!

Пришли на заседание. Все члены комитета налицо. Царит холодное спокойствие, ни суеты, ни спешки. Присутствует уездный комиссар и секретарь партии эсеров Мартлого, тоже член комитета.

Открылось заседание, и по первому выступлению мы

поняли, почему нас сюда вызвали. Комиссар Петров узнал содержание наших телеграмм, направленных в три адреса, и созвал русский комитет, провел среди его членов соответствующую работу и вызвал нас, чтобы как следует пропесочить, показать свои права.

Разговор начался острый, крутой. Большинство русских — отменные говоруны. Особенно отличались сам Петров и Колтунов — учитель семинарии.

— Это клеветнический донос! — горячо восклицали они.— Это оскорбление представителей народной власти! Вы должны доказать виновность комиссара фактами и документами, не то вам придется отвечать перед судом! — И стучат кулаками по столу.

У нас не было никаких компрометирующих документов, к тому же мы не ожидали, что именно об этом пойдет речь и поначалу растерялись. Но понемногу начали вступать в пререкания, доказывать свою правоту. Это окончательно вывело Петрова из себя:

— Вы назвали меня провокатором в своей телеграмме в Омск! Провокаторов расстреливают. Немедленно представьте мне изобличающие факты, иначе вы предстанете перед судом! — голос его неистов, комиссар грозно ударяет саблей о пол.

— У меня немало заслуг перед революцией! — продолжал он.— Я первым выступил против царя со своими солдатами. Мой отец — старый революционер. Писатель Потапенко в своей книге писал обо мне! Мальчик Саша — это я. Так чем я заслужил, чтобы вы обливали меня грязью? — закончил комиссар, чуть не плача.

Положение казахского комитета было не из приятных. Баймагамбет под предлогом «сходить на двор» исчез. Под разными предлогами ушли с заседания Султан, Усеке (Усен Косаев), Хусаин и другие товарищи. Остались участвовать в прениях четверо: Бирмухаммет Айбасов, Динмухаммет Адилев, Кеменгеров и я.

На этом заседании мы оказались в меньшинстве и не смогли доказать своей правоты.

Тем не менее по телеграмме из Омска прибыло к нам два комиссара, русский по фамилии Хомутов и казах — А. Сеитов. Они собрали заседание казахского комитета. И поскольку мы на заседании заявили, что скандал улажен местными силами, оба комиссара спокойно отбыли обратно.

По этому примеру можно судить о деятельности нашего комитета. Только одна видимость власти, а на самом деле никакими полномочиями мы не наделены. Старые законы недействительны, а новых еще не было. Перед нашим комитетом стояла задача номер один — это ликвидация калыма и раскрепощение женщины в семье.

О полной неразберихе в деятельности нашего комитета как органа народной власти можно судить хотя бы по такому факту. На двух бывших волостных управителей поступило от населения около ста двадцати жалоб. Невозможно перечислить всех издевательств со стороны волостных, о которых говорилось в письмах. Ознакомившись с жалобами, мы решили приложить все силы для того, чтобы предать суду этих волостных, пусть они получат по заслугам за издевательства над людьми. Но Петров заявил, что мы не правомочны судить преступников. Тогда мы обратились за помощью к русским судьям, но и там получили уклончивый ответ, мол, «мы не вмешиваемся в казахские дела, решайте сами как хотите».

Тогда мы отправили в Омский областной комитет все эти 120 жалоб с просьбой разобраться и наказать виновных. Отправляя жалобы, мы намеревались одновременно убедиться в действенности Областного комитета, надеялись, что хотя бы там предпримут какие-то меры и нам потом легче будет работать. Но через несколько дней наши жалобы вернулись обратно безо всяких сопроводительных указаний и пояснений, не говоря уже о попытке принять какие-то меры по отношению к преступникам.

Члены уездного комитета очень хорошо знали обоих волостных, особенно Олжабая, Коржынкульского волостного управителя, на которого было подано восемьдесят жалоб. Слезы и стоны людей, над которыми издевались эти изверги в 1916 году, невозможно забыть. И тем не менее никаких мер для их наказания ни уездным, ни областным комитетом не принималось. Ко всему прочему членом областного комитета оказался племянник Олжабая по имени Толебай.

Сразу же после свержения царской власти Олжабай приехал в Акмолинск и как человек ловкий, авторитетный среди чиновников, имеющий хорошо подвешенный язык, начал выступать на собраниях и даже втерся в «лидеры». Самовольно отправившись на съезд в Омск, он ловко сумел протолкнуть в члены комитета кандидатуру

своего племянника. Узнав, что родственники безвинно погибших во время волнений казахов в прошлом году подали на него около восьмидесяти жалоб, Олжабай немедленно бежал из Акмолинска. Обо всем этом мы рассказали в своем донесении областному комитету, давали неоднократные телеграммы с просьбой вывести Толебая из состава областного комитета, но наши письма и телеграммы оставались без ответа, комитет к нам не прислушивался, и постепенно мы поняли, что нормальных отношений между нашим комитетом и областным не может быть.

Между тем мы продолжали вести свои уездные дела самостоятельно. Создали молодежную организацию «Жас казах» —«Молодой казах» со своим правлением и кратким уставом. В нем, в частности, говорилось: «...Организация «Молодой казах» считает революционную партию самой верной партией в России и выступает рука об руку с нею. Организация всячески поддерживает создание Федеративной Республики...»

Основной задачей нашей организации было разъяснение новой политики местному населению, а также соблюдение революционной законности. Председателем «Жас казаха» был избран Сакен Сейфуллин, а членами бюро — Адилев, Айбасов, Асылбеков, Серикбаев и Нуркин. Сначала в нашу организацию записалось около пятидесяти человек, но затем число это стало постепенно увеличиваться. Вскоре появились свой секретарь-делопроизводитель, свой казначей, своя печать. К осени мы выпустили своими силами первый номер журнала «Айна»—«Зеркало», отпечатанный в типографии.

Плохо ли, хорошо ли, сейчас трудно судить, но и в комитете и в «Молодом казахе» работа тогда кипела.

В аулах мы организовали волостные комитеты. Во многих местах нам удалось отстранить от руководства и влияния некоторых бывших чиновников, притеснителей населения. Мы всячески защищали свободу женщин, объявили, что всякая женщина имеет равные избирательные права с мужчиной. По силе возможности мы боролись с калымом. Девушку, выданную замуж за нелюбимого человека только потому, что он уплатил большой калым, мы насильно освобождали из неволи и обеспечивали ей право выйти замуж за своего избранника. Поэтому наш комитет вскоре стал для казахов всего Акмолин-

ского уезда и судом, и милицией, и верховной властью. Перед зданием, где работал комитет, всегда стояли оседланные лошади прибывших из аула посланцев. Вереницей шли в комитет девушки-казашки и молодые женщины с просьбой защитить их от выдачи замуж за калым, и мы удовлетворяли их просьбы, выдавали на руки документы, дающие им право свободного выбора жениха. Как-то раз в один день такой освободительный документ получили восемнадцать девушек аула.

Из частных писем и газет, начинающих одна за другой выходить в разных местах Казахстана, мы узнавали о повсеместных организациях комитетов и их работе. Работа в них шла по-разному, в одних уездах деловито и с результатами, а в других вяло, безынициативно.

Повсеместно стали выпускаться газеты. В Семипалатинске начала выходить газета «Сары-Арка», редактором ее был Халель Габбасов, а активными сотрудниками Ермеков, Букейханов, Турганбаев. В Ташкенте издавалась «Алаш», редактором ее был Кольбай Тогусов. Позже эта газета была переименована в «Бирлик Туы»—«Знамя единения», и редактором ее стал Мустафа Чокаев, а сотрудниками Болгамбаев, Турякулов, Ходжанов и другие. В Астрахани букеевцы издавали «Уран»—«Призыв», который редактировал А. Мусин, в Акмолинске издавалась «Тиршилик»—«Жизнь», где редактором стал Рахимжан Дуйсембаев, а сотрудниками Садвокас Сейфуллин (это я), Асылбеков, Омирбай Донентаев и другие. В Оренбурге продолжала издаваться широко известная газета «Казах», которую редактировали А. Байтурсунов и М. Дулатов. Активным ее сотрудником был Букейханов. Газета «Казах» была буржуазно-националистической и влияла на характер и содержание всех других казахских газет за исключением акмолинской «Тиршилик». Сотрудники «Казаха» рассылали по всей необъятной казахской степи письма и инструкции, разъясняя свою националистическую политику и требуя поддержки этой политики во всех печатных органах, во всех корреспонденциях, которые будут направляться в редакции.

Из газет мы узнавали о работе комитетов во всех уголках Казахстана, о политической линии комитетов, об их практических делах, об их руководстве. В то время заправляли в комитетах большей частью бывшие буржуазные интеллигенты: адвокаты, судьи, врачи, чиновники,

переводчики, в большинстве своем сыновья баев. А вдохновляли их нередко те же муллы, ишаны, бывшие волостные управители.

Расскажу об одном из событий, происшедших в Уральской области. Это было в период, когда всюду проводились областные съезды. Съезд открылся в самом Уральске, в помещении городского цирка. Избрали президиум, который занял места за столом посреди арены. Многим делегатам не хватало места, и они стояли в проходах. В цирке собрались бывшие баи, бывшие чиновники, представители интеллигенции, образованные женщины, одним словом, сливки всей Уральской губернии. В президиуме — известные всему Казахстану, высокообразованные заслуженные люди, такие, как Халель Досмухамметов, Жаханша Досмухамметов, Губайдулла Алибеков и другие. Даже просто смотреть на них было приятно, не говоря уже об их умных речах. Они сидят, как и полагается, за столом, на стульях, и только один человек сидит особняком, по-своему, прямо на арене, на мягком ковре. Сидит, как шар в масле, тучный, широкоплечий, с серебряной узорной опояской и в меховой шапке из куницы. Жир на затылке толщиной с полено, щеки отвисли как бурдюки. Зная себе цену, он изредка удостаивает окружающих своим взглядом. Зато с этого бога, «пупа земли», не сводит глаз президиум, уставился на него, словно охотничья ищейка на своего хозяина.

Все как будто идет спокойно. Но вот надменный взгляд «пупа земли» упал на двух женщин-казашек, одетых по-европейски. «Пуп» нахмурил брови и грозно пробасил:

— Это что еще за куклы там торчат?

Делегаты замерли. Президиум затрепетал, начал объяснять:

— Одна из женщин — жена Исы, другая — жена Айтжана. Обе они доводятся вам снохами.

— Гоните их отсюда! Здесь не место для бабьих сборов! — приказал толстяк.

Женщин моментально выставили из цирка.

Покончив таким образом с первым вопросом, сделали перерыв. Делегаты съезда мирно беседуют между собой. Толстый наместник бога на земле милостиво одарит словом то одного смертного, то другого. Присутствующие

жадно внимают его драгоценной речи, ловят каждое слово на лету, как ловит брошенную кость голодный пес.

— Эй, Губайдулла! — позвал толстяк члена президиума Губайдуллу Алибекова.— Ты без конца твердишь, что часто бываешь в Петербурге. Бывай там сколько хочешь, но здесь, в моих краях, не мели ерунду.

Затем толстяк обратился к муллам:

— Эй, муллы, курите табак, тогда у вас перестанет болеть голова!

Никто не осмеливался ни обидеться на слова толстяка, ни возразить ему.

Кто же он такой?

Он — потомок знаменитого Сырым-батыра, известный волостной управитель Салык.

Когда съезд закончил свою работу, Салык обратился к президиуму:

— Эй, вы там! Сейчас все без исключения должны пойти на кладбище. Будем читать коран на могиле павших в 1916 году.

Делегаты беспрекословно повиновались и, выйдя из цирка, толпой повалили на кладбище. Возле могил все уселись, скрестив ноги.

Члены президиума и вообще активисты оказались в переднем ряду — Халель, Жаханша, Губайдулла и другие. Длиннейшую суру корана «Табарак» терпеливо прослушали до конца.

Таков был характер новой власти на местах. Полноправных наместников бога на земле, вроде Салыка, можно было встретить и в других местах, с теми же повадками и отношением к новшествам.

Я уже не раз рассказывал о волостном управителе Олжабае, на которого было подано множество жалоб и который своего племянника Толебая протащил в областной комитет. Олжабай оставался безнаказанным, имел свою руку в среде новых представителей власти. Когда позднее пришли колчаковцы, Олжабай стал одним из активных руководителей уездной алаш-орды, а вышеупомянутый Салык — членом правительства алаш-орды в Западном Казахстане.

Авторитетные баи, вроде Салыка, всячески нападали и на нас в Акмолинске. Их повседневной заботой было уничтожение казахского комитета. Как только они ни обзывали нас, какую только клевету ни возводили на чле-

нов комитета. Именовали нас безбожниками, совратителями с пути истинного, возмутителями народного спокойствия.

Мы не сдавались, борьба закаляла нас.

Однажды в двенадцать часов дня мы созвали закрытое заседание комитета совместно с членами «Жас казаха». Разбирались некоторые секретные вопросы, поэтому у дверей мы поставили дежурного, чтобы он не впускал посторонних.

Был полдень, и народ, как всегда, окружал здание комитета. Только мы начали заседание, как за дверью послышался стук и сердитые выкрики. Слышно, что наш дежурный пытается успокоить напирающих, но безуспешно. Дежурный, наконец, не вытерпел и красный, с обиженным видом вошел в комнату заседаний.

— Целая толпа насела на меня, хотят силой ворваться,— пояснил он.

— Кто подстрекатель?

— Волостной Сыпан.

Сыпана мы знали как всесильного волостного. Лет двадцать пять подряд он бессменно служил волостным и был умной лисой, тонким и обходительным в разговоре и в делах, не то, что уральский Салык, который среди бела дня выбил однажды глаз одному из членов комитета в Жымпиты.

— Никого не впускай, объяви, что заседание закрытое,— настояли мы на своем.

Дежурный удалился, но через минуту послышались голоса громче прежних, дверь распахнулась, чуть не слетев с петель, и на заседание ворвалась группа жигитов во главе с Сыпаном.

— Что вам угодно от комитета?

— Ничего! — вызывающее ответили нарушители порядка.— Мы желаем присутствовать во время ваших разговоров.

— Заседание комитета закрытое, вы не имеете права здесь находиться.

— Почему закрытое? Какие могут быть тайны от нас? Мы будем присутствовать — и все!

Погорячились, понервничали, начали успокаиваться. Члену нашего комитета, казначею Нуржану Шагину Сыпан сказал следующее:

— Смотри, Нуржан, держи язык за зубами! А то я тебе быстро найду подходящее место.

Сыпан со своей свитой удалился, но заседание комитета было сорвано.

В другой раз, во время заседания «Жас казаха», произошло следующее событие. Председательствовал я. Сидели полукругом. Рядом с председательствующим — секретари и члены правления: Адилев, Айбасов, Нуркин и Асылбеков, а напротив нас Серикпаев, Донентаев и другие. Комната была наполнена до отказа, не протолкнуться. Желающих послушать оказалось немало.

Заседание продолжалось до вечера. Перед заходом солнца у дверей неожиданно началась какая-то сутолока, послышались недовольные возгласы:

— Куда лезете? Чего напираете, и так тесно!

— Что случилось?..

Мы увидели, что сквозь толпу пробирались к нам поближе пять-шесть служителей культа с сердитыми лицами. Это были известные «святые» Акмолинского уезда — хальфе Галаутдин, достопочтенный мулла Омар и другие муллы. Мы вынуждены были прервать заседание и спросить, что нужно этим людям.

— Пока ничего,— неопределенно ответили муллы и, сев в переднем углу, начали между собой о чем-то совещаться. Затем Галаутдин неожиданно приблизился ко мне и предложил:

— Господин Сакен, вы должны прекратить выступления на несколько минут.

— Зачем?

Выступающий умолк, в зале наступила тишина.

— Подошло время намаздигер[1]. Прервите собрание, идите все на вечернюю молитву,— предложил хальфе.

— Нам сейчас некогда, хальфе,— возразил я.

— Что значит некогда? Болтать вы находите время, а совершить намаз некогда? Сейчас же идемте на молитву,— приказал Галаутдин.

— Но мы не совершали омовения,— продолжал упорствовать я.— Мы не готовы к намазу.

— Омовение вы еще успеете совершить. Сейчас прервите собрание и идемте на молитву, не то время на-

[1] Намаздигер — время вечерней молитвы.

маза пройдет,— холодно, с нотками угрозы, продолжал хальфе.

Как тут быть? Меня задела за живое настойчивая наглость Галаутдина. Я оглядел лица своих товарищей, увидел напряженного, готового к схватке Бакена Серикпаева и чуть заметно кивнул ему. Он понял меня и сказал решительно и громко:

— Не говори глупостей, мулла!

Вслед за Бакеном с места вскочил Омирбай:

— Дай мне слово, Сакен!

Я предоставил ему слово. Муллы притихли в некоторой растерянности. Все присутствующие в зале затаили дыхание, ожидая, чем же кончится эта небывалая схватка молодежи со служителями культа.

Омирбай смело начал:

— Вы, муллы, обманываете народ, морочите нам голову, висите как дармоеды на народной шее! Вы двуличны, говорите одно, делаете другое, красноречивые и хитроумные лжецы! Покаетесь ли вы когда-нибудь в своих нечестных проделках? Почему вы явились сюда, какое вам дело до нас? Когда нас будут поджаривать в аду на том свете, вы сможете нам подать руку помощи?..

Муллы удалились ни с чем...

На этих примерах я хочу показать, что и волостные, и муллы действовали заодно против наших нововведений и всячески пытались оказать давление на наш комитет.

Надо сказать, что не только в Акмолинске, но и всюду по Казахстану, в той или иной степени успешно, духовная знать и бывшие царские чиновники единым фронтом шли против комитетов, пытались протащить в жизнь свои решения, навязать населению свои взгляды и попрежнему остаться у власти.

Приведу еще один пример более позднего периода. Это было во время колчаковщины.

Алаш-орда сосредоточилась в то время в двух местах: в Семипалатинске, где ею руководил Алихан Букейханов, и на западе Казахстана, в Уральской области, в Жымпиты, где руководителем был Жаханша Досмухамметов. Активными деятелями алаш на западе были Халель, упомянутый волостной Салык и другие.

Однажды все руководство западной алаш-орды собралось на квартире Халеля по случаю приезда известного хазрета Куаная, весьма высокого почетного гостя.

Лично знали Куаная и относились к нему с уважением татарские и башкирские муфтии[1] в Казани и Уфе. Естественно, что здесь смотрели на него с подобострастием и называли «хазрет».

«Хазрет» Куанай сидел величественный и сердитоважный. Глядя со стороны, можно было подумать, что это пожаловал сам будда, до того неподвижен и значителен Куанай. Он молчит, зря слова не вымолвит, а если и скажет что, то каждое его речение воспринимается как божий дар. С олимпийским спокойствием взирает хазрет на свою паству, а члены правительства сидят скромно, тихо, как ученики перед учителем. Иногда в их угодливых взглядах на Куаная можно прочесть собачью преданность, так и кажется, что вот-вот они завиляют хвостами, как верные псы перед хозяином. Тут же сидел и глава правительства Жаханша Досмухамметов. Он в новеньком, с иголочки, изящном мундире, похожий на персидского военачальника Ризашаха. Жаханша обворожителен, хочешь — не хочешь, а так и тянет еще раз посмотреть на него. Жаханша — глава алаш-орды, Жаханша — казахский хан...

Но Жаханша сидит без головного убора. И голова его не обрита по обычаю, на голове Жаханши буйная шевелюра. Полагалось бы сидеть ему в голубой тюбетейке и в меховой шапке хана, украшенной драгоценными камнями и узорами. Но нет на его голове даже тымака.

Жаханша, будто поняв вдруг свой недостаток, провел ладонью по волосам, пригладил их. Пристально проследил хазрет за движением Жаханши. Под левым глазом Куаная чуть заметно дрогнул мускул, и хазрет вдруг поднял голову, словно беркут, избавленный от кожаного колпачка. Неподвижным взглядом он впился в лицо Жаханши. Присутствующие испуганно затаили дыхание — что будет?

— Легкомысленный! — воскликнул хазрет.— Почему вы сидите здесь без головного убора? Мы вас считаем правителем, халифом. Во время каждого намаза мы молимся за вас, за ваши успехи и ваше здоровье! А вы как себя ведете? Немедленно наденьте шапку!

---

[1] Муфтий — мусульманский правовед, толкователь корана, представитель высшего духовенства.

Все испуганно всполошились, стараясь как-нибудь сгладить и замять неприятный инцидент.

— Доходят слухи, что вы неаккуратно совершаете намаз! — продолжал рассерженный хазрет.

Бесконечно повторяя «виноваты, виноваты», присутствующие насилу успокоили хазрета. Когда наступила тишина, разговор повел хозяин дома Халель:

— Ваше святейшество, сейчас мы очень загружены работой, совсем нет свободного времени, вздохнуть некогда. Разрешите нам в обычные дни совершать намаз дома, а в мечеть на молитву ходить только по пятницам.

Куанай недовольно помолчал и в конце концов разрешил членам правительства алаш-орды совершать намаз дома по причине чрезвычайной занятости.

— Но намаз в пятницу совершать в мечети! — твердо приказал хазрет, сохраняя принципиальность.

— Так и будет, ваше святейшество,— покорно согласились члены правительства...

Подобное происходило не только на западе, но и в других местах Казахстана. Алаш-орда в своей деятельности опиралась не на народ, а на прежних волостных управителей, почетных мулл и хазретов. Их непременно приглашали на все заседания и собрания, выслушивали их напутствия и советы и принимали как руководство к действию. Таким образом алаш-орда фактически осуществляла власть тех же царских чиновников в лице волостных и прежних духовных наставников в лице мулл и их приспешников.

Продолжим теперь рассказ о деятельности нашего Акмолинского комитета.

Как я уже сказал, население уезда видело в нашем комитете полноправную новую власть, суд и милицию. Мы не сидели сложа руки, без конца к нам прибывали гонцы и просители из аулов всех волостей. Работа кипела. Но вся наша деятельность заключалась в том, что сами-то мы, ни от кого не получая инструкций, советов, указаний, действовали чаще всего вслепую. Там, где требовалась большая власть, нам не на кого было опереться, не было у нас ни обязательного постановления, ни закона. А в русском комитете вообще не велось никакой работы.

Вся административная власть в Акмолинске была сосредоточена в руках прапорщика Петрова, посланного правительством Керенского. Но что он мог сделать, на какие законы опереться в своей деятельности? А ведь обстановка была очень сложной, и не только в Акмолинске, но и во всем уезде.

Веками сковывал мощный слой льда тихое море, копившее в себе силу. И вдруг лед тронулся, стихия освободилась, разбушевалась. Какая власть ее уймет теперь, кроме народной власти? Кто и где создаст эту власть, направит бушующую стихию по верному руслу?..

Таким всеказахстанским организующим центром спешила стать оренбургская газета «Қазах». Несмотря на то, что газета издавалась на окраине обширной казахской земли, у нее были все возможности стать организующим центром. Прежде всего, газета «Қазах» начала издаваться, по сравнению с другими газетами, давно — с 1912 года. Она уже успела завоевать популярность, приобрести соответствующий опыт общественно-политической борьбы, имела своего читателя.

Газета начала выходить как раз в тот период, когда усилился колониальный режим царского правительства, когда коренное население стало вытесняться с плодородных земельных угодий по берегам рек, со своих давних владений, на которых жили предки. Казахи оплакивали свою участь, тяжело переживали притеснения. Теперь многие стали осознавать свое рабство. Постепенно возникла в среде казахской молодежи тяга к просвещению, к грамоте. Ученье — свет,— говорит пословица. Как раз в это время и начала издаваться газета «Қазах». Постепенно оренбургская газета стала печатным центром казахских националистов. Вот почему после свержения царя газета «Қазах» сразу стала знаменосцем алаш-орды.

Газета объявила о созыве всеказахстанского съезда. Но прежде был созван Тургайский областной съезд, который работал со 2 по 8 апреля 1917 года. На съезд прибыли делегаты от комитетов Уральской, Акмолинской, Семипалатинской, Сыр-Дарьинской и Букеевской областей. На этом съезде и было принято решение о созыве всеказахстанского съезда, было также избрано подготовительное бюро, во главе которого стала редакционная коллегия газеты «Қазах»— Букейханов, Байтурсунов, Дулатов и Кадирбаев.

Вскоре избранное Тургайским съездом бюро оповестило о созыве первого всеказахстанского съезда в Оренбурге 20 июля 1917 года. Газета объявила о количестве представителей от каждой области Казахстана в отдельности. Затем во все комитеты были разосланы телеграммы из Оренбурга, в которых перечислялись вопросы, подлежащие рассмотрению на съезде:

Всероссийское государственное устройство.
Автономия казахских областей.
Земельный вопрос.
Вопросы создания милиции.
Земство.
Просвещение.
Судопроизводство.
Вопросы религии.
Женский вопрос.
Подготовка к учредительному собранию.
Вопрос о всероссийском совете мусульман.
Создание политической партии в Казахстане.
Вопрос о событиях в Семиречье.
Выборы представителей на Киевский съезд всероссийских федералистов и в Петербургскую просвещенческую комиссию.

Количество делегатов было очень малым. Они избирались уездными или непосредственно областными комитетами. Вскоре стало известно, что кроме делегатов официальных, избранных по положению, на съезд специальными телеграммами приглашаются некоторые отдельные особы из разных местностей, вроде волостного Салыка, «пупа земли», хазрета Куаная, а также известного уже читателю Пана Нурмагамбета. Каждый из работников комитета недоумевал: кто их вызвал и для чего? Оказывается, вызвал Букейханов, сам лично. Чем же эти люди заслужили доверие народа после свержения царской власти?

От Акмолинской области делегатами съезда были выдвинуты врач Асылбек Сеитов и учитель Магжан Жумабаев.

Так получилось, что мы, в поте лица трудясь в уездном Акмолинском комитете, оказались не по своей вине сторонними наблюдателями. Нас не привлекали к под-

готовительной работе в связи со съездом, и обо всем происходящем мы узнавали только через телеграммы, письма и газеты.

Перед съездом я получил письмо из Омска от фельдшера Шаймердена Альжанова. Я познакомился с этим товарищем, когда приехал в Омск учиться. Потом мы сошлись ближе и стали друзьями.

Когда в Омске впервые в 1913 году была организована казахская молодежная организация «Бирлик»— «Единение», мы единогласно избрали ее председателем Шаймердена Альжанова. Он уже тогда проявил себя стойким революционером. На одном из тайных собраний «Бирлика», которое состоялось в роще, Шаймерден внес предложение: создать собственными силами небольшую типографию, печатать листовки революционного содержания и распространять их среди казахского населения. Уже в то время возникал вопрос: что делать нашей организации, если свершится революция? Шаймерден твердо заявил: «При свержении царской власти мы должны выступить с оружием в руках вместе с революционными силами». Многие неодобрительно относились к его решительным высказываниям, упрекали Шаймердена в безрассудстве. Я его поддерживал. И вот сейчас, перед всеказахстанским съездом, Шаймерден прислал мне письмо:

«Саке, я еду на съезд господ в Оренбург. Я выступаю против Букейханова и буду доказывать неправильность его позиции.

Ты тоже должен раскрывать глаза народу, неустанно разоблачать подлинное лицо этих людей. До свиданья! Жди моих сообщений».

Мы начали вести подготовку к съезду, начали разъяснять народу, что манны небесной от съезда ожидать нечего.

Повестку дня оренбургского съезда мы обсудили на общем собрании нашего уездного комитета. Наиболее важным, узловым вопросом мы считали обсуждение характера нового правительства России. Вопрос этот тревожил всех, потому что на съезд в Оренбурге собирались толстопузые баи, муллы и хазреты, бывшие царские волостные. Какую форму правления они могли предложить, нетрудно было догадаться: только выгодную для себя, но не для народа.

После доклада и обмена мнениями мы приняли по-

становление комитета, и от его имени Бирмухаммет Айбасов составил следующую телеграмму оренбургскому съезду: «Мы голосуем за Федеративную республику, выступая против всех других форм правления».

Наша телеграмма поступила в Оренбург до съезда. Некоторые выступавшие также высказывались за федеративную республику. Председательствующий Букейханов лез из кожи вон, стараясь навязать съезду программу кадетской партии[1]. Он доказывал правомерность создания Российского правительства с королем и парламентом, как в Англии...

Время шло. Хаджи, муллы и бывшие волостные продолжали считать нас своими заядлыми врагами, именовали безбожниками, нарушителями народных устоев.

Получив типографский шрифт, мы начали выпускать газету «Тиршилик»—«Жизнь».

В августе состоялся у нас акмолинский уездный съезд, на который из Омска, от областного комитета, прибыл Асылбек Сеитов, участник оренбургского съезда. Он привез с собой отпечатанную резолюцию съезда и подробно рассказал, как проходил съезд. Как ни настаивал Букейханов на принятии программы кадетов, на установлении конституционной демократии в России, в конце концов он вынужден был согласиться с предложением о создании федеративной республики. На съезде было принято также постановление об организации партии «алаш» и намечены кандидатуры от всех областей Казахстана для участия в предстоящем учредительном собрании.

— Ты тоже включен в список кандидатов,— объявил мне Сеитов.— Кроме тебя от Акмолинской области поедет также Рахимжан Дуйсембаев.

Я поинтересовался, почему кандидаты на такое важное собрание включены заочно? Нашего настроения в верхах не знают, чьи мы приверженцы — им тоже неизвестно.

— Что вы будете делать, если намеченные вами представители слепо пойдут за любой русской партией? — спросил я Сеитова.

— Этого не будет! Создается своя казахская партия,— твердо заявил Сеитов.

---

[1] Букейханов состоял членом кадетской партии.

— Мы наверняка не будем состоять в той партии, где требуется милостивое благословение Олжабая или Нурмагамбета,— продолжал я.

Сеитов что-то неодобрительно мне ответил, мы вступили в пререкания и, в конечном счете, я попросил вывести меня из числа кандидатов в учредительное собрание.

Акмолинский съезд проходил в обстановке крайне тяжелой для нашего комитета. В большинстве своем делегаты оказались прихвостнями бывших волостных, их сватами и братьями. Без всяких полномочий на съезд явились бывшие волостные, крупные баи и муллы, давно точившие зубы на нас.

В комитете начался раскол. Бывшие наши единомышленники, с которыми мы работали плечом к плечу еще совсем недавно, попали под влияние волостных и затеяли с ними нечестный сговор против прежнего состава казахского комитета. Сеитов также решительно выступил против нас.

Комитет был переизбран. Председателем его стал ветеринарный фельдшер Хусаин Кожамберлин, а среди членов комитета очутились мулла Мантен, бывшие переводчики суда Ерденбаев и Сарман Шуленбаев, бывший волостной и переводчик Усен Косаев и им подобные. Кошмухаммет Кеменгеров и Динмухаммет Адилев уехали в Омск, а Айбасов направился в Атбасар, к себе на родину.

Обновленный комитет вскоре показал свое подлинное лицо. Простые люди, жаждущие свободы и справедливости, не могли найти поддержки в новом комитете и потому шли за советом, за помощью, за поддержкой в «Жас казах». Наша газета «Тиршилик» день ото дня становилась популярнее. Газета была органом «Жас казаха», и потому мы смело могли критиковать деятельность казахского комитета. От случая к случаю мы давали понять своему читателю, в чьих руках сейчас находится комитет. В одном из номеров «Тиршилика» появилось мое стихотворение под недвусмысленным названием «Сторожевые псы». Председатель комитета Хусаин Кожамберлин выразил свое недовольство по поводу этого выступления, но стихотворение тем не менее сыграло свою роль в борьбе с новым комитетом.

О «равноправии», насаждаемом новым комитетом, говорит следующий факт. По распоряжению губернского комитета начался сбор средств среди населения нашего уезда. Каждый обязан был внести по семь рублей пятьдесят копеек. Комитет требовал равного взноса и от баев, таких, как Нурмагамбет Сагнаев и Олжабай, имеющих по тысяче лошадей, и от известного своей бедностью акмолинского старика Балапана. Вот вам и равноправие. Подобных фактов было в то время множество.

Мы не могли молчать и энергично выступили против подобных бесчинств на страницах своей газеты. Мы безусловно знали, что своими решительными поступками наживаем себе врагов в такой сложной обстановке, но действовали в соответствии со своими убеждениями. Многие были несогласны с нами, ненавидели нас и сохранили свое недоброжелательное отношение к нам на долгие годы.

Весной 1925 года на Всеказахстанском съезде корреспондентов газеты «Ак-жол», созванном в Ташкенте, некий Байтасов Абдулла выступил с докладом «Об истории казахской печати». Обозревая работу и содержание газет предреволюционного периода, в меру своих сил искажая существо дела, докладчик утверждал, будто акмолинская «Тиршилик», являясь наиболее принципиальным выразителем бедняцких интересов, в то же время не могла полностью отречься от религиозных предрассудков и национализма».

Я осмеливаюсь заявить, что это пустословие. Нелепо утверждать, что каждый номер газеты был безупречным во всех отношениях, что газета никогда не «спотыкалась» в оценке того или иного события. Мы, издатели, не имели тогда достаточного опыта общественно-политической борьбы, не все были в достаточной степени грамотны. Даже и сейчас, в наши дни, есть газеты, которые время от времени порют явную чушь по тому или иному вопросу. А тогда во всем разобраться было еще труднее. Но тем не менее «Тиршилик» не выступала ни в поддержку религии, ни в поддержку националистов. Если бы наша газета была националистической по духу, то она прежде всего выступила бы на стороне алаш-орды. Этого не случилось. Была ли она религиозного направления, можете судить по следующим материалам.

«Нам нужен муфтий» — заявила на своих страницах оренбургская газета «Қазах». По поводу этого заявления в одном из номеров «Тиршилика» выступил с передовой статьей главный редактор Рахимжан Дуйсембаев. Нашу передовую перепечатал «Қазах», но со своими возражениями и примечаниями. Вот как это выглядело на страницах «Қазаха».

«...Недавно организованная в Акмолинске газета «Тиршилик» выступила с передовой статьей «Нужен ли казахскому народу муфтий», в которой доказывает ненужность муфтия и призывает к неподчинению и непризнанию его в настоящее время. Хотя это и является мнением единственной газеты «Тиршилик», тем не менее, мы решили вынести эту статью на суд читателей. Вот что пишет «Тиршилик»:

«Хотя наши казахи и вносят предложение о подчинении муфтию, но они не представляют себе ясно, нужно ли это подчинение. Одна из причин этого непонимания, по всей вероятности, может заключаться в следующем. В разговорах с казахами татары иногда не прочь заявить о том, что если казахи не признают власть мусульманского муфтия, то, следовательно, тем самым они механически переходят в подчинение русскому правительству. Это несерьезное заявление некоторые склонны принимать всерьез, видят в этом оскорбление своего национального достоинства и отсюда начинается неразбериха. Но ведь по существу и татарский муфтий подчиняется русским.

До последнего времени не было никакого официального духовного сана, который бы не подчинялся русскому царю.

Мало того, после свержения царя Николая, обнаружилось, что татарские лицемерные муфтии оказались хитроумными царскими шпионами. Они доносили царским чиновникам о всех прогрессивных деятелях, желающих блага своей нации. Царь свергнут, но муфтии остались. Они до сего времени в силе, пользуются почетом, но мы не замечаем особо благотворного влияния религии на народную жизнь, не видим плодов народного просвещения.

Когда-то казахи были подвластны муфтию. Всего тридцать лет тому назад освободились от их влияния,

когда решался важный для нас земельный вопрос. Руководители казахского движения в вопросе о земле не смогли добиться в то время каких-то ощутимых положительных результатов именно потому, что им мешали муфтии. Духовные чины не оказывали поддержки казахскому народу.

Выборы архиереев у русских проходили независимо от воли и власти царя. Сейчас у русского народа религия стала личным делом каждого гражданина. А почему мы должны рядиться в поношенную одежду и продолжать поддерживать религиозную пропаганду, становиться подвластными муфтию?

Наука утверждает, что усиление религиозного дурмана ослепляет народ, уводит его в сторону от просвещения, держит в темноте и рабском заблуждении. Одурманенный народ из муллы сделает муфтия, наделит его диктаторским полновластием, а потом не сможет от него избавиться. Такое уже случалось в истории других народов.

Каково будет бедняку, если муфтий при обряде бракосочетания, наречения новорожденного или похорон заберет у него последнего теленка от единственной коровы?

Двадцать пятого марта 1891 года было издано «Степное Положение», в котором были расписаны права и обязанности мулл, их роль и назначение в обществе. Взимание различных податей было официально запрещено муллам. Но народ этого не знает. А безграмотный аульный старшина вменил в обязанность подчиненному населению платить специальный налог за похороны, за бракосочетание, за имя новорожденному. Этот налог вошел в привычку как дань царю.

У казахского народа сейчас много неотложных задач, ему необходимо добиваться личной свободы, а не сажать себе на шею муфтия.

О том, что муфтий не нужен казахам, что они не видят пользы в его назначении, красноречиво показали выборы ахонов[1] в Акмолинске.

Рахимжан Дуйсембаев»

В то время ни одна казахская газета, кроме «Тиршилика», не выступала со смелой статьей такого, явно анти-

[1] Ахон — духовный чин, равный хазрету. Ахон имеет ученую степень.

религиозного, характера. Все газеты того периода выражали интересы алаш-орды. Программа этой партии была для них призывом и знаменем, а опорой по-прежнему служили седовласые баи, маститые волостные, «святые» хазреты. В «Тиршилике» было особое положение по сравнению с другими редакциями. Нашей опорой была многочисленная городская и аульная беднота, а активными сотрудниками — члены молодежной организации «Жас казах».

И в самом Акмолинске и в аулах газета «Жас казах» пользовалась значительно большим авторитетом, чем новый комитет. Мы решительно вмешивались в дела комитета, когда остро стоял вопрос о насильной выдаче замуж, о калыме, о чьих-то несправедливых действиях.

Новый комитет, как ни старался, не мог завоевать авторитет у народа. Да и неудивительно, потому что новый комитет не вносил в жизнь казахов ничего нового, а тянул к старинке, плясал под дудку баев и волостных. Ясно, что с такой ориентацией комитетчикам нечего было надеяться на народную поддержку. На каждом заседании комитета неизменно присутствовал кто-нибудь из активных членов «Жас казаха», следил за тем, чтобы не извращалась революционная политика, не попирались интересы простого населения.

Какую бы очередную подлость ни проводили в жизнь комитетчики под нажимом баев, мы всячески старались придать этому делу широкую огласку, выводили на чистую воду всех нечестных деятелей комитета.

Нам было трудно бороться. Мы опирались на многочисленную, но пока еще не имеющую определенной программы бедноту, а комитетчики опирались на мощную поддержку баев и волостных, которые знали, чего хотели, цель их была ясна, и они не жалели средств на установление связей, на подкупы, любыми путями добивались своего, действовали незаметно, тихой сапой.

Наступила пора, когда наша организация не могла больше ограничиваться полумерами, и мы решили вести открытую борьбу против комитета.

Мы созвали закрытое совещание нашей организации в здании школы, где я жил вместе с учителем. Собрались вечером с наступлением сумерек. Пришли не только члены «Жас казаха», но и некоторые из приглашенных, те, кому мы доверяли полностью.

Присутствовали Байсеит Адилев, недавно прибывший из Омска, Рахимжан Дуйсембаев, наш ведущий писатель и главный редактор «Тиршилика», и другие руководители организации. Я — председатель, Адилев — секретарь, На этом совещании мы пришли к единодушному мнению: необходимо снизу, силами народа, расформировать казахский уездный комитет.

Мы вынесли резолюцию, в которой доказывали необходимость расформирования комитета. Резолюцию мы переписали в пяти экземплярах, чтобы вручить ее всем наиболее важным городским русским организациям.

Нами был принят следующий план действий.

Рано утром, до начала работы, мы одновременно являемся в наиболее важные городские организации и вручаем резолюцию собрания «Жас казаха». Затем мы собираемся в назначенном месте общего сбора — на квартире Асылбекова, неподалеку от здания комитета. Здесь мы берем в руки лозунги, заранее написанные, и колонной идем в комитет со своими требованиями.

Мы распределили обязанности между собой. Для вручения резолюции Байсеит и Жумабай идут к уездному комиссару Петрову, я иду к солдатам гарнизона и выступаю с коротким докладом, два других товарища направляются в русский комитет и тоже дают разъяснения по нашей резолюции, еще двое должны оставаться на квартире Асылбекова и писать лозунги. Дуйсембаев, Серикпаев и еще несколько человек должны пойти на базар, где с утра собирается городская казахская беднота, там выступить, зачитать резолюцию, призвать народ к демонстрации и увлечь за собой.

Распределив обязанности, поздно ночью мы разошлись.

Утром каждый отправился выполнять свое задание.

В гарнизоне солдаты заявили о своей солидарности с нами. Заручившись поддержкой, мы спешно направились к месту сбора. Уездный комиссар, услышав о нашем намерении расформировать комитет, пришел в ярость. «Не позволю! Прекратите сейчас же! Если устроите демонстрацию, арестую всех до единого!»— кричал Петров.

К месту нашего сбора стал стекаться народ. Прибежал какой-то проходимец, явно подосланный комитетом:

— Ойбой, в комитет явились четыре милиционера с

оружием, сам уездный комиссар и еще двое русских! — завопил он.

— Пусть идут сюда. От своего намерения мы не откажемся!

Мы решительно вышли на улицу с лозунгами. К нам примкнула большая толпа, состоящая в основном из городской бедноты.

Все члены комитета при нашем приближении разбежались через двери подвального помещения. Навстречу нам вышел комиссар Петров и начал защищать права комитета. Двое наших отчаянно с ним заспорили, горячо обвиняя комитет в ошибках, в его неправильной линии. Эти два наших жигита (Хусаин Жалмагамбетов, а другого не помню) недавно прибыли из степи, знали тамошнее положение и потому горячо и страстно схватились с уездным комиссаром. Я их поддержал.

Рядом с комиссаром появился ответственный секретарь акмолинских эсеров. Он спокойно, солидно, как опытный руководитель и оратор, вступил в разговор и начал нас успокаивать. Насколько умеренно говорил эсеровский представитель, настолько несдержанно вел себя комиссар. Он бушевал как пожар. В конце концов, смирив свой гнев, комиссар попросил у нас отсрочки на пятнадцать дней, чтобы за это время провести перевыборы казахского комитета.

Мы разошлись.

После этой шумной демонстрации комитет окончательно потерял свой авторитет в глазах народа. Люди понимали, что такому комитету теперь грош цена в базарный день.

Прошло пятнадцать дней, но комиссар и не думал проводить перевыборы. Тогда мы снова начали борьбу с комитетом. На людном базаре выступил с речью Рахимжан Дуйсембаев. Он убедительно доказывал народу, что комитет создан для пользы баев, волостных и их приспешников, но не для народного блага.

— Разогнать их силой! — послышались возгласы, и толпа снова двинулась к дому, где находилась канцелярия комитета. Но члены его опять благоразумно скрылись. У запертой двери нас встретил старик-хозяин.

Толпа разошлась...

БОРЬБА ЗА СОВЕТЫ

В ноябре мы получили телеграмму, возвестившую, что в Петрограде свергнуто правительство Керенского и что власть перешла в руки большевиков.

После Октябрьской революции общественно-политическая жизнь в Акмолинске забурлила, как в медном котле.

Участились собрания, митинги, возобновились горячие споры.

В открытой борьбе за создание акмолинского Совета русские и казахские товарищи шли рука об руку. С нами были Дуйсембаев, Асылбеков, Серикпаев, Нуркин, Бекмухамметов (Нургаин), Адилев, Хандельдин Ували, Гизатуллин, Кошербай и другие; солдаты гарнизона — Монин, Кривогуз, Лозной, Коломейцев, Репшнейдер, рабочий Экибастузского завода Бочок; член партии левых эсеров адвокат Трофимов, учитель семинарии Горбачев и левый эсер Мартлого.

Проводили множество собраний и митингов. Противником установления власти Советов оказалось все без исключения русское казачество. Упорно сопротивлялись, не признавая власти Советов, баи, потомственные дворяне, офицеры; против нас выступал казахский комитет как единомышленник партии алаш. Хотя правительство Керенского было ликвидировано, но его акмолинский комиссар Петров продолжал находиться у власти.

Словом, противников была тьма, а нас очень немного.

Согласно решению Оренбургского съезда, руководимого Букейхановым, во всех уголках Казахстана организовалась партия алаш. В губерниях и уездах открылись ее комитеты. Во всех газетах, кроме «Тиршилик», была

опубликована ее программа. Газеты печатали восторженные статьи, пели хвалебные гимны партии алаш, программа которой складывалась из лоскутьев меньшевистской, эсеровской и кадетской программ.

Свою пустозвонную программу алаш не могла провести в жизнь до тех пор, пока не получила поддержки Колчака.

Все интеллигенты-националисты до небес поднимали Алихана Букейханова, считая его мудрым и законным лидером всей алаш. Они не жалели сил и средств для доказательств своей правоты и готовы были топать ногами на инакомыслящих.

Букейханов прибыл на Сибирский съезд, побывал в Омске и в Семипалатинске, выступал с речами. Образованные господа, маститые националисты, торгаши-коммерсанты, учащаяся молодежь — байские сынки, выйдя на дорогу, с почетом встречали Букейханова.

Для иллюстрации приведу выдержку из статьи, опубликованной в «Казахе» от 21 ноября 1917 года. Статья перепечатана из «Сары-Арки», и в ней в качестве примера, достойного подражания, перечисляются те, кто с почетом встречали и приветствовали Букейханова в Семипалатинске: Шайки Мусатаев, Ахметжан Козыбагаров, Маннан Турганбаев, Султанмахмут Торайгыров, Аймаутов и другие.

Из каждой губернии Казахстана для участия в работе Всероссийского учредительного собрания «алаш-орда» наметила делегатов и опубликовала их имена в газете от 14 ноября 1917 года.

I. От партии «Алаш»

От имени центрального органа партии «Алаш» в Учредительное собрание выдвигаются из Тургайской области (список № 1) следующие делегаты:

1. Ахмет Байтурсунов 2. Ахмет Беремжанов 3. Сагындык Досжанов 4. Абдолла Темиров 5. Тель Жаманмурунов 6. Ержан Оразов 7. Алихан Букейханов.

II. От Акмолинской и Семипалатинской областей

Список № 5

1. Алихан Букейханов 2. Айдархан Турлыбаев 3. Алимхан Ермеков 4. Халель Гапбасов 5. Асылбек

Сентов 6. Мукыш Бочтаев 7. Ережеп Итбаев 8. Жакип Акпаев 9. Сейльбек Жанайдаров 10. Раимжан Марсеков 11. Жумагали Тлеулин 12. Биахмет Сарсенов 13. Рахимжан Дуйсембаев 14. Ахметжан Козыбагаров 15. Магжан Жумабаев 16. Абикей Сатбаев 17. Сыдык Мешинбаев 18. Базыкен Ускенбаев 19. Салмакбай Кусемисов.

III. От Уральской области

1. Халель Досмухамметов 2. Жаханша Досмухамметов 3. Нургали Епмагамбетов 4. Губайдулла Алибеков 5. Салимгирей Каратлеуов 6. Омар Есенгулов 7. Гайса Кашкинбаев.

IV. От Семиреченской области

Список № 2

1. Мухамметжан Тынышбаев 2. Шибалин (русский) 3. Отынши Альжанов 4. Ачкасайский (русский) 5. Габдуллин 6. Ниязбеков 7. Мирзахан Толеубаев 8. Бабкин (русский) 9. Пропкин (русский).

Список № 3

1. Ибраим Жайнаков 2. Шандириков (русский) 3. Садык Аманжолов 4. Дур Сауранбаев 5. Базарбай Маметов.

V. От Букеевской области

Список № 8

1. Уалитхан Танашев 2. Бахиткерей Кулманов.

Список № 2

1. Кадим Сармолдаев 2. Салимгирей Нуралиханов.

В общем перечне отсутствовал только лишь список делегатов от Сыр-Дарьинской области.

Руководители алаш-орды с первых дней революции выступили бешеными противниками советской власти. Газеты алаш-орды громко обливали грязью большевиков, всячески клеветали на основателей советской влас-

ти. «Большевики являются секретными агентами немцев, продались им за деньги»,— лихорадочно твердили газеты.

В газете «Қазах» от 14 ноября 1917 года Букейханов и его «единоверцы» опубликовали гнусную статью против партии большевиков. Они грубо вульгаризировали смысл большевистской деятельности, рисовали большевиков двуличными, хитрыми и всячески поносили их, пытаясь вызвать у читателя отвращение к большевикам. Под этой статьей подписались А. Букейханов, А. Байтурсунов, М. Дулатов, Ахмет Беремжанов, С. Досжанов, Ж. Жанибеков, Файзулла Галимжанов, К. Аргынгазиев, Г. Жундибаев, Газимбек Беремжанов. В том же номере от 14 ноября опубликована дополнительная телеграмма, подписанная А. Букейхановым, А. Байтурсуновым, С. Досжановым, Ельдесом Омаровым о созыве II съезда в Оренбурге.

По этой телеграмме вызывались на съезд представители от каждой области, по одному человеку от редакции каждой газеты, от вновь открываемой организации. Причем своих единомышленников — мырз, кази и других духовных чинов, буржуазных интеллигентов — газета указывала поименно: кази Омар Қарашов, кази Қаирша Ахметжанов, кази Габдулла Ешмухаметов, ишан Ахмет Оразбаев, Қожахмет Оразаев, Қоргамбек Беремжанов, Кулмамбет Қанкожин, Шакарим Кудайбердин, Жусипбек Басыгарин, Мустафа Чокаев, Халель Досмухамметов, Жаханша Досмухамметов, Уалитхан Танашев, Бахиткерей Кулманов, Жангожа Мергенов, Ишангали Арабаев, Ораз Матиев, аксакал Шонан, хаджи Отарбай Кундыбаев, Ахметкерей Қосуаков, Нурлан Қияшев, Нурмагамбет Сагнаев, Шангирей Букеев, хаджи Есенгул Маманов, Мухамметжан Тынышпаев, Салык Қарпыков, Сапар Наурызбаев и Ильяс Жангарин.

Согласно телеграмме, наравне с представителями других газет, вызывался на съезд представитель и от нашей «Тиршилик», и от вновь открытой организации «Жас казах». Но мы ни от редакции, ни от организации «Жас казах» никого на съезд не послали. В списке специально вызванных значились из акмолинцев Нурлан Қияшев и Нурмагамбет Сагнаев. Этим двум аксакалам, в прошлом крупным феодалам, беспрекословно подчинялись все казахи. Нурлан Қияшев до свержения царя двадцать пять лет непрерывно был волостным управите-

лем, не раз награждался царем и одаривался генералами. В его табунах насчитывалось около полутора тысяч лошадей. Он являлся всемогущей опорой тридцати волостей крупного рода Куандык. А Нурмагамбет, по прозванию Пан (надменный), в честь прибытия царского наследника устроил в Омске пир горой, подарил наследнику орнаментированную золотом белоснежную юрту и три косяка молодых кобылиц с жеребцами; один косяк исключительно чубарых, с черными пятнышками, будто капли на белой бумаге, другой косяк — черных кобылиц, похожих на бобров, третий косяк отличался изумительной белизной. Было у Пана много чинов, наград, почетных грамот, полученных от самого царя и наследника. Этот известный блистательный бай, авторитетный волостной съездил на паломничество в Мекку, стал хаджи, но был неграмотным, как и другой делегат от акмолинцев Нурлан Кияшев.

Таким образом и второй «Всеказахский» съезд оказался в руках баев, хаджи, бывших волостных и «святых» хазретов.

В Оренбурге собрались отборные волки алаш. От города Акмолинска были на съезде хальфе Галаутдин и купец первой гильдии Кул Пауенов.

Съезд вынес решение организовать единое правительство алаш, создать регулярное войско и начать сбор средств. Избран состав правительства, говоря по-казахски, выбраны визири.

Двадцать пятого января 1918 года газета «Сары-Арка» перепечатала объемистую сводку из газеты «Казах». Она начинается так:

РЕЗОЛЮЦИЯ ВСЕОБЩЕГО КАЗАХ-КИРГИЗСКОГО СЪЕЗДА...

Съезд проходил с пятого по тринадцатое декабря в Оренбурге, куда прибыли делегаты из всех восьми областей Казахстана.

Съезд созван по инициативе Алихана Букейханова, Ахмета Байтурсунова, Ельдеса Омарова, Сагиндыка Досжанова и Мержакипа Дулатова.

В работе съезда приняли участие представители различных организаций и газет, как, например, Муртаза Нурсеитов, Абдрахман Муртасинов, Абульгазиз Улке-

шев, Бернияз Кулеев, Абильхамит Жундибаев, Абильгазиз Мусин, Кошмухаммет Кеменгеров и Хайритден Болганбаев.

Специально приглашены Бахиткерей Кулманов, Жаханша Досмухамметов, кази Омар Карашев, кази Абуль Ешмухаметов, Мади Макулов, Халель Досмухамметов, Есенгали (Ишангали) Арабаев, Ахметкерей Косуаков, Уалитхан Танашев, Жангожа Мергенов, Салик Карпыков, хаджи Отарбай Кундыбаев, Мустафа Чокаев и Ильяс Жангарин.

Президиум съезда: председатель Бахытkерей Кулманов; члены: Алихан Букейханов, Халель Досмухамметов, Азимхан Кенесарин, Омар Карашев,

Секретари: Даулетше Кусепгалиев, Мержакип Дулатов, Сейдазим Кадирбаев.

Перед открытием съезда слово взял Алихан Букейханов и сказал: «Знаменитый оратор, получивший на прошлом многолюдном собрании премию за красноречие, вызванный и на этот съезд, наш дорогой аксакал Ораз Татиев скончался. Поэтому до начала съезда я предлагаю прочитать молитву за помин души Ораза!»

Присутствующие, прочитав молитву за помин души Ораза, приступили к совещанию...

Вопросы, подлежащие обсуждению на съезде:

1. Об автономии Сибири и Туркестана и юго-восточном союзе.
2. О казах-киргизской автономии.
3. О создании милиции.
4. О национальном Совете.
5. Вопросы просвещения.
6. О национальном казначействе.
7. Вопросы избрания муфтия.
8. О народном суде.
9. Об аульной администрации.
10. Вопросы продовольствия.

По разбираемым вопросам принято постановление. Съезд решил собрать несколько миллионов рублей на содержание нового правительства, организовать милицию из нескольких тысяч человек, распределить их по областям. Избрано правительство алаш-орды.

1. Из Букеевской губернии — Уалитхан Танашев
2. Из Уральской — Халель Досмухамметов
3. Из Акмолинской — Айдархан Турлыбаев
4. Из Тургайской — Ахмет Беремжанов
5. Из Семипалатинской — Халиль Гапбасов
6. Из Семиреченской — Садык Аманжолов
7. Из Сыр-Дарьинской — Мустафа Чокаев.

Вне областей избраны:

8. Алихан Букейханов
9. Жаханша Досмухамметов
10. Алимхан Ермеков
11. Мухамметжан Тынышпаев
12. Бахыткерей Кулманов
13. Жакип Акпаев
14. Базарбай Маметов
15. Отынши Альжанов

Заместителями избраны:

1. Гайса Кашкинбаев
2. Тусипбек Жакиппаев
3. Ережеп Итпаев
4. Сатылган Сабатаев
5. Есенгали Касабулатов
6. Батыркаир Ниязов
7. Мукиш Бочтаев
8. Сеильбек Жанайдаров
9. Салимгирей Нуралиханов
10. Омар Алмасов
11. Сейдазим Кадирбаев
12. Асфандияр Кенжин
13. Штабс-капитан Бегимов
14. Есен Турмагамбетов
15. Жанеке Султанбаев

На пост председателя алаш-орды выдвинуты на голосование Алихан Букейханов, Бахыткерей Кулманов и Айдархан Тулыбаев.

Голосовали за Алихана — 40, против — 18, за Бахыткерея — 19, против — 39, за Айдархана — 20, против — 38.

Большинством голосов председателем правительства алаш-орды избран Алихан Букейханов.

В комиссию просвещения избран Ахмет Байтурсунов, Магжан Жумабаев, Ельдес Омаров, Биахмет Сарсенов, Тельжан Шонанов.

Так внезапно и поспешно было создано правительство алаш-орды. Байские националистические поэты слагали в честь его хвалебные оды и, не стыдясь народа, публиковали в газетах.

Перед вторым Всеобщим казах-киргизским съездом в номере 254 в декабре 1917 года газета «Қазах» опубликовала текст телеграммы «Об автономии Туркестана». В ней говорилось следующее:

«Коканд. 2 декабря. 27 ноября в Коканде состоялся краевой съезд мусульман. Объявлена Туркестанская земельная автономия. Народ радостно встретил это событие. Избрано новое правительство — Временное национальное собрание. В январе созывается Учредительное собрание Туркестана. Город Коканд является резиденцией Временного правительства.

Хайритден Болганбаев»

Так появилась известная кокандская автономия. Некоторые отщепенцы-интеллигенты из алаш-орды, сговорившись втихомолку с узбекскими и татарскими буржуазными деятелями в Коканде, избрали сами себя в туркестанское правительство, объявили автономию. Главой правительства оказался Мухамметжан Тынышпаев, а членами его Мустафа Чокаев и другие.

Когда же было объявлено о созыве Второго казах-киргизского съезда, член туркестанского правительства Мустафа Чокаев немедленно отправился в Оренбург. На съезде Чокаев дал понять, что казахи Семиречья и Сыр-Дарьи напрасно медлят и не присоединяются к туркестанской автономии. Таким образом, после съезда этот «герой» оказался членом двух «правительств»...

На страницах газет не раз публиковался состав губернских комитетов алаш-орды. Кстати, позволю себе привести списки членов комитетов трех губерний.

В номере 254 газеты «Қазах» от 18 декабря 1917 года специальный корреспондент ее сообщает:

«Акмолинская область.

Об открытии областного комитета алаш-орды в гор. Омске уже было объявлено в газете. В комитет избраны следующие люди:

Асылбек Сеитов, Магжан Жумабаев, Мухтар Саматов, Айдархан Турлыбаев, Бекмухаммет Серкебаев, Еркосай Мукушов, Ережеп Итбаев, Динмухаммет Адилев, Кошмухаммет Кеменгеров, Мусулманбек Сеитов, Жумагали Тлеулин, Ос. Ахметов, Хусаин Кожамберлин, Кожахмет Какенов. Комитет алаш-орды посылал людей в каждый уезд для разъяснения выборов в учредительное собрание. Они открыли свои комитеты в пяти уездах Акмолинской губернии».

В № 253 «Қазаха» за декабрь 1917 года опубликовано следующее:

«Партия алаш.

Мы уже сообщали об открытии областного комитета в Семипалатинске. В последнем номере «Сары-Арки» напечатана такая статья:

«В Семипалатинске открылся временный областной комитет партии алаш. В его состав вошли следующие: Алимхан Ермеков, Раимжан Марсеков, Имам Алимбеков, Ахметжан Козыбагаров, Турагул Кунанбаев, Халель Гапбасов, Сыдык Дуйсембаев, Алихан Букейханов, Мустаким Малдыбаев, Данияр Мулдабаев, Биахмет Сарсенов, кроме них предлагается ввести в комитет по одному человеку от каждого уезда. Председатель комитета Халель Гапбасов, заместитель Ахметжан Козыбагаров, секретарь Сыдык Дуйсембаев, казначей Данияр Мулдабаев. Почетным председателем избран Алихан Букейханов...»

В № 250 «Қазаха» за ноябрь 1917 года сказано:

«Партия алаш.

В Оренбурге организован Тургайский областной комитет партии алаш. В комитете 14 человек, из них десять из Оренбурга и по одному из четырех уездов.

Оренбургские члены: Ахмет Беремжанов, Ахмет Байтурсунов, Алихан Букейханов, Ельдес Омаров, Омар Жанибеков, Мержакип Дулатов, Габдулхамит Жундибаев, Сагиндык Досжанов, Габдукарим Досжанов (из

Тургая), Тельжан Шонанов (из Иргиза), Есенгали Нурмухамметов (из Актюбинска), Мырзагазы Еспулов (из Кустаная). Председатель Тургайского комитета алаш — Алихан Букейханов, заместитель — Ахмет Байтурсунов, секретарь — Мержакип Дулатов, казначей — Жанузак Жанибеков.

Членские взносы партии алаш — один рубль».

В номере 253 газеты «Қазах» помещено объявление, перепечатанное из «Сары-Арки», где сказано: «Членом партии алаш может быть только тот, кто беспрекословно выполняет указания центрального комитета партии алаш и признает правильной ее программу».

Проводить выборы в учредительное собрание к нам прибыл из Омска от областного комитета алаш-орды Мухтар Саматов. В тот период Мухтар всецело доверялся Букейханову и его подручным.

В Акмолинске был организован уездный комитет партии алаш-орды, который начал вести подготовку к выборам в учредительное собрание. Разумеется, все велось к тому, чтобы казахи отдавали свои голоса за кандидатов партии алаш.

Полумертвый казахский комитет Акмолинска по приезде Мухтара Саматова начал оживать.

Я пошел в комитет, чтобы встретиться с Мухтаром. Поздоровались. Когда-то мы были близкими товарищами, создавали вместе во время учения в Омске организацию «Бирлик» (Единение), которая действовала с 1913 по 1916 год.

— Ты согласился вступить в партию «уш жуз»? — поинтересовался он.

— Нет. Мне не нужна ни партия алаш, ни «уш жуз»! Ни с той, ни с другой программой я не могу согласиться полностью. Но мои симпатии больше на стороне «уш жуза».

— А какую сторону ты будешь поддерживать в учредительном собрании?

— Кого поддерживать, посмотрю сам. Но пока не примкну ни к алаш, ни к «уш жузу»!

К слову, что это за партия «уш жуз», которая организовалась в Омске параллельно с областным комитетом партии алаш?

Организовали ее жители Омска Мухан Айтпенов,

Кольбай Тогусов, Шаймерден Альжанов и другие. Они называли ее социалистической партией «уш жуз» и в свой список заочно включили и нас — акмолинских товарищей.

Сразу же после организации «уш жуз» начала поливать грязью лидеров алаш-орды. Делала она это с помощью газеты «Уш жуз», издаваемой в Петропавловске. Со страниц ее так и летела ругань в адрес вождей алаш.

Конечно, в ответной ругани главарям «уш жуза» ни на иоту не уступали главари алаш-орды. Они тоже умели браниться и, более того, превосходили намного своих хулителей в этом отношении. Алаш-ордынцев было много, ведущее ядро партии было достаточно грамотно, имело опыт политической борьбы, к тому же все областные газеты, кроме «Тиршилика», находились в его руках. Семипалатинская «Сары-Арка», ташкентская «Бирлик туы», астраханская «Уран», оренбургская «Казах» — скопом обрушились с бранью на редакцию газеты «Уш жуз». Обругать можно кого угодно, было бы желание, а мастерства в этом отношении изощренным краснобаям алаш не занимать.

Газета «Казах» была самой старшей по времени издания, самой опытной. Как же ей не превзойти в мастерстве остальных? Чтобы читатель воочию убедился в этом «мастерстве» и понял подлинную позицию алаш в отношении «уш жуза», приведу некоторые выдержки из «Казаха» и «Сары-Арки».

В номере 260 «Казаха» перепечатана следующая статья из «Сары-Арки»:

«Отменные подлецы среди казахов.

После получения долгожданной свободы у нашего народа открылись глаза, установилось единство взглядов, взаимное понимание. В большинстве своем население стало жить лучше, богаче. Но всегда находятся среди народа отдельные необузданные люди, которые начинают от жира беситься. Нашлись и у нас хитроумные мерзкие отщепенцы, которые совращают народ, честно последовавший за своими руководителями, идущими по праведному пути. У нас появились люди, забывшие понятие чести, не имеющие и малейшей совести. Под пред-

логом распространения новостей они своей газетой сеют среди населения смуту, намереваются творить бесчинства. Знаменосцев партии алаш, великомучеников, горой стоящих за народ, они, эти подлецы, как свора бешеных псов, хотят загрызть, обглодать или смертельно ужалить, как ядовитые змеи. Прикрываясь именем «Уш жуза», они из своей нечистой пасти извергают грязную брань по адресу благонамеренных, честных людей партии алаш. Четвероногих хищников истребляют стрихнином, ядом, и с той же целью мы заявляем следующее:

Поймите раз и навсегда, что в партии «уш жуз» действуют самые склочные, скандальные, бессовестные задиры. Это — болезнь на здоровом теле народа. Не слушать их, избегать, остерегаться — долг каждого достойного сына алаш, нации. Испокон веков казахи находились под пятой чужеземцев, терпели угнетение и оскорбления. Теперь пришло время твердо заявить всем ловкачам «уш жуза»: не развращайте народ. Объединять и сколачивать его не вашего ума дело. Народ не может пойти в пропасть, слепо следуя за вами. Не расстраивайте народ. Если хотите искать кусок хлеба за пазухой у покойного, то ищите его там, только не здесь!

Мы последуем за партией алаш. Наши верные проводники в будущее только там.

Члены Семипалатинского уездного земства — Ахметжан Андамасов, Жамшырбай Шулембаев, Темирши Жунусов, Садык Дуйсембаев, Курмамбай Муздыбаев, Байсеке Есиркепов, Майлыбай Есенбаев, Имамбазар Казангапов, Райымжан Марсеков, Калдыбай Будамбаев и Кокбай Шанатаев».

В газете «Казах» 12 ноября 1917 года опубликована статья «Тюрко-татарские покровители»:

«Мы получили телеграмму от Омского областного комитета алаш-орды.

Заядлые враги алаш извращают линию партии, распространяют клеветнические слухи среди населения. Просим срочно опубликовать на страницах «Казаха» программу алаш-орды...

После этого 17 ноября мы получили из Омска и другую телеграмму:

«Недовольные программой партии алаш, созданной славным кадетом Букейхановым, появились казахи, самостоятельно организовавшие социалистическую партию под названием «уш жуз». Цель этой партии: поддержать федерацию, организовать новое тюрко-татарское сообщество, ввести своих кандидатов в список для учредительного собрания. Председатель президиума Айтпенов, секретарь Кубеков».

Эта телеграмма отправлена в два адреса: в редакцию «Казаха» и в редакцию «Нового времени»[1].

С получением ее татары, наверное, подумают, что в конце концов нашелся один «герой» из казахов, призванный объединить все тюрко-татарские племена.

Откуда татарам знать, какова сущность этого выскочки? Может ведь случиться и так, что татары ему не поверят. Так же, как и не поддались бы на удочку казахи, если бы некий татарин, допустим, Фатихулла, дал нам телеграмму из Казанской губернии и оповестил нас, что он, мол, организует тюрко-татарское племя. Неужели мы поверили бы и отнеслись к его поступку здраво и с уважением?

Имя Айтпенова, автора этой телеграммы — Мукан. Хотя и не знаком весь земной шар с Муканом, но он хорошо известен в Омском уезде. Узнали о нем и мы. Если это тот самый Мукан, который создал партию «уш жуз» для объединения тюрко-татарских племен, то избавь нас, боже, от подобных благодетелей, другого желания у нас пока нет.

Но, может быть, мы ошибаемся, принимая эту партию «уш жуз» за ту, которую знали раньше. Если это одна и та же партия, то непонятно, почему при падении курса рубля ее не переименовали в «одну тысячу», а по-прежнему ограничиваются лишь «тремя сотнями»[2].

Мы думаем, что Мукан, заразившись большевистской болезнью, решил создать «социалистическую» партию, но без своей личной выгоды. Когда он станет социалистом, то есть равноправным, то все его имущество, нажи-

---

[1] «Новое время» — татарская газета в Казани.

[2] «Уш-жуз» — три сотни, здесь игра слов.

тое с 25 июня прошлого года, не станет ли достоянием всего общества?»

Тургайский областной комитет алаш-орды.

26 ноября 1917 года в «Казахе» № 252 опубликована статья Мадьяра (псевдоним Дулатова) под заголовком «Проходимцы «уш жуза».

«...В Омске объявился Мукан, который ловит рыбу в мутной воде. Этот человек после объявления свободы стал чрезвычайно разнузданным, самовольничал, вредил народному делу, поэтому Акмолинский областной комитет решил пресечь его недостойные дела, крепко предупредил. После этого предупреждения вожак Мукан, посоветовавшись со своими дружками, известными сумасбродами, такими, как Кольбай (Тогусов) и Шаймерден (Альжанов), решил самолично арестовать членов областного комитета. Человек 50-60 разного сброда среди бела дня окружили квартиру Айдархана (Турлыбаева), председателя комитета. Хозяина дома не оказалось, хулиганы избили прислугу, учинили скандал. Домашние сумели по телефону из квартиры Айдархана сообщить в милицию. Пришли милиционеры. Вместе с казаками освободили членов комитета из-под стражи и арестовали на месте преступления липовых «революционеров». Сейчас ведется следствие. Выпустили их или на поруки, или под залог, неизвестно, но говорят, что сейчас «герои» эти находятся на свободе.

Замышляли по глупости переворот, намеревались арестовать кого-то и попали в тюрьму сами. Слух об этой истории разошелся повсеместно. Как же теперь им не сцепиться в драке с областным комитетом?

Сейчас готовятся перевыборы в земство, и Мукану очень хочется стать его гласным членом... Не зная, что делать, он мечется, словно взнузданный конь, грызет удила. А тем временем задерживаются выборы учредительного собрания городских округов в Акмолинске и Семипалатинске, кончается срок подачи списков участников этого собрания. Политические проходимцы радуются, все это им на руку, лишь бы себя показать.

«Если вы открыли партию алаш, то и мы не лыком шиты, откроем «уш жуз». С божьей помощью и мы сможем создать суматоху. Если вы предложили список,

то и мы внесем свой»,— заявили они, составили список из девяти «лучших» людей и вручили его комиссии.

Коль надо, вот вам список! Внести его — дело плевое! Если наберется под ним сто подписей, то вносить список может кто угодно. Но речь идет не о количестве списков, а об их составе. В Акмолинской и Семипалатинской областях имеются десять уездов. После революции состоялось несколько съездов, на которых избирались честные люди волей народа. На Всеказахстанский съезд, проходивший 21—26 июня, также избирались любимцы народа. Имена избранников объявлялись на страницах газеты «Казах».

Никто не направлял отщепенцев по этому рискованному пути. Они сами, сговорившись между собою, решили отомстить Акмолинскому областному комитету, не думая, что причиной всех неприятностей является глупость их самих, выразившаяся в том, что они предложили свой список.

Вот вам два списка, сравните, взвесьте кандидатуры каждого из них:

От имени алаш	*От имени «уш жуз»*
1. Алихан (Букейханов)[1]	1. Хаджи Хасен
2. Айдархан (Турлыбаев)	2. Кольбай (Тогусов)
3. Алимхан (Ермеков)	3. Шаймерден (Альжанов)
4. Халель (Гапбасов)	4. Мухан (Айтпенов)
5. Асылбек (Сеитов)	5. Усен (Косаев)
6. Мукиш (Бочтаев)	6. Султанмахмут (Торайгыров)
7. Ережеп (Итбаев)	7. Байсеит (Адилев)
8. Жакип (Акпаев)	8. Кази (Торсанов)
9. Сеильбек (Жанайдаров)	9. Алиаскар.

По этим спискам вы можете судить о человечности, разуме, чести и доблести каждого кандидата; кого пожелает душа — за того и отдайте свой голос!»

В приведенной мною статье пропагандист алаш-орды Мержакип Дулатов, заискивая перед народом, назойливо повторяет о том, что будто бы только алаш-ордынцы являются истинными защитниками интересов казахского народа, сторонниками его свободы и благоденствия. Этот

[1] Фамилии в скобках в оригинале не указаны.

прием был не новым, прикинуться защитником бедняка стало излюбленным приемом лживой буржуазной пропаганды.

В ответной брани по адресу алаш-орды не отставала и газета «Уш жуз». Но если учесть, сравнить состав и образованность руководства той или другой партии, опыт той и другой газеты, то волей-неволей выводы приходилось делать не в пользу «уш жуза». В алаш-орде состояли сливки байской верхушки, сынки высокопоставленных чиновников, получившие воспитание в царских гимназиях, потомственные мырзы, можно сказать, элита нации. А в «уш жузе» собрались омские городские жители, мастеровые, ямщики, пастухи, в основном городская неграмотная беднота. Оказался среди них и известный борец Хаджимукан, бывший ранее пастухом.

В дискуссиях, в словопрениях образованная знать, безусловно, была сильнее, а в своих действиях более гибка. А ее необразованные противники действовали с прямотой и простодушием бедняка, без хитрости и коварства, напрямик. Но пословица говорит: «Тот, кто силен физически, победит троих, а тот, кто силен знаниями — победит тысячу». Хаджимукан мог уложить на лопатки десяток алаш-ордынцев, но в политической борьбе он был совершенно бессилен против одного Жаханши, образованного юриста.

Говорят, «по бурдюку и мешалка». Газета «Уш жуз» полностью соответствовала уровню развития активистов своей организации. Вожди алаш-орды поносились на ее страницах самым грубым, непричесанным языком. Работники редакции не всегда понимали, что, в запальчивости осуждая противника, они допускали недозволенные слова и приемы и потому прежде всего компрометировали самих себя.

Как же на самом деле выглядело то событие, о котором рассказывал на страницах «Казаха» Дулатов?

Девятнадцатого октября 1917 года Мукан Айтпенов вместе с Шаймерденом Альжановым, Абдрахманом Кылышпаевым и другими организаторами новой партии, среди которых был и борец Хаджимукан, созвали совещание, на котором с резкой критикой выступили против гнусной деятельности руководителей алаш-орды. Несмотря на свержение царской власти, несмотря на то, что народу объявлена свобода, простым людям, беднякам нет

никакой пользы. К власти пришла байская знать, организовала свою партию. Совещание приняло постановление разогнать Акмолинский областной комитет, который не помогает городской бедноте, не вступается за нее. М. Айтпенов, Ш. Альжанов, А. Кылышпаев были работниками Омского уездного казахского комитета. Под их руководством собралось около ста городских жителей. Толпа двинулась штурмовать здание областного комитета. Впереди шел Хаджимукан с красным флагом в руках. Демонстранты несли лозунги, на которых были написаны требования бедняков. Подошли к зданию, окружили его. Организаторы и вдохновители демонстрации Айтпенов, Альжанов, Кылышпаев и еще человек десять ворвались в помещение комитета и объявили, что все находящиеся там работники считаются арестованными. Некоторых тут же в сердцах избили. Председателя, адвоката А. Турлыбаева на месте не застали.

Захватив с собой арестованных Сеитова и Жумабаева, мятежники двинулись на квартиру Турлыбаева, окружили ее, начали ломиться в двери, но Турлыбаев успел скрыться...

К этому времени как раз и подоспел отряд милиции и конных казаков, который окружил демонстрантов, освободил Сеитова и Жумабаева, а зачинщиков бунта арестовал.

По этому поводу 21 октября 1917 года казахский областной комитет принял резолюцию, изложив ее на русском языке:

ПРОТОКОЛ

заседания Акмолинского областного казахского комитета № 132, 22 октября 1917 года.

Присутствовали: Турлыбаев, Садвокас Жантасов, (Магжан) Жумабаев, А. (Асылбек) Сеитов, Е. Мукушев, Е. Токпаев, К. (Кази) Торсанов и дополнительно принятые члены: Е. (Ережеп) Итпаев, М. (Мухтар) Саматов и М. (Мусулманбек) Сеитов.

На заседании обсуждались доклады М. Сеитова и М. Жумабаева о происшествии, имевшем место 19 октября с/г.

«..19 октября 1917 года в два часа дня в контору областного казахского комитета пришли заместитель председателя уездного казахского комитета Ш. Альжанов и секретарь его А. Кылышпаев. И с ними еще три казаха-«милиционера». Они грубо ворвались в переднюю комнату и прямо прошли в кабинет председателя.

Сопровождающих казахов-милиционеров Кылышпаев поставил к телефонам и приказал никого из работников областного комитета туда не пускать.

Не прошло и десяти минут, как прибыл сам председатель Омского уездного казахского комитета Мукан Айтпенов в сопровождении пятидесяти или шестидесяти казахов, среди них шесть-семь были с повязками милиции Омского уезда.

Айтпенов, обращаясь к своим товарищам и указывая на секретаря областного комитета, приказал: «В первую очередь арестовать его!»

На это Сеитов возразил: «Без разрешения Временного правительства Айтпенов самовольно никого не имеет права арестовывать!» Тогда Айтпенов приказал своим «милиционерам» применить силу.

«Милиционеры» насильно ввели М. Сеитова в кабинет председателя областного комитета, где сидели в это время Жумабаев, Торсанов, Адилев.

Айтпенов выступил перед публикой:

— Почтенные аксакалы, старшие и младшие братья! Я родился и вырос среди вас. Вы хорошо знаете меня. Вы же понимаете, какие несчастья я перенес при царизме, защищая ваши интересы. Меня знает вся Акмолинская область. Я надеюсь, что и вы пока не потеряли веры в меня,— заявил Айтпенов.

Публика шумно вторила: «Верим, верим!»

— Вы простые люди,— продолжал Айтпенов.— Члены областного комитета — монархисты, приспешники самодержавия, разве они когда-нибудь выполняли хоть одно ваше требование?

— Нет нет! Никогда так не случалось!— опять заявила публика.

— В комитете все творится по их инициативе. Они везде проводят свою линию, осуществляют свою власть. Областной комитет — это одно бедствие для казахского народа. Сельское хозяйство переживает тяжелый упадок по причине их гнусной деятельности. Взгляните на их до-

кументы, адресованные уездным и волостным комитетам, и тогда вы убедитесь, что везде приказывают, бюрократически администрируют. Разве такие действия согласуются со свободой?

— Нет! нет! Не согласуются!— твердят присутствующие. Особо выделялись голоса Кудери, Сарсенбая, Нуртазы, Кудайбергена и Садвокаса.

— Коль так, справедливо ли оставлять этих заядлых монархистов у власти в областном комитете? По моему мнению, несправедливо!— твердо заявил Айтпенов.

Публика единогласно одобрила это и тут же решила заставить председателя Турлыбаева отказаться от выполнения служебных обязанностей в областном комитете.

Вместе со своими тремя «милиционерами» Айтпенов отправился на розыски Турлыбаева. Через 30—40 минут вернулся обратно и доложил публике: «Турлыбаев сбежал, но все же мы успели избить двух его псов». (Один из них оказался кучером, а другой поваром).

По разрешению некоторых аксакалов выступил перед публикой секретарь комитета М. Сентов:

— Я самый близкий родственник Айтпенова,— сказал он,— поэтому знаю его лучше вас. Он человек горячий и при случае всегда желает добиться своей личной выгоды. Сейчас он, пользуясь вашей простотой, толкает вас на преступление, агитируя применить силу. Конечно, вы ясно не сознаете всех последствий этого. Не понимаете, к чему приведет такая оплошность. Не совсем ясно представляете, что впоследствии ответите за Айтпенова.

А Айтпенов заявил:

— Эх, какая досада! Тот пес все еще не возвратил моего нагана! Если бы сейчас он был у меня в руках, я бы употребил его в дело!..

Под диктовку Айтпенова от «имени» собрания секретарь Богенбаев оформил постановление, в котором выразил недоверие всем членам областного казахского комитета, за исключением некоторых, присутствующих здесь.

В конце постановления указано:

Завтра, 20 октября, в 12 часов дня, члены областного комитета, кому выражено недоверие, пусть объявят, что добровольно отказываются от выполнения своих обязанностей в комитете!..»

Некоторые отказались подписаться под этим «постановлением», и Айтпенов выступил еще раз:

— Эй, народ! Вот постановление, где записано ваше желание. Сеитов отказывается выполнять ваше приказание! Как вы это расцениваете? А я считаю правильным взять его под арест!

Сеитова арестовали. И вместе с ним Жумабаева.

— Твоя судьба в моих руках, твой диктатор я,— вслух высказался Альжанов, обращаясь к Жумабаеву.

Толпа повела арестованных к квартире Турлыбаева. По пути Айтпенов оповещал встречных: «Вот мы арестовали и гоним монархистов».

Окружили квартиру Турлыбаева. Айтпенов, Альжанов и Кылышпаев втроем подошли к парадной двери, постучались и потребовали немедленно вывести Турлыбаева.

А Айтпенов приказал нескольким «милиционерам» перелезть через забор и открыть ворота. Цель его заключалась в том, чтобы впустить толпу в квартиру Турлыбаева через черный ход.

Из парадной двери вышел вооруженный человек.

— Я заместитель начальника милиции. Что вам угодно? — спросил он.

Айтпенов, Альжанов, Кылышпаев, растерявшись, невнятно промямлили:

— Вот этот народ требует, чтобы вышел сюда Турлыбаев!

— Турлыбаев не выйдет. Скажите, что вам угодно? — продолжал заместитель начальника милиции.

— Передайте, что этот народ единодушно выражает недоверие Турлыбаеву. Поэтому, согласно решению народа, пусть завтра в 12 часов дня Турлыбаев придет на квартиру Кудери Мусина и скажет, что отказывается выполнять служебные обязанности в комитете!

Тут подоспела городская милиция, кольцом окружила толпу и повела ее к комиссару второго районного отделения...»

Областной комитет постановил:

«Считать, что вышеупомянутый бунт омских городских жителей не заслуживает особого внимания, ибо их совратили с пути такие элементы, как Айтпенов, Аль-

жанов, Кылышпаев и другие. Эти главари являются возмутителями общественного спокойствия и установленного правопорядка.

Считать противозаконными насильственные действия «милиционеров», слепо выполнявших приказания Айтпенова, и привлечь их к судебной ответственности.

Считать необходимым довести об этом до сведения Акмолинского областного объединенного комитета, а также других вышестоящих органов власти.

Подписали: Председатель Акмолинского областного комитета — Турлыбаев
Заместитель — А. Б. Сеитов.
Члены — Мукушев, Жумабаев, Жантасов,
Секретарь — М. Б. Сеитов...»

Таково постановление акмолинского областного казахского комитета, принятое по поводу бунта, устроенного омской городской беднотой накануне Октябрьской революции.

Об этом событии я напечатал статью в «Тиршилике» и упомянул также о высылке средств сыновьям бедняков из Акмолинского уезда, обучающимся в Омске. («Тиршилик», № 4, 10. XI. 1917 г.). Я доказывал, что деньги распределяются областным комитетом несправедливо, выдаются детям баев, а не бедняков.

Мои правдивые слова акмолинский областной казахский комитет принял за ложь и из Омска послал открытое письмо в газету «Казах». Я вынужден привести текст открытого письма областного комитета, помещенный в оренбургской газете № 254 от 13 декабря 1917 года.

«Просим вас опубликовать данное открытое письмо на страницах газеты «Казах». В четвертом номере акмолинской газеты «Тиршилик» опубликована статья за подписью некоего «Шамиля»[1] под заголовком: «Акмолинский областной самочинный генерал[2] — Казахский комитет». Считая сообщение Шамиля сплошной клеветой и вымыслом, областной комитет вынужден разъяснить фактическое положение вещей.

Разогнать акмолинский областной комитет хотели не

---

[1] «Манап-Шамиль»— псевдоним Сакена Сейфуллина.
[2] Сатирический намек на самоуправство комитета.

жители Омска, а всего лишь Мукан Айтпенов, Абдрахман Кылышпаев, Шаймерден Альжанов и еще пять-шесть их товарищей. По неграмотности и глупости, не зная, в чем дело, за ними последовали сорок-пятьдесят горожан. Поведение их известно всему Омскому округу. Все знают, что эти люди никогда не согласятся ни с чьей властью, кроме своей. В середине лета, без всяких выборов, они нахально вошли в состав уездного комитета и до глубокой осени устраивали скандалы, мешали перевыборам, а теперь, окончательно убедившись, что 20 октября состоятся перевыборы не в их пользу, выступили, чтобы перед областным комитетом упрочить свое положение. Все они в тот же день были арестованы, но через три дня выпущены и сейчас находятся под следствием.

Омский уездный комитет перезбран. Мы только что услышали, что областной комитет расформировывается 1 ноября. Уже прошло и первое декабря, но расформировывать комитет никто не собирается. Пока не откроется областное земство, не будут приведены в порядок дела населения, видимо, областной комитет не расформируется. Казахское делопроизводство оставить совсем без надзора нельзя.

В статье был извращен и отчет о поступивших в областной комитет деньгах. В действительности было так:

Омский уезд внес на содержание комитета и для выдачи стипендии тысячу двести рублей, кроме того должен добавить пять тысяч триста рублей. Петропавловский уезд выделил на содержание комитета и для выдачи стипендии четыре тысячи шестьсот двадцать рублей и еще выделит одиннадцать тысяч пятьсот. Кокчетавский уезд для тех же целей внес уже пять тысяч рублей, дополнительно внесет двенадцать тысяч рублей. Атбасарскому уезду, уже внесшему 4400 рублей, предстояло внести восемнадцать тысяч рублей. Акмолинский уезд внес восемь тысяч пятьсот рублей и дополнительно должен внести двадцать пять тысяч пятьсот рублей.

Вот суммы, которые поступили и должны поступить от каждого уезда. Сведения господина Шамиля не соответствуют действительности. Господин Шамиль утверждает, что областной комитет не выдает стипендии учащимся Акмолинского уезда. Это неправда. (Я писал «детям несостоятельных бедняков», здесь комитет мои подлинные слова нарочито опускает.)

В действительности из Акмолинского уезда в казенных школах обучаются только двое: Динмухаммет Адилев и Ашим Омаров. Они оба получают стипендию областного комитета.

Кроме них в «частных» школах учатся еще трое акмолинцев. Согласно решению съезда, областной комитет может выдавать стипендию только учащимся казенных школ, а другим не имеет права. К тому же эти трое последних являются сыновьями известных баев. Поэтому заступнические слова господина Шамиля о том, что якобы «дети безнадзорно бродят по улицам Омска, являются пустозвонством...»

Путаные оправдания, неуклюжая ложь всегда возмущают читателей, роняют престиж газеты. Клевета не останется достоянием лишь газетных страниц, клеветники преследуются законом.»

Если бы письмо областного комитета было правдивым, власти отдали бы меня под суд.

О серьезном намерении омской городской бедноты разогнать комитет красноречиво свидетельствуют документы.

Утверждения комитета, что «учащиеся «частных» школ — сыновья известных баев», и поэтому отказано им в стипендии — явная ложь. Одна из учащихся Гюльшарап Атшабарова — дочь акмолинского бедняка, у которого вовсе нет скота; второй — ныне известный Жанайдар Садвокасов; а третий — Хамза Жусупбеков. Кроме них учится там Хасанбек Кулатаев, выходец из аула, расположенного вблизи Успенского рудника. Хасанбек тоже учится без средств. Он в последние годы работает милиционером.

Накануне Великой Октябрьской революции комитеты, в которых орудовали прихвостни правительства Керенского — Милюкова и поклонники алаш-орды, утратили авторитет в глазах простого люда, чернорабочих и городской бедноты.

Омская беднота организовала партию «уш жуз» во главе с Айтпеновым, Шаймерденом Альжановым и Кылышпаевым. Неопытные, неумелые руководители вновь созданной партии начали проводить крайне непоследовательную политику.

Они называли свою партию социалистической. Но зачем же тогда именовать себя партией «уш жуз» (Три

сотни)[1]? В борьбе с алаш-ордой они использовали ее же буржуазно-националистические методы, ее же определения и аргументы.

Конечно, в то время многие спотыкались, шли на ощупь. Сотрудники «уш жуза» явно не понимали своих задач, допускали большие ошибки. Я написал Шаймердену Альжанову, заочно включившему нас в свою партию, что мы не можем поддержать «уш жуз». Мое письмо не подействовало. Руководители «уш жуза» продолжали поливать площадной бранью руководителей алаш-орды. Мы поместили в газете «Тиршилик» статью, в которой сказали о своем принципиальном несогласии с линией «уш жуза». Об этом же я телеграфировал и в редакцию «Казаха». Не соглашаясь с методами «уш жуза», мы в то же время считали небесполезным делом его нападки, подрывающие авторитет алаш-орды в глазах народа.

Хорошо ли, плохо ли, но партия «уш жуз» громогласно срамила «безупречных» вождей алаш.

Есть люди, утверждающие и сегодня, что мы якобы примыкали к «уш жузу». Так могут говорить либо люди из дальних областей, не знающие тогдашнего положения дел в Акмолинске, или же люди, преследующие недобрые цели, умышленно стремящиеся очернить нас.

Даже если не учитывать нашу статью в «Тиршилике» и мою телеграмму в редакцию «Казаха», где ясно говорилось о том, что мы не согласны с позицией «уш жуза», то можно привести другой, достаточно убедительный факт.

В «Казахе № 259 от 12 января 1918 года сказано: «Редакцией получена телеграмма от Мухтара Саматова, в которой он сообщает о недостаточной подготовке к выборам 26—31 декабря. Акмолинские кандидаты отказываются голосовать за партию «уш жуз».

Мы не участвовали в голосовании, чтобы показать наше несогласие с политикой «уш жуза». Мы так поступали не из боязни перед алаш-ордой и не потому, что думали, будто руководители «уш жуза» были для народа хуже, чем главари алаш. Наоборот, в партии «уш жуз» имелись превосходные, честные товарищи, такие, как Шаймерден (Альжанов) и Исхак (Кобеков). Для революции алаш была опаснее и вреднее, чем «уш жуз».

[1] Имеются в виду все казахи без деления на классы.

Хорошо ли, плохо ли начинали организаторы «трех сотен», но в 1917—1918 годах в решающие исторические дни они выступили на стороне красных, поддержали революцию.

Мы не приняли активного участия в выборах делегатов учредительного собрания потому, что не хотели поддерживать партию «уш жуз». Если бы мы поддержали намеченные кандидатуры, то большинство казахов Акмолинска оказалось бы с нами. В этом мы имели возможность убедиться, когда проходили выборы членов в земство (вскоре после учредительного собрания). Хотя мы не очень активно учавствовали в этих выборах, тем не менее подавляющее большинство (90 процентов) делегатов уездного земства придерживались нашей позиции. Среди них были алаш-ордынцы, такие, как Нуралин, Сентов, Аблайханов и другие.

Но вернемся к событиям, которые произошли сразу после Октябрьской революции. На политическом фронте старый мир схватился с новым. Устаревшее боролось с молодой, жизнеутверждающей эпохой. Борьба накалялась с каждым днем. Первыми в Акмолинске подняли знамя Советов руководители организации «Жас казах» совместно с небольшой группой русских товарищей.

Мы начали набирать силы. Молодежь Спасского завода открыла оргнизацию «Жас журек» — Молодое сердце». Она поддерживала тесную связь с «Жас казахом» и впоследствии стала ее ветвью на заводе. Один молодой человек, турок по национальности, сотрудничал в «Тиршилике» и представлял заводскую организацию «Жас журек».

На большинстве собраний и митингов последнее слово оставалось за нами.

Вопрос об организации советской власти в Акмолинске мы обсуждали на многолюдном собрании в помещении кинотеатра. Зал был наполнен до отказа. Многие стояли в дверях. Присутствующие разделились на два лагеря. То и дело кричат с разных мест, просят слова. От имени газеты «Тиршилик» я настаивал на неотложной организации советской власти в Акмолинске. Мое выступление воодушевило публику. Все, не слушая друг друга, подняли шум, устремились вперед к трибуне, создали давку. Выступавшим не давали до конца выговориться, перебивали, шумели. Народ загорелся, словно

сухой порох, задетый искрой. Спорили, шумели и в конце концов выбрали временный организационный совдеп. Голосовали за каждую кандидатуру в отдельности, знакомились с биографией кандидата, приглашали его показаться присутствующим с высокой трибуны.

Были избраны следующие товарищи:

Бочок — рабочий Экибастузского завода, Монин — солдат, Гривогуз — солдат, Лозной — солдат, Коломейцев — солдат, Шафран — кузнец, Пьянковский — электромонтер, Кондратьева — художник, Богомолов — мелкий служащий, Репшнейдер — солдат, Бакен Серикпаев — только что окончивший высшее начальное училище, Абдулла Асылбеков — мелкий служащий, Нургаин Бекмухамметов — учитель, Байсеит Адилев — мелкий служащий, Жумабай Нуркин — учитель, Мартлого — парикмахер, Турысбек Мынбаев, Байсеит Жуманов, Хафиз Гизатуллин, Маназаров, Грязнов, я — Сакен Сейфуллин — и другие.

Собравшиеся уже начали расходиться, когда кто-то сообщил, что «комиссар Керенского Петров сбежал».

Сбежал тот самый Петров, который, подписывая бумаги или выступая на собраниях, всегда именовал себя комиссаром Временного правительства, тот самый Петров, которого летом на одном из собраний Дуйсембаев обозвал провокатором.

Весть о побеге комиссара временного правительства еще больше воодушевила народ. В погоню за Петровым тут же послали двух солдат во главе с Гривогузом.

После митинга состоялось первое собрание организационного совдепа, на котором было принято постановление о созыве съезда, намечены уполномоченные для разъяснительной работы на местах, избрано по одному комиссару в каждое учреждение и вынесено решение, обязывающее работников всех учреждений беспрекословно подчиняться комиссару совдепа.

Но на другой день наши комиссары, побывав в учреждениях с полномочиями организационного совдепа, вынуждены были уйти оттуда, вдоволь наслушавшись издевательств над собой. Употребить силу они не могли, потому что силы под рукой не было, не на кого было опереться.

Итак, город не признал нашего временного совдепа. Два дня прошло в растерянности и безвластии. Потом

снова началась суматоха, громкие споры. В конце концов собрались служащие городских учреждений, мещане, рядовые горожане и избрали Народный Совет, назначив временным уездным комиссаром некоего Петрокеева. Таким образом в Акмолинске сразу оказалось несколько «властей»: временный комиссар, уездный казахский комитет, временный совдеп, казачья управа, комитет земства.

Вначале все они администрировали параллельно, но постепенно наибольшие права стал приобретать наш организационный совдеп, в котором были представители разных слоев населения и разных национальностей.

Вскоре состоялось собрание уездного земства с представителями от аулов. Комитет земства, организованный летом, сейчас проводил перевыборы, в которых мы тоже приняли участие. В разные волости выезжали уполномоченные по проведению выборов, и мы, руководители «Жас казаха», снабжали их соответствующими инструкциями и наставлениями. Некоторые из этих уполномоченных, выезжавших в степь, были членами «Жас казаха».

Как раз в это время из Омска от имени казахского областного комитета прибыли к нам врач Асылбек Сентов и капитан Мигаш (Мигадатша) Аблайханов, чтобы организовать уездный «национальный совет» в Акмолинске, иначе говоря, уездный совет алаш-орды. Предполагалось организовать казахскую национальную милицию и сколотить также средства для содержания правительства алаш-орды.

Они явились в казахский комитет и быстро сговорились там. В сговоре принял участие и Мухтар Саматов, специальный уполномоченный алаш, прибывший из того же Омска для выборов предполагаемых участников учредительного собрания.

На обсуждение пришли также Абдулла (Асылбеков), Кошербай Жаманаев, руководитель городской бедноты, и я.

Присутствовали только казахи. Налицо были все члены комитета: председатель ветфельдшер Хусаин (Кожамберлин), члены — мулла Мантен, переводчик Сарман (Шуленбаев), переводчик Хусаин (Ерденбаев), волостной Усен (Косаев). Собрались также ярые приверженцы комитета, такие, как волостной Олжабай, волостной Багжан, писарь Тулебай Нуралин — племянник

Олжабая, член областного комитета, и Мухтар Саматов. Помещение комитета было переполнено. Все следили за происходящим с живым интересом, будто бы перед ними шло состязание борцов на богатых поминках бая. Спорили долго, но разошлись ни с чем, ни о чем не договорившись, не найдя общего языка.

Назавтра опять собрание и опять помещение комитета трещит, не вмещая желающих принять участие. Убедившись, что предстоят шумные споры, члены комитета вызвали на подмогу Шарипа Ялымова, сумасбродного говоруна, о котором я уже говорил, самонадеянного, глуповатого торгаша-татарина. Наша сторона решила в противовес вызвать своего товарища, учителя казахских педагогических курсов, тоже татарина, Увалия Хангельдина. Спор разгорелся вовсю. Но и на этот раз, ничего не решив, все разошлись, условившись завтра созвать многолюдный митинг во дворе комитета.

На другой день в большом дворе комитета собралась тьма народа, исключительно казахи. Был мороз, все оделись по-зимнему. Пар от дыхания стоял над толпой. Многие прибыли из разных аулов. Присутствовали здесь и старые, и молодые, и прежние волостные, и новые.

Открылся митинг. Председателем избрали Қошербая Жаманаева — представителя городской бедноты.

Қошербай — неграмотный человек, но говорить умеет и всегда придерживается нашей линии. Его незаурядные ораторские способности неожиданно обнаружились в бурное время после свержения царя. Лучшего говоруна, чем он, в Акмолинске вряд ли найдешь. Огласив спорные вопросы, Қошербай вынес их на общее обсуждение.

Начались выступления, и опять разгорелся спор. Настал решающий день борьбы, когда у каждой группы выход был только один: либо победа, либо поражение.

В течение двух последних дней мы вели активную разъяснительную работу среди городского населения, чтобы в решающую минуту иметь поддержку. Схватились на трибуне не на жизнь, а на смерть. Выступление следует за выступлением. Каждый стремится завладеть вниманием всех, завоевать доверие пристально внимающей публики. У ораторов лоб в поту, несмотря на трескучий мороз. От горячего дыхания стаивает иней на ресницах, пар от дыхания толпы летит в небо. На этом митинге мне пришлось выступать трижды.

— Что такое алаш-орда? — говорил я в своих выступлениях.— Это такая партия, которая намерена восстановить прежнее ханство, стать ярмом на шее и бельмом на глазу казахского народа. Нужно ли нашему народу ханство?.. Нет! Мы долго терпели ханские прихоти. Теперь не прельщают широкие массы казахского народа пустые бредни тех господ, которые мечтают про себя стать ханами. Изнуренная беднота, избавившись от царя, не желает снова сажать на свою шею «его светлость» хана. Ханство нужно как воздух баям и волостным. Ханство нужно сынкам господ, желающим стать потомственными дворянами. Многонациональная рабочая Россия, свергнувшая и навсегда уничтожившая трехсотлетнее царство Романовых, теперь не допустит, чтобы ханы опять угнетали казахский трудовой народ. Пусть помнят об этом господа, желающие стать ханами и дворянами. Простой народ не пойдет за ними... Они приняли решение собирать деньги с казахского населения. Спрашивается, для кого эти деньги? Только для тех, кто жаждет стать ханом. Решили создать милицию из казахов. Спрашивается, чьи интересы она будет защищать? Конечно, интересы ханов. От кого защищать? От большевиков, выступающих против ханов и царя. Кто такие большевики? Это люди, которые защищают интересы рабочих, пастухов и бедняков. Кто последователи большевиков? Весь многонациональный рабочий класс, пастухи аулов, вся многолюдная масса бедняков, вернувшиеся с фронта солдаты и бедные мужики русских поселков — вот кто идет за большевиками. Когда для охраны ханов создадут казахскую милицию, то она будет выступать против русских рабочих, солдат и бедных мужиков.

Большевики стремятся к равноправию всех национальностей. Они непримиримые противники царя, монархистов, баев, сосущих кровь народа, чиновников-грабителей, волостных и старшин.

Казахи не будут проливать кровь за тех господ, которые мечтают стать ханами, ибо у них нет лишней крови и излишних сил. Беспочвенные мечтатели пусть поищут в среде трудового народа желающих поддержать ханство. Справедливый степной люд не последует за ними. Не требуйте от казахского населения ни денег, ни жигитов в милицию!— решительно заключил я свое выступление.

С митинга мы ушли победителями, разгромив при поддержке большинства своих противников.

На другой день открылось собрание уездного земства. Прибыли многие делегаты от «Жас казаха», здесь присутствовали также члены нашего совдепа. Собрание открылось в двухэтажном здании гимназии, построенном из красного кирпича. Просторный зал казался неподходящим для бурных собраний того времени: стояли рядами стулья, спокойно рассаживались делегаты. Задние ряды занимали приглашенные.

В отдельной комнате был накрыт стол для делегатов, там можно было пить чай с сахаром, отведать белого сдобного хлеба, закусить маслом и сыром.

Когда делегаты заняли свои места в зале, председатель земства ветеринарный врач Чернов открыл собрание. Народу становилось все больше и больше. В зал пробились все городские активисты: бывшие судьи, следователи, инспекторы, врачи. Мне удалось занять место в первом ряду.

— Граждане, прежде чем начать нашу работу, нам следует принять гражданскую присягу. Мы будем присягать в верности временному правительству. Я буду читать текст присяги, а вы будете мысленно повторять его вместе со мной. Прошу всех встать!

Зал поднялся. Совдеповцы встали вместе со всеми. Для нас такое начало собрания было полной неожиданностью. Предварительно мы договорились на этом собрании требовать, чтобы земство подчинилось совдепу как революционной народной власти. В противном случае ему предстояло распустить свою организацию. Но мы совершенно не были готовы к такому началу, к тому, что придется присягать и, значит, потерять возможность выступать против только что данной присяги.

Подавляющее большинство присутствующих в зале — казахи. Восемьдесят или даже девяносто процентов из них — сторонники «Жас казаха». Чернов, быстро закончив чтение присяги, положил ее перед собой на стол.

— А теперь давайте все поочередно подпишемся под словами присяги,— предложил он.

В зале началось движение, по которому можно было судить о полной готовности присутствующих подписать присягу.

Нам, совдеповцам, было от чего растеряться.

— Разрешите мне сказать несколько слов,— обратился я к председательствующему.

Чернов предоставил мне слово.

— Присяга, которую вы нам сейчас зачитали, большинству делегатов непонятна. Вношу предложение произнести присягу на казахском языке, чтобы делегаты из казахов знали, под чем подписываются. А также прошу подробнее разъяснить, кому мы присягаем, какому временному правительству? — задал я вопрос напрямик.

— Может быть, вы сами переведете на казахский язык,— в некотором замешательстве предложил Чернов.

— Я не являюсь вашим официальным переводчиком,— ответил я с вызовом, чувствуя, что Чернов держится в роли председателя неуверенно.

Тут сразу же загомонили, поддерживая меня, некоторые русские делегаты и солдаты, члены нашего совдепа.

— Долой! — зашумели они.— Он тихой сапой хотел обмануть нас, чтобы мы принесли присягу Керенскому. Долой контрреволюционера, арестовать его!

Народ зашумел, поднялся. Затрещали стулья, солдаты ринулись к президиуму. Приспешников Чернова оттуда как ветром сдуло, все они сбежали через черный ход. На сцене остался один Чернов, бледный и растерянный.

— Прошу вас успокоить публику,— несколько раз обращался он ко мне.

А толпа наседала, лезла вперед, сокрушая скамьи и стулья, шумела: «Арестовать контрреволюционеров!»

Мы вдвоем с Мониным пытались навести порядок, кричали до хрипоты и кое-как утихомирили разбушевавшихся делегатов.

В наступившей тишине опять заговорил Чернов:

— Вы зря кричите, напрасно подняли шум,— начал он оправдываться.— Я говорил о присяге временному правительству, которое есть у нас в Акмолинске. Я имел в виду временный совдеп,— начал он оправдываться и вилять перед нами.— Всякое правительство, как бы оно ни называлось до учредительного собрания, является временным...

Как ни изворачивался Чернов, собрание земства на этот раз так и не удалось провести.

На другой день, когда я вел занятия в школе с детьми, ко мне приехали на санях двое из «Жас казаха»:

— Едем скорее! В гимназии опять собрание проводят одни казахи. Предлагают открыть земство отдельно от русских. Саматов, Ялымов и Нуралин сбивают народ с правильного пути.

Я вынужден был прервать занятия, и мы помчались на санях в гимназию. Там на самом деле шло собрание. В президиуме сидели Саматов, Ялымов и Нуралин. Председательствовал Саматов. Я протолкнулся через толпу и подошел к столу президиума. Видно, Саматов с дружками уже завладели вниманием простодушной публики, привлекли их на свою сторону. Я попросил у Саматова слова.

— Хорошо, включу вас в список выступающих,— охотно согласился он.

Ораторы выходят один за другим, я вижу, что им не будет конца и что мое выступление в конце концов может не подействовать на присутствующих. Я подошел вплотную к Саматову и настойчиво попросил слова.

— Подойдет твоя очередь — выступишь,— невозмутимо ответил он.

У меня лопнуло терпение, и я заговорил, перебивая очередного выступающего. Тот растерялся, потерял мысль и замолчал. В зале наступила тишина. Чем же кончится эта стычка? Саматов холодно призвал меня к порядку.

— Не мешай говорить мне, Мухтар-ка!— и выразительным жестом руки я решительно дал понять, чтобы он отстал от меня.

В зале поднялся хохот[1]. Особенно громко смеялись наши товарищи, знавшие подробности. Саматов вскипел, сердито исказились лица Ялымова и Нуралина.

— В таком случае я отказываюсь вести собрание! — заявил Саматов.

— А вас никто и не просил его открывать,—ответил я.

Саматов, Ялымов и Нуралин покинули собрание. Больше они не делали попыток открывать отдельное казахское земство.

Не теряя надежды на возврат старого и на успех своей затеи насчет сбора денег для алаш-орды, Аблайха-

---

[1] Смеялись по двум причинам: ка — это зов собаки. Кроме того, русская жена Саматова назвала своего пса Мухтаркой, об этом большинство присутствующих знало.

нов и Сеитов продолжали жить в Акмолинске. Члены нашего совдепа начали вести разговор о том, что не мешало бы этих агентов арестовать и водворить в тюрьму. Серьезной опасности для нас они теперь не представляли, никто не хотел утруждать себя арестом этих беспомощных людей, и поэтому нам оставалось только весело посмеяться, когда в одну прекрасную ночь оба деятеля сбежали из Акмолинска.

В феврале 1918 года наш совдеп созвал Акмолинский уездный съезд. Большинство делегатов были солдаты, недавно вернувшиеся с фронта, бедняки из русских сел, а также аульные казахи и рабочие Спасского завода.

Съезд проходил с большим подъемом. Делегаты единодушно признали единственно полноправной в уезде советскую власть. На съезде обсуждались наиболее злободневные вопросы, которые поднимались на всех собраниях последнего времени. Делегаты выступали горячо и искренне. Провели городской митинг под руководством совдепа.

Мнение делегатов съезда не разделяло акмолинское казачество, смотревшее на нас искоса, неприязненно. Казачество все еще надеялось обособиться, создать свою автономию с независимым самоуправлением. Нам стало известно, что в это время лидеры алаш-орды сговаривались с казачьим атаманом Дутовым о совместных действиях и писали об этом открыто в «Қазахе». Газета также сообщила, что обучение офицеров казахской милиции проходит в Оренбургской юнкерской школе, где обычно готовили казачьих офицеров. Мы знали также, что еще до своего побега из Акмолинска Аблайханов, Сеитов, Нуралин и Саматов через уездный казахский комитет вели с местным казачеством секретные переговоры о совместных действиях.

Мы провели митинг среди городского казачества. Выступали Турысπек Мынбаев, делегат из аула, и я.

— Трудовое казачество! Наша алаш-орда и ваши генералы и атаманы вроде Дутова и Каледина — все они паразиты, действующие заодно, сосущие кровь трудового народа. Братья, трудовое казачество, давайте объединимся! Не поддадимся обману, не пойдем в ловушку, которую нам готовят господа, не станем позорить свою трудовую честь! — горячо призывали мы.

Турыспек стоял на высокой трибуне, корявым рус-

ским языком всячески бранил алаш-орду и казачьих атаманов и до того разгорячился, что не сдержался и в конце своей речи непечатно выругался по-казахски.

Съезд избрал уездный городской совдеп. В состав его вошли:

1. Бочок — рабочий Экибастузского завода, маляр, художник.
2. Катченко Захар — рабочий-украинец.
3. Шафран — рабочий с Урала.
4. Серикпаев — только что окончил высшее начальное училище. Сын простого казаха.
5. Олейников — солдат, вернувшийся с фронта.
6. Богомолов — мелкий служащий Акмолинска, старый революционер.
7. Лозной — акмолинский ямщик, солдат, вернувшийся с фронта.
8. Асылбеков — служащий, секретарь, сын простого казаха.
9. Бекмухамметов — бедный татарин, учитель казахской школы.
10. Нуркин — учитель аульной школы, сын простого казаха.
11. Шегин — малограмотный городской бедняк.
12. Қара [1] Байсеит (Жуманов) — неграмотный казах, городской бедняк.
13. Арын Малдыбаев — городской бедняк, энергичный, верный своему слову, умный, честный, упрямый, смекалистый, хотя и полуграмотный человек.
14. Турысбек Мынбаев — степной малограмотный жигит.
15. Жайнаков Баймагамбет — бедняк из аула. Знает с десяток слов по-русски, необразованный, но деятельный, верный слову шустрый человек.
16. Аубакир Есенбаков — малограмотный казах, чуть-чуть знает русский язык, бедняк, сильный духом, мужественный жигит. Он был сыном толенгута [2] акмолинского агасултана[3], городничего, потомственного

[1] Қара — черный; прозвище.
[2] Толенгут — жигит из свиты высокопоставленного.
[3] Агасултан — старший султан.

дворянина Худаймендина. С малолетства сторонник бедняков, закаленный в борьбе с дворянами.

17. Гиззатуллин Хафиз — бедный городской татарин. Был в работниках у купца-казаха Қошыгулова.

18. Галим Аубакиров — бедняк, тоже слуга Қошыгулова.

19. Баттал Смагулов — служащий, секретарь, человек с начальным образованием.

20. Адилев Байсеит — окончил городскую школу, служил секретарем, сын простого казаха.

21. Павлов — служащий канцелярии Акмолинска.

22. Монин — сын акмолинского простого горожанина, молодой солдат.

23. Гривогуз — солдат.

24. Мартлого — парикмахер.

25. Щербаков — рабочий Спасского завода.

26. Пьянковский — монтер.

27. Мартынов — слесарь Спасского завода.

28. Прудов — рабочий Спасского завода, механик.

29. Кондратьева — художник.

30. Трофимов — адвокат.

31. Базов — мелкий служащий.

32. Малюкомов — крестьянин.

33. Стегалин — малограмотный крестьянин.

34. Грязнов — мелкий служащий.

35. Еще Грязнов и тоже мелкий служащий.

36. Қоломейцев — солдат, вернувшийся с фронта.

37. Верба — мелкий служащий.

38. Хаким Маназаров — мелкий служащий.

39. Хусаин Қожамберлин — ветфельдшер.

40. Тиналин — казах-рабочий.

41. Юндин.

42. Ананченко.

43. Жахия Айнабеков.

44. Котов.

45. Я и еще другие.

Председателем совдепа был избран Бочок, его заместителями Серикпаев и Захар Катченко. Позже мы выбрали председателем Захара Катченко. В президиум вошли: я, Гривогуз, Монин, Адилев, Павлов, Кондратьева.

Отныне акмолинские городские учреждения вынуж-

дены были подчиняться нашему совдепу. Каждого члена совдепа мы назначили комиссаром в то или иное учреждение в зависимости от уровня его образования.

Павлова и Монина назначили комиссарами по финансам; Богомолова и Асылбекова — комиссарами продовольствия; меня назначили комиссаром просвещения; Верба стал комиссаром почты и телеграфа (связи); Стегалин и Малдыбаев — комиссарами земледелия; Жумабая Нуркина назначили следователем, членом трибунала; приехавшего из Омска после съезда Дризге назначили председателем трибунала, хотя этот товарищ не был членом совдепа; Пьянковского — комиссаром труда; Мелюкомова — комиссаром здравоохранения; Турысбека Мынбаева и еще двух-трех казахов назначили заведующими отделами по казахскому делопроизводству; товарища Кременского назначили судьей; Шафрана — комиссаром национализированных мельниц; Грязнова и Адилева — начальниками уездной милиции.

Работать было трудно.

На заседании совдепа стоял вопрос о вооруженном отряде, на который могла бы опираться наша власть. Члены совдепа приступили к формированию такого отряда. Грамотных работников было мало. Из губернского совдепа инструкции и указания поступали нерегулярно и с опозданием. Прежние служащие учреждений почти все уволились по собственному желанию, а немногие оставшиеся работали спустя рукава.

Тяжелы были обязанности каждого нашего комиссара. Уйма дел и никакой передышки.

Газета «Тиршилик» стала выходить урывками. Вся трудная работа оказалась возложенной на меня. К тому же я не оставил занятий с детьми в школе. Открылась вечерняя школа для подростков, пришлось мне и там давать уроки. Словом, с утра до глубокой ночи мы трудились не покладая рук.

Акмолинский уездный казахский комитет распался механически. Из его руководителей мы ввели в состав совдепа Хусаина Кожамберлина и Шегина. Вызвав руководителей комитета, мы потребовали у них отчета о деньгах, собранных для учащихся бедняков. Они испугались не на шутку. По казахскому обычаю, посредником между нами стал ветфельдшер Наурызбай Жулаев и сгладил конфликт. С собранными деньгами у них полу-

чилась «путаница», поэтому члены казахского комитета боялись перед нами отчитываться. Мы это чувствовали. Денег, собранных с населения для оказания помощи бедным учащимся в Омске, было немало. Вначале деньги собирали мы. Когда нас вывели из состава комитета, наши преемники стали расходовать их на свои личные нужды и только лишь некоторую сумму посылали в Омск непосредственно в адрес областного казахского комитета. Комитетчики раздавали деньги своим родичам, учащимся других уездов и тем, кто вовсе не нуждался в помощи.

Мы заговорили об этой несправедливости через газету «Тиршилик». Именно по этой причине виновные члены казахского комитета боялись перед нами отчитываться. А когда мы собрались в доме ветфельдшера Наурызбая, они, члены казахского комитета, в слезах просили пощадить их за допущенные злоупотребления. Мы решили на этот раз ограничиться строгим внушением.

Вскоре была получена телеграмма из Омска, в которой говорилось, что из областного казахского комитета изгнаны алаш-ордынцы и в новый состав комитета вошли Айтпенов, Альжанов, Торсанов, Тогусов и другие. Затем мы получили сверху телеграмму с предложением переизбрать также и акмолинский уездный казахский комитет. Мы этот комитет распустили, чтобы не создавать двоевластия, а переизбрание его считали вообще делом ненужным и ошибочным.

Однажды из Омска я получил телеграмму следующего содержания: «Акмолинск, Сейфуллину. Часть учащейся молодежи, не согласная с контрреволюционной линией алаш-ордынской организации «Бирлик», откололась от нее. Организован демократический совет учащихся. В президиум избраны Жанайдар Садвокасов, Таутан Арыстанбеков, Хамза Жусупбеков, Сейтказиев, Абульхаир Досов...»

Это была радостная весть. С революционно настроенной молодежью мы установили регулярную переписку.

Я переписывался также с Динмухамметом Адилевым. Он сообщал, что вступил в красный партизанский отряд, созданный большевиками в Омске и называвшийся Первым международным отрядом.

«Ни одна партия в России, кроме большевиков,— пи-

сал Динмухаммет,— не обеспечит равноправия угнетенному трудовому народу!»

В другом письме, также говоря о правильности большевистской программы, он пишет: «В такое трудное, критическое время я не мог сидеть спокойно, поэтому решил отправиться на фронт, бороться за счастье всего человечества...»

Кипит, бурлит работа в нашем совдепе. Многое приходится решать наугад, вслепую, потому что не поступают к нам ни директивы, ни инструкции, ни указания сверху. Советская власть в Петрограде издает декрет за декретом. Содержание их мы узнаем по радио и то часто в искаженном пересказе.

Было время, когда еще не во всех краях признали советскую власть. Многие относились к советской власти недоверчиво, недружелюбно. По радио можно было услышать, например, такую весть: «Советская власть в Петрограде пала». Газеты всячески ругали большевиков, бранили, как умели, советскую власть. От буржуазных русских газет стремились не отстать и казахские алаш-ордынские газеты.

В № 253 газеты «Қазах» от 2 декабря 1917 года опубликована передовая статья «Радостная весть», в которой говорится о свержении советской власти и тут же мимоходом поливается грязью большевистская партия.

В № 260 от 17 января 1918 года в статье «Политическое положение» ловко, блистательным стилем снова ругают большевиков, что они, мол, «своекорыстные люди, злонамеренные подлецы, притворяющиеся защитниками народа во имя личной выгоды». В предыдущем номере «Қазаха» от 12 января 1918 года в передовой под заголовком «Демагогия» газета, не жалея красок, буквально стонет от негодования по адресу большевиков, которые своими лживыми обещаниями обманывают народ, стараясь привлечь его на свою сторону, ловят рыбу в мутной воде.

Наряду с изощренной агитацией, партия алаш-орды не забывала и о практической деятельности и активно вела подготовку к созданию регулярной армии. Она обратилась к молодежи с призывом «поступать в офицерскую юнкерскую школу». Такие школы открылись в Уральске и Семипалатинске. Туда поступили группки «отважных» юных алаш-ордынцев, добровольно ставших

на путь борьбы с большевиками. В «Қазахе» № 259 по этому поводу было опубликовано пространное заявление.

А советская власть между тем медленно, но верно упрочивала свои позиции. День ото дня слабели усилия меньшинства, пытавшегося поддержать старые порядки, отошедший, обветшалый мир. Мы пристально следили за газетами и узнавали, что большевики все решительнее теснят казачьи войска атамана Дутова, которого поддерживала газета «Қазах». Но вот настал день, когда мы получили номер «Қазаха», в котором без особой радости говорилось, что центральный комитет алаш-орды в скором времени вынужден будет покинуть Оренбург...

В январе 1918 года Оренбург был занят большевиками. Атаман Дутов бежал.

Спустя несколько дней разнеслась весть, что главари алаш-орды Букейханов, Байтурсунов, Дулатов и Омаров (Ельдес) проехали через Акмолинск в Семипалатинск. Мы узнали об этом только через два дня от одного аульного казаха, сообщившего нам о месте их последней ночевки. Подумав, мы решили, что алаш-ордынцы по пути должны заехать на Спасский завод, и срочно дали телеграмму в адрес совдепа в Спасске. В ответной телеграмме нас известили, что главари алаш-орды уже проехали дальше.

Очередной номер «Қазаха» мы уже получили перекроенным и перекрашенным. Редактором стал некий Абульхамит Жундибаев. Новая газета вышла в свет 27(14) февраля 1918 года за № 261. В ней была опубликована статья «Положение в Оренбурге». В статье сравнивалось нынешнее положение, которое создалось после взятия города большевиками, с прежним. Тон газеты изменился до неузнаваемости. Вот выдержка из статьи «Положение в Оренбурге».

«Қазачьи отряды вместе с белогвардейцами в течение месяца воевали против большевиков, но в ночь на 17 января побеждены и оставили город.

Представители комитета спасения страны от врагов, державшие всю власть в своих руках,— казачий атаман Дутов и оренбургский комиссар Архангельский — вместе со своими штабами обратились в бегство.

Город остался без хозяина. Население оказалось в критическом положении. Қазаки сбежали, большевики не пришли, не было в городе власти, способной защитить

население от банд грабителей и прочих злоумышленников. Поэтому мусульманский военный комитет объявил себя полновластным хозяином города до тех пор, пока не упрочится большевистская власть.

Комитет выставил охрану из вооруженных жигитов у каждого государственного и народного учреждения на случай внезапного нападения. Башкирский караван-сарай — резиденция мусульманского военного комитета — стал надеждой и опорой всех передовых деятелей города.

Во дворе караван-сарая постоянно патрулировали вооруженные солдаты из мусульман, а также добровольно записавшаяся в дружину татарская молодежь. Стояли наготове запряженные повозки и автомобили.

Восемнадцатого января вошли в город большевики и начали расквартировку по домам. По улицам ходили вооруженные матросы и красногвардейцы, наводя страх на жителей. Они входили в дома по десять-пятнадцать человек и производили обыск, искали оружие и спрятавшихся офицеров.

Среди обыскивающих были люди справедливые, умеющие говорить с народом. Но нашлись и такие, которые наводили ужас на население. Они орали на людей, как дикие быки, не привыкшие к привязи, грабили дома и расстреливали тех, кто пытался оказать сопротивление. Мародерами были матросы-анархисты и местные оренбургские воры, которые стали «большевиками» ради того, чтобы поднажиться. Штаб большевиков всячески наказывал мародеров, не давал им спуска, но тем не менее в первые дни город страдал от бесчинств. Проходимцы, выдававшие себя за большевиков, врывались в дома богачей, забирали ценности, уносили их за пазухой, за голенищем, набивали ценностями мешки и увозили их на телегах.

Страшась в упор наставленной винтовки или ножа, нацеленного в сердце, люди отдавали грабителям все свое имущество, лишь бы спасти душу. Тот, кто ценил свою жизнь дешевле богатства, получал пулю на месте.

Вооруженные жигиты военно-революционного комитета днем и ночью патрулировали по улицам города на автомашинах. Заставая грабителей на месте преступления, они арестовывали их, а имущество возвращали владельцам. В течение трех-четырех дней город избавился

от мародеров благодаря энергичным действиям мусульманского военно-революционного комитета.

Матросы-анархисты при встрече с жигитами комитета скрежетали зубами и всячески старались оклеветать комитетчиков. На собрании на Оренбургском вокзале они подняли вопрос об изъятии оружия у мусульманского комитета.

Большевики создали в городе свой военно-революционный комитет, назначили комиссаров по разным отраслям хозяйства. В государственных и народных учреждениях была выставлена надежная охрана. Городская жизнь пошла по нормальному руслу.

Заняв город, большевики склонили на свою сторону газету «Оренбургский край», издававшуюся прежде партией кадетов, и переименовали ее в «Известия». Кооперативная газета «Южный Урал» стала выходить под названием «Народное дело».

Газета «Рабочая заря» находилась в руках меньшевиков. Ее материалы были нередко остроумными и подчас задевали своих старших братьев — большевиков. Эту газету закрыли. Вместо нее стала издаваться «Рабочая газета», но и ее деятельность большевики временами приостанавливали за излишнюю болтовню. Военно-революционный комитет закрыл газету «Вахит» (Время), как не выражающую интересов рабочих и сельской бедноты. В типографии 9 февраля был отпечатан первый номер газеты «Известия Оренбургского мусульманского революционного комитета».

Можно сказать, что в конце января жизнь в городе упорядочилась. В течение месяца задерживаемые письма, газеты, журналы начали, наконец, поступать адресатам.

Настойчивые утверждения о том, что местные богачи используют для защиты своих интересов мусульманский комитет, возымели действие: дружины, которые спасли город от разграбления, были разоружены. Тогда татарские солдаты и рабочие, объединившись, избрали новый мусульманский военно-революционный комитет.

Председателем был избран Гали Шамгунов, заместителем Мухамет Тахиров, секретарем Абдолла Якубов.

В этот комитет, надо полагать, вошли мусульмане, достойные уважения простого народа, которые добывали себе хлеб мозолистыми руками в поте лица и не угнетали других.

Лавки и школы, закрывшиеся задолго до прихода большевиков, открылись 29 января. Купцы занимались торговлей, дети учили уроки. В здании бывшего кадетского корпуса открылась военная гимназия.

Заняв Оренбург, большевики обложили местных богачей крупными налогами, доводящими их до разорения. Единовременный налоговый сбор равнялся десяти миллионам рублей. Комиссия по сбору распределила его следующим образом: Зарепнов должен внести миллион рублей, Сараков — полтора миллиона, Панкратов — миллион, Деев — триста тысяч, Буров — шестьсот тысяч, Пемнов — сто пятьдесят тысяч, Нехарчев — сто двадцать пять тысяч, Слашилин — семьдесят пять тысяч, Коробков — шестьдесят тысяч, Баландин — сто тысяч, Нехонов — семьдесят пять тысяч, Урецкий Орыштери — семьдесят пять тысяч, товарищество Потлова — сто тысяч, Захо — сто тысяч, Брагин—пятьдесят тысяч, Каймуштери, Вольфсон, Корнилов — по пятьдесят, сорок, двадцать тысяч, Лшескин — пятьдесят тысяч, Лысых — пять тысяч, Агладонов — сто тысяч, Андреев — тридцать тысяч, Вотем — пять тысяч, Шепшайши — двадцать тысяч, врач Воскресенский — пятнадцать тысяч, Попов, Теребинский и Николин — по десять тысяч, учебные заведения бая Махмуда Хусаинова — шестьсот тысяч, фирмы хазрета Увалия Хусаинова — сто двадцать пять тысяч, Гыдбай Балтабаев — пятьдесят тысяч, П. Гимадиев, Абдрахман Амзин, Бырдаран Габдуллин, Ауаринвазов, Акимбаев, Аюпов, Г. Шепиров, Габдулкаим Седачев — по двадцати пяти тысяч, М. Шарафутдинов, Ш. Мусупов — по двадцать тысяч, З. Куртапов, Рамовы — по пятнадцать тысяч, З. Хабибуллин, Зомаров, Р. Хабимов, С. Мурзабаев, Габдулрашит Хусаинов — по десять тысяч. От уплаты налога ни один бай не имел права уклоняться.

Крупное поместье адвоката Гарадского перешло в распоряжение военно-революционного комитета, Ташкентская железная дорога — в руки железнодорожников. Из всех крупных типографий Оренбурга перешла в распоряжение комитета только одна типография Левенсона.

Было всего пять-шесть семей казахов, оставшихся в Оренбурге во время грозных событий. Большевики их не притесняли.

Работники редакции газеты «Казах» все еще не вернулись в Оренбург.

Либо большевики показались казахам клыкастыми львами, либо по каким-то другим причинам казахи стали появляться в Оренбурге лишь в середине февраля. В городе сейчас спокойно. Вестей о злодейских убийствах и грабежах нет. Благополучно живут близлежащие к Оренбургу казахские аулы. Тургайский комиссар предпринимает срочные меры по ликвидации стычек между казахами и русским населением, предупреждает враждебные нападения мужиков, «большевиков» на казахские аулы.

Работают почта и телеграф, открыты банки. Но вкладчику из банка выдается не более ста пятидесяти рублей в неделю. В городе не было мелкой монеты, а сейчас сторублевые дензнаки разменяваются на более мелкие, вновь поступившие из Петрограда. Выпущенные при Дутове новые деньги Оренбурга все еще не потеряли прежнего достоинства. Большевики начали выпускать свои деньги.

Ж. Жанибеков».

Вот вам статья по-новому работающей газеты «Казах» после взятия Оренбурга красными. Газета как будто надела шубу наизнанку.

В том же номере 261 помещена следующая передовая:

«Оренбург 27(14) февраля.

Не утихает идейная борьба между представителями политических партий, которых расплодилось, как ветвей на дереве. Каждый по-своему стремится к благополучию своей нации.

Свергнут царь, свершилась революция, на политическую арену выступили большевики вместе с другими политическими партиями. Они устремились к власти, предъявляя серьезные обвинения Временному правительству. Большевики указывали на пассивность и бездеятельность этого правительства, упрекали его в равнодушии к нуждам угнетенных рабочих. Большевики высказывали свое недовольство открыто. В конце октября все губернии оказались под властью большевиков, кроме Оренбурга, Дона, Уральска, Украины, где в большинстве обитало казачество.

Долго и упорно боролся Оренбург, но сейчас он сдался, сложил крылья, в нем основательно укрепились большевики. Вместе с большевиками в должности командира

Уфимского отряда из Тургайского уезда прибыл сюда господин Алибий Жангильдин — выходец из рода Кыпчак. Он пригласил к себе в помощники оренбургского жителя, умеющего работать с народом, господина Мухаммедияра Тунгачина. Господин Мухаммедияр четыре дня находился в глубоком раздумье, советовался с видными оренбургскими мусульманами и с товарищами по службе и в конце концов, получив их одобрение, принял предложение комиссара. Жангильдин послал телеграмму, приглашая в Оренбург некоторых работников из Актюбинска и других мест.

Получив телеграммы и письменные уведомления, всесторонне обдумав создавшееся положение, отовсюду начали стекаться в Оренбург общественные деятели, опасавшиеся расстрела.

Живя в степи, с оглядкой, с опаской, не понимая сложившейся обстановки, прибывшие казахские работники никого не признавали, кроме комиссаров Алибия и Мухаммедияра.

Господин комиссар Алибий Жангильдин разъяснял народу идеи революции. Приехавшие по его зову люди соглашались работать с комиссаром рука об руку и находить способы предотвращения народных бедствий. Актюбинские селения, расположенные на незначительном расстоянии от Оренбурга, с помощью телеграфа были связаны с жителями далекого Иргизского и Тургайского уездов.

Принимая во внимание, что в такое переходное время народ остро нуждается в газетных сообщениях, видя, что прежний состав редакции из Оренбурга сбежал, идя навстречу желанию народных масс, а также по просьбе работников, прибывших в Оренбург из Актюбинского уезда, я взял на себя обязанности редактора газеты «Казах».

Прибыли следующие работники из аксакалов: Мырзагул Койайдаров, Сарсен Жакупов, Ахметкерей Косуаков; из молодой интеллигенции: Есен Нурмухамметов, Сагиндык Досжанов, Нысангали Бегимбетов, Султан Аркабаев, Нургали Атантаев, Задакерей Нурмухамметов, Али Ибраимов, Ережеп Койайдаров, Касым Арынгазиев, Досмухаммет Кожабаев, Камалитден Арынгазиев, Бахыткерей Какенов, Карасай Койайдаров и другие.

В переходное и смутное время нет проторенных дорог, поэтому иметь одно незыблемое направление — дело самое сложное из сложных. Читатели газеты должны принимать во внимание изменчивость обстановки.

Важнейшая обязанность газеты «Қазах»— оповещать народ о происходящих событиях, указывать путь и оказывать помощь растерявшимся в критическую минуту...

Абдульхамит Жундибаев».

Комиссар Жангильдин — первый большевик из казахов. Он лично участвовал в горячих боях с белыми, руководя отрядом красных. Имя товарища Жангильдина мы знали через газеты партии алаш-орды, которые всячески его поносили, приписывая ему самые несуразные вещи.

Слыша собачий вой газет алаш, мы считали Жангильдина очень опасным для буржуазии человеком. Мы рассуждали про себя: «Если отбросить сплетни газет, что он такой и этакий, то окажется, что это очень серьезный человек, как Кольбай (Тогусов). Если не принимать во внимание вертлявость и неуравновешенность Кольбая, то и он может показаться очень способным, остроумным человеком...» По клеветническим выступлениям газет нам было трудно составить справедливое мнение о большевиках...

В «Казахе» от 2 декабря 1917 года за № 253 в статье «Судья — народ» сам Букейханов (под псевдонимом «Қыр баласы»—«Сын степей») хвастал:

«За последователей Жангильдина в списке № 3 на выборах в учредительное собрание народ Тургая подал всего лишь 41 голос, тогда как за список партии алаш голосовали 54 897 человек».

Ораторы алаш на страницах газет каждый день всячески поливали грязью малочисленных тогда казахов-большевиков. Больше всех доставалось Жангильдину и Кольбаю.

В статье «Кто друг, кто враг» один из видных деятелей алаш-орды Дулатов, за подписью Мадьяр, 3 марта 1918 года в газете «Сары-Арка» писал:

«...Если бы вчерашние доносчики, ставшие сегодня большевиками, захотели пойти к черту за тридевять земель, мы пожелали бы им доброго пути. Но к нашему

великому сожалению, они сбивают честных людей с праведного пути, вот что досадно, и выступают от имени народа, тогда как за ними не последует даже десятка казахов. Во времена черной реакции царизма одни из них выступали крещеными миссионерами, другие продавались жандармерии — были тайными осведомителями, третьи обманывали народ, четвертые грабили на большой дороге — вот какими они были подлецами... Теперь, в смутное время став «большевиками», они помышляют разжечь огонь раздора в монолитных рядах алаш среди людей, живущих мирно в белоснежной просторной юрте. Они заявляют, что не нужно давать автономию партии алаш, что делегаты Всеобщего казах-киргизского съезда — поголовно баи, вредящие казахскому народу, и поэтому съезд нельзя считать законным. Распространяют ложные слухи, что избранные пятнадцать руководителей алаш-орды — враги казах-киргизского народа, и потому следует их уничтожить. Они открыто заявляют, что газета «Казах»—враг свободы, а ее сотрудники — приспешники царя Николая»,— так жаловался, стонал Дулатов, затем перешел к брани и угрозам в адрес большевиков-казахов.

Не было большевика, которого бы они ни ругали. Они и Ленина охаивали, но, как говорится в народе: «Собака лает, а караван идет своей дорогой». Работа кипела, дело шло, хотя и не всегда гладко, приходилось иногда спотыкаться. Передали народу байские дома и мельницы. Национализировали Сибирский банк.

Несмотря на то, что большевики изгнали Дутова из Оренбурга, почти всюду, кроме Акмолинской области, продолжали действовать сторонники белых и алаш-орды. Мало еще было настоящих вдохновителей организации совдепов и не было еще жигитов-воинов, которые с оружием открыто выступали бы в защиту совдепа.

Чувствовалось нарастание политической активности среди казахов Букеевской области, где молодая интеллигенция стала выступать на стороне Советов. Из газет мы узнали, что букеевская интеллигенция сместила чиновников правительства Керенского, передала власть в руки простого народа.

«Казах» за № 261 от 27 февраля 1918 года перепечатала сообщение из газеты «Уран»:

«Опять изменения.

В предыдущем номере газеты сообщалось, что комиссар Кулманов смещен с должности, а на его место назначен Азирбаев. Теперь комиссариаты вовсе упразднены, а управление Букеевской областью распределено следующим образом:

По внутренним делам: Б. Ниязов.
По транспорту: И. Кошеков.
По оказанию помощи: К. Менешев.
По продовольствию: С. Генералов.
По финансам: Д. Темиралин.
По просвещению: Мендешев.
По здравоохранению: М. Кокебаев.
По делам тяжб: С. Нуралиханов.

Не дожидаясь съезда и всенародного обсуждения, эти люди сразу взяли в свои руки дела Букеевской области. Их действия можно рассматривать двояко.

Во-первых, в такое тревожное время кто-то должен быть у власти, чтобы немедленно приступить к спасению жителей от всевозможных бедствий, указать правильную дорогу. Но, во-вторых, можно также подумать, что отстранение прежних работников, избранных делегатами четырехтысячного населения Букеевской области, самочинная передача власти в руки вышеупомянутых городских интеллигентов-отщепенцев свидетельствуют о действиях в пользу чьих-то ограниченных интересов. Я не могу назвать действия наших руководителей правильными или неправильными, но думаю, что народ понимает, к чему все это может привести...»

Алаш-орда обосновалась в Семипалатинске. В Уральской и Актюбинской областях казахское население советскую власть пока еще не признавало. Туркестанские казахи все еще бредили организацией автономии.

В «Казахе» за № 261 от 27 (14) февраля 1918 года опубликована такая хроника:

«...Коканд. В Коканде советская власть. Из членов бывшей «Туркестанской автономии» арестованы такие казахи, как Мустафа Чокаев и Абдрахман Уразаев. Другие члены, видимо, спаслись бегством...»

Широко простирая объятия, с каждым днем укреплялась власть Советов. Одна за другой слетали однодневные кукольные буржуазные «автономии» вроде алаш-орды. Неуклонное движение пролетариата и трудящихся масс под руководством большевиков разбивало в пух и прах правительства буржуазии и духовенства — хазретов, байских интеллигентов. Большевистская партия обратилась к народу с воззванием. Приведем это историческое воззвание Совета Народных Комиссаров «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока!».

«Товарищи! Братья!

Великие события происходят в России. Близится конец кровавой войне, начатой из-за дележа чужих стран. Падает господство хищников, поработивших народы мира. Под ударами русской революции трещит старое здание кабалы и рабства. Мир произвола и угнетения доживает последние дни. Рождается новый мир, мир трудящихся и освобождающихся. Во главе этой революции стоит рабочее и крестьянское правительство России, Совет Народных Комиссаров.

Вся Россия усеяна революционными Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Власть в стране в руках народа. Трудовой народ России горит одним желанием — добиться честного мира и помочь угнетенным народам мира завоевать себе свободу.

В этом святом деле Россия не одинока. Великий клич освобождения, данный русской революцией, подхватывается всеми трудящимися Запада и Востока. Истомленные войной народы Европы уже протягивают нам руки, творя мир. Рабочие и солдаты Запада уже собираются под знамя социализма, штурмуя твердыни империализма. А далекая Индия, та самая, которую веками угнетали «просвещенные» хищники Европы, подняла уже знамя восстания, организуя свои Советы депутатов, сбрасывая с плеч ненавистное рабство, призывая народы Востока к борьбе и освобождению.

Рушится царство капиталистического грабежа и насилия. Горит почва под ногами хищников империализма.

Перед лицом этих великих событий мы обращаемся к вам, трудящиеся и обездоленные мусульмане России и Востока.

Мусульмане России, татары Поволжья и Крыма, киргизы и узбеки Сибири и Туркестана, турки и татары Закавказья, чеченцы и горцы Кавказа, все те, мечети и молельни которых разрушались, верования и обычаи которых попирались царями и угнетателями России!

Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это. Знайте, что ваши права, как и права всех народов России, охраняются всею мощью революции и ее органов — Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Поддерживайте же эту революцию и ее полномочное правительство!

Мусульмане Востока, персы, арабы и индусы, все те, головами и имуществом которых, свободой и родиной которых сотни лет торговали алчные хищники Европы, все те, страны которых хотят поделить начавшие войну грабители!

Мы заявляем, что тайные договоры свергнутого царя о захвате Константинополя, подтвержденные свергнутым Керенским,— ныне порваны и уничтожены.

Республика Российская и ее правительство, Совет Народных Комиссаров, против захвата чужих земель. Константинополь должен остаться в руках мусульман.

Мы заявляем, что договор о разделе Персии порван и уничтожен. Как только прекратятся военные действия, войска будет выведены из Персии, и персам будет обеспечено право свободного определения своей судьбы.

Мы заявляем, что договор о разделе Турции и отнятии у нее Армении порван и уничтожен. Как только прекратятся военные действия, армянам будет обеспечено право свободно определить свою политическую судьбу.

Не от России и ее революционного правительства ждет вас порабощение, а от хищников европейского империализма, от тех, которые превратили вашу родину в расхищаемую и обираемую свою колонию.

Свергайте же этих хищников и поработителей ваших стран! Теперь, когда война и разруха расшатывают устои старого мира, когда весь мир пылает негодованием против империалистов-захватчиков, когда всякая искра

возмущения превращается в мощное пламя революции, когда даже индийские мусульмане, загнанные и замученные чужеземным игом, поднимают восстания против своих поработителей, теперь молчать нельзя. Не теряйте же времени и сбрасывайте с плеч вековых захватчиков ваших земель! Не отдавайте им больше на разграбление ваших родных пепелищ! Вы сами должны быть хозяевами вашей страны! Вы сами должны устроить свою жизнь по образу своему и подобию. Вы имеете на это право, ибо ваша судьба в собственных руках.

Товарищи! Братья!

Твердо и решительно идем мы к честному демократическому миру.

На наших знаменах несем мы освобождение угнетенным народам мира.

Мусульмане России!

Мусульмане Востока!

На этом пути обновления мира мы ждем от вас сочувствия и поддержки.

Председатель Совета Народных Комиссаров

В. Ульянов (Ленин)[1].

Таково было обращение Совета Народных Комиссаров. Обнаглев, даже Ленина охаивала алаш-орда. Надо ли после этого удивляться тому, что алаш-ордынцы бранили Кольбая (Тогусова), Жангельдина и других казахов-большевиков.

Язык, рожденный хулить таких людей, как Ленин, может ли сознавать меру? Я не хочу безоговорочно восхвалять Кольбая или еще кого-то. Мало людей, которые не спотыкались бы в своей жизни, видимо, и поведение Кольбая было небезупречным. Мы его не знали. Его ругали вождишки алашорды и их приспешники. Если те казахи, оскорбленные за свою принадлежность к большевикам, переметнулись бы вдруг к алаш-орде, их бы стали восхвалять, поднимать до небес те же самые вожаки. Еще до создания партии алаш, когда мы учились в Омске в 1914-1915 годах, газета «Қазах» всячески срамила в глазах народа Кольбая и хаджи — муллу Салима

[1] Сборник документов и материалов, Казгосиздат. Алма-Ата, 157, стр. 158—160.

Кашимова, который в то время сотрудничал в журнале «Айкап»[1].

В то время мы, юнцы, верили словам «Қазаха». В том же 1914-15 учебном году Қольбай приезжал в Омск. Я видел его в первый и последний раз. Қольбай пригласил к себе всех учащихся-казахов Омска и сфотографировался вместе с ними. Я не пошел к нему по той простой причине, что на меня тогда повлияли бранные отзывы газеты «Қазах» об этом человеке.

Сфотографировавшись вместе с Қольбаем, многие из его почитателей позднее стали алаш-ордынцами и не прочь были бросить камень в своего бывшего наставника.

В те дни в омском городском театре был организован так называемый сибирский вечер. Одно отделение его шло целиком на казахском языке.

На балконе театра поставили казахскую юрту с дорогой утварью, настелили ковров, разукрасили ее красными и зелеными электрическими лампочками. В юрте продавался кумыс, домбристы и певцы исполняли казахские мелодии. На этом вечере довелось и нам играть на домбре. На сцене театра пели, плясали. Саматов и Шайбай Айманов устроили айтыс — состязание двух поэтов[2].

Распорядителями вечера были Новоселов, Березовский и Седельников.

На этом вечере я видел Қольбая вблизи. Уже тогда Қольбай считался непримиримым врагом руководителей газеты «Қазах» и ее вдохновителей.

Муллу Салима газета чернила до поры до времени. После падения царизма Салим вдруг оказался сторонником партии алаш, и Букейханов самолично назначил его председателем кокчетавской уездной алаш-орды. Можно привести немало таких весьма «веселых» примеров, характеризующих «чистые» нравы алаш-ордынцев.

Салима впервые я увидел еще в детстве, когда учился в акмолинской городской школе. Он приезжал собирать деньги на издание журнала «Айкап». Мне он показался красноречивым, но слишком вертлявым чело-

---

[1] «Айкап»— прогрессивный журнал, выступавшей в свое время против буржуазной газеты «Қазах». Редактором его был журналист и поэт Мухаметжан Сералин.

[2] Видимо, здесь автор имеет в виду стихотворение Султанмахмута Торайгырова «Состязание степного и городского поэтов».

веком, с легкомысленным характером. О нем поговорим в другой раз.

Как я уже сказал, все автономии, вроде алаш-орды, развеивались, как пепел конского кизяка, от малейшего дуновения. Могут ли гнилые наносы остановить бурный натиск весеннего половодья!?...

Мы оказались свидетелями таких событий, когда от одного выстрела вверх разбегались бесстрашные господа, члены буржуазного правительства. Позорно распалось «правительство» кокандской автономии, возглавляемое членами алаш-орды Тынышпаевым, Чокаевым и Акаевым. Чтобы показать подлинное лицо правителей, слагающих свои полномочия после одного выстрела вслепую, приведу письмо самого Чокаева. По нему видно, что буржуазные националисты, религиозные фанатики, узбекские ишаны немало поиздевались над Чокаевым, о чем он с горечью жалуется своим единомышленникам.

Письмо Чокаева опубликовано в газете «Сары-Арка» за № 34 от 18 марта 1918 года.

«В два часа 31 января, когда мы обсуждали ультиматум кокандских большевиков, раздался треск винтовочных выстрелов. Оказалось, что начали ружейную перестрелку солдаты большевиков. Эти действия их шли вразрез с условиями ультиматума, по которому для обсуждения и принятия его нам дано было сроку три часа.

Люди, собравшиеся в доме партии ислама, государственные деятели и простые граждане, услышав весть о наступлении большевиков, быстро разошлись. У представителей власти не было возможности повторно собраться и трезво обсудить обстановку, ибо, услышав выстрелы большевиков, мусульмане вооружились чем попало и вышли на улицу. Они не прислушивались к голосу власти, которая перед этим призывала не выступать против большевиков. В такой неожиданно возникшей ситуации правительство оказалось бездейственным.

Политические причины этого драматического события, происшедшего в Коканде, излагать подробно и выявлять во всей полноте сейчас нет времени. Поэтому в данной информации я хочу вынести на общее обсуждение только то, что видел, слышал и испытал сам. Человеку, который хорошо разбирается в общей обстановке, эти

мои записи могут показаться несколько политически ограниченными.

Убежав от пуль большевиков, я около десяти дней скрывался в соседних с Кокандом кишлаках, среди собратьев сартов[1]. И все те мои страдания, которые я испытал за этот короткий срок, пусть бог не посылает большевикам, хотя они и враги мои... Когда сарты в Коканде во главе с грабителем Ергешем начали войну с большевиками, у них совсем не было мысли, что они потерпят поражение. Они решили провозгласить Ергеша ханом в Фергане и, кроме сартов, не оставить там ни одной живой души, утверждая, что между большевиками и казахами нет никакой разницы, а татары — это не мусульмане, потому что какой-то человек из кишлака видел якобы одного татарского учителя, который спал ногами в сторону кыблы[2]. Сарты взбесились пуще прежнего, с остервенением надулись, как бурдюки, наполненные кумысом, и решили уничтожить всех, кто не является сартом. Взяв ножи, молоты, кетмени, серпы, арканы, кинжалы, они вышли на улицу. И как раз в это время я попал в среду возбужденных сартов, у которых хотел найти убежище, спастись от большевиков.

Нельзя здесь описать всего, что мне пришлось увидеть и услышать. Ибо если описывать все, то и бумаги не хватит. Поэтому я расскажу здесь только о самом главном.

20 (7) февраля в среду мы выехали из кишлака Гаухана вместе с Омарханом, ученым сыном известного всей Фергане хаджи Мусахана, проживающего в кишлаке Мой Мубарак, проехали через кишлак Елеш и прибыли в кишлак Кумбасты. Мой спутник ехал верхом, а я пеший: сарты не дали мне подводы за плату! На мне была сартовская одежда: пестрый чапан, на голове белая чалма, большая как котел, на ногах ичиги с азиатскими галошами.

Я не знал, куда мне деться, мною владела одна-единственная мысль: пока не утихнут бои в Коканде, переждать опасность среди своих собратьев. Вот почему я ко-

---

[1] Мустафа Чокаев, предатель, контрреволюционер, мнивший себя «избранником казахского и узбекского народов», употребляет унизительную кличку «сарт» в отношении узбеков.

[2] Кыбла — направление в сторону Мекки, куда обычно обращают свое лицо мусульмане при молитве.

чевал из одного кишлака в другой, искал, где оскорбленному есть чувству уголок...

Возле кишлака Кумбасты около двадцати вооруженных сартов неожиданно схватили меня.

— Кто ты такой?

— Я мусульманин.

— Какой мусульманин?

— Я казах.

— Это с каких пор казахи стали мусульманами?

— Мы издревле мусульмане.

— У нас есть сомнения в мусульманстве казахов.

— Если у вас есть сомнение, то у нас, у казахов, есть доказательство.

— Какое, ну-ка скажи?

— Доказательство — это молитва «Шеш кимэ».

Меня заставили прочитать молитву «Шеш кимэ» от начала до конца. Слава богу, что я не забыл эту молитву, выученную в далеком детстве!

После такой проверки сарты как будто поверили, что я мусульманин, но тем не менее решили найти более существенное доказательство моего мусульманского происхождения, то есть проверить, совершал ли я обряд обрезания. В это время мой попутчик знатный Омархан совсем не пытался оказать мне какую-то помощь, только красовался в седле. Он был сыном знаменитого на всю Фергану ишана и если бы захотел помочь мне, то одним своим словом мог бы усмирить разозленных сартов. Но он, убедившись, что сарты меня не собираются отпускать, поднял копя на дыбы, воскликнул «чу!»— и умчался.

Сарты, не найдя доказательств моего иноверия, приступили к допросу.

— Ты казах, но почему бродишь в наших краях?

Я не стал врать, объяснил свое положение и сказал, что несколько дней отдыхал в доме Мусахана как гость.

Сарты возразили:

— Если ты жил в доме ишана Мусахана, то почему его сын покинул тебя сейчас?

Я не знал, что ответить. Видимо, у моего попутчика муллы Омархана в его переполненной наукой голове не хватило места для дружеских чувств...

И здесь сарты окончательно решили: «Кто бы он ни был, откуда бы ни взялся, для нас ясно только одно: он не сарт, и сам не отказывается от этого. Значит, его надо

убить. Теперь время сартов. Нам все равно, что казах, что большевик!» Они скрутили мне руки, повели на окраину кишлака, крича на всю улицу: «Поймали казаха!» Со всех сторон начали собираться люди. Вот уже собралось человек семьдесят-восемьдесят, жаждущих убить меня. Все вооружены. В руках ружья, секиры, кинжалы, нагайки, топоры. У меня не осталось сомнения в том, что я погибну. Так как сарты определенно решили убить меня, то поэтому они меня особо и не избивали. Они посадили меня под деревом, где сходятся две улицы, и начали обсуждать, каким образом покончить со мной.

Обе мои руки стянуты за спиной, глаза завязаны. На шее петля из черного ремня. Я жду своей неминуемой смерти! Сарты приняли решение повесить меня за ноги, вниз головой, и расстрелять. Причем они решили мне оказать милость и снисхождение — не стрелять в меня из дробовика, что причинит мучения, а всадить в меня винтовочную пулю. Нельзя сомневаться в справедливости и милости бога! Как раз на этом тяжком пути передо мной предстала вся его чистота!...

Когда меня уже собирались повесить, вперед выступил один из сартов:

— Вы говорите, что он казах. Но казахи бывают разные. Посмотрим, что из себя представляет именно этот казах.

И заставил развязать мне глаза. Пристально поглядев на меня, сарт отшатнулся, тут же радостно воскликнув: «Ассалаумаликум, господин Мустафа!»— и торопливо начал развязывать мне руки. Его глаза наполнились слезами. Он перерезал ножом висящий на моей шее ремень, поднял меня и начал объяснять сартам, кто я такой. Он наговорил много слов в мою пользу. Теперь сарты оставили план убийства, решили послать меня в Коканд к грабителю Ергешу. Посадили на коня и с сопровождающими немедленно отправили...

Кстати, я расскажу о человеке, который избавил меня от смерти. Я не знаю его имени. Он был одним из многих сартов, мобилизованных в прошлом году на тыловые работы. На работе ему нанесли тяжкое оскорбление, поэтому он бежал с тыловых работ, встретился со мной в Петербурге, взял у меня деньги на дорогу и уехал в Фергану. Оказывается, он знал заочно о моей деятельности в Туркестане в последнее время.

Повезли меня обратно, как пойманного льва. Проехали через упомянутый выше кишлак Елеш, направились в Гаухану. Между кишлаками Елеш и Гауханой есть овраг. В этом овраге мы наткнулись на засаду из трех вооруженных человек, которые хватали всех, кто не был сартом. Когда они сообразили, что я чужой, да еще не сам еду, а под конвоем, то решили без слов расстрелять меня на месте.

Меня спешили, посадили на краю обрыва. Тот человек, который мог бы опять выручить меня из беды, остался в Кумбасты. Кто же спасет меня от верной пули? Думая про себя: «Лишь бы умереть поскорее, без мучений»,— я сидел, закрыв глаза.

И тут сам бог пощадил меня. Пуля со свистом пролетела мимо. Сарты сами посадили меня на лошадь и со словами: «Этому нечестивому помогла сама судьба»,— отправились дальше.

Когда мы приблизились к Гаухане, встретился нам волостной здешних кишлаков Кулмухамбет Хатимкулов. Он меня знал, оказывается, уже давно. Он подошел к сартам, сопровождавшим меня, с гневом обрушился на них, пригрозил расстрелять на месте, если они не отправятся обратно. Волостной Хатимкулов привел меня к себе в дом как гостя, а затем по моей просьбе дал мне в провожатые жигита и отправил в волость Кудашу. В кишлаке Гуназар я сделал визит волостному Кудаша и из разговора понял, что и он не сумеет выручить меня из беды. Я вынужден был вернуться обратно в Гаухану и переждать там, пока закончатся бои в Коканде.

Наконец пришла весть, что грабитель Ергеш бежал, а город в руках большевиков. После этого сарты замолчали, как пустая требуха с выпущенным воздухом, и стали тише воды ниже травы. Однако, зная о настроении сартов в кишлаках, я стремился как можно скорее вырваться из их среды. Но нельзя было достать за деньги ни подводу, ни лошадь. Не находилось и проводника. Так продолжались мои бесконечные мучения. Сарты, лишенные теперь своего блаженного превосходства, не хотели мне правильно указать дорогу, скрывали названия лежащих по пути кишлаков, и когда я приходил, уставший, к кому-нибудь, не давали даже чаю. Они доставили мне столько страданий! Ровно два года тому назад сарты, как вздутые бурдюки, яростно грозились поубивать всех ино-

родцев, терзали мою душу угрозами покончить со мною лишь только потому, что я казах. Теперь, после победы большевиков, когда Ергеш, которого они прочили в ханы, сбежал, присмиревшие сарты продолжали молча издеваться надо мной.

Два дня я брел пешком, испытывая всяческие страдания, и прибыл в кишлак Дагестан. Здесь я нанял подводу, заплатил девять девяносто и, воскликнув: «Где вы, казахи и киргизы!»— уехал восвояси. Перевалив через снежные горы, я тут же громогласно заявил сартам: «Прощайте навеки».

Видел я много. Сам я в эти дни вел бродячую жизнь, не слезал с коня, поэтому у меня не было времени и возможности написать как следует, дорогие друзья!

Мустафа».

24 (11) февраль. В горах.

Вот вам письмо министра кокандской автономии господина Чокаева.

Таково было положение «государственного мужа», который, гордо восседая в Коканде министром, думал, что является избранником не только казахов, но и узбеков.

В письме Чокаева, вероятно, много неправды. На самом деле чокаевцы хотели захватить врасплох и взять в плен солдат, которые были на стороне большевиков, и ночью напали на них, окружили, подняли стрельбу. В ответ солдаты из крепости открыли огонь и прогнали чокаевцев. Об этом написано было в русской газете «Новый Туркестан» в 13 (30) номере.

Чокаев в своем письме как будто доволен тем, что узбеки показали ему, где раки зимуют, заставили разобраться, где честь и где бог.

Чокаев бежал из города Ак-Мечети (Перовска, ныне Кзыл-Орда). Перед бегством пытался сделать правителем Ак-Мечети потомственного дворянина Касымова — правнука Аблайхана. Чокаев несколько дней и ночей с пеной у рта старался уговорить население. Всех влиятельных казахов Ак-Мечети Чокаев держал в руках. Когда он находился у власти, в Ак-Мечети появилась горстка большевиков, которые мигом лишили Касымова всех его былых привилегий, сняли с него потомственные погоны, а самого арестовали. Чокаев моментально сбежал из Ак-Мечети. Перебрался в Коканд. Оказался во главе

съезда казахов, созванного алаш-ордой в городе Туркестане Сыр-Дарьинской области. И об этом тоже следовало бы рассказать: на съезд из главка алаш-орды прибыли Бактыгерей Кулманов и Мержакип Дулатов. В президиуме съезда опять оказались потомок Аблайхана дворянин Азимхан Кенесарин и сын городничего Байузака из рода Коунрада.

Председателем на съезде избирался пресловутый дворянин Азимхан.

После съезда Чокаев вернулся в Коканд, а из Коканда трусливо сбежал от первых непонятных выстрелов. Каким он был в Коканде, можно узнать из его же письма. Судя по письму, узбеки — представители баев — немало поиздевались и посмеялись над своим «министром». Сторонники Ергеша в насмешку посадили его у обрыва с целью просто попугать, а господин Чокаев решил, будто спасся чудом от гибели благодаря божественному предопределению.

НОЧЬЮ В ГОРАХ

Приведу еще одну картину из жизни кокандских министров. Когда сбежал Чокаев, остальные министры кокандской автономии тоже разбежались кто куда. Председатель совета министров Мухаметжан Тынышпаев и ответственный секретарь совета министров Коныркожа Ходжиков бежали вместе. Оба ехали верхом, боясь заезжать в киргизские аулы, встречавшиеся на пути, днем и ночью таились в горах, подобно бродячим волкам, спасающимся от собак.

Темная ночь, ничего не видно, хоть глаз выколи. Льет дождь. Кругом крутые горы. Два министра спотыкаются о камни, валятся в каждую яму. Лошади едва волочат ноги. Министры промокли насквозь. Они изнемогают от голода. И голодные лошади бредут тихим шагом, натыкаясь на скалы, опускают головы. Хватают первый попавшийся сучок и шумно грызут вместе с удилами. Министры шепотом подгоняют коней, но кони упираются. Дождевая вода хлюпает, стекает с одежды и с лошадиных потников. Небо и земля черны, все во мраке. С гор плывет сель. Где-то вдали мигают огни киргизских аулов. В горах слышен заунывный вой голодных волков.

Министры боятся ехать к мерцающему огню. Министры чуть слышно шепчутся, ищут укромный угол для спасения бедной души.

И вот беглый визирь и его секретарь уперлись в темную пещеру, перешептываясь, сошли с коней.

Держа коней за поводья, съежившись, они сели с подветренной стороны у камня. Дождевая вода струится с одежды на землю.

Немного освоившись, Коныркожа окликнул:

— Мухаметжан!

Тынышпаев отозвался едва слышно, голосом умирающего. Коныркожа тоже тихо спросил:

— Будешь еще министром?

— Что ты мелешь?! — обиделся Мухаметжан.— Нашел место для шуток!

Такова маленькая картинка из жизни кокандских министров. Рассказывал мне все это сам Коныркожа.

САМОЗВАННЫЕ ХАНЫ В ЗАПАДНОМ КАЗАХСТАНЕ

Главари алаш-орды с самого начала поняли, что их ожидает гибель, если они не противопоставят какую-то силу большевисткому оружию. Поэтому они решили организовать казахскую милицию.

Начался призыв в милицию в двух местах: в Семипалатинске и Уральске.

Хотя главари алаш-орды переехали в Семипалатинск, члены правительства Жаханша Досмухамметов и Халель Досмухамметов остались у себя в Уральске. Они-то и явились инициаторами той группы, которая выдвигала на Втором казах-киргизском съезде в Оренбурге идею провозглашения казахской автономии незамедлительно после съезда.

Букейханов, Дулатов, Байтурсунов, Габбасов, Ермеков и Турлыбаев были вдохновителями другой группы, которая хотела провозгласить автономию хотя бы после частичного создания казахской милиции.

Группа Досмухамметовых на съезде оказалась в меньшинстве, но тем не менее она не согласилась с букейхановцами. Оставшись в Уральске после бегства правительства в Семипалатинск, они повели свою самостоя-

тельную политику и приступили к созданию милиции. Они были более активны чем букейхановцы. Букейхановцы действовали тихой сапой, окольными путями. Досмухамметовцы без всяких обходных маневров стремились к своему «ханству».

При Колчаке Досмухамметовы, отделившись от букейхановской алаш-орды в Семипалатинске, возомнили себя хозяевами Уральской и Актюбинской губерний и создали правительство, которое называли Западной алаш-ордой. Некоторые эпизоды из жизни этого правительства вроде приезда Куанай-хазрета к Халелю, приведены мной выше.

После того как самозванное кокандское правительство разбежалось от нескольких выстрелов большевиков, алаш-ордынцы начали создавать милицию в Уральске и Семипалатинске, собрали немного конных и пеших жигитов и начали обучать их военному делу.

Семипалатинские большевики терпеливо ждали, чем это кончится, но однажды несколько солдат-большевиков подошли к месту строевых занятий алаш-ордынской милиции и неожиданно выстрелили вверх. Милиция бросилась врассыпную. Начальник милиции, жигит по имени Кази, криком и угрозами пытался остановить своих. И в это время был сражен пулей. В связи с гибелью начальника милиции в газете «Сары-Арка» борзописцы алаш подняли страшный шум, помалкивая, однако, о том, кому они готовили свои пули.

В номере 34 от 18 марта 1918 года газеты «Сары-Арка» они использовали этот случай для своей гнусной контрреволюционной агитации.

Речи, в которых аксакалы Шакарим, Баимбет, Мержакип, Жусупбек, Сабит Донентаев, Раимжан, хаджи Жангали и Мустаким мололи всякий вздор, были напечатаны в газете.

Алаш-ордынская милиция была создана не только в Семипалатинске и Уральске, но также и в Тургае. Жаханша Досмухамметов и Халель Досмухамметов создали в Уральской области, в городе Жымпиты, самостоятельное правительство алаш-орды.

После того как алаш-ордынское правительство сбежало в Семипалатинск, а Оренбургом завладели большевики, делами казахов, относящихся территориально к Оренбургу, начал заниматься Жангильдин. Вот почему

Досмухамметовы решили создать в Уральске местное правительство.

Они созвали съезд Уральской области. Съезд проходил в Каратюбе. О нем следует рассказать подробнее.

КАРАТЮБИНСКИЙ СЪЕЗД

Начало 1918 года. Зима. В Каратюбе съехалась вся казахская интеллигенция Уральской области. Вели съезд Досмухамметовы. Участвовали в работе съезда Кенжин, Касабулатов, Мырзагалиев, Каратлеуов, Жолдыбаев, Хангереев, Ипмагамбетов и Алибеков. Тогда они еще не были большевиками.

В президиум съезда были избраны Досмухамметовы.

На повестке дня самые значительные вопросы: выборы правительства, создание войска, сбор средств на их содержание.

По вопросам создания войска и правительства расхождений не было. Когда обсуждался вопрос о сборе средств, съезд раскололся надвое, начались споры. Большинство поддерживало Досмухамметовых, которые предлагали собрать с каждого двора, с каждого тундика[1] по сто рублей.

Меньшинство — это Губайдулла Алибеков, Ипмагамбетов, Хангереев и поддержавшие их Жолдыбаев, Косабулатов, Кенжин, Каратлеуов, Мырзагалиев — предлагали облагать налогом баев по-байски, а бедняков — по их возможностям.

Против этого предложения выступил знатный бай Салык, потомок знаменитого Срым-батыра. Поскольку Салык высказался против различия в сумме налога для богатых и бедных, то и Досмухамметовы выступили против. Началась горячая перепалка. Обе стороны, доказывая свое, никак не могли прийти к единому решению. Участники съезда заколебались, не зная, к кому присоединиться. Мотивировки сильные и у тех, и у других. К выступлениям более авторитетных Досмухамметовых прислушивались с большим вниманием, но доказательства стороны Губайдуллы Алибекова, Ипмагамбетова

[1] Тундик — верхнее отверстие юрты, дымоход. Здесь употреблено в смысле хозяйства — двора.

и других были более логичны и убедительны. Людей, не утративших чувства человечности, они привлекали на свою сторону.

Съезд проходил в мечети, переполненной народом до отказа. Стало очень душно. Толпа, не сумевшая попасть на съезд, окружила мечеть. Через открытые окна люди заглядывали внутрь и жадно прислушивались к спору. «С бая — по-байски, с бедняка — по-возможности. С маломощных ничего не брать»,— такое предложение пришлось по вкусу толпе. Через открытое окно послышались возгласы одобрения.

Наконец группа Губайдуллы изложила свои возражения в письменном виде и вручила их президиуму. Досмухамметовы заявили съезду, что письменные возражения группы Губайдуллы ведут к большевизму. Доводы Досмухамметовых тоже были в достаточной мере ясно «обоснованы» по-своему и сводились к следующему:

«Братья! Мы собрались здесь с самыми высокими устремлениями и с лучшими намерениями. Россия охвачена смутой, большими волнениями. Россия раскололась на два лагеря, царит междоусобица, льется кровь. Одни пекутся о своем состоянии, другие думают о спасении своей шкуры. Вот такая создалась критическая обстановка. Мы должны вовремя взяться за дело. Мы собрались на этот съезд, чтобы объединить народ, сделать его монолитным. Здесь присутствуют ученые люди алаш. Среди вас светила нации хазреты, почтенные аксакалы, почетные жигиты. Все вы передовые люди алаш. Любящий свою нацию не станет делить ее на сословия. Тот, кто считает себя подлинным сыном алаш, должен помнить эту заповедь.

Мы не делим нацию на разные сословия. Дети алаш все одинаковы. Сыны алаш должны участвовать во всех делах с одинаковым усердием. Груз алаш все должны нести поровну, не считаясь, кто бай, кто бедняк. Вот поэтому нужно собрать со всех одинаково по сто рублей.

Кто любит алаш, не будет делить детей нации на сословия!»

Так вожаки алаш предлагали баев и бедняков считать братьями, одинаково любить тех и других, одинаково собрать со всех по сто рублей. И это называлось обоснованным доказательством!

Спорный вопрос был поставлен на голосование. Голоса разделились поровну. Досмухамметовы растерялись.

В президиуме наскоро пошептались и объявили перерыв.

После обеда съезд продолжил свою работу. Председательствующий сообщил, что Жаханша является членом мусульманского совета в Петербурге, представителем от казахов. По просьбе аксакалов он сделает краткую информацию о работе этого совета. Хотя это сообщение не значилось в повестке дня, делегаты съезда сочли возможным заслушать Жаханшу. Некоторые одобрительно зашумели: «Правильно! Правильно!»

— ...В мусульманском совете работают наши братья мусульмане, проповедующие ислам. Чего только не переносили мусульмане за многие века, каких только унижений они не испытывали. Мусульманская религия подолгу была в загоне, священная книга — коран — не раз попиралась ногами...— так начал Жаханша свои словоизлияния.

Среди главарей алаш-орды особо выделялись своим красноречием двое: Мержакип Дулатов и Жаханша Досмухамметов. Мержакип слыл мастером литературного изложения. Жаханша — блестящим оратором. У Мержакипа был изящный стиль, а у Жаханши речь не всегда обтесана, нередко грубовата.

Итак, Жаханша с жаром пустился рассказывать о мусульманском совете. Публика, как один человек, слушала, затаив дыхание. Взоры были обращены к Жаханше. Сверкающими глазами впиваясь то в одного, то в другого слушателя, оратор целиком завладел аудиторией.

Для подтверждения своих слов он то сжимал кулаки с хрустом в суставах, то для большей правдивости и пущей убедительности вытягивал перед собой ладони с растопыренными пальцами. Его руки то плавно, как крылья, расходились в стороны, то складывались одна к другой. По мере надобности взмахом руки, как секирой, оратор рассекал воздух. Он взирал искрящимися глазами на завороженно внимающую публику и как бы заколдовывал ее. Выражение его лица ежеминутно менялось.

Свое выступление он закончил следующими словами:

— Мы сидели в Петербурге, в мусульманском совете. Русские уже открыто враждовали между собой. Большевики бродили по городу и обстреливали все учреждения. Мусульманский совет тоже был подвергнут обстре-

лу. В городе сплошной беспорядок. В народе печаль. В минуту, когда каждый думал о своей судьбе. в моей голове блеснула священная мысль. Я вспомнил, что самая первая рукопись корана, написанная рукой халифа Османа, хранится в петербургском музее свергнутого царя. В тот момент, когда все в мире стояло вверх дном, мной завладело одно-единственное стремление — во что бы то ни стало спасти священный коран. Я поделился своей мыслью с другими членами мусульманского совета. Все боялись, никто не посмел идти со мной. А я подумал: стоит ли жалеть жизнь, когда может погибнуть коран? Под ливнем огня на улицах я прибежал в музей. Здесь все было перевернуто вверх дном. Преодолев немало препятствий, не считаясь ни с чем, я добрался до священного корана, написанного кровью сердца Османа. Схватив коран в объятия, я выскочил из музея. Сквозь непрерывный поток врагов, под ливнем огня, вот этими руками я принес священный коран в мусульманский совет...

Некоторые баи уже плакали. Некоторые восклицали:

— Милый Жаханша! Тебе нет цены, а тут еще находятся неблагодарные, которые осмеливаются тебе перечить!

Плакали не только хазрет Куанай, бай Салык, но зарыдали даже глуповатые «студенты» Балтановы, Жаленовы и им подобные. Жаханша сел. Группа Алибекова сидела, молчала, не произнося ни звука. Они сидели возле президиума и видели, к чему клонится дело.

После выступления Жаханши президиум снова поднял вопрос о сборе средств. Председательствовал сам Жаханша.

— О сборе денег мы говорили уже немало, сейчас я ставлю вопрос на голосование. Кто за то, чтобы, как мы предлагали, не проводить разделения на баев и бедняков, а с каждого двора собрать одинаково по сто рублей, поднимите руки!

Съезд проголосовал большинством. Губайдулла и Косабулатов, встав с места, заявили съезду и президиуму:

— Мы считаем такое решение несправедливым и не подчиняемся ему!

— Замолчите, смутьяны! — закричали сидевшие в первом ряду «студенты» Балтанов и Жаленов, те самые, которые прослезились во время выступления Жахан-

ши. Они возбужденно вскочили с мест. В руках Балтанова сверкнул кинжал.

— Убить надо смутьянов! — он с криком бросился в сторону Алибекова.

Поднялась суматоха.

— А ну-ка, попробуй! Попробуйте убить!— Алибеков и Касабулатов тоже начали шарить ножи в своих карманах.

— Что вы, что вы, мои дорогие?! — Жаханша бросился разнимать.

Поднялся шум. Одни делегаты пустились бежать, другие стояли как вкопанные, не зная что делать. Халель исчез, убежал через черный ход. Каратлеуов стоял прислонясь к печи, словно окаменел. Кенжин, вытаращив глаза, сидел, не двигаясь с места.

Начали просить Жаханшу:

— Останови их!

Жаханша вскочил на стол и с распростертыми руками воскликнул:

— Братья, одумайтесь! Что с вами?! Возьмите себя в руки. Остановитесь!

Публика начала успокаиваться. Начали стыдить друг друга за панику, и понемногу все утихли.

Выступил хазрет Куанай:

— О боже! Какой позор! Что с вами, милые мои? Можно ли бросаться друг на друга братьям-мусульманам! Это же срам, позор, и еще не где-нибудь, а в мечети. Прекратите ссору! Прекратите раздор! Это же срам, все вы — родные братья. Давайте помиритесь! Эй, Губайдулла, Аспандияр, Нургали, Есенгали, Молдагали, Салимгерей! Обнимитесь! Обнимитесь с Жаханшой, обнимитесь с Халелем!

Враги пошли на попятную и начали обниматься.

После съезда началась работа по созданию милиции и войска. Собирали деньги с каждого тундика по сто рублей. Где уклонялись от уплаты, алаш-ордынцы пускали в ход кнуты.

В УРАЛЬСКОМ ОКРУГЕ ПОСЛЕ КАРАТЮБИНСКОГО СЪЕЗДА

Хотя единомышленники Губайдуллы обнимались с главарями алаш-орды на Каратюбинском съезде, в душе у них были иные намерения. Губайдулла Алибеков, Кен-

жин, Косабулатов, Жолдыбаев, Каратлеуов, Мирзагалиев решили создать свою партию.

Они назвали ее партией «ак-жол»[1] и своей задачей ставили защиту крестьянских интересов.

Посоветовавшись между собой, они направили Ипмагамбетова, Кенжина, Каратлеуова в Темирский уезд, а Косабулатова, Мырзагалиева, Алиаскара Алибекова — в город Уральск. Остальные находились в Жымпиты около алаш-орды.

Ипмагамбетов, Каратлеуов, Кенжин в городе Темире, объединившись с русскими, взяли местную власть в свои руки и вышли из подчинения алаш-орды.

Касабулатов, Мырзагалиев, Алиаскар Алибеков прибыли в Уральск. Летом 1918 года власть в Уральске находилась в руках казачества (войскового казачьего правительства). Несмотря на это, параллельно с казачьей властью, большевики приступили к организации совдепа. Немногие казахи объединились с большевиками и также приняли участие в организации совдепа. Среди них был аксакал Бахитжан Каратаев, Абдурахман Айтеев, Ипмагамбетов и Хангереев.

Косабулатов, Мырзагалиев и Алибеков прибыли в Уральск для встречи с Каратаевым и переговоров с ним о закупе оружия. После приобретения двух-трех винтовок они были арестованы казаками у себя на квартире. Не останавливаясь на полумерах, казачество разогнало съезд, созванный для выборов совдепа. Делегаты съезда, которые попались под руку, были взяты под стражу.

Некоторые организаторы съезда во главе с товарищем Колостовым были расстреляны, другие спаслись бегством.

Каратаев был заключен в тюрьму. Ипмагамбетов был расстрелян при побеге. Вплоть до 1919 года, до занятия Уральска красными, местные большевики оставались на нелегальном положении.

Арестованные Косабулатов, Алибеков, Мырзагалиев после допроса были освобождены и вернулись в Жымпиты.

Досмухамметовы, создав в Жымпиты алаш-ордынское правительство, развернули кипучую деятельность.

---

[1] «Ак-жол»— белая дорога; здесь в значении честный путь.

Свое правительство они назвали Западной алаш-ордой, что по их мнению должно было означать власть над всей западной половиной Казахстана. Милиция быстро преобразовалась в войско.

Темирский совет, не признавший алаш-орду, был разогнан, Каратлеуов с Кенжиным бежали в Тургай, где примкнули к тургайской алаш-орде и стали ее чиновниками.

Западная алаш-орда начала бурно развивать свою деятельность. Колчак завладел Сибирью, советская власть была свергнута, алаш-орда еще больше окрепла и стала хорохориться. Увеличивалось ее войско. В городе Ойыле открылась офицерская школа. Ее назвали Первой казахской кавалерийской юнкерской школой. Сюда собралась алаш-ордынская интеллигенция, молившая бога о золотых погонах. После того, как Колчак завладел Сибирью, в газете «Сары-Арка» за № 57 от 12 октября 1918 года сообщалось: «По приказу алаш-орды в Уральской области создано казахское войско, насчитывающее более двух тысяч человек. На вооружение их получено от Самарского комитета две тысячи винтовок, пятьдесят восемь пулеметов, две пушки и два автомобиля».

В этом же номере о выпускниках школы города Ойыл под крупным заголовком сообщалось:

«Первенцы казахи-офицеры.

Школу по подготовке инструкторов-казахов в Уральской области первого октября закончили казахи-инструкторы и выехали для обучения степных жигитов...»

Окончившие школу «первенцы» казахские офицеры свое первое гнусное дело начали со своих же казахов. Эти алаш-ордынские «батыры», «первенцы хана», обагрили свои руки кровью бедняков.

Алаш-ордынский хан во всем подражал своему старшему брату Колчаку. Войско западной алаш-орды, видя недовольство, обиду и слезы народа, стало роптать. Некоторые алаш-ордынцы, недовольные политикой своего хана, пытались спровоцировать воинов на неподчинение, раздували интриги.

В один прекрасный день армия подняла восстание и перебила казачье начальство. Маленький город встрево-

жился, началась паника. Незадачливое правительство алаш-орды бежало.

Захватив все вооружение и обоз с продовольствием, повстанцы двинулись через Ойыл к актюбинскому фронту на соединение с красными. Когда они приблизились к городу Ойылу, их встретили представители тех самых «первенцев казахских офицеров», обучавшихся в Ойыле. Они уже были проинформированы бежавшей алаш-ордой. Казахские офицеры остановили повстанцев и повели с ними такой разговор:

— Наконец-то мы встретились! Мы слышали о вас и ждали вас. Мы заодно с вами. Вы здесь немного отдохнете, а потом мы тоже уйдем из города и двинемся дальше вместе с вами...

Повстанцы согласились и расположились на отдых в овраге, не тревожась, ничего не подозревая. Алаш-ордынские офицеры ночью врасплох нагрянули на спящих и перебили их. Сонных жигитов «первенцы-батыры алаш-орды» резали и кололи, как баранов...

Вот с чего начались воинские доблести «батыров».

Вся власть в западной алаш-орде была сосредоточена в руках троих: Жаханши Досмухамметова, Халеля Досмухамметова и волостного управителя Салыка. За ними наблюдали священный хазрет Куанай, чью волю они выполняли беспрекословно.

В Уральской губернии и на территории Актюбинска Жаханшу Досмухамметова называли ханом. Не в шутку, а на самом деле. Милиционеров хана народ сторонился, как скорпионов. От каждого тундика по сто рублей было собрано. Кто отказывался платить, был наказан розгами. Власть хана была безгранична, его самодержавные приказы перещеголяли николаевские.

Хан алаш нисколько не уступал колчаковским монархическим атаманам: Дутову, Анненкову, Красильникову, Семенову, Калмыкову. Все они занимались рукоприкладством, пускали в ход розги, бросались на народ, как бешеные волки. Отбирали все, что понравится, сопротивлявшихся усмиряли дубиной. Народ стонал. Женщины и малые дети плакали и дрожали от страха. Девушек оскорбляли и насиловали.

Можно привести жалобы жителей одного из русских сел, где проходили солдаты алаш-орды.

Копия

Протокол № 26

Село Вербовское Ставропольской волости Темирского уезда.

Отряд алаш-орды, проходя через наше село, совершил незаконные действия. Применили розги. Публично избили старика Самохвалова, избили его сына Якима.

Направляем врачебное освидетельствование для сведения полковника Баддеева, который командует на фронте.

Председатель временного гражданского комитета *Пулдышев.*

1919 года 22 июня.

С подлинным верно: секретарь *Коновалов.*

Приведу заявление жителей еще одного села относительно действий милиции алаш-орды. Оно изложено малограмотно, но все же можно понять, о чем идет речь.

«1919 года 22 июня мы, нижеподписавшиеся граждане Измайловской волости Темирского уезда, были в волостном суде. Председательствовал на собрании Коросот. На собрании вынесли такую резолюцию. Первого числа прошлого мая месяца Ойылская милиция изъяла из нашей волости восемьсот пудов пшеницы, десять лошадей со сбруей, два фургона и с каждого двора по сто рублей. Требовали николаевские деньги. У нас их не было, мы объяснили свое положение. Во-вторых, не считаясь с нашими возражениями, они произвели обыск, переворачивая все вверх дном. При обыске они брали все: деньги, одежду и другие вещи. Также изнасиловали женщин. Вышесказанные 800 пудов пшеницы взяли только от четырех хозяев. Поэтому мы хотим знать, куда и как распределена эта пшеница. Мы избрали Степана Середу для доклада перед верховным штабом казачьего войска и знать, в чем дело».

Подписались (неграмотные): *Прокул Понтаренко, Устим Тырский и другие.*
Председатель *Коростов,*
Секретарь *Зономыров.*

Переписано правильно: секретарь *Коновалов.*

Таковы дела милиции алаш-орды. Винить их трудно — хан приказывает, начальство посылает, милиция выполняет. Куда денешься?

Правительство алаш-орды не знало иных приказов, кроме как: «Бери!». К примеру, в приказе № 59 от 19 июня войскового подразделения западной алаш-орды говорится: «Собрать с Бородинской волости Темирского уезда в течение десяти дней военный налог, «налог с копыт» — с каждого двора по сто рублей. Доставить в Ойыл 1300 пудов пшеницы и пять ездовых лошадей».

Кстати, в Ойыле выпускали газету. Если мне память не изменяет, называлась она «Жана казах» («Новый казах»). Редактировал ее врач Ахмет Маметов.

После занятия Уральской области большевиками в 1919 году правительство «хана» разбежалось. Вышел из подполья старший брат расстрелянного Ипмагамбетова, с ним Арганчеев, Айтеев, Хангереев. Не принимавшие участия в деятельности алаш-орды Бекбатыровы присоединились к большевикам. Также примкнули к большевикам некоторые интеллигенты: врач Ипмагамбетов, Алибеков, Косабулатов, Мырзагалиев и другие.

Я упоминал о существовании тургайской алаш-орды. Нет смысла подробно останавливаться на ее описании. Тургайская алаш-орда считалась ответвлением восточной алаш-орды. Ее возглавляли Еспулов, Дулатов, Байтурсунов, Ельдес Омаров. Среди них было множество байских интеллигентов из Кустаная и Тургая. Ее активистами стали бежавшие из Уральска Каратлеуов и Кенжин. Тургайцы также создавали свою армию, также облагали население всяческими налогами и при случае охотно пускали в ход нагайки. Не раз на саблях алашордынцев застывала кровь простых казахов. Тургайская алаш-орда, как и западная, поддерживала связь с Колчаком, посылала к нему своих гонцов и представителей. В период своего расцвета тургайская алаш-орда побесчинствовала вволю.

В АКМОЛИНСКЕ

Вернемся к началу 1918 года, к событиям, происходившим в Акмолинске. Акмолинский совдеп работал без передышки. Местных баев обложили налогом в три миллиона рублей, каждого в зависимости от накопленного богатства. По тогдашнему времени три миллиона значили много. Баи плакали, однако, другого выхода не было, пришлось им вносить деньги в финансовый отдел совдепа. Лучшие байские дома были отданы под учреждения. Банки, машины, паровые мельницы были переданы в собственность народа в начале революции. Заседания совдепа созывались часто, говорили много. Городские обыватели тоже приходили слушать.

Иногда, предварительно взяв разрешение у председателя совдепа, выступали и горожане.

Двери совдепа были открыты для всех.

Пришла зима. К лету наладили связь с Омском и Петропавловском. Упорядочилась доставка писем и газет. По всей Акмолинской губернии окончательно установилась советская власть. Административная власть перешла в руки совдепа прежде всего в Акмолинском, Петропавловском, Омском уездах, а затем уже в Кокчетавском и Атбасарском. Из Атбасара к нам приезжали уполномоченные за инструкциями и указаниями. Из казахов в Атбасаре к большевикам присоединился Майкотов и работал неплохо. В Кокчетаве поднял знамя Советов и активно участвовал в революционной борьбе Сабыр Шарипов; в Петропавловске — Исхак Кобеков, Шаймерден Альжанов, в Омске действовал Кольбай и рабочие Угар Жаныбеков, Зикирья Мукеев, Галим[1] Татимо, а также учащиеся Жанайдар, Хамза, Абульхаир и Таутан.

В Омске у совдеповцев была перестрелка с юнкерами.

Преимущество Омска и Петропавловска перед Акмолинском заключалось в том, что там на железнодорожных станциях было много рабочих. На заводах, на железной дороге, в пароходстве был занят рабочий класс, который легче организовать. Многие были неграмотными, быстрее понимали значение совдепа, организованно вооружались и создавали отряды Красной гвар-

[1] Его имя Мухаметкали. Автором допущена неточность.

дии. Совдепу при такой поддержке легче было работать. Малочисленные рабочие-казахи также не отставали от русских рабочих.

В Петропавловске вооруженные рабочие-казахи организовали штаб в номерах гостиницы бая Осербая. Возглавляли эту организацию руководители партии «уш жуз» Исхак Кобеков, Карим Сутюшев, Шаймерден Альжанов. Исхак Кобеков был командиром отряда Красной гвардии казахских рабочих.

В Омске казахские рабочие также начали вступать в ряды Красной Армии. В 1917 году в начале зимы в Петропавловске офицеры и байские сынки подняли мятеж. Окружили совдеп, арестовали некоторых из его руководителей. Рабочая Красная гвардия решительными действиями освободила совдеп. Главари мятежа получили по заслугам. В ликвидации офицерского бунта активное участие принял Исхак Кобеков со своим казахским отрядом.

Когда баи услышали о захвате совдепа мятежниками, они возликовали. Приспешники алаш-орды решили, что город взят, установлена прежняя власть, и потому все они собрались в одном из домов, чтобы обсудить положение. Радовались, поздравляли друг друга и требовали в один голос: «Надо найти Кобекова! Надо уничтожить Кобекова!»

И в это время сам Кобеков с отрядом казахской гвардии явился к ним в дом с оружием в руках. Алаш-ордынцы застыли на своих местах.

Рабочий класс не уничтожает трусливых беспомощных врагов, молящих о пощаде. Гвардейцы-казахи дали баям пинка и разогнали их по домам.

Организаторами петропавловских рабочих были Карим Дюйсекеев, Хасен Каранаев, Ережеп Касимов, Грущицын, Кали, Мукан Есмагамбетов, Шарип и Боскинов. Все они состояли в партии «уш жуз». Военным обучением рабочих занимались комиссар Исхак Кобеков и Карим Сутюшев. Из Омска приезжал Шаймерден Альжанов и давал инструкции.

В Акмолинске крупных заводов не было, поэтому и рабочих было немного. Заводы Успенска, Спасска, Караганды и Сары-Су находились от Акмолинска на расстоянии двухсот, трехсот верст. Зимой связь с ними прерывалась. Из Орска, через Атбасар и Акмолинск, проклады-

валась железная дорога на Семипалатинск. Управление Южно-Сибирской железной дороги находилось в Акмолинске. Здесь строилось здание вокзала, и наши совдеповцы выступали с докладами на этом строительстве. Работали здесь новички, недавно приехавшие из деревни и многого не понимавшие. Мы приступили к разъяснению текущей политики. А для подтверждения революционной политики на практике мы предоставили рабочим жилье, изъяв у одного из городских баев великолепный дом. Молодые рабочие в первую очередь нуждались в революционном воспитании.

Однажды в совдеп поступила правительственная радиограмма: «Согласно принятой большевиками программе советская власть предоставляет автономию всем народам, угнетенным при царизме. Каждый народ имеет право самостоятельно решать свою судьбу. Пусть казахский народ готовится к созданию автономии сообразно своей территории. Для этого нужно приступить к открытию народных судов и школ с обучением детей на казахском языке».

Следом за этой радиограммой мы получили из Семипалатинска газету «Сары-Арка» и журнал «Абай». На их страницах огромными буквами было напечатано сообщение главарей алаш-орды о том, что большевики даровали казахам автономию...

«Бог помогает тебе, алаш! — восклицали они.— Конца края нет твоей радости, алаш! Вспорем желудок белого верблюда, алаш (в смысле — устроим пир горой)! Безмерно веселись, алаш! Радуйся, алаш!»

В газете между прочим сообщалось, что для переговоров об автономии поехали в Москву Халель и Жаханша Досмухамметовы. Алихан Букейханов недавно получил от них телеграмму, в которой говорилось, что переговоры с руководителями большевиков идут успешно.

Мы призадумались. Было от чего призадуматься! Алаш-ордынцы Досмухамметовы едут в Москву для обсуждения судьбы казахов с вождями советской власти и они же телеграфируют Букейханову об успешных переговорах с ними.

Неужели вожди советской власти передадут казахскую автономию в руки буржуазных националистов? Семипалатинские алаш-ордынцы с громкой радостью опо-

вещали об этом всех через газету «Сары-Арка» и журнал «Абай».

В чем дело? Как нам действовать дальше?

Мы срочно созвали собрание «Жас казаха». Выступили с докладом об автономии. После доклада обменялись мнениями, и вся организация «Жас казах» единогласно приняла следующую резолюцию:

«Казахский народ в своем большинстве неграмотен. Бедняки и трудящиеся все еще находятся под влиянием баев и богатой интеллигенции. Интеллигентов — выходцев из бедняков, способных защищать интересы широких масс,— пока еще очень мало. Большинство образованных казахов стали членами алаш-орды и активно поддерживают политику байской верхушки. Если казахам сейчас дать автономию, не обособив алаш-орду, то власть захватят буржуазные националисты. В алаш-ордынской автономии трудящиеся казахи не нуждаются...»

После вынесения резолюции было решено срочно созвать съезд трудящихся казахов Акмолинского уезда. Вопрос об автономии мы хотели обсудить на съезде бедноты. Договорившись с совдепом, срочно созвали съезд. Делегаты прибыли быстро. Из-за спешки мы не стали дожидаться людей с дальних окраин. Съезд открылся в здании совдепа на нижнем этаже (бывшая гимназия, некогда построенная богачом Моисеевым).

Доклад об автономии сделал я. Съезд единодушно одобрил резолюцию «Жас казаха». О решении съезда мы телеграфировали в Москву.

Текст телеграммы написал Байсеит Адилев, редактировал его я. Телеграмму обсуждали я, Байсеит Адилев, Абдулла Асылбеков, Бакен Серикпаев, Жумабай Нуркин, Нургаин Бекмухамметов.

Правильно или неправильно решили мы в то время, тогда не нам было судить. Наше мнение о казахской автономии продолжало оставаться таким, каким оно было изложено в резолюции, вплоть до 1920 года, когда состоялся очередной уездный съезд казахских бедняков в Акмолинске и на нем снова был поставлен вопрос о казахской автономии. В работе съезда участвовал молодой татарин Крымов, прибывший в Акмолинск с пятью красноармейцами. (Впоследствии Крымов окончил Московскую военную академию.) Участвовали также товарищи Жумабай Нуркин и Омаров Ашим. И на этом съезде я

опять выступал с докладом об автономии, и опять съезд пришел к тому же решению, которое было принято съездом бедняков еще в 1918 году. Подробное изложение решения съезда об автономии мы телеграфировали в Оренбург киргизскому краевому ревкому. Телеграмма была опубликована в оренбургской русской газете.

Я опять забежал вперед, не закончив рассказ о событиях 1918 года. Итак, мы телеграфировали в Москву, что казахские трудящиеся не нуждаются в алаш-ордынской автономии. Кстати, в этот момент многие алаш-ордынцы начали выступать в своих газетах с речами о том, что казахскому народу не нужна автономия, установленная большевиками. В первую очередь об этом кричали люди, которые оплакивали судьбу кокандской автономии Чокаева. В передовых статьях ташкентской газеты «Бирлик туы» («Знамя единения») за № 29 от 5 апреля 1918 года большевикам приклеивались позорные ярлыки грабителей, развратников, мошенников, обманщиков и высказывалось утверждение, что «никакой пользы не будет от обещанной ими (большевиками) автономии».

В статье имелись и такие строки:

«... В последнее время большевики стали часто заводить разговоры о туркестанской автономии. На первом заседании нашего Совета в Ташкенте товарищ Тоболин пустился в бесконечные словоизвержения на эту тему. Получена телеграмма из Москвы, где указывается на необходимость создания туркестанской автономии.

...Но имеется громадная разница между автономией, обещанной большевиками, и действительной, удовлетворяющей нужды народа автономией. Расстояние между ними, как между небом и землей...

...Автономия большевиков, которую они хотят создать в Туркестане, ничего общего не имеет с подлинной автономией (т. е. алаш-ордынской). Они совсем не намерены передать управление самому народу, не вмешиваясь в его внутренние дела. Наоборот, обещая передать власть простому люду, они намерены поставить у власти развратных мошенников...»

В той же статье «Бирлик туы» пишет:

«...Нет числа разбойничьим деяниям большевиков в Туркестане. Сейчас все честные образованные работники претерпевают гонения. Большевики их разыскивают, чтобы убить при первой возможности. Никто не интересует-

ся истинным мнением широких масс. Когда народ считал своими врагами тех доблестных граждан, которые вынуждены сейчас скрываться?» — вопрошала ташкентская газета.

Автором этой статьи был Хайритден Болгамбаев, один из хитроумных деятелей алаш-орды, известный под псевдонимом Бортан. А редактировал газету Султанбек Ходжанов.

Упоминаемые в статье интеллигенты, вынужденные скрываться,— не кто иной, как Чокаев.

...Наступила весна 1918 года. Алаш-ордынцы не сидели сложа руки. Их омские единомышленники умело начали подогревать вражду, возникшую между Муханом Айтпеновым и Кольбаем Тогусовым. Оба они присоединились к большевикам, но поссорились. В результате зловредных действий «шайтанов в человеческом облике» Кольбай добился ареста Мухана. Мухан, быстро выбравшись из тюрьмы, начал в свою очередь фабриковать материалы, порочащие Кольбая, и через совдеп добился его ареста.

Многие члены молодежной организации «Бирлик», действующей с 1914 года в Омске, окончательно переметнулись к алаш-орде, другая часть молодежи перешла под знамя Советов. Подробно расскажу об этом позднее... Алаш-ордынцы из «Бирлика» дружно напали на Кольбая, засыпали совдеп «материалами», компрометирующими Кольбая. Искусные, испытанные мастера по сбору клеветы, бесстыжих доносов, они использовали гнусный опыт своих предшественников, когда в аулах шла борьба за чин волостного управителя, старшины и третейского судьи!

Лично я мало знаю Кольбая, поэтому не собираюсь ни заступаться, ни оговаривать его. Но знаю одно: именно алаш-ордынские отпрыски из «Бирлика» в Омске сфабриковали «материалы», порочащие Кольбая перед совдепом.

Поддерживая доносчиков, ареста Кольбая добился казачий офицер Полюдов, перешедший на сторону большевиков. Он опубликовал в газете статью, в которой охаивал Кольбая и восхвалял Байтурсунова и Букейханова. Вот текст одной из омских телеграмм, опубликованной в газете «Сары-Арка» за № 38 от 19 апреля 1918 года.

Опять телеграмма из Омска.

Днем 11 апреля в редакцию «Сары-Арка» из Омска поступили еще две телеграммы. В одной из них сообщается, что «вместе с Кольбаем арестованы Шаймерден Альжанов, Сулеймен Тогусов и другие. Возможен арест Кобекова. Срочно откомандируйте Ермекова и Сарсенова, чтобы они рассказали народу о былой деятельности Кольбая. Правосудие свершилось». Автор телеграммы — Кашарский.

Испытанные хитрецы алаш, достойные преемники недостойной традиции своих отцов — аткаминеров (мошенников, жуликов), умело собирающих сплетни со всех сторон, они при подаче телеграммы скрыли свои подлинные имена, подписались вымышленным — Кашарский. Если человек честен, зачем ему скрывать свою фамилию?

Во второй телеграмме сказано: «17 апреля (по старому стилю) состоится съезд бедняков в Омске. Будут обсуждаться вопросы, касающиеся поведения Кольбая, Просим направить на съезд Сарсенова». Подпись под телеграммой — Бирлик.

Старые и молодые алаш-ордынцы объединенными усилиями добились ареста Кольбая, а вместе с ним посадили в тюрьму и Шаймердена (Альжанова). Попытались оклеветать Исхака Кобекова, но его не дали в обиду петропавловские рабочие. Они уже принимали меры к освобождению Кольбая, но неожиданный мятеж чехов помешал им.

Кольбая бранят, Кольбая обвиняют. Допустим, Кольбай недостойный человек, но что плохого сделали Шаймерден и Исхак, деятельно участвовавшие в революции и защищавшие ее интересы?

В чем они повинны?

Известно, в чем. Они объединились с большевиками, поддерживают советскую власть, выступают против алаш-орды. Кто их за это обвиняет? Их обвиняют молодые последователи алаш-орды, состоящие в «Бирлике». Они решили истребить своих врагов, тех, кто, отколовшись от алаш-ордынского «Бирлика», вступил на путь революции и создал «демократический совет учащихся». Их тоже пытались оклеветать перед совдепом, пытались добиться ареста омских учащихся Таутина Арыстамбеко-

ва, Жанайдара Садвокасова, Абульхаира Досова, Хамзы Жусупбекова и других.

Трое из «достойных» сыновей «Бирлика» спровоцировали милицию и арестовали Таутина, Хамзу и Абульхаира. Но совдеп, разобравшись, быстро освободил их... Вот как действовали молодые последователи алаш-орды. Они ли не верные сыны своих отцов?

На съезд бедноты в Омске мы послали из Акмолинска двоих — товарища Биляла Тиналина, рабочего, члена совдепа, большевика и представителя акмолинской бедноты популярного оратора Кошербая Жаманаева, тоже большевика, активного члена «Жас казаха».

Наступил день Первого мая. В Акмолинске мы провели его весело и торжественно. Члены совдепа, рабочие организации вместе с немногочисленным отрядом Красной гвардии вышли на улицы со знаменами и революционными песнями, повсюду проводили митинги, выступали с речами...

В пользу нуждающихся учеников в Омске и на содержание организации «Жас казах» мы устроили первый большой платный вечер на казахском языке. Зрители посмотрели мою пьесу «По пути счастья», написанную накануне. Это было мое первое крупное литературное произведение.

На вечере русские и казахи теснились плечом к плечу. По просьбе зрителей концерт продолжили и на другой день. Мест в зале не хватало. Роли исполняли члены «Жас казаха» Бакен Серикпаев, Кожебай Ерденов, Омирбай Донентаев, Салик Айнабеков, Бану, Шарапат, Бейсенов и другие...

День ото дня ширилось влияние совдепа. Члены совдепа начали часто выезжать в аулы, проводить беседы, принимать практические меры на местах.

При Временном правительстве Керенского, во времена казахского восстания 1916 года, такие волостные управители, как Олжабай и Алькей, брали с собой вооруженных царских солдат и, разъезжая по степи, безжалостно грабили народ. К нам от имени трудящихся поступило около двухсот жалоб, поэтому мы поручили товарищу Жумабаю Нуркину выехать в степь вместе с пятнадцатью красноармейцами, чтобы арестовать бывших волостных, а их скот конфисковать. С такой же це-

лью в другом направлении посылали с милицией Байсента Адилева.

Организованный штаб Красной Армии возглавили два матроса, прибывшие из России,— Зимин и Авдеев, а также старый солдат Баландин.

Упрочилась наша связь с заводами Караганды, Спасска, Успенска, где тоже организовались совдепы. Заводские посланцы стали чаще приезжать к нам. Побывали у нас члены заводских совдепов Туруçбек Мынбаев и Арын Малдабаев. Когда была начата национализация заводов, из рабочих совдепов Караганды, Успенска и Спасска прибыли делегаты в наш уездный совдеп. Среди них были такие товарищи, как Нейман, Орынбек Беков. Они выступили с докладами о положении на заводах, просили денег и оружие. Совдеп принял решение национализировать заводы и вынес постановление об экспроприации семидесяти тысяч пудов меди в Спасске. Единогласно одобрили предложение о выдаче денег и оружия из запасов совдепа представителям рабочих — Нейману и Бекову. Для получения винтовок и пулеметов мы отправили в Омск и Петропавловск члена штаба Красной Армии матроса Зимина, командира Копылова и рабочего Спасского завода, члена совдепа Прудова.

Получив деньги и оружие, Орынбек Беков зашел ко мне на квартиру. О Бекове хорошо отзывался товарищ Прудов. В его способностях я убедился, когда слушал его доклад в совдепе. Сейчас мы говорили о рабочих, казахах, о советской власти, о большевиках и алаш-орде. Его представления об алаш-орде были очень неопределенны, ясного, твердого отношения к этим людям у Бекова не было.

Я начал ему разъяснять, что «алаш-орда — это буржуазная организация, жаждущая установления прежней ханской власти над казахской беднотой, над рабочими. Алаш-орда, Аблай-хан и царь Николай — одно и то же»,— говорил я.

Беков признался, что читает параллельно с нашей газетой «Тиршилик» и газету «Сары-Арка». Я критиковал статьи «Сары-Арки» и деятельность ее сотрудников. Через некоторое время мы пришли к единому мнению с Бековым в отношении алаш-орды. Пообещав мне активнее работать на благо революции, Беков распрощался со мной...

В мае 1918 года организация «Бирлик» в Омске, окончательно принявшая платформу алаш-орды, созвала съезд молодежи. От каждой организации с окраин приглашались по два человека. От имени «Жас казаха» мы послали Абдуллу Асылбекова, а вторым наметили учившегося в Омске Жанайдара Садвокасова.

Сначала вернулись из Омска делегаты съезда бедноты Билял и Кошербай, а за ними прибыл и Абдулла. Мы слушали их информацию. Оказывается, на съезд молодежи собрались представители молодежных организаций Акмолинской, Семипалатинской и Кустанайской губерний. Съезд прошел в горячих спорах, в особенности, когда обсуждался вопрос об алаш-орде и о признании советской власти. Участники съезда разделились на три группы: «правых», «левых» и «центровиков».

«Левым» крылом оказались, разумеется, противники алаш-орды, т. е. наши представители: Абдулла Асылбеков и Жанайдар Садвокасов вместе с представителями омского «демократического совета» Абульхаиром Досовым и Хамзой Жусупбековым. Но «левые» оказались в меньшинстве.

При обсуждении вопроса о признании советской власти разгорелся особенно ожесточенный спор. Три разные мнения сошлись в открытом бою.

«Левые»— товарищи Асылбеков, Жанайдар Садвокасов, Абульхаир Досов и Хамза Жусупбеков защищали советскую власть. К ним примкнул Абдрахман Байдильдин, бывший «центровиком» при обсуждении вопроса об алаш-орде. Отвергало советскую власть «правое» крыло — руководители «Бирлика» Кеменгеров, Смагул Садвокасов, Аппас (Габбас) Тогжанов, Сайдалин (Асыгат), Сеитовы и другие.

Когда большевики застрелили начальника милиции семипалатинской алаш-орды Казия (Торсанова), то вышеназванные питомцы «Бирлика» составили в Омске эпитафию, в которой говорилось: «Мы клянемся не свернуть с пути, проложенного Казием...»

Свою клятву они передали телеграфом в редакцию «Сары-Арки». Текст ее опубликован в газете за № 38 от 15 апреля 1918 г.:

«Соболезнование»

Безмерно скорбим о преждевременной кончине юного брата Кази с пылкой душой и национальной горячей кровью. Не достиг Казий заветной своей мечты, ибо он первым пал жертвой на пути возрождения нации. Он стал теперь путеводной звездой и высоким идеалом нашей молодежи. Мы дали слово верности перед богом и клянемся честью никогда не свернуть с его вдохновляющего пути и не забывать самого Казия. В доказательство этой верности 20 апреля мы устроили платный концерт на казахском языке и половину выручки выделили на воспитание оставшегося сиротой его сына в возрасте одного года. Мы также вынесли постановление оказывать практическую помощь его семье и впредь.

Молодежь из организации «Бирлик...»...

Представитель семипалатинской молодежи тоже выступил на съезде против советской власти. В конечном итоге под натиском наших делегатов с неохотой вынесли резолюцию: «Признаем советскую власть, если она не тронет нас...» Большинством голосов ликидировали все прежние названия молодежных организаций, приняв единое наименование «Жас азамат» («Молодой гражданин»). Избрали центральный комитет «Жас азамата». Председателем правления выбрали Мурзина (Мухтара); членами — Смагула Садвокасова, Муратбека Сеитова, Гулю Досымбекову, Абдрахмана Байдильдина. Решили издавать газету «Жас азамат» на базе закрытой газеты «Уш жуз». Редактором назначили Кеменгерова...

Возвращаясь из Омска, Абдулла по пути заехал в Петропавловск, беседовал там с большевиками, руководителями совдепа Исхаком Кобековым, Шаймерденом Альжановым и Каримом Сутюшевым.

Мы засыпали Абдуллу вопросами:

— Как живут казахи-рабочие в Омске? Каково положение казахов, работающих в пароходстве и на железной дороге? Что делают казахи-ямщики? Как живут рабочие в Петропавловске?

Абдулла отвечал:

— Лучшие, наиболее сознательные рабочие Петропавловска вооружены. Ими руководит Исхак Кобеков, работа там идет хорошо. Неплохо держатся рабочие Омска. Недавно около двадцати добровольцев записа-

лось в Красную Армию. Собственными глазами я видел достойных, грамотных командиров, таких, как Угар Жанибеков, Мухаметкали Татимов и Зикрия Мукаев...

Эти имена действительно достойны уважения. Это широко известные батыры казахских рабочих. В трудных боях они мужественно поднимали красное знамя и строчили из пулеметов по врагу. Угар Жанибеков в 1912 году был среди рабочих Ленских приисков, с которыми так жестоко расправилось царское правительство. Эти подлинные батыры, защищая интересы трудового народа, стали красными бойцами. Вот таких людей надо восхвалять!...

Мы услышали от Абдуллы немало и тревожных новостей.

— Есть слухи, что офицеры, баи и казачество в скором времени намерены поднять восстание,— рассказывал Абдулла.— Везде слышны разговоры о том, что они устраивают тайные сборы, шушукаются, видимо, готовят заговор. Сабыр Шарипов сообщил, что в лесу возле Кокчетава казачий атаман Анненков собирает отряд. Но в Омске не придают значения этим слухам. По пути я сам убедился в их достоверности. На одной станции вооруженный отряд Анненкова разграбил почту, отобрал винтовки у двух милиционеров и скрылся в лесу. В окрестностях Кокчетава тревожно. Руководители «Бирлика» тоже к чему-то готовятся исподтишка. Прошел слух, что один из молодых деятелей алаш-орды тайно ездил куда-то на сговор. Вокруг Петропавловска положение еще сложнее. Уцелевшие после первого мятежа снова начинают поднимать головы...

— Где наши люди, посланные за оружием в Омск и Петропавловск?

— Оружие они получили и выехали вместе со мной. Но я торопился и опередил их,— ответил Абдулла.

Если вникнуть в детали, повнимательнее разобраться в событиях и разговорах, то станет очевидной близость надвигающейся катастрофы. Недобитый змей постепенно накапливал силы, тихо шевелился, поджидая удобный момент. Но мы не смогли вовремя дать правильную оценку сложной обстановке того времени.

Не было у нас винтовок, чтобы вооружить железнодорожников акмолинского вокзала, живших в голубом доме бая Исхака (Догалакова).

Из южных волостей Акмолинского уезда вернулся член совдепа Адилев. По его словам, в среде аульных казахов наблюдалась полная тишина и спокойствие.

Но после своего официального доклада Байсеит зашел ко мне на квартиру с выражением какой-то неловкости на лице, начал мямлить что-то о положении в аулах и, наконец, пробормотал:

— Я хочу тебе что-то сообщить...

— Что именно? — насторожился я.

— Я не знаю, как ты на это посмотришь... Но я кое-что натворил...

— Расскажи, что ты там натворил?

— В одном из дальных аулов я встретился с главарями кокандской автономии — Мухаметжаном Тынышпаевым и Серикпаем Акаевым. С ними был один сопровождающий. Оказывается, они спасались бегством из Туркестана...

— Ну-ну, где же они теперь?

— Отправились в Семипалатинск,— уныло продолжал Адилев.

— Как ты встретил их? Почему не арестовал?

— Просто... постыдился. Остановились они пообедать в одном ауле, отдыхали в отдельном шалаше. Пробирались верхом на лошадях, одеты бедно, как ишаны. Я остановился у старейшины этого аула... А об их приезде я еще раньше слышал. Посидел, посидел и решил: «А ну-ка, пойду повидаюсь с Тынышпаевым». Старейшина аула ужасно испугался[1]. Страх обуял и Тынышпаева, когда я вошел в шалаш. Министры изменились в лице, в крайнем смятении, вскочив с места, начали со мной здороваться. После приветствия я постарался успокоить их,— закончил рассказ Адилев.

— Значит, отпустил их с миром?

— Да... Не осмелился тронуть. И даже рассказал им, как ехать дальше, в каких аулах удобнее остановиться.

— Ротозей, растяпа! Мами![2] — вскричал я, страшно рассердившись на Байсеита.

---

[1] По обычаю, казахи не выдают врагов в своем ауле, в своей юрте.

[2] Мами ауыз — непереводимое ругательство. Сейфуллин в таких случаях не стеснялся в выражениях, но в оригинале передал свой гнев невыразительным словом «мами».

Каким милостивым оказался Байсеит с политическими своими врагами, с руководителями алаш-орды!..

А как бы поступили алаш-ордынцы в таком случае? На это не может быть двух ответов. Мы видели и на себе испытывали их «великодушие»...

Вскоре в наш совдеп поступили две срочные телеграммы — одна из Петропавловска, другая из Омска. В первой говорилось: «Из России через Сибирь возвращаются на родину чехословацкие войска. Часть их прибыла в Петропавловск и не желает подчиниться приказу советской власти о разоружении. Есть строжайшее указание разоружить их в Петропавловске. Члены совдепа встретили поезд на вокзале и начали переговоры с чехословаками о сдаче оружия. Чехословаки настроены агрессивно. Создалась угроза вооруженного столкновения. Будьте начеку!..»

Во второй телеграмме и того хуже: «Срочно мобилизуйте для отправки на фронт людей в возрасте...»

Члены совдепа растерялись, не зная, что делать... Всем было известно, что подавляющее большинство простонародья не желает снова идти на фронт.

Что будет? Как нам поступить?

Создалось замешательство, но совдеп тем не менее объявил о мобилизации на фронт мужчин определенных возрастов.

На другое утро после заседания совдепа ко мне зашел Бакен. День был нерабочий.

— Какие вести? — поинтересовался я.

— Никаких. Зловещая тишина. Очень тревожно, видимо, не к добру,— хмуро ответил он.

В тот день мы сочли возможным немного отдохнуть. Я, Бакен, Абдулла, Омирбай и Нургаин — все вместе пошли на зеленый берег Ишима. С наступлением бурной весны 1918 года мы впервые вышли из города. С наслаждением повалились на зеленую траву. Мы кувыркались, нежились, резвились на чудесном берегу Ишима. Стреляли из наганов по мишени. Вдоль берегов Ишима зеленел лозняк. Голубая вода Ишима поблескивала, как шелк. Бархатисто голубело небо, зеленели степные дали... Воздух, наполненный летним ароматом, убаюкивал. Мы отдыхали на шелковистой траве и мирно беседовали. А сердца бились тревожно, словно издалека чувствовали приближение неотвратимой беды.

ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ МЯТЕЖ. ПАДЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В АКМОЛИНСКЕ

3 июня 1918 года

Писать мне приходилось много. Засиделся я как-то до полуночи и утром встал поздно. Наскоро умывшись, сел пить чай с хозяйкой, вдовой узбека Мукымбая, у которой я снимал квартиру. Сынишка ее вбежал в комнату запыхавшись и сообщил:

— В казачьей станице собираются люди с винтовками и саблями. Хотят арестовать всех, потому что в Омске и Петропавловске совдепа уже нет!

Пришлось послать мальчишку разузнать как следует еще раз, о чем же все-таки идет речь. Вскоре он прибежал обратно:

— Они заняли совдеп, арестовали Бочка, Монина, Павлова. Конные казаки окружили дом Кубрина, где находятся красноармейцы.

Пока мальчишка тараторил о происходящем, пришел жигит Карим, член «Жас казаха», сообщил то же самое и посоветовал:

— Ты должен скорее бежать!

Вслед за ним поспешно вошел казах — рабочий, член совдепа Билял Тиналин и поддержал товарища:

— Да, дорогой мой, нужно поскорее скрыться. Тебя будут искать!

Подошли еще два товарища и единодушно высказались, что мне действительно надо бежать как можно скорее.

Хозяйский мальчишка вскоре принес свежие новости:

— Казаки арестовали уже четверых или шестерых. Кричат, что арестуют всех членов совдепа!

На улицах полным-полно народу — и конных, и пеших. Шарип Ялымов на коне громко кричит собравшимся: «Сакена надо арестовать и Абдуллу!»

Отовсюду доносится треск ружейных выстрелов.

Товарищи настойчиво предлагали спрятаться.

— Как же я могу оставить своих в беде! Какими глазами посмотрю на них завтра, если сегодня позорно сбегу! — воскликнул я, проверяя свой наган.

Стрельба усиливалась.

Друзья, видя, что их попытки уговорить меня тщетны, разошлись.

Я позвал хозяйку, расплатился за квартиру, поручил присмотреть за моими книгами и бумагами, а сам начал готовиться к предстоящему. С улицы доносится топот всадников, раздаются выстрелы — то одиночные, то сливающиеся в залпы.

Моя хозяйка разволновалась, стала упрашивать меня спрятаться в подвал:

— Иди же скорее, сейчас за тобой придут,— не унималась она.

Но было уже поздно что-либо предпринимать.

Во двор ворвались шестеро молодчиков, вооруженных до зубов,— четверо татар и двое казаков.

Я схватился за наган, но один из них подскочил ко мне сзади, полоснул меня плеткой и вырвал мое единственное оружие. Связав мне руки, они выволокли меня на улицу.

День ясный и теплый. Трескучие винтовочные выстрелы напоминают звук палочных ударов по высушенной шкуре. Пыль стоит столбом. Не прекращается людской гомон. И весь этот гул, сливаясь воедино, создает впечатление, будто по улицам мечется стадо коров, спасающихся от злых оводов.

Одни кричат лишь бы покричать, не показаться тише других. Другие заняты делом — ищут большевиков. А третьи мечутся в панике и страхе — как бы не угодить под шальную пулю.

Те же шестеро детин ведут меня, связанного, по встревоженным и галдящим улицам в казачью станицу.

Меня схватили Шарип Ялымов, известный в городе глупец и сумасброд, другой — чернобородый богатый

лавочник Нуркей, третий — торговец лошадьми. И еще Нури Тойганов, бывший волостной толмач.

Идут злые, тяжело дыша. Глаза вот-вот выскочат из орбит от ярости, Ноздри раздуваются, как у разозленных оводами коров. Встречные с любопытством таращат на нас глаза. А мои конвоиры орут и хорохорятся еще больше:

— Эй, люди! Нет ли большевиков в ваших дворах? Смотрите, мы поймали самого матерого из большевиков!.. А ну шевели ногами, да побыстрее! — По моей спине щелкает плеть. Особенно усердствует Тойганов.

Я обратился к Ялымову, мало-мальски образованному из конвоиров:

— Шарип-абзи[1], прошу вас распорядиться, чтобы меня не били. Да еще при людях, на улице!

Но меня то и дело хлещут плетьми.

Навстречу нам выскочили три всадника-казаха. Подскакав, один из них стеганул меня кнутом. Я оглянулся и увидел чернобородого рябого казаха. Криво усмехнувшись, я спокойно сказал ему:

— И вы торопитесь ударить меня. Разве я вам причинил вред?..

Ему стало совестно, он придержал коня и больше меня не преследовал.

Наконец пригнали меня в казачью станицу... Суматоха невероятная. Здесь и казахи, и татары, и русские — от мала до велика. Женщины, дети... Народ возбужден, гудит и колышется, как морская волна. Взад-вперед скачут всадники, отовсюду раздаются винтовочные выстрелы. Треск, грохот, шум, пыль — ничего не разберешь! Обезумевшая толпа орет, проклинает большевиков; увидев меня под конвоем, ринулась навстречу. Первым, кого я увидел, был аксакал Нуржан с узорной черной палкой в руках. Глаза его налились кровью, как у скотины, страдающей сибирской язвой. Придвинувшись ко мне вплотную, он непристойно выругал меня.

Я вскипел:

— Куда и с кем вы идете? Разве вы не работали с нами в совдепе?

Он закричал:

---

[1] Абзи — старший брат (татарск.).

— Не болтай много! Я знаю, чем ты занимался, народ тоже знает! Ты ответишь за все!

Разъяренная толпа сомкнулась вокруг меня. Каждый старался дотянуться до моего лица, ударить чем попало. А кто не мог выместить злобу на мне, толкал своих же. До моего слуха доносятся слова: «Проходимец... Гяур! Безбожник!..»

Кулаки перед глазами замелькали гуще, меня били и давили со всех сторон, я начал задыхаться. Собрав последние силы, я еле держался на ногах. Обвел взглядом разъяренные лица — неужели никто не заступится? Вдруг ко мне подскочил казах — хаджи Сулеймен, схватил под мышки, выволок из толпы и потащил в ближайшую избу. А там полно народу — бородатые старые казаки и совсем молодые, безусые. Все вооружены. Офицеры при шашках и с револьверами.

Быстро и громко отдает приказания их главарь Кучковский. Бегает, суетится, бряцая саблей.

Мой спаситель — хаджи Сулеймен — ловко изобразил, будто обыскивает меня, затем торопливо провел в одну из дальних комнат.

Я совсем не ожидал, что именно этот человек спасет меня от разозленной толпы.

Раньше мне никогда не приходилось по работе сталкиваться с хаджи Сулейменом, да и близко-то я его видел только раза два. Вот как это случилось. Зашел я как-то вместе с друзьями к одному торговцу кумысом. А у него уже сидело несколько человек. Пили кумыс. Среди них я заметил крупного смуглого казаха с небольшой остроконечной бородкой, к которому все время обращались не иначе как: «Хаджи-еке, хаджи-еке»[1]! Мы присоединились к этой компании. Не знаю, что не понравилось хаджи,— то ли, что я из совдепа, или то, что я привлек к себе внимание остротами, он придрался к одной из моих шуток и наговорил немало неприятных слов:

— Теперь молодежь невоспитанная, не хочет уважать стариков!..

Но обругал он меня напрасно, я совершенно не хотел обидеть его. Когда рассерженный хаджи отчитывал меня, я постарался не вступать с ним в пререкания, тем

---

[1] Хаджи-еке — почетное обращение к человеку, совершившему паломничество в Мекку.

более, что здесь, в доме торговца кумысом, не место для спора.

После этого случая мне довелось увидеть хаджи еще раз в совдепе. Он приходил по делу одной молодой женщины, которая разводилась с мужем.

Некоторые акмолинцы из власть имущих прилагали все усилия, чтобы помешать разводу. Но нашлись у нее и защитники. Пришлось вызывать в совдеп свидетелей с обеих сторон.

Этим делом занялся член совдепа Турысбек Мынбаев, не очень-то грамотный жигит.

И вот в совдеп поступила жалоба, что якобы те, кому не по душе развод, хотят оказать давление на Турысбека и разными способами добиться своего.

Я добился для женщины развода, и она получила полную свободу.

Потерпевшие поражение не унимались. Когда они начали мне угрожать, я предупредил:

— Если вы будете преследовать эту женщину, я отдам вас под суд.

Они испугались не моих слов, а власти совдепа, поэтому утихомирились и оставили намерение насильно вернуть женщину нелюбимому мужу.

При решении ее участи присутствовали торговец кумысом и хаджи Сулеймен, который беспричинно обругал меня в кумысной лавке. Они были довольны, что я защитил женщину, и с одобрением кивали мне.

— Спасибо тебе, дорогой! И прости за тот случай, когда я рассердился на тебя. Я тогда не узнал твоего характера и погорячился.

Женщина оказалась родственницей хаджи, и вот сегодня он решил отблагодарить меня...

В комнате, куда меня втолкнули, я увидел председателя совдепа Бочка, его заместителя Бакена, комиссара финансов Монина и члена совдепа Кондратьеву. Обменявшись несколькими словами, мы удрученно замолчали.

— Кто стреляет? — спросил я.

— Красноармейцы.

— А где остальные товарищи?

— Павловы тоже здесь, в другой комнате.

Сидим молча, обдумываем положение.

Выстрелы прекратились, но людские голоса и топот

коней долго не утихали. Кучковский по-прежнему энергично и громогласно отдает приказания.

Через некоторое время притащили избитого Байсента Адилева и бросили к нам. Его, оказывается, поймали на окраине города. А Абдуллу гоняли по улицам и, не переставая, избивали.

Одного за другим втолкнули в комнату еще нескольких большевиков, избитых, окровавленных. Особенно страшно было смотреть на Катченко.

Станица превратилась в чертово пекло. Восставшие казаки держали ее в своих руках. К дому то подъезжали новые всадники, то, подхлестывая лошадей, уезжали. Собравшиеся поглазеть тоже были не прочь пустить в ход кулаки. Дом окружили со всех сторон, заглядывали в окна, прижимаясь носами к стеклу...

Вот кто-то громко постучал в окно, мы оглянулись и увидели старика-казаха Килыбая. Трясясь от гнева, он грозил нам кулаками. Не расслышав, что он там кричит, я подошел к окну. Наши глаза встретились. Лицо его перекошено, как у шамана. Что-то в бешенстве кричит, размахивая своим костлявым кулаком. Несчастный!.. Несчастный!.. Я посмотрел на него и покачал головой: «Бедняжка, как тебя жаль...» Подскочило еще несколько казахов, тоже бранят нас и стучат кулаками в окно. Среди них сын торговца Басыбека. Больше всех достается Бакену и Байсеиту. Оказывается, батрак сына Басыбека, не получив обещанной платы, подал жалобу Бакену. Бакен и Байсеит вызвали к себе сына Басыбека и заставили его уплатить батраку 200 рублей. Вот он теперь и бранится больше всех.

Разве после этого Басыбек заступится за Байсента, Бакена и их товарищей, членов совдепа!?..

Казаки легко захватили город. В случившемся обвиняли председателя совдепа Бочка, который знал о готовившихся событиях, но никого не поставил в известность. Если бы он вовремя предупредил большевиков о том, что казаки собираются поднять бунт, такого рокового исхода не было бы. Несмотря на то, что все члены совдепа арестованы, наш малочисленный отряд Красной Армии не сдался казакам, завязал с ними перестрелку. Но когда казаки схватили Бочка, он приказал красноармейцам прекратить перестрелку.

После полудня нас вывели на улицу и под конвоем погнали в другое место.

Толпа любопытных разглядывала нас. Многие радовались нашему положению, конечно, в первую очередь — богатые. Я заметил одну старую казашку, которая стояла у своих ворот, указывала на нас пальцем, приговаривая: «Слава богу!..»

Наконец нас пригнали к полуобгоревшему сараю и там заперли. Поставили у двери часовых-казаков. Казаки, еще вчера безвластные, сегодня стали хозяевами города. Особенно довольны казахские и татарские бан. Среди них куражится пьяный дурень Шарип Ялымов, размахивая револьвером.

В сарай приводили все новых и новых большевиков. Многие недоумевали: как могло случиться такое? Нежданно-негаданно. Возмущаются, ругают Бочка.

Вокруг сарая собрался народ. Здесь друзья и враги. Друзья ошеломлены, враги радуются.

Стали поступать вести от вольных людей. Первую новость сообщила жена товарища Павлова:

— Всех руководителей совдепа хотят расстрелять, всего двенадцать человек — восемь русских и четыре казаха.

Казахи — это Бакен, Сакен, Абдулла, Байсент...

Затем другая новость: расстреляют шестерых, из них одного казаха. Затем опять: казачьи атаманы, городские богатеи и дворяне, собравшись вместе, решили расстрелять двенадцать большевиков.

В общем как бы то ни было, мы понимали, что дела наши плохи.

Наступила ночь. Мы улеглись спать, но заснуть было невозможно — не прекращался шум и какое-то движение.

Ночью пригнали еще несколько большевиков. Они рассказали, что казаки взяли власть в Омске, Петропавловске и Кокчетаве, расстреливают и вешают большевиков без суда и следствия и что к казакам присоединились чехословаки.

Кое-кто из наших пал духом. Одолевала тоска... Неужели, думаем, революция потерпела поражение? Неужели снова начнется старое, вернется царь?

К нам зашел главарь бунтовщиков, комендант города — офицер Кучковский.

— Расследованием ваших дел займется специальная комиссия. Мы арестовали вас временно. Так полагается при перемене власти. Скоро вас освободят...— успокоил комендант.

После его ухода мы узнали, что уже вынесен приговор расстрелять всех руководителей.

В сарае теснота, окон нет, только маленькие четырехугольные отверстия с решетками. Весь день дверь открыта, и нам видны вооруженные казаки-часовые.

Среди караульных я узнал моего бывшего учителя из Акмолинска Красноштанова.

В открытую дверь то и дело заглядывают то враги, то друзья. Друзья здороваются, подбадривающе кивают нам, передают что-нибудь поесть.

Где бы ни оказался казах, разве он может забыть о своей любимой еде — мясе и кумысе?

Понемногу мы начали успокаиваться. Обменялись мнениями. Радостного мало. Всем понятно, что дела наши плохи, и от этого сердце наполняется горечью и обидой — не смогли предусмотреть!

Я подошел к прислонившемуся к стене Бакену.

— Теперь нас расстреляют,— с грустью сказал он.— Но мы погибнем за правду, совесть наша чиста! Нас не забудут те, которые придут после...— Он обнял меня и продолжал: — Пусть погибну я, другие... Но ты должен остаться живым и написать об этом в газете, рассказать в книге нашим детям и внукам, за что мы отдали свою жизнь. Ты должен жить! — заключил Бакен.

— Брось, мы все должны жить. Мы благополучно вырвемся отсюда,— успокоил я его.— Нам предстоит еще много битв!

Сидим молча, ждем, размышляем. Как же могло случиться, что мы оказались в таком нелепом положении?

Никому достоверно неизвестно, действительно ли взбунтовались казаки только в Акмолинске, Омске, Петропавловске, или же поднялось восстание по всей России. В сарае нас собралось около ста человек — наиболее видные руководители и активисты совдепа. Рядовых большевиков держат отдельно.

Никто не знает, какая территория оказалась у врага, где еще сохранилась власть большевиков.

Стали вызывать на допрос. Первыми повели председателя совдепа Бочка и комиссара финансов Павлова.

Привели их обратно быстро, расспросили только о делах и документах городских учреждений.

Со всех сторон послышались вопросы:

— Что узнали?.. В чьих руках государственная власть?

— Мы сами толком ничего не знаем,— ответили они.

Уже потом, подумав, Бочок предположил:

— Власть, должно быть, в руках эсеров.

Наступила опять тревожная ночь. В сарае духота. В полночь дверь открылась, и с шумом вошло двадцать вооруженных русских. Выстроились у двери и начали выкликать по списку. Сразу стало понятно, что вызывают в основном руководителей.

Читал список монархист Сербов, одетый в военное донской казак, по специальности — техник.

Он был одним из яростных противников большевиков, всегда выступал против нас на собраниях и митингах, которые проходили в Акмолинске перед установлением советской власти. Теперь в руках у него список обреченных большевиков. Он, как вонючий хорек, скрипя зубами, выкрикивает фамилии и ставит в строй. Чиркнув спичкой, чтобы убедиться, что перед ним не кто иной, как Катченко, он издевательски усмехнулся:

— Это ты, рыжеусый! А помнишь, как ты чуть мне глаза не выцарапал?!..

Вызвали больше сорока человек, поставили в ряд, окружили конвоем.

Небо безоблачное. Где-то высоко-высоко мерцают звезды, и от их дальнего света ночь кажется не очень темной.

Никто не в состоянии предположить, куда поведет нас «батыр» Сербов.

А Сербов продолжает хрипло выкрикивать приказания своему отряду. Конвой взял ружья наизготовку.

Голос Сербова загремел: «Ведите!»

И погнали нас неизвестно куда...

Город стал окутываться туманом, мрачный, темный. Кажется, что, затаив дыхание, лежит огромное животное. Ни звука, как будто все вымерло. И только мы, словно единственные обитатели, шагаем по пустынным улицам, окруженные казаками. У пешего конвоя ружья на изготовку, у конного обнаженные сабли поблескивают в свете звезд.

Идем и идем... Только слышно, как под ногами хрустит песок да похрапывают лошади. Все угрюмо молчат: и мы, и конвойные. Кажется, что обе стороны напряженно следят друг за другом, в молчании точат клинки, и если кто-нибудь зазевается, так и вонзится в него нож по рукоятку.

Похоже, что казаки уже знают — наметили место, куда вести большевиков. А последние терпеливо идут, будто знают, куда их гонят и зачем...

Зловеще поблескивают оголенные сабли, позвякивают ружья. Погруженные во тьму, затихшие мирные дома остаются позади.

Наконец вывели нас на окраину города.

Мой напарник Нургали и идущий сзади Хусаин Кожамберлин тихо промолвили:

— Вывели нас за город, чтобы расстрелять здесь!..

— Ерунда! — подбодрил я товарищей. — Не все ли равно, где расстреляют.

В памяти невольно пробегает весь недолгий прожитый путь. С детства я страстно рвался к учебе. Безмятежно текла моя юность в ауле... Потом завод в Успенске, золотые дни в городской акмолинской школе. А дальше — поездки в Омск, ученье в семинарии. Вдохновенная радость, связанная с открытием союза учащейся молодежи «Бирлик». Надежды, мечты отдать благородному делу всю свою силу и энергию... Год учительствования в ауле Бугли на берегу Нуры. Долгожданная свобода, создание газеты, работа в комитете, митинги — большая, кипучая жизнь.

Много хороших планов хотелось нам осуществить в совдепе.

Вспоминаются мать, отец, родные, близкие, товарищи, друзья... Любимая...

В один миг пробегает вся моя жизнь перед мысленным взором, и от этого болезненно сжимается сердце. Неужели все это должно в одно мгновение исчезнуть, вот сейчас?..

Бессмысленная смерть делает всю твою жизнь бессмысленной и бесцельной игрушкой. Да, игрушкой!.. А если это так, то жить или умереть — какая разница?.. Если смерть, пусть смерть! Только поскорее.

Итак, судьба решена! Я не боюсь смерти и смотрю ей прямо в глаза. Если в жизни остается единственное —

смерть, то человек не должен ее бояться. С гордо поднятой головой он должен встретить свою судьбу!

Жигиты безмолвствуют...

Вышли на окраину. За поворотом почувствовалось близкое дыхание смерти.

Жил ты — и вдруг тебя не стало! Живое — все исчезает. Одно раньше, другое позже... Мы погибнем раньше других... Бедная мать будет проливать горькие слезы!.. Неужели погибнем? Неужели мать должна проливать слезы?.. Нет! Мы не умрем!.. Разбежимся сейчас в разные стороны. Затрещат выстрелы, засверкают сабли. А мы исчезнем в ночной мгле... И вернемся в свои аулы...

Мы приблизились к каменному дому на самой окраине города. Со скрипом открылись железные ворота, что-то загудело, зазвенело...

Загнали нас в открытые ворота, в огромный двор.

Из каменного здания вышло несколько человек. Сербов заговорил с ними вполголоса, потом о чем-то посоветовался с двумя вооруженными конвоирами.

У нас затеплилась надежда...

Снова зазвенели железные засовы, послышались гулкие голоса. Минуты казались вечностью. Прошло немало времени, пока появились два надзирателя и увели одного из нас... За ним другого. Так по одному брали и уводили, и каждый с беспокойством ждал, когда придет его очередь. Товарищи еще больше волнуются, потому что не знают, зачем их уводят в дом.

— Что они там делают?.. Убивают? Ну, скажи, что они с нами сделают? — встревоженно пристал ко мне Нургаин.

— Что хотят, то и делают!.. И перестань болтать попусту! — отрезал я, теряя терпение.

— Ты и здесь намерен приказывать? — рассердился Нургаин.

Я пожалел, что так неуместно оборвал его.

— Ладно, не стоит об этом говорить! — успокоил я товарища.

Наши голоса как-то встряхнули угрюмо застывших арестованных, они оживились.

Завязался разговор... А конвоиры между тем брали и уводили кого-нибудь.

Подошла и моя очередь. Повели меня узеньким коридором, освещенным лампой к самой дальней двери.

Там сидел какой-то русский чиновник. У окна стоял Сербов. Записали мою фамилию.

— Деньги есть? — спросил чиновник.

Обшарили мои карманы и, не найдя ничего подозрительного, приказали конвоирам:

— Убрать его!..

Привели меня в темную, холодную камеру с цементным полом. С шумом захлопнулась тяжелая железная дверь, а снаружи загремел замок.

Из темноты, из глубины камеры донесся голос:

— Кто ты?

Я узнал по голосу нашего товарища, адвоката Трофимова. В камере темно. Ощупью я добрался до людей, лежащих на цементном полу. Лежим, изредка перебрасываемся словами.

Время от времени открывается дверь и вталкивают очередного заключенного. Один из них, нащупывая себе место в темноте, оттолкнул мою ногу.

— Что это лежит на полу? — недоуменно спросил он по-русски.

— Человек лежит на полу,— многозначительно ответил я.

— Сильно сказано! — ввернул Трофимов из дальнего угла...

Так мы коротали ночь в этой темной пещере.

С наступлением утра появились караульные. Нас подняли, уставших, изнуренных, и выгнали на тюремный двор.

Потом снова рассовали по камерам и заперли.

Днем в нашу камеру вошел молодой офицер Моисеев, помощник казачьего коменданта. Сам он был не из казаков. Отец его — крупный акмолинский купец. Сын учился вместе со мной в акмолинской школе. Сидели мы с ним когда-то за одной партой. Оба интересовались газетами и спорили о политике. Бывало, вместе играли. Сейчас на его плечах погоны прапорщика.

Когда вспыхнула война на Балканах, наши учителя начали собирать деньги болгарам. Устраивались благотворительные вечера. Ругали в те дни Турцию, хвалили Болгарию. С учащихся собирали по 5—10 копеек, но я отказался от взносов. Моисеев упрекнул меня тогда и начал распространять слух, что Сейфуллин — турецкий патриот.

В 1919 году я уехал из Акмолинска в Омск продолжать учение. С тех пор мне не приходилось встречаться с Моисеевым. И только в 1917 году, когда шла ожесточенная борьба за создание советской власти в Акмолинске, я снова увидел его. Нам пришлось конфисковать богатства его отца: каменные дома, мельницы, многочисленный скот. Я настаивал на том, чтобы казакам были возвращены насильно захваченные Моисеевым земли на берегах Нуры.

И вот теперь с молодым офицером Моисеевым мы встретились как враги.

На нем сверкает мундир, поскрипывает портупея. Рядом с ним начальник тюрьмы и еще двое, вооруженные до зубов. С бывшим соучеником мы обменялись взглядами — и только...

Увидев нас сидящими на каменном полу, Моисеев расспросил начальника тюрьмы о распорядке, вполголоса дал указания и вышел.

Наши друзья, которые остались на свободе, не забывали нас — приносили передачи, сообщали новости. Сегодня, например, такую: несколько человек окончательно внесены в список и будут расстреляны. Фамилии пока неизвестны!..

На другой день другая новость: расстреливать никого не будут, потому что во многих местах, в том числе и в Омске, власть находится в руках большевиков.

После такой новости мы грызем кулаки — дали маху!

На следующий день нас снова вывели во двор на прогулку. Я попытался заговорить с одним студентом из охраны — эсером. Он ответил насмешкой.

Во дворе расклеены приказы коменданта города, в которых большевики именуются врагами народа и отечества, а также говорится, что по всей России власть у большевиков будет отнята, и все они понесут заслуженную кару...

Из этих приказов узнаем, что взяты Атбасар,— власть в руках атамана Анненкова, и Петропавловск, в котором властвует полковник Волков.

Многие из нас после такой информации еще ниже повесили головы. Сильнее прежнего беспокоит мысль: «Хотя бы не сдавался Омск, чтобы окончательно не распоясались казаки!»

Но на следующий день стало известно, что Омск тоже пал. Казаки еще больше зверели.

Оказывается, до взятия Омска «герои» — бунтовщики, взявшие власть в Акмолинске, были еще не уверены в своих силах, побаивались. Но как только пришла весть, что взят Омск, распоясались окончательно.

Военному делу стали обучать старых и молодых купцов и мелких торговцев. Всех, кто хоть в какой-то степени был связан с большевиками, загоняли в тюрьму.

Камеры переполнены. Большинство членов совдепа в первой камере. Двадцать четыре человека, которых признали наиболее опасными, заковали в кандалы. Среди них начальник штаба Красной Армии матрос Авдеев, комиссары совдепа Павлов и Монин, председатель совдепа Бочок, его заместители Катченко и Серикбаев, председатель трибунала Дризге, Мартлого, комиссары по распределению продовольствия Богомолов и Асылбеков, член президиума совдепа и комиссар по делам просвещения Сейфуллин, комиссары по труду Пьянковский и Щербаков, комиссары милиции Грязнов, Адилев, Жайнаков, Бекмухаметов, социал-демократ, не член совдепа Петрокеев и другие.

Привезли под конвоем арестованного Жумабая вместе с его помощниками, которые ездили в Ереймен, чтобы воздать по заслугам волостному Олжабаю Нуралину и Алькею. Случилось непредвиденное — Жумабая и его товарищей, по настоянию Олжабая, заковали в кандалы.

Одели нас в разноцветную арестантскую одежду из грубого льняного полотна — спина и воротник желтые, остальное черное.

Выдали нам брюки и рубашки с вылинявшими воротниками и отвратительные черные бушлаты.

Когда нас выводили на прогулку, двор окружали вооруженные конвоиры.

После взятия Омска запретили передачи. Караул усилился... Конвоиры все время менялись; то это были прапорщики, то сыновья местных богачей, мещан, купцов.

Кормили нас очень плохо — какая-то баланда да черствый черный хлеб с водой.

Аресты большевиков продолжались.

Попала в тюрьму и группа рабочих с заводов Успен-

ска, Спасска, Караганды. Арестовали молодежь из «Жас казаха».

Двенадцать камер переполнены, но власти не успокоились, продолжают рассовывать большевиков по каменным сараям.

Казаки, как голодные волки, рыщут по аулам, обшаривают каждый поселок Акмолинского уезда. Люди, как стадо овец, терпеливо переносили невзгоды.

Положение бедняков еще более ухудшилось. Тех, кто пытался перечить, избивали плетками.

Народ по-разному сопротивлялся несправедливым действиям.

В день, когда нас должны были заковать в кандалы, понадобился кузнец. Позвали одного кузнеца-казаха. Узнав, в чем дело, он наотрез отказался. Его жестоко избили плетками, но и тогда он не выполнил гнусного приказания.

Простой народ впал в отчаяние. А те, кому не нравилась советская власть, ликовали.

Прошел слух, что нас пошлют на расправу к казачьему атаману Дутову в Оренбург, что в Омске ждут одного важного начальника, чтобы создать военно-полевой суд и всех руководителей расстрелять.

С каждым днем наше положение становится все тяжелее.

Приходят вести, что в Сибири белогвардейцы захватывают города.

Мы все вместе обсуждаем создавшееся положение. Стоит только двинуть рукой или ногой — кандалы звенят, как путы на стреноженных конях. Если поднимемся все вместе, лязг кандалов заполняет тюрьму.

Как-то казахи в нашей камере разговорились о судьбах своих товарищей. Как они там?

Речь шла о Сабыре Шарипове из Кокчетава, о работниках из Омска — Татимове, Жанибекове, Мукееве, Шаймердене Альжанове, из Петропавловска — Есмагамбетове, Дуйсекееве, об их уездном комиссаре Исхаке Кобекове, о тех, кто организовал в Омске демократический совет молодых большевиков, и о многих, многих других.

Самым близким мне был ветфельдшер Шаймерден Альжанов, ярый противник алаш-орды.

Вспоминается такая история. В 1917 году в Омск прибыл из Оренбурга Букейханов. Полковники восторженно встретили его. Состоялся митинг. Тогда против Букейханова выступил только один человек — Шаймерден.

Молодежь алаш сочла его сумасшедшим. Шаймерден в знак протеста покинул собрание вместе с Таутаном Арыстанбековым...

Мы думали о судьбах не только акмолинских товарищей. Во время установления советской власти в Семипалатинске, когда взбешенные алаш-ордынцы не хотели признавать эту власть, к большевикам присоединился только учитель Ныгмет Нурмаков из Каркаралинска. После Октябрьского переворота в одном из своих писем он писал мне: «Как дела, Сакен? Мне стало понятно, что только большевики могут дать свободу беднякам, которые жестоко угнетались царской властью. Поэтому-то я и стал большевиком...»

И разговор пошел о том, как теперь чувствует себя Ныгмет в Каркаралинске.

В 1917—18 годах редко можно было услышать, чтобы казахи добровольно присоединялись к большевикам. В газетах об этом не сообщалось. Тем труднее было казахским большевикам вести политическую борьбу, открыто выступать против националистических устремлений алаш-орды.

Трудно было нам еще и потому, что все газеты, выходившие в Казахстане, исключая акмолинскую «Тиршилик», поддерживали алаш-орду.

Знакомясь с общественно-политической борьбой 1917—18 годов, нетрудно убедиться в том, что образованные люди группировались тогда вокруг газет и журналов. И если их взгляды расходились с политикой газеты или журнала, они старались высказать свою точку зрения в газетах и журналах других губерний.

В этой великой борьбе 1917—18 годов главным рупором алаш-орды стала газета «Сары-Арка». И только один Ныгмет из Каркаралинска Семипалатинской губернии писал нам в «Тиршилик».

Акмолинская газета резко выступала против алаш-орды. Поддерживала нас петропавловская газета «Уш жуз».

Наши местные идейные противники стали выпускать в 1918 году газету «Жас алаштар»—«Молодой алаш-ордынец». В Петропавловске выходила газета «Жас азамат»[1], которая также всячески старалась поднять престиж буржуазных националистов.

Уральские алаш-ордынцы издавали одно время в городе Ойыле газету «Жана казах» — «Новый казах».

В Ташкенте против советской власти выступала газета «Бирлик туы»[2], алаш-орду поддерживала букеевская газета «Уран»[3], редактируемая поэтом-муллой Карашевым. Против них активно выступал Серик Жакипов.

Омар Карашев написал гимн алаш-орды и выпустил книгу под названием «Терме»[4], в которой восхвалял Алекена (Алихана). Он восторженно утверждал, что знамя казахского народа — это Алекен. Вокруг него гимназисты, студенты...

Перечитывая эти газеты, сейчас трудно поверить, что в Казахстане в то время были люди, которые поддерживали большевиков.

Были в Акмолинске и такие большевики, которые избежали ареста,— Турысбек Мынбаев, Жахия Айнабеков, Абубакир Есенбаков, Галим Аубакиров, Баттал Смагулов, Жаманаев, Билял Тиналин, Сеит Назаров, Арын Малдыбаев, Хаким Маназаров и многие другие.

В молодежной организации «Жас казах» заранее узнали о предстоящем аресте активистов и сумели предупредить Бакена Жанабаева, Кожебая Ерденаева, Салиха Айнабекова, Омарбая Донентаева, Дуйсекея Сакбаева и других товарищей.

Как ни старались тюремщики лишить нас связи с миром, мы получали все новые и новые вести с воли. Мы узнали, что в Семипалатинске образовано правительство алаш-орды. «Сары-Арка» полностью опубликовала его программу. Газета появилась и в Акмолинске. Нам в тюрьму передали номер этой газеты, если не ошибаюсь, 42.

В нем был напечатан призыв алаш-орды, гласивший:

---

[1] «Молодой гражданин».
[2] «Знамя единства».
[3] «Клич».
[4] «Ритмы».

«Кто поймает бандитов и изуверов — казахских большевиков, пусть на месте расправляется с ними. Их нужно истребить всех!»

Каждый день мы ждали смерти...

С каждым днем враги революции — муллы, третейские судьи, волостные все выше поднимали головы.

Враги радуются. Друзья скорбят.

А в каменной тюрьме сидят закованные в кандалы красные соколы-большевики.

В АКМОЛИНСКОЙ ТЮРЬМЕ

Казаки с прапорщиками во главе, охранявшие тюрьму, напоминали толпу чертей. На груди у каждого газыри. Шапки лихо заломлены, на штанах красные двухполосные лампасы. У всех сабли, винтовки, нагайки. Они громко, во всеуслышание матерились. Изредка охранять тюрьму присылали солдат-новобранцев из крестьян. Тогда арестанты чувствовали себя свободнее.

Пришедшие к власти белогвардейцы создали комиссию по ликвидации большевизма в Акмолинском уезде. Во главе комиссии стал монархист Сербов.

Слухи каждый день обновлялись, стало известно, что кое-где уже применяют смертную казнь. Однажды в тюрьму явился Сербов с начальником тюрьмы и в сопровождении семи-восьми офицеров. На плечах у всех погоны, при малейшем движении звенели шпоры.

Оказывается, Сербов привел начальника городского гарнизона. Когда они с шумом вошли в нашу камеру, начальник тюрьмы хрипло скомандовал: «Встать!» Мы поднялись.

— Ваши дела будут разбираться в судебном порядке. Каждому из вас будет предъявлено обвинение согласно закону. Беззаконие допущено не будет!..— объявил нам начальник гарнизона.

С приходом к власти белые срочно созвали уездный съезд. Из поселков и аулов прибыли исключительно баи и бывшие волостные. Но как ни строг был отбор делегатов, все же из некоторых мест прибыли на съезд сочувствующие советской власти. В день открытия съезда они

заявили: «В первую очередь надо освободить из тюрьмы работников Советов!»

Главари казачества, баи и офицеры, задетые за живое таким заявлением, арестовали на месте сочувствующих заключенным и учинили им допрос.

Белые с каждым днем свирепели все больше. Чванливые легкомысленные офицеры шлялись по улицам Акмолинска. Офицеры и байские сынки походили на взбесившихся годовалых верблюдов.

Тюрьма не вмещала арестованных. Вновь поступающих волокли в подвалы каменных домов, наскоро устраивали проверку и освобождали «невредных». Некоторых освобождали за взятку. Выпустили несколько жигитов из «Жас казаха».

Как «сочувствующих большевикам» освободили служивших в совдепе Дюйсекея Сакпаева, Темиргалия Асылбекова. Выпустили ветфельдшера Наурызбая Жулаева, Даута Бегайдарова, из учителей — Галимжана Курмашова, Галия Китапова, из писарей Карима Аубакирова и ряд других.

Среди них совершенно случайно с помощью родственников оказался на воле Ували Хангельдин, образованный, умный жигит, подлинно идейный социалист. Спохватившись, власти стали искать его, чтобы посадить обратно в тюрьму, но Ували успел скрыться.

Иные каялись, говорили, что они к большевикам примкнули по неведению и незнанию; таких освобождали. Освободили, например, Нуржана Шегина.

Положение в тюрьме становилось все хуже. Собственную одежду вплоть до нижнего белья отобрали. Выдали нам казенное нательное белье из грубого льна, короткий пестро-черный пиджак, вместо постели мы получили по одному льняному мешку, слегка набитому сеном. Спим на деревянных нарах, а кто попал позднее — на земляном или каменном полу. Камеры закопченные, вонючие, очень тесные, переполненные. С воли передачи не принимаются. Кормят нас водой, непропеченным ржаным хлебом с горелой коркой. Из полусырого хлеба можно делать кумалаки[1] и пешки для игры.

В тюрьме двенадцать камер сплошь забиты больше-

[1] Кумалак — мелкие камешки, зерна, катышки и т. д. в количестве для гадания. (Прим. переводчиков).

виками. Заключенные сильно похудели, будто застигнутые тяжелой болезнью. В нашей камере два окна, на них решетки из четырехгранного толстого железа. В одном окне есть форточка. Открывать ее не разрешают, но она у нас все время открыта. Духота от этого нисколько не рассеивается. Когда укладываемся спать, ни на деревянных нарах, ни на каменном полу не найдешь свободного места, даже размером в ладонь.

Днем сидим, сгрудившись полукругом, и ищем способа убить время. Одни играют в шашки из хлебного теста, другие переговариваются, третьи поют песни, четвертые хмуро бормочут о чем-то, пятые, уставившись в окно на волю, часами сидят безмолвно и неподвижно.

Каждый день перед окнами появляются родственники или знакомые арестованных. Казаки никого не подпускают близко, а когда их сменяют мобилизованные в солдаты крестьяне, те делают вид, что ничего запрещенного не замечают, и тогда можно перекинуться через решетку словцом со своими родственниками, услышать весточку о жизни на воле.

Тюрьма находится на западной окраине Акмолинска. Окна первых четырех камер обращены на улицу. Видны крайние городские дома, виднеется холмистая степь за городом и далекая роща на берегу Ишима.

При хорошем надзирателе я подхожу к решетке и долго-долго смотрю на волю...

Там цветет лето, зеленеет город, течет голубой Ишим в зеленых берегах.

Шагах примерно в ста пятидесяти от нашего окна стоит дом, в котором живет знакомый старика Кременского, одного из наших заключенных. Сыновья Кременского часто заходят в этот дом, открывают настежь окна и тайком смотрят в нашу камеру через бинокль. Мы зовем к решетке самого Кременского, и он начинает переговариваться с сыном молчаливыми жестами. Мы ничего не понимаем в их переговорах, но сам старик понимает и передает нам какую-нибудь очередную новость.

Дивную пору лета проводить в тюрьме особенно тяжело. Да и вообще, когда и кому легко переносить тесноту, духоту, грязь, зловоние и неволю? Сыну привольных казахских степей оказаться в железных оковах, в тесной камере — тяжелее кромешного ада...

Сижу у решетки и гляжу на волю. Вижу вдали зеле-

ную холмистую степь. Летний ветерок, как шелк, нежно овевает лицо. Я подставляю свою грудь ветру. Его дуновение целебно действует на истомленное тело. Быстрая мысль вырывается на свободу и несется куда-то вдаль, как сокол, вырвавшийся из неволи, оставляя темницу позади. Она витает над зеленой степью, над ковровым лугом, над бескрайним простором. Она в стремительном беге посещает безлюдные горы и дремучие леса, где звонко журчат ручьи. Она благоговейно внимает пенью птиц — многоголосому, мелодично нежному; она проходит вдоль берегов больших озер с белыми лебедями, мчится по речной глади, состязаясь с быстротой ее извилистого течения, проносится по аулам и снова уходит в безлюдную бескрайнюю степь...

Сижу у решетки... Вон идет незнакомый казах и гонит вола, запряженного в рыдван. Они идут из той, дальней степи. Вол не торопится, медленно тащит рыдван, груженный кизяком. И казах не торопится. Вот он безмятежно глянул на окна тюрьмы и ленивым движением ткнул вола. Опустив голову, вол бредет прежним шагом. Колеса рыдвана скрипят, медленно вертятся с глухим, подавленным стоном... Где ты, чудесная свобода?.. Кто знает твою подлинную цену, кроме заключенных в темницу? Этот невзрачный казах во сто крат счастливее нас — он на свободе, хотя и участь незавидная — возить на рыдване кизяк. Эх, свобода, нет ничего прекраснее тебя!

Казах прошел, погоняя вола...

А за ним не спеша, ведя за собой цугом птенцов, появилась белая гусыня. Отяжелевшая от жира, изогнув длинную шею, она покачивает клювом и спокойно, важно вышагивает. Она о чем-то ласково гогочет птенцам. Совсем недавно они вылупились на белый свет, малюсенькие, желторотые, идут, растопырив лапки, барахтаются, торопятся за матерью. На ласковый зов ее отвечают тоненьким писком. Гусыня оглядывается, беспокоится о птенцах и не спеша продолжает вести их на лужайку, в низину.

Вот она, красота свободы! Вот оно, дивное лето!

Белая гусыня с птенцами остановилась на лужайке...

Вот появилась откуда-то молодая девушка-казашка. Еще издали она пристально смотрит на тюремные окна. Она видит меня за решеткой и останавливает на мне

свой взгляд. Глаза ее блестят, словно черносливы. Ей лет пятнадцать, она тонкая, стройная, среднего роста. На ней белое платье с двумя оборками на подоле, на голове шапка из черного бархата. Густые, атласно-черные волосы заплетены в две косы, а в кончики вплетены ленты из красного шелка. Неторопливо шагая, она приблизилась к окну... Смотрит на часовых... Шаги ее совсем замедлились. Остановилась, оглянулась назад, будто дожидаясь кого-то. Потом тоскливо посмотрела на меня в упор, не смогла долго стоять и пошла дальше. Ее проникновенный взгляд словно пытался разделить мое горе. Она мне показалась родной сестрой с чувствительным добрым сердцем. Чистый взор ее успокоил мою печальную душу. О моя сестра, с чутким сердцем, с гибким, как лоза, станом! Зачем так пристально и печально ты смотришь на меня? Твой взгляд подобен ласточке, которая брызгает воду крыльями, чтобы потушить пожар. Спасибо тебе!

Через день ты подходишь снова и все время упорно глядишь. Кто ты? Чья дочь? За кого принимаешь нас? За великих преступников, негодяев, развратников, за врагов своего народа и родины? Ты смотришь на нас с осуждением или с сожалением? О моя сестра с отзывчивым сердцем! Чьей бы ты ни была — великое тебе спасибо!

Эта девушка много раз проходила мимо тюремных окон. Но близко подходить не решалась, не хватало смелости. Чья она дочь, мы не знали, но лицо ее стало мне казаться хорошо знакомым, родным. Я привык настолько к ее посещениям, что если не видел ее два дня, начинал тосковать.

Поет ли жаворонок перед железной решеткой, заглянет ли солнце в холодную, сырую камеру, проникнет ли шелковистое дуновение ветерка с ароматом зеленой степи — все становится целебной силой для израненной души заключенного. И незнакомая девушка казалась мне всемогущим лекарством. Она тоже привыкла видеть мое лицо, стала здороваться со мной легким движением головы.

Однажды по тюрьме разнесся зловещий слух о том, что кого-то из нас должны расстрелять. Товарищи в камере замолчали, погрузились в скорбные размышления. У каждого кандалы на руках или на ногах. Обессиленные, мы безжизненным, безразличным взглядом смотрели

в одну точку. Мимолетно я глянул за решетку. Вижу — идет она. В белом платье с оборками на подоле. В косах ленты из красного шелка. Идет не спеша и смотрит в наше окно. Как рукой сняло щемящую душу печаль, черный туман исчез, жизнь прояснилась.

Звеня кандалами, я подскочил к решетке. Товарищи встрепенулись, будто избавившись от кошмарного сна, с холодным недоумением глянули на меня.

— Что случилось? В чем дело? — резко спросил кто-то.

— Вот идет моя сестра! — спокойно ответил я.

Одни продолжали удивленно смотреть на меня, другие с облегчением выругались: «Тьфу, язви тебя!..»

Однажды мы услышали, что прежний начальник гарнизона снят и на его место прибыл новый. На другой день во главе с Сербовым и начальником тюрьмы, поблескивая погонами и звеня шпорами, вошла в нашу камеру группа офицеров. Со скрипом открыв дверь, первым перешагнул порог начальник тюрьмы и громко скомандовал: «Встать!» Офицеры с винтовками и саблями заполнили камеру. Все они подобострастно, как охотничьи псы, смотрели на молодого начальника с выпученными глазами, в шапке набекрень, как у гуляки, у подзаборного пьяницы. На поясе у него наган, на боку сабля, в руке короткая плеть. Войдя в камеру, он остановился, раскорячив ноги.

— Тут большинство казахи? — удивленно заметил он.

Сербов начал расписывать наши «заслуги», ехидно, с толком, с чувством, с расстановкой перечисляя должности и чины каждого из нас в отдельности...

Вновь назначенный начальник гарнизона Гончаров прибыл из Петропавловска.

Новое акмолинское начальство шумно гуляло днем и ночью, без конца пьянствовало.

До нас дошли слухи о расстреле многих наших товарищей в Омске, в Петропавловске и Кокчетаве. Без суда расстреливали лишь в первые, самые горячие дни. Теперь стало известно, что в Акмолинске будут расстреливать по суду.

Заключенные стали привыкать к слову «расстрел». Надежды на свободу не было. Нас начали сортировать. Человек семьдесят-восемьдесят «самых красных» оставили здесь, не стали вызывать на допрос, а другую

группу, около шестидесяти заключенных, отправили в Петропавловск. Вместе с ними отправили этапом товарища Калегаева, который прибыл к нам из Омска за два-три дня до падения совдепа и попал в тюрьму.

Иногда до нас доходили утешительные слухи о том, что «белые обессилены, красные наступают, жмут, гонят по пятам!» Удостовериться невозможно, сидим и гадаем. «В конечном итоге победят красные, в этом нет сомнения, но мы так и не увидим победы»,— сожалели в камерах.

Товарищи похудели, осунулись. Сидим на воде и недопеченном ржаном хлебе. Мы не похудели бы и от такого пайка, если бы не бесчеловечные издевательства каждодневных посетителей-начальников. Тяжелые думы, железные кандалы, ежедневные вести о новых расстрелах, спертый воздух и каменный пол тюрьмы — вот что нас мучило.

Силы наши убывали день ото дня, и все реже поднимается настроение. Наши люди размещены во всех камерах; только в одной, с открытой дверью сидят казахи за кражу. Ежедневно наших товарищей выводят в огороженный тюремный двор на прогулку на десять-пятнадцать минут. В такие моменты звон кандалов отдается эхом по всей тюрьме.

Однажды вывели на прогулку и нашу камеру. В ограде стояли вооруженные часовые. Окна четырех-пяти камер выходили в ограду, и товарищи смотрели на нас сквозь решетку. Некоторые, еще сильные духом, здороваются, подбадривающе кивают. Другие хмуро, безнадежно покачивают головами.

Закованные в кандалы в оцепленной часовыми ограде мы ходим взад и вперед, как обложенные волки. Тот день был особенно печальным. Мы увидели в окне за решеткой скорбные глаза нашего товарища — Кондратьевой. Держась за железную решетку, опершись на нее подбородком, она затянула заунывную песню невольника. Голос у нее красивый, задушевный, мне он напомнил звук кобыза. По лицу этой замечательной женщины медленно текут слезы:

«...Сбейте оковы, дайте мне волю, я научу вас свободу любить»,— пела она.

Товарищ Богомолов, заключенный из нашей камеры, по природе чувствительный, мягкого характера человек,

поэт, остановился, прислонился к столбу с фонарем и тихо заплакал...

Однажды в нашу камеру сумел заглянуть один из тех, кто сидел за воровство. Он принес нам охапку только что скошенного, свежего сена.

«Сегодня меня водили на работу, там я захватил вот эту охапку для вашей постели»,— сказал казах, бросая нам сено.

Нашей радости не было границ. Мы начали обнимать пахучее сено, с наслаждением нюхали его, хватались за него, как дети, соскучившиеся по матери. Растроганный Баймагамбет (Жайнаков) долго гладил сено, нюхал и с радостью прижимал к груди. В эти минуты особенно остро хотелось выйти на свободу, в благоухающую летнюю степь...

Моя сестра проходит мимо тюремных окон раз в три дня. Она кивает мне — здоровается. Наискось, на лужайку, приходит каждый день белая гусыня, ведя за собой птенцов. Малюсенькие, желторотые, они растут с каждым днем.

В безрадостном однообразии тюремной жизни изредка происходили забавные случаи... Как я уже сказал, кормили нас сырой водой и ржаным хлебом, поэтому каждый, естественно, жаждал лучшей еды. Мы, казахи, по привычке мечтали о мясе и кумысе. Казалось, если бы нам показали вкусную конскую колбасу — казы, то мы помчались бы за ней на край света. С воли передачи не принимают, следят зорко, но, как говорится в народе: «Того, кто следит, всегда побеждает тот, кто берет». Урывками в камеру попадают куски копченой казы, но не каждый день, а изредка, в дни, когда среди надзирателей появляются люди, нам сочувствующие. Завернутая в тряпицу колбаса длиною в вершок просовывается через волчок и со стуком падает на пол. Стоящий наготове Хусаин (Кожамберлин), словно кумай[1], ловит ее на лету. В тот день, когда перед нашим окном проходит молодая жена Хусаина и дает знать о передаче, Хусаин не сводит с волчка глаз. А мы в свою очередь следим за Хусаином и задыхаемся от вожделения, словно голодные беркуты при виде жертвы.

[1] Кумай — быстроногий сказочный пес, от которого никто не может улизнуть, якобы рожденный от скрещивания дикого гуся и гончей.

И вот вершковый кусок колбасы появляется в волчке. Хусаин на лету хватает его и с минуту сидит, зажав колбасу в кулаке. Чтобы разделить поровну, у нас нет ножа, разломать руками невозможно — слишком мал кусок. Значить, каждый по очереди должен откусить свою долю зубами.

Хусаин, держа кусок в зажатом кулаке и выпустив кончик колбасы шириной в палец, подносит его ко рту товарища. Каждый имеет право откусить положенную долю... Подходит очередь Байсеита (Адилева). Хусаин преподносит. Байсеит, изображая из себя жалкого, полуживого человека, тянется ртом к колбасе и, глубоко вздохнув, отворачивается.

— Почему ты не кусаешь? — недоумевает Хусаин.

— Разве эта крошка удовлетворит мой голод?!.— отвечает Бейсеит, и вид у него становится еще более жалким.

— Кусай, где мы найдем больше! — упрашивает Хусаин.

— Нет, лучше ешьте сами. Вершком колбасы всех не накормишь. Ешьте, пусть я один буду голодным...— отвечает Байсеит смиренно, скорбно и со вздохом ложится на нары.

Участливо окружив Байсеита, мы начинаем утешать его.

— Давайте отмерим ему долю побольше,— наконец предлагает кто-то.

Хусаин, поколебавшись, выпускает колбасу еще на полпальца и предлагает Байсеиту. Полумертвый Байсеит медленно поднимает голову. Искоса поглядывает на колбасу и на ее хозяина. Оба несколько мгновений зорко следят друг за другом. Хусаин не спеша подносит угощенье, а Байсеит стремительно, как ловкая щука, хватает колбасу вместе с пальцами Хусаина. Тот с криком выпускает весь кусок, спасая свою руку, а Байсеит тут же глотает половину общей доли, и начинается борьба за остаток.

Такие сценки вносят оживление в наш тюремный быт.

Урвав лишний кусочек колбасы, Байсеит немного оживляется, начинает шутить, что-нибудь рассказывать, поет на русском языке шуточную песню, сложенную одним русским писарем. Называется песенка «Призыв киргизки (казашки) к своему избранному».

О айран ты моих желаний,
Кумыс моих страстей,
Каймак[1] сердечных упований,
Степной баран души моей.
Ты барымтой[2] на душу грянул,
Нагайкой сердце стеганул.
И мой киргизский дух воспрянул,
Когда в юрте ты заснул.
Дороже пестрого халата,
Она разит острей булата,
Кизяком сжигает кровь.
О приди, шайтан мой милый,
И упади во прахе ниц,—
Сливаю свой призыв унылый
Со ржаньем пылких кобылиц.

Байсеит исполнял ее мастерски, с серьезным видом, выставлял вперед грудь и петушился, как всамделишный артист.

Мы смеялись вдоволь.

Однажды пришло известие о том, что теперь смертной казни вообще не будет. Эти слухи оказались правдоподобными. Стало свободнее дышать. Вскоре начали принимать и передачи. С некоторыми заключенными тайком начал разговаривать сам начальник тюрьмы.

Нас начали вызывать на допросы. По восемь-десять человек выводили нас к месту следствия под конвоем конных казаков.

«О чем допрашивают?» — нетерпеливо спрашивали мы товарищей, побывавших на следствии.

Дошла очередь и до меня. Сразу погнали человек пятнадцать в одной группе. Ноги в кандалах. Конные казаки держат сабли наголо. Нас выстроили по два в ряд. Тех, кто ростом повыше, меня и Байсеита, поставили вперед. Стоял жаркий день, как раз самый разгар летней сороковины[3]. На улицах толпами теснились женщины, дети, старые, молодые, татары, казахи, русские, конные и пешие. Звеня кандалами, мы мерно шествуем по середине улицы в сопровождении конвоя. Безмолвно глядим на публику. В толпе я вижу друзей и знакомых. Сочувственно, хмуро, спокойно — по-разному они здоровались с нами, кладут руки на грудь и слегка кивают головой. Не-

[1] Каймак — сливки.

[2] Барымта — угон скота силой, вооруженный грабеж.

[3] Сороковина, сороковка — время с 10 июля по 20 августа, обычно самое жаркое.

ожиданно я встретился глазами со своим отцом, прибывшим из далекой степи. Беспомощно, скорбно и с любовью глядел он на меня издали. Я заметил в толпе родителей Байсеита, Абдуллы и Жумабая, увидел также и их друзей, прибывших из аулов. Все молчат, скрывая тревогу, сдерживая гнев и возмущение. Кое-кто украдкой плачет. Нет у них сил вырвать нас из рук палачей, ибо палачи вооружены. Мы проходим под пристальными взглядами друзей и врагов, стоящих по обе стороны улицы. Звенят кандалы, плачет улица, мы шагаем цугом один за другим, с непокрытой головой, с распахнутой грудью.

В многолюдной толпе я увидел и ту, что приходила к тюремным окнам, свою «сестру». В невинных глазах ее — слезы. Она кивнула мне, и я тоже благодарно кивнул в ответ. Под взглядами толпы мы прибодрились, зашагали уверенней.

Следственная комиссия заседала в здании бывшей школы. Зимою я жил на квартире у учителя Токарева, в особняке, который находился во дворе этой школы. В свою бывшую квартиру я теперь вошел в арестантском одеянии из грубого льна, с непокрытой головой и в кандалах. Мы с Байсеитом шли впереди и встретились на лестнице с Толебаем Нуралиным. Глядя на меня в упор, Толебай спросил:

— Как здоровье, Сакен?

— Слава богу! — ответил я.

Толебай моментально исчез за дверью. Наши ноги не были тогда такими быстрыми, как у Толебая, мы, звеня кандалами, едва волочили их.

Начальник конвоя вошел в одну из комнат. Вскоре вышел оттуда с каким-то русским, и они вызвали на допрос первого нашего товарища...

Вызывали по одному, допрашивали и уводили.

Я смотрел через окно во двор. Там ходила Токарева, старуха, хозяйка моей зимней квартиры. Увидев меня, она с сожалением покачала головой...

Подошла моя очередь. Вошел в комнату. За столом восседает комиссия. Председателем — казак Чонтонов. Как раз перед моим допросом Сербов куда-то вышел. Среди членов комиссии сидел один чернобородый русский крестьянин и трое казахов. Один из них купец Ташти, второй — известный мулла Мантен, третьим сидел

Толебай. Когда я приблизился к столу, Ташти и Мантен негромко поздоровались:

— Здоров ли, Сакен?

Я ответил:

— Слава богу!

Начал допрос сам Чонтонов:

— Каким образом вы попали в совдеп?

— По выбору степных казахов, по желанию простого народа.

— Чьи интересы вы намеревались защищать?

— Интересы казахского народа, в особенности, избравшего меня трудящегося населения.

— Какую работу вы возглавили?

— Возглавил работу по просвещению Акмолинского уезда.

Чонтонов не спросил, а я не стал говорить о том, что я был членом президиума совдепа.

— Вы участвовали на митингах и на собраниях?

— Участвовал.

— Выступали с речами?

— Выступал.

— О чем вы говорили?

— Не помню.

— Вы вступали в большевистскую партию?

— Да.

— Вы за или против созыва учредительного собрания?

— Если в учредительном собрании будут участвовать представители трудящегося народа, то я не против его созыва.

— Как вы относитесь к религии?

— Лично я не религиозный человек.

— Вы, оказывается, ругали мечеть нецензурными словами?

— Невозможно ругать нецензурными словами неодушевленный предмет.

— Что вы писали в газете «Тиршилик», которая издавалась здесь на казахском языке?

— В большинстве случаев я писал стихи.

Тут задал вопрос чернобородый крестьянин-следователь:

— Вы писатель?

— Не очень успешно... но все же немного пишу.

— Какие стихи вы писали, о чем?

— В основном описывал быт народа.

Опять вопрос Чонтонова:

— Почему вы писали именно стихи?

— Во-первых, потому, что умел писать стихи, а во-вторых, думал, что писать стихи — не преступление.

Чернобородый крестьянин заметил Чонтонову:

— Ну и что, если он писал стихи о быте народа? Если умеет, пусть пишет!

— Вы, оказывается, написали социальную пьесу ко дню Первого мая и поставили ее на сцене. Говорят, в этой пьесе вы восхваляли большевиков!

— Эта пьеса является моим первым произведением. Да, она ставилась Первого мая на сцене в Акмолинске. В ней я показывал ненасытность волостных управителей, писарей, баев и мулл в период мобилизации казахской молодежи на тыловые работы в 1916 году.

Помолчав, Чонтонов обратился к своим соседям, русским и казахским членам комиссии:

— У вас есть вопросы к арестованному?

Все молчали. Ко мне обратился Толебай:

— В газете «Тиршилик» разве вы ничего не писали, кроме стихов?

— Иногда писал небольшие статьи.

Толебай вынул из кармана номер «Тиршилика»:

— Не вы ли написали вот эту статью, где всячески бранят атамана Дутова и ругают на все лады алаш-орду. Не ваш ли это псевдоним «Шамиль»?

— Мое имя Сакен.

— Нет, нам известно, что это вы. Об этом нам сообщили работники редакции.

— Они могли ошибиться.

— Коли так, кто же этот «Шамиль»?

— Не знаю. Официальный редактор газеты Рахимжан Дуйсембаев. Спросите его.

Мне было известно, что в это время Рахимжан находился в бегах, скрывался в степи, поэтому я и притворился не знающим «Шамиля».

Толебай вынул из кармана еще одну бумагу:

— Ну ладно, а вот это сочинение узнаете?

Он держал в руках мое письмо, адресованное в сибирский краевой совдеп, где я подробно докладывал о дей-

ствиях алаш-орды. Развернув это письмо передо мною, он спросил:

— Не вы ли браните здесь алаш-ордынцев?.. Не ваша ли это подпись?..

Я не смог отказаться, ибо это был текст, правленный мной после машинки.

— Возможно, что я написал.

Меня заставили подписаться на полях статьи в подтвержденье авторства.

Толебай опять вынул какую-то бумагу из кармана:

— Узнаете? Не вы ли сочинили ее от имени народа?

Это был подлинник нашей телеграммы, адресованный в Москву от имени акмолинского съезда бедноты. На нем опять были мои исправления после машинки. Я не смог отвертеться, оказался пойманным с поличным.

— Когда составлялась эта телеграмма, я тоже присутствовал,— ответил я.

— Кто присутствовал кроме вас?

— Народу было очень много. Не помню, кто присутствовал, кто отсутствовал.

— Подпишите телеграмму, указав: «Написано мной»,— предложил Толебай.

— Как же я могу приписать себе коллективное творчество?

В конце концов вынудили меня подписаться, причем я указал, что «участвовал при составлении».

— Вы против алаш-орды? — спросил Чонтонов.

— Да, против! — ответил я.

— Почему?

— После свержения царя алаш-ордынцы решили отделить казахов от русского народа и пожелали стать казахскими ханами, самостоятельными местными царьками. А по нашему мнению, избавленный от самодержавия казахский народ теперь не нуждается в ханах. Националисты хотели окончательно отделиться от русских, хотели изгнать всех крестьян с казахских земель. Это могло привести к катастрофе. Мы лишились бы поддержки русского трудового народа, который свергнул царя и добился равноправия для казахской трудящейся массы. Вот по какой причине я выступил против алаш-орды.

Русские члены комиссии вопросительно переглянулись, чернобородый крестьянин недобро покосился на казахов.

Мне показалось, что подлинные цели алаш-орды присутствующие русские только лишь сейчас узнали из моих слов. Толебай, торгаш Ташти и мулла Мантен не знали, куда деваться. Они покраснели, ударила им в лицо нечистая кровь.

Русские продолжали недобро и вопросительно смотреть на своих соседей алаш-ордынцев. Убедившись, что мои слова попали в самую точку, я подписал бумагу.

Мне предложили выйти в зал. Продолжали допрос следующих товарищей. В зале я остановился перед окном. Ко мне подошли Ташти и Толебай и притворно-мирно стали беседовать со мной. Со стороны могло показаться, что они — мои близкие родственники.

— Ничего, ничего, придет время, освободишься,— успокаивали они меня.

С Толебаем мы когда-то учились вместе в городской школе, были приятелями. Обменялись сейчас «дружескими» упреками.

Через несколько минут мои «благодетели» пошли продолжать допрос.

Вдвоем с Байсеитом мы зашли в один из школьных классов. Сюда через конвоира нам прислали кумыс.

Мы наслаждались кумысом и неожиданно заметили двух казашек, вплотную подошедших к нашему окну. Одна из них оказалась женой Байсеита, а другая тещей. По нашему довольному виду они решили, что смутные надежды на хороший исход должны оправдаться. Показывая на свои белые кимешеки, они как бы спрашивали: ну как вы, чисты, обелены, оправданы?

Я отрицательно покачал головой.

Комиссия продолжала допрос. Без конца сновали разные офицерики, то входили, то выходили, то пробегали (в бешенстве, словно коровы под натиском оводов). В руках плетки, а у некоторых розги. Глаза поблескивают, словно у испуганных молодых верблюдов. Когда комиссия закончила работу, звеня кандалами, подгоняемые конным конвоем, мы вереницей потянулись обратно в тюрьму.

После допроса распространился слух о том, что якобы теперь оставят в тюрьме только самых опасных преступников, а всех остальных выпустят на волю.

Каждый день передаются самые немыслимые слухи,

которым невозможно верить, слухи то удручающие, то радующие.

Все жаждут свободы.

Перед тюремными окнами все чаще появляются друзья, родственники, наши отцы, прибывшие из далекой степи.

Мы стараемся бодро кивнуть им, поздороваться с ними. Они отвечают с безмолвной, щемящей душу горечью. Иногда, при человечном надзирателе, нам удается перекинуться несколькими словами.

Один день уныло похож на другой. Время как бы замерло, остановилось. Играем в шахматы и шашки из сырого хлеба. Рассказываем о былом. Иногда пытаемся разыгрывать друг друга, чтобы убить время.

Я подолгу сижу у оконной решетки... Не каждый день, но все же приходит та девушка с красной ленточкой в косах и пристально смотрит в наше окно. Мы с ней здороваемся. По-прежнему в сторону лужайки в низине проходит белая гусыня, ведя за собою своих питомцев. Птенцы подросли, шагают уверенно, крылышки их окрепли...

Медленно идут дни. Заключенных часто переводят из камеры в камеру. Когда перегоняют в камеру с окном во двор, охватывает гнетущая тоска.

Однажды мы узнали, что родственники Байсеита послали в алаш-орду телеграмму, прося вызволить его из тюрьмы. Когда алаш-ордынцы Тынышпаев и Акаев бежали из Туркестана в Семипалатинск через Акмолинский уезд, Байсеит милостиво указал им правильную дорогу. И вот теперь, решив, что долг платежом красен, родственники попросили помощи и сообщили об этом в тюрьму. Мы озадаченно ждали, чем все это кончится... Байсеит загорелся надеждой.

Однажды возле тюрьмы появился младший брат Байсеита. Он пробежал на почтительном расстоянии от окон, остановился и, сообразив, что мы следим за ним, произнес в сторону случайного прохожего, как будто не зная о нашем существовании:

— Эй, послушай радостную новость! Наш Бакен[1] скоро освободится!

---

[1] Бакен — ласковое и уважительное обращение младшего к старшему. К первому слогу имени добавляется «еке». Здесь Байсеит — Ба-кен.

Мы поняли хитрость мальчика и обрадовались за Байсеита. Спустя некоторое время прошла перед окном жена Байсеита со своей матерью и отцом — фельдшером Наурызбаем Жулаевым, который после переворота тоже сидел с нами в тюрьме несколько дней. Они прошли все вместе, и мальчик тоже с ними. Все безгранично рады. Наурызбай снял шапку и, как сигнальщик, помахал ею, давая понять, что получена телеграмма от Тынышпаева и Акаева с просьбой освободить Байсеита...

Но Байсеита все равно не освободили.

А время шло. Желторотые гусята, вылупившиеся из яиц в первые дни нашего заточения, уже стали взрослыми, перестали ходить за матерью на лужайку.

Положение в тюрьме стало сравнительно лучше. Но некоторые офицеры и надзиратели шипели на нас, как змеи, продолжали отпускать по нашему адресу площадную ругань и ни с того ни с сего зверски свирепели. Однажды, как обычно, по распорядку нас вывели на прогулку в огороженный двор. Там я начал умываться холодной водой, черпая ее чайным стаканом. Кандалы мне пришлось поднять со щиколотки на икру. В это время мимо проходил заместитель начальника тюрьмы Фролов, худощавый, русоволосый, усатый, с красным родимым пятном на щеке. Заключенные казахи прозвали его «калдыбет», а русские — соответственно «краснощеким». Этот самый калдыбет Фролов, круто остановившись возле меня, с упреком сказал:

— Не умеешь кандалы носить! А еще арестантом называешься!

Что ему можно было сказать на это?!..

Прошла летняя сороковина — самая знойная пора. Подоспело время уборки урожая. Теперь с воли начали бесперебойно поступать передачи, иногда неизвестно от кого. Я несколько раз получал такие безымянные передачи... Как бы то ни было, жизнь в тюрьме стала гораздо лучше.

Некоторые события тюремной жизни того периода ясно хранятся в моей памяти.

Нас, казахов, перебрасывали из камеры в камеру часто, по семь-восемь раз.

После проверки и тщательных допросов в тюрьме осталось около пятидесяти самых твердокаменных большевиков. Среди них было восемь-девять казахов. Мы, по

возможности, старались держаться вместе. Когда случалось попасть в камеру с окном на улицу, мы подолгу не отходили от железной решетки. Мимо окон проходили время от времени наши друзья и родственники. Иногда незнакомые прохожие тоже приветствовали нас. Кто верный друг, кто явный враг, познается на тернистом пути борьбы.

Не раз проходили мимо тюрьмы Акшал и Уйткибек, прибывшие вместе с моим отцом из далекой степи. Молодые жены Хусаина и Байсеита часто носили передачи. Невеста Абдуллы по имени Бану искусно обводила вокруг пальца начальника тюрьмы и надзирателей и сообщала нам новости в своих записках.

О хитростях и ухищрениях Бану даже мы, заключенные, не всегда догадывались. Например, в один прекрасный день она передала завернутый в чистую бумагу чай на заварку. Надзиратель тщательно осмотрел необычно скромную передачу и, убедившись, что на клочке бумаги ничего не написано, отдал передачу нам. Совершенно случайно мы намочили эту бумагу водой, и на ней выступили слова. Так мы узнали очередную новость с воли.

Бану забирала стирать наше белье. Иногда у выстиранной ею рубашки на рукавах не оказывалось пуговицы. Мы начинали искать пуговицу на ощупь и находили едва заметные четыре буквы: «кара» — смотри! Распарывали складку на рукаве или под мышкой и находили записку Бану, где мелким, но ясным почерком сообщались новости.

Свиданий никому не разрешали. Иногда, по высочайшей милости начальства, в присутствии надзирателя, в основном — благодаря назойливости родственника, дозволялось свидание на пять-десять минут. Я помню, что из казахов только Жумабай получил разрешение на коротенькое свидание со своим отцом. Когда вернулась из Омска после ученья Гюльшарап, ей разрешили пятиминутную встречу со мной. (В первое мгновение Гюльшарап меня не узнала, вот как меняется облик заключенных в тюрьме!)

Из русских женщин регулярную связь с нами поддерживала жена Павлова. Своей находчивостью, хитростью она превзошла всех других женщин. Однажды ей удалось передать нам такую весть: «В течение двух ближайших дней будет решен вопрос, применять в отношении

вас смертную казнь или нет. Если получу роковое сообщение, то пройду перед вашим окном в черном платье. А если услышу добрую весть, то повяжу голову красным платком...» Об этом условном знаке узнали все заключенные.

Окно нашей маленькой камеры было обращено во двор. И вот однажды пронесся слух, что жена Павлова пришла в тюрьму на свидание с мужем. Я через щели окна зорко следил за редкими посетителями, проходившими в вахтенное помещение для свидания. Вот быстро прошла жена Павлова. Вся одежда на ней черная!.. Через минуту провели самого Павлова, в кандалах и в сопровождении надзирателя. Жена бросилась к мужу, в присутствии надзирателя обняла его, роняя слезы. И потом ушла, не оглядываясь... Увидев ее черный наряд, мы пали духом. Я воскликнул: «Теперь наше дело кончено, наша песня спета!..» Товарищи мрачно согласились: да, теперь все кончено!..

Когда в камеру вернулся Павлов, мы бросились к нему. Оказывается, у них умер ребенок, поэтому мать пришла в трауре.

Настал день, когда начальник тюрьмы разрешил нам получать письма, в которых говорилось о домашних, о хозяйственных делах, но только не о политике.

Однажды мы получили открытку, подписанную Жанайдаром Садвокасовым, учащимся в Омске. Открытка была написана по-русски. В ней говорилось: «...Вахтча Укметов[1] болен туберкулезом. Хирурги отказываются лечить. Улкенбек Сабитов[2] выздоравливает. Благополучно приехал Дмче[3]».

Получив такую открытку, мы воспрянули духом. Сообщили о ней и русским друзьям.

В конце открытки Динмухаммет сумел вписать: «Благополучно вернулся с фронта. В Чите воевал против атамана Семенова».

Мы легко поняли содержание этого зашифрованного послания. Дела белогвардейского правительства безнадежны, народ отказывается его поддерживать. Советская власть укрепляется...

---

[1] Вахтча Укметов — временное правительство.

[2] Улкенбек Сабитов — Советы большевиков.

[3] Дмче — Динмухаммет Адилев, который в рядах Красной Армии воевал с белыми на Дальнем Востоке.

В тюрьме каждая утешительная весть окрыляет, подбадривает заключенных.

На тернистом пути борьбы за справедливость в дни тяжких испытаний яснее обнаруживаются верность друга, подлость врага, виднее становится человечность одних людей и зверство других. Прежде, когда мы устанавливали народную власть, когда сила была на нашей стороне, многие лебезили перед нами, навязывались в друзья. Когда мы оказались в тяжелом положении, эти угодники и подхалимы сразу отвернулись, показали нам свою спину. А некоторые вместо поддержки даже пустили в ход кулаки против нас. Не раз нам приходилось убеждаться в правдивости казахского народного выражения, гласящего: «Друзей мало, а врагов много».

Многие теперь осознали, что прежде, на свободе, легкомысленно было заявлять, что, мол, такого-то товарища я хорошо знаю и могу за него головой поручиться. Истинное лицо человека, подлинная его природа проявляются в трудные минуты. Если хочешь испытать достоинство гражданина, нужно увидеть, каким он будет в трудностях.

Иные люди, которых прежде, на свободе, мы признавали за хороших, на тернистом пути оказались никчемными, слабыми, неверными. И наоборот, тот, кто в некоторых случаях вел себя недостойно, был у нас раньше на плохом счету, оказался в трудную минуту человеком самостоятельным и мужественным.

Приведу несколько примеров.

В период Октябрьской революции на митингах в Акмолинске неизменно выступал человек по фамилии Бочок. Он отрекомендовался вначале рабочим экибастузского завода. Он всегда был неважно одет, но умел хорошо говорить и всегда заявлял, что он — участник революции 1905 года.

Бочок стал руководителем молодых большевиков Акмолинска. Мы его избрали председателем акмолинского совдепа. Он уверял нас, что прежде был левым эсером, а теперь стал коммунистом...

Раньше в Акмолинске не существовало большевистской партии. Поэтому накануне организации совдепа в резиденции уездного начальника мы, русские и казахские товарищи, впервые создали большевистскую организацию.

И вот в критический момент руководитель большевистского отряда акмолинцев, всегда выступавший в роли героя-революционера, без борьбы сдал акмолинский совдеп в руки контрреволюционеров. Заранее зная о восстании против совдепа, он не известил об этом ни рядовых членов совдепа, ни нас, членов президиума. Бочок первым попал в руки врагов, без нашего согласия единолично отдал приказ отрядам Красной Армии о прекращении огня. А в тюрьме, очутившись в кандалах, Бочок «запел»: «Я левый эсер. Я никогда не был большевиком...»

Малодушие Бочка — случай не единичный. Был еще один деятель из Акмолинска. Он всегда выступал от имени большевиков, бил себя в грудь и, благодаря своей настойчивости, втерся в президиум совдепа. Когда победила контрреволюция и этого «большевика» вместе с нами арестовали и посадили в тюрьму, то он со слезами на глазах так умело ругал заключенных большевиков, что его освободили, поверили.

А вот и другой пример. Работали в Акмолинске муж и жена — Петрокеевы, энергичные общественники. Мы близко с ними не встречались, поэтому знали их плохо. Они не состояли в совдепе. Петрокеева мы считали меньшевиком, относились к нему с недоверием, хотя сам Петрокеев уверял, что он не меньшевик. Белые арестовали его вместе с нами. И мы убедились, что муж и жена вели себя как подлинные герои.

Немало слабовольных и сломленных сидело в тюрьме вместе с нами. Однажды Байсеит, глядя на одного из слабаков, с горечью в голосе заметил:

— О боже, почему нас не поглотила земля, когда мы работали вместе с этими людишками, шли с ними рука об руку?!

По сей день я помню горькие слова Байсеита. В жизни нередко можно встретить людей, внешне достойных, заслуживающих уважения. Но подлинный характер обнаруживается в минуту тяжких испытаний. Самые отвратительные, мелочные, но и самые высокие характеры проявляются в испытаниях. Здесь я хочу рассказать о Вязове и Баландине, людях, к которым относились все с уважением, но потом с отвращением от них отвернулись. Несдержанный, горячий Байсеит всегда открыто возмущал-

ся недостойным поведением того или иного человека, высказывал свою неприязнь в лицо.

Однажды Вязов завел какой-то предательский разговор с двумя товарищами в углу камеры. В камере было человек двадцать, и почти все не любили Вязова. Не было нар, поэтому мы сидели на каменном полу, облокотясь на мешки, набитые сеном. В противоположном углу сидел Байсеит и время от времени посматривал в сторону Вязова.

— О чем он там болтает? — возмущался Байсеит.— О чем он там мелет?

Вязов продолжал говорить.

— Вязов, иди сюда! — не вытерпел Байсеит.

— В чем дело? — отозвался тот.

Байсеит глянул в упор на Вязова и воскликнул:

— Почему ты дурак?!

Вязов, конечно, вскипел.

— Что ты сказал, повтори!!

Он пристал к Байсеиту, но тот больше не повернулся в его сторону и лег на свой мешок.

Мы наблюдали за характерами обоих в этой короткой стычке. Очень важно сохранить гражданское достоинство в период великого испытания!

Такие товарищи, как Катченко, Олейников, Богомолов, Монин, Шафран, Пьянковский, Трофимов, Грязнов, Мартлого, Кременской, Афанасьев, муж и жена Петрокеевы и некоторые другие показали себя подлинными защитниками трудового класса и честными большевиками. Честными и стойкими до конца остались многие товарищи из казахов и татар. В их поведении я не видел «зигзагов».

Не многие прошли, не споткнувшись, по тернистому пути до конца. Можно было не раз и упасть, заблудившись на трудном пути. Многие в сложной обстановке оказались в числе людей недостойного поведения[1].

Нельзя легко поверить человеку, горделиво заявляющему «я такой-то», если он не прошел через испытание. Кто ты такой, ясно определится тогда, когда ты выйдешь на битву с врагами, твердо решив умереть или победить... Только попав в цепкие лапы врага, очутившись

[1] Автор намекает на некоторых товарищей, вроде Адилева, Галима Аубакирова и других.

за тюремной решеткой, закованный в кандалы, ты поймешь свою натуру, определишь, какой ты жигит! Нельзя окончательно и твердо создать о себе мнение в тихой и мирной жизни, не испытав трудностей и лишений в борьбе за правое дело.

«Батыра определяет битва, а краснобая — спор»,— говорит народная мудрость.

...Товарищей по камере начали посылать на уборку капусты и картофеля на подсобное хозяйство тюрьмы. Огороды находились на окраине города, на берегу Ишима. Теперь близкие родственники заключенных стали поджидать их появления у тюремных огородов. Наша связь с миром улучшилась.

Но на работу выводили в большинстве тех заключенных, которые давали взятку или своим тихим поведением понравились начальнику тюрьмы. Выводили, конечно, тех, у кого нет на ногах оков. Постепенно дошла очередь и до кандальников. Сняв кандалы, повели Хусаина, после него Байсеита, а потом Жумабая. Из русских на огородах побывали Бочек, Вязов, Павлов, Трофимов, Олейников, Кременской, Пьянковский и другие. Им было хорошо, они встречались со своими близкими.

В то время в Акмолинске вспыхнула холера. Нам сообщили, что заболел отец Байсеита. Байсеиту удалось попасть на огород. Он дал большую взятку начальнику конвоя, и тот отпустил его домой с одним надзирателем. В этот день Байсеит в камеру не вернулся.

На рассвете я поднялся со своего мешка и стал смотреть во двор, держась руками за решетку. Вот через вахту прошел Байсеит в сопровождении надзирателя. Войдя в камеру, приблизился ко мне и угрюмо прислонился к стене.

— Сакен... Отец мой скончался...— промолвил он еле слышно и тихонько заплакал.

Потекли слезы и из моих глаз. Отвердевшее сердце вмиг размякло, поневоле выступили слезы.

Хусаин раньше всех «сдружился» с начальником конвоя. Иногда он даже оставался ночевать на огороде. Как-то раз ему удалось угостить Сербова вместе с начальником гарнизона. Наши судьбы находились в руках этих людей, поэтому ровно через три дня после угощения Хусаина освободили.

Хусаин и Байсеит настолько вошли в доверие к на-

чальнику тюрьмы, что по их просьбе стали выводить на огороды Жумабая и потом Абдуллу. Выйдя на огород, заключенные всячески старались преподнести начальнику тюрьмы взятку покрупнее. Наши близкие также передавали взятки. Возвращаясь к вечеру в тюрьму, товарищи уже могли высказывать предположение, кому еще могут разрешить выход на огороды. С новичков заранее снимали кандалы.

Пришел день, когда и с меня сняли оковы. Выйдя на улицу, я почувствовал себя соколом, избавленным от неволи. Вольные люди казались мне в диковинку, свобода — чем-то непривычным. Увидев людей без конвоя, я почувствовал, будто только сейчас появился на свет. Город, занятый своими заботами, показался мне незнакомым. Окраиной нас погнали на огород. Стоял осенний день, безоблачный и теплый. Мне хотелось обнять землю, небо, воздух, деревья, траву, речку, словом все и вся. Огороды тянулись вдоль Ишима. Листья деревьев все еще зелены, но на тополях они уже стали светло-желтыми, словно седеющая голова старика. В саду тепло и солнечно. Легкий ветер словно заставляет танцевать листву.

А за огородами, поднявшись на холмик, мы увидели бескрайнюю степь, сливающуюся с голубым горизонтом. Мы с каждым вдохом, с каждой минутой оживали. Три летних месяца просидели мы в кандалах в вонючей темнице и теперь, выйдя на вольный воздух, каждый чувствовал приятную истому, жадно дышал ароматным воздухом, словно хотел насытиться им и взять с собой про запас. Мы пили воздух, как хмельной кумыс.

Рядом течет Ишим. Берем лопаты, кетмени, засучив рукава, принимаемся за работу...

Сторожат огороды тюремные надзиратели.

Мы подолгу вглядываемся в степь, обращаем лица в сторону родных аулов. Куда ни глянешь, всюду виднеются свободные люди, что удивительно и как-то непривычно для заключенного. Они куда-то стремятся, спешат, о чем-то заботятся. Я вижу казаха, очень похожего на того, который шагал перед окнами тюрьмы, нагрузив телегу кизяком. Я видел казахов-всадников, видел мчащихся на телегах людей из аулов. Мне невольно подумалось, что человек, не увидев темницы, не сможет оценить волю по-настоящему!

Я долго стоял на краю огорода на возвышении и пристально глядел на юг — в сторону родного аула. Я грезил. Вот бы убежать из тюрьмы, скрыться в бескрайней степи... Уехать в неведомую даль верхом на верблюде вон с теми незнакомыми казахами. Или если не на верблюде, то на телеге, запряженной волами. Пробраться в свой аул...

От свежего воздуха на бледных, увядших лицах заключенных заиграла кровь. Исчезли тени страдания, спрятавшиеся под глазами каждого арестанта, в глазах загорелись лучи надежды.

Вскоре пришли родственники и друзья арестованных. Пришел и мой отец.

Работа на огороде была для заключенных раем. Накопав картошки, мы ее чистили, затем крошили разные травы[1], добавляли мяса и варили суп в ведре. Сваренное на вольном воздухе мясо казалось нам вкуснее всего на свете.

Счастье побывать на огороде выпадало не каждый день. Водят туда посменно, очередь подходила через три-четыре дня.

Как-то раз под конвоем нас повели в баню. Народ толпился вокруг нас на протяжении всего пути. Возле ворот бани я увидел своего отца, поздоровался с ним, и мы коротко обменялись новостями. Тут же отец попрощался со мной, сказав, что возвращается в аул.

Работая на огороде, мы узнавали о деятельности пришедших к власти белогвардейцев. Народ сочувствовал нам. Надзиратели в это время вели себя смирно. Они не прогоняли посторонних, делали вид, что не замечают ничего предосудительного. Люди крепко пожимали нам руки, а некоторые открыто приветствовали нас издали.

Бесноватые, поднявшие голову в день восстания казачества, в день разгрома совдепа, теперь одумались и, кажется, утихомирились. Испытав на своей шкуре пинки и нагайки белых, эти легкомысленные начали вспоминать о совдепе...

В Акмолинске объявилось уездное правительство алаш-орды. У власти оказались члены следственной комиссии, которая допрашивала большевиков: мулла Ман-

[1] Имеется в виду капуста, морковь и другие овощи. У казахов-скотоводов все они называются «травами».

тен, торгаш Таштн, волостной Олжабай, писарь Толебай Нуралин, врач Тусип. Волостные, купцы, муллы потеряли всякий стыд и честь, но тем не менее, именуя себя алашордынцами, хорохорились, как взбесившиеся от похоти петухи. Они насмехались над словами о свободе женщины, о равенстве бедняков.

Однажды человек двадцать заключенных возвращались с огородов в тюрьму. Как всегда, сзади и по бокам шли вооруженные конвоиры. Шли строем, по двое. Проходя через Слободку, возле маленькой невзрачной лачуги мы увидели казашку. Брови ее были насуплены, в лице ни кровинки. Видно было, что тяжкое горе терзает ее душу. В нашей группе было трое казахов. Когда мы проходили мимо, эта женщина, глядя на нас, прижала руки к груди, с большим почтением склонила голову, приветствовала нас от всего сердца. Печальный образ этой казашки по сей день неизгладимо живет в моей памяти... Не было никакого сомнения, что эта женщина воочию убедилась в правоте нашего дела.

Нас продолжали водить на огород. Всех мучила томительная тоска по свободе, в особенности казахских жигитов. Мы с Байсеитом начали мечтать о побеге. Прежде чем бежать, мы решили достать казахскую одежду, чтобы сменить видное за версту тюремное одеяние, а также передать родственникам и наиболее верным друзьям о времени и условиях побега.

Землянка одного казаха стояла в двадцати шагах от сада, в котором мы работали. Сын хозяина Айтжан дружил с нами, был членом «Жас казаха». В плане нашего побега предусматривалось держать за этой хатой готовых верховых лошадей. В момент, когда зазеваются надзиратели, мы быстро пробежим туда по низине, сядем на коней — и ищи ветра в поле. А наши родственники, подготовившие побег, должны к тому времени возвратиться в свои аулы, чтобы не навлечь на себя подозрений в соучастии.

Когда мы с Байсеитом поделились своим планом с товарищами, то Бакен и Абдулла не согласились с нами.

Мы твердо решили бежать при первой возможности.

Однажды надзиратели разрешили нам на огороде свидание с двумя жигитами.

Жигиты сошли с коней, поздоровались, сели вместе с нами. Надзиратель стоял поодаль. Через некоторое

время появился верхом на лошади и наш Хусаин, слез с коня и тоже сел рядом. Мы забросали его вопросами. Между прочим Хусекен рассказал нам, как ловко и хитро он сумел освободиться из тюрьмы. Дело было так.

Работая на огороде, предприимчивый Хусекен сумел угодить начальнику тюрьмы, втерся в доверие и «подружился» с ним. Однажды Хусекен с разрешения своего «друга» установил себе палатку в огороде и пригласил в гости начальников — вершителей судеб в Акмолинске. Достал побольше кумыса, водки, заколол барана и вдоволь угостил своих приглашенных — начальника гарнизона, Сербова и начальника тюрьмы. Хусекен сам варил баранину, сам усердно прислуживал почетным гостям.

Изрядно выпив, довольный Сербов, председатель комиссии по расследованию и уничтожению большевиков, приказал Хусаину, смиренно стоявшему у входа в палатку:

— Эй, большевик, подойди сюда и выпей с нами!

— Спасибо за внимание!..— ответил Хусаин.— Я рад услужить вам. Но только прошу об одном — не называйте меня большевиком. Иначе вы меня крепко обидите...

— Разве ты не большевик?! — воскликнули одновременно Сербов и начальник гарнизона.

Хусаин дал пространное и исчерпывающее объяснение:

— Я никогда не был большевиком, вы зря меня держите в тюрьме, я сижу и страдаю...

В таком духе Хусекен красноречиво начал описывать свои страдания и в конце концов искусно заплакал.

— Надо бы тщательно проверить его дело,— сочувственно заметил Сербов, посадил Хусаина рядом с собой и напоил водкой. Через несколько минут Сербов ушел по делам. Остались начальник гарнизона и начальник тюрьмы. Хусаин дал понять, что умеет гадать на кумалаках. Начальник гарнизона обрадовался:

— Давай-ка поворожи, что меня ожидает,— попросил он.

Хусаин моментально извлек из кармана свои кумалаки, завернутые в тряпку. Разложил тряпку на столе, на ней рассыпал кумалаки и вполголоса начал бормотать:

— Судьба ваша благополучна. Счастье к вам нагрянет неожиданно. Скоро вы получите повышение в должности... Будете жить долго и припеваючи...

Начальник гарнизона в телячьем восторге попросил:

— Погадай-ка, любит ли меня одна женщина?..

А Хусаин хорошо знал, что Сербов и начальник гарнизона вдвоем волочились за некоей Ланшуковой, известной в городе красавицей.

Хусаин, сосредоточенно опустив голову, рассыпал кумалаки, начал рассекать руками воздух над ними, будто прогоняя нечистых духов, и загнусавил:

— Никогда еще не было случая, чтобы вы не понравились женщине. Сейчас в Акмолинске мечтает о вас не одна, а многие женщины. И особенно любит вас одна черноглазая красавица-шатенка. Но она не смеет сказать вам о своей любви, ибо за ней страстно ухаживает другой человек. Он даже признался ей в любви, но она к нему равнодушна...

Начальник гарнизона похлопал Хусаина по плечу и обратился к начальнику тюрьмы:

— Оказывается, он не глупый казах! Зачем его в тюрьме держать!

Через два-три дня после этой ворожбы Хусаина освободили.

Итак, мы с Байсеитом решили бежать. Достали казахскую одежду. Но в день побега по нелепой случайности я остался в камере, а заключенных увели на огороды. Вечера я ждал нетерпеливо. Что-то предчувствовал. После работы все товарищи вернулись в камеру. Байсеит сумел убежать...

Заключенные пугливо насторожились — что теперь будет? Некоторые высказывали недовольство бегством Байсеита. Другие беспокоились, как бы его не поймали.

Начальник гарнизона Шахим пришел в ярость, поднял тревогу в тюрьме. Он прибыл в город недавно, сменил того, которому Хусаин гадал на кумалаках.

Теперь заключенных перестали выводить на работу. Тюремный режим стал еще строже.

Потянулась ненастная осень. Нашему пребыванию в тюрьме не видно было конца. Из аулов начали приезжать люди с ходатайствами за нас перед чиновниками. Но помощи ждать было не от кого, и поэтому наши ходатаи постепенно разъехались.

Мы оставались в грязной вонючей темнице. Изредка

нам передавали книги, газеты. Мы читали их, перечитывали, играли в шашки.

Однажды на большом деревянном блюде нам принесли передачу — целого барана и сказали, что прислал Кошербай. В день мятежа он избежал ареста, спасся бегством. И только теперь смог вернуться в город.

Как только нам сказали, от кого передача, я подошел к окну, выходящему на улицу, и увидел неподалеку Кошербая с каким-то рыжим жигитом в белом мерлушковом тымаке[1]. На посту стоял не казак, а рядовой новобранец. Он не стал прогонять Кошербая от окна. Мы поочередно подходили к открытой форточке, чтобы поздороваться. Кошербай вполголоса рассказал о новостях:

— Будьте терпеливы! Перемены будут мгновенно, в один день. Недолго теперь осталось ждать. Дела по всей России, в общем, идут неплохо. Можно сказать, что уже наступает утро. Ждем восхода солнца. Оно уже не за горой — близок час. Берегите силы! С божьей помощью красное солнце взойдет! — подбадривал Кошербай.

Через два дня возле окна появился его спутник, рыжий жигит в белом тымаке. Он приветствовал нас и сообщил, что арестован председатель акмолинской алаш-орды Жусип[2] Избасаров, а также член комитета алаш-орды и член комиссии по расследованию дел большевиков мулла Мантен... Мы хотели узнать причину их ареста, но жигит толком ничего не знал. «Говорят, будто их арестовали за сбор денег у казахов в пользу алаш-орды...»

Рыжий жигит оказался из одной волости со мной. Звали его Рахимжан Бопанбеков.

Через несколько дней Рахимжан опять пришел к окну, сказал, что передал нам газеты через дежурного, и пообещал снова прийти.

Нас интересовало, что же произошло в Сибири после падения совдепа? Мы получили русскую и казахскую газеты и жадно читали и перечитывали их.

После занятия Сибири, Уфы и Самары чехословаками каждая партия, выйдя на арену общественно-политической борьбы, приступила к созданию своего правительства в разных местах. Депутаты учредительного собрания,

---

[1] Тымак — меховая шапка с большими наушниками и наплечьями.
[2] Ветврача Жусипа Избасарова звали также Тусип Избасаров.

выступая единым фронтом против революции, создали свое правительство в Самаре, назвав его комитетом учредительного собрания (КОМ УС), и громогласно объявили, что «мы являемся единственным правительством всей России». Конечно, их бумажному приказу омское белогвардейское правительство не подчинилось и в свою очередь оповестило всех о том, что оно является «правителем всей Сибири» и намерено подчинить себе комитет учредительного собрания в Самаре. Кроме Омска в Сибири были организованы и другие правительства, каждое из которых действовало по своему усмотрению. Алаш-орда также объявила о своей самостоятельной власти, однако она не могла подчинить весь Казахстан, потому что к тому времени сама раскололась на западную в уральской губернии и восточную в Семипалатинске алаш-орду. Главарями на западе были Жаханша Досмухамметов, Халель Досмухамметов и волостной Салык, а на востоке Букейханов, Ермеков, Гапбасов и прибежавший из Коканда Тынышпаев. Существовала еще и тургайская алаш-орда. Возглавляли ее Ахмет Байтурсунов, Дулатов, Еспулов, а также прибывшие из Уральска Кенжин и Каратлеуов. Тургайская алаш-орда считалась ветвью семипалатинской. Все эти три правительства, каждое самостоятельно, действовали против революции. Они создавали вооруженные отряды, свою милицию. Не отставая от казачества, они собирали с аулов «налоги». Их сабли также поблескивали над головами мирных трудовых казахов...

Как ни старались алаш-ордынцы расширить свое влияние, сколько ни размахивали саблями и кнутами, все равно их власть оставалась в пределах Семипалатинска, Тургая, Уральска и Жымпиты. Акмолинская алаш-орда была совершенно беспомощна что-либо сделать. Здешние казахи не захотели стать ее воинами.

Короче говоря, после падения совдепа в Сибири русские белогвардейцы организовали несколько правительств. А казахская разрозненная алаш-орда хоть и кричала о своей самостоятельности, но, тем не менее, подчинялась и сибирскому правительству в Омске и одновременно комитету учредительного собрания в Самаре.

Как я уже сказал, алаш-орда не имела поддержки в народе, особенно в Акмолинской губернии. Акмолинские

казахи не платили налогов-податей и не отдавали людей на военную службу. Поддержка и признание алаш-орды в Акмолинске напоминали игру «Хан жаксы ма?»[1].

Мятежники — белогвардейцы и чехословаки Западной Сибири — направили свой мощный удар в первую очередь по Челябинской и Акмолинской областям. Восстание сначала поднялось в Челябинске, затем в Петропавловске, Кокчетаве, Акмолинске и в Омске. Для управления делами Акмолинской области в Омске было создано областное правительство алаш-орды. В его состав вошли Айдархан Турлыбаев — юрист, адвокат; Мигаш (Мигадатча) Аблайханов — потомок хана, офицер царской армии; Асылбек Сеитов — врач; Мусылманбек Сеитов — переводчик; Ережеп Итпаев — переводчик бывшего окружного суда; Магжан Жумабаев — интеллигент, сын волостного; Мухтар Саматов — интеллигент, сын бедняка, верящий басням Букейханова; Смагул Садвокасов — учащийся; Асыгат Сайдалин — учащийся; Кошке (Кошмухаммет) Каменгеров — учащийся; Муратбек Сеитов — учащийся. Последние пять членов правительства составляли руководящее ядро молодежной организации «Бирлик» в Омске.

Началось повсеместное создание уездных правительств алаш-орды. Все они утверждались в Семипалатинске собственноручной подписью Букейханова. Имена членов правительства публиковались в газете «Сары-Арка». Из нее можно было узнать, что председателем кокчетавской уездной алаш-орды назначен хаджи-мулла Салим Кашимов, которого в прошлом так позорно охарактеризовал Мержакип на страницах «Казаха». Судя по его оценке, мулла Салим был ничуть не лучше Кольбая Тогусова. В акмолинскую областную алаш-орду позднее поступил на службу и Абдрахман Байдильдин.

Руководители контрреволюционной партии эсеров, члены комитета учредительного собрания в Самаре объявили о проведении государственного совещания в Челябинске. Для участия в совещании отправились главари центральной алаш-орды Алихан Букейханов и Алимхан Ермеков. По пути они остановились в Омске, захватили

---

[1] «Хан жаксы ма?»—«Хорош ли хан?»— казахская национальная игра, где подчеркивается себялюбие и глупость самодура хана, довольного ответом «Хан жаксы»—«Хан жаксы»—«Хан хорош».

с собою председателя акмолинской алаш-орды Айдархана Турлыбаева и секретаря Абдрахмана Байдильдина, после чего Алихан, Айдархан, Алимхан и Абдрахман с блистательным шумом прибыли в Челябинск. Но поскольку государственное совещание было перенесено, они поехали в Самару, чтобы нанести визит комитету учредительного собрания и получить от него помощь. «Ханы» остановились в комфортабельном номере гостиницы. К ним присоединились прибывшие из западной алаш-орды Ж. Досмухамметов, Х. Досмухамметов, Валитхан Танашев и Мустафа Чокаев, приехавший из Туркестана — от своего «братишки»-грабителя Ергеша. Переговоры, но больше гулянки продолжались днем и ночью.

Правители приехали сюда не с пустыми карманами, плюс к тому получили еще два миллиона рублей от комитета учредительного собрания. Фенешебельные рестораны Самары с утра до утра находились в их распоряжении. Совещания алаш-орды проводились в уютных залах лучших ресторанов. На столах красовались бутылки, словно конные отряды в строю. Энтузиазм выступавших ханов соответствовал количеству бутылок, теснившихся на столах. Вопросы решались под гром вылетавших пробок. Постановления скреплялись донышком бутылки. По любому поводу ханы проклинали прежде всего казахских большевиков.

Алаш-орда получила от комитета учредительного собрания Самары полное обмундирование для трех тысяч войска и много оружия. Кроме того западная алаш-орда отдельно получила две тысячи винтовок, тридцать семь пулеметов, две пушки и два автомобиля.

Но вскоре Самару заняли большевики. Государственное совещание открылось в Уфе. Возглавляли совещание руководители партии эсеров Авксентьев, Чернов, Зинзинов, Ульский и враги революции — казачьи атаманы-кровопийцы Иванов и Дутов. От имени алаш-орды выступали Чокаев и Алихан. Контрреволюционеры собрались, как воронье на падаль, и после долгих словопрений избрали правительство, назвав его Всероссийской верховной властью — Директорией. В состав правительства вошли Авксентьев, Зинзинов, от алаш-орды — Чокаев и другие.

Возомнив себя всемогущими владыками, они объявили о своем правительстве. Но сибирские «правители», в первую очередь омское правительство, не подчинились

«верховной» власти. Тертые пройдохи-белогвардейцы передрались между собой из-за должностей.

Красная Армия, заняв Самару, приближалась к Уфе. Госпожа директория вынуждена была перекочевать в Омск. В Сибири в это время самостоятельно действовали омское правительство, амурское правительство, восточно-сибирское правительство, дальневосточное правительство и ряд других.

Семипалатинская алаш-орда, не в силах самостоятельно управлять своей губернией, старалась опереться на власть омского правительства —«армию алаш», вместе с войсками омского правительства отправили на Семиреченский фронт против большевиков. Основной целью алаш-орды была решительная борьба против большевиков и советской власти. Семипалатинская алаш-орда посадила в тюрьму Нургалия Кулжанова, обвинив его в том, что он был членом совдепа и большевиком. Они сознательно разжигали родовую вражду, участвовали в тяжбах за должность волостного управителя в аулах. Большинство семипалатинских главарей было из рода Тобыкты, одного из ответвлений крупного рода Аргына. Для деятельности алаш-орды в тот период характерна была следующая история.

В Семипалатинском уезде жили два зажиточных, знатных представителя рода Тобыкты — Мусатай и Ике. Они враждовали между собой, борясь за первенство. Умело используя родовую группировку, они натравливали своих сородичей на врага, писали один на другого доносы. Битву в степи они перенесли в город. Победил в конце концов Ике, потому что один из главарей семипалатинской алаш-орды оказался его родственником. Мусатай стал искать поддержку в совдепе и оказался таким образом на стороне большевиков, которые его поддержали. Это произошло в конце 1917 года. А в начале 1918 года после падения совдепа усиливается власть алаш-орды, и она преследует Мусатая уже как ярого большевика. Писаки алаш-орды разрисовали в своих газетах Мусатая как социалиста, а потому, с их точки зрения, подлеца, обманщика и т. д. Откуда знать Мусатаю о социализме, он о нем и слыхом не слыхал. Мусатай просто-напросто враждовал с Ике, которого защищали алаш-ордынцы. А раз совдеп боролся с алаш-ордой, то Мусатай стал «большевиком». Букейханов подписал приказ: «Задер-

жать проходимца Мусатая!».. В конечном счете Мусатая водворили в тюрьму.

Вот какими делишками занималось семипалатинское центральное правительство. По причине таких вот мелочных родовых тяжб правительство алаш-орды и земство в Семипалатинске народ одно время называл тобыктинской алаш-ордой и Тобыктинским земством.

Особенно яро алаш-орда преследовала большевиков-казахов, сторонников совдепа. Ничем не отличались действия алаш-ордынцев от действий прежних волостных, ишанов, уездных царских чиновников.

КОЛЧАКОВЩИНА

Хуже взбешенных волков рыскали колчаковцы по степи и в городе. Казалось, не было на земле ни единого уголка, где бы ни побывали эти изверги, не было ни одного человека, который бы избежал их истязаний.

Народ в страхе и панике.

Безвинные люди терпят розги, стонут под плетьми бандитов.

Заподозренных в большевизме без суда и следствия бросают в тюрьмы.

Мужиков забирали в солдаты. А тех, кто уклонялся, избивали розгами, заключали в тюрьму.

Начальник тюрьмы вместе с надзирателями, с озверевшими офицерами врывался в камеры. Избивали заключенных без всякого повода.

Там, где советская власть была свергнута, появились мелкие местные подхалимы, подражавшие распоясавшимся белогвардейским офицерам.

А если случалось, что в какой-нибудь газете появлялись по недосмотру слова «трудовой класс», «простой народ», «свобода», издателям такой газеты готовы были засыпать рот песком.

Алаш-ордынские газеты виляли хвостом перед белогвардейцами и разводили демагогию о чистоте алаш, об изгнании из нее тех казахов, которые хоть в какой-то мере пытались поддерживать «подлых» большевиков.

«А если кто из казахов осмелится стать большевиком, тот будет расстрелян на месте»,— грозились газеты.

Алаш-ордынские уездные главари обложили акмолинское население налогом и требовали немедленной уплаты.

Белогвардейцам хорошо была известна наша вражда с алаш-ордынцами. Они проявили «дружескую заботу», посадив к нам на три месяца муллу Мантена и Тусипа Избасарова.

Заходит к нам как-то в камеру начальник тюрьмы Ростов и с улыбкой сообщает:

— Сегодня к вам придет отагасы[1]. Молодым жигитам нужен такой человек! Вот мы и решили посадить к вам Мантена!

Я с улыбкой ответил:

— Спасибо!

— Не нужен нам этот толстопузый. Найдите ему другое место,— холодно добавил Жумабай.

— Ладно, Нуркин, пусть уж он побудет с вами! Вы его угостите хорошенько! — подмигнул Ростов и вышел.

Вечерело. В тюрьме стало совсем темно. Иногда в камере у нас зажигают свечу, но сейчас ее еще не принесли.

Из соседних камер слышатся приглушенные голоса. Изредка по длинному коридору проходят надзиратели, позванивая ключами. Мы переговариваемся шепотом.

Тихонько поднявшись с места, я смотрю в окно.

Кругом белым-бело. И только вдали темные тучи нависли так, словно хотят раздавить землю. Падает мелкий снежок. Холодом веет из мрака. Нигде не видно ни огонька, и только запорошенная снегом земля светлеет белым ковром.

В камере темнее ночи.

Единственная маленькая форточка все время открыта. С улицы в камеру слабо поступает свежий воздух, вытесняя зловоние.

Из соседней камеры доносится пение двух женщин. Похоже, что это не пение, а плач. Столько в нем грусти и страдания...

Через некоторое время в нашу темную камеру вошел начальник тюрьмы с надзирателями и привел толстопузого казаха. Не отходя от двери, начальник тюрьмы весело произнес:

— Вот вам и обещанный отагасы, принимайте с почетом! — и вышел.

---

[1] Отагасы — хозяин очага, уважаемый старик.

Новоявленный отагасы, держа что-то в руках, обратился к нам:

— Ассалаумаликум!

Положив свою постель на нары, он поспешил к нам с протянутыми руками, чтобы поздороваться. Когда он протянул руки Жумабаю, тот воскликнул:

— Прочь, собака! Видали его, бесстыжего! Еще руки протягивает, подлец! Пошел вон! Не место тебе с нами! — и Жумабай сбросил его постель на пол. Мантен боязливо попятился, озираясь по сторонам.

— Что вы, что вы, друзья мои милые,— пролепетал он и сел.

— Брось, Жумабай! Здесь не место мстить мулле. Не трогай его,— со смехом начали все уговаривать Жумабая.

Мантену разрешили поднять постель на нары. Великодушно поздоровались с ним и начали расспрашивать о новостях.

Мантен сразу же постарался отречься от алаш-ордынцев. Он рассказал нам, что председателя уездного комитета алаш-орды Тусипа Избасарова тоже арестовали, но сейчас он пока находится в тюремной больнице.

На следующее утро к нашей двери подошел Тусип и поздоровался.

— Добро пожаловать, Тусеке! — громко ответили мы, не скрывая иронии.— Поздравляем вас с достойным вознаграждением, которое вы получили от своих друзей-единомышленников. Не огорчайтесь, все пройдет! Говорят, когда тулпар[1] лягается, то копыта у него не болят.

Тусип не отличался остроумием и в оправдание пробормотал:

— Зачем вспоминать прошлое?

Больничная тюремная камера, куда поместили Тусипа, не запиралась, и у больного была возможность ежедневно бывать с нами, когда нас выводили на пятнадцатиминутную прогулку. Кроме того он разговаривал с нами через надзирательский волчок.

Других за подобные вольности обычно наказывали. Тусипа не трогали.

Заключенные русские большевики Тусипа почти не знали, но мулла Мантен был известен всем очень хорошо,

---

[1] Тулпар — крылатый сказочный конь.

потому что был членом следственной комиссии по расследованию дел большевиков. На допросе он сидел самодовольный, важный, потому и запомнился. Русским, заключенным из других камер, узнавшим, что арестован Мантен, не терпелось увидеть его в положении арестанта. По утрам, выходя из своих камер, они приближались к нашему волчку и пытались заглянуть, чтобы увидеть муллу и по этому поводу позлорадствовать.

Через несколько дней опять зашел в нашу камеру начальник тюрьмы Ростов.

— Ну как? Сделали Мантена своим отагасы? — обратился он к нам и, подмигивая Жумабаю, добавил: — Окажите ему милость, почитайте его! — И вышел.

Я не сразу понял начальника, но потом до меня дошло, что он издевался, разыгрывал нас.

Однажды вывели на прогулку первую камеру. Проходя мимо нашей двери, один из большевиков обругал Мантена.

— Почему эта морда сидит у вас безнаказанно? Пошлите его к нам! Мы ему воздадим по заслугам! — пригрозил он.

Мантен перепугался.

А на следующий день его перевели в камеру, где сидел Макалкин. И как только Мантен переступил порог, Макалкин вскочил, намял ему как следует бока и затолкал под нары.

На другой день, не выдержав истязаний Макалкина, Мантен во время прогулки остановился возле нашей камеры.

— Милые мои, не могу больше терпеть! Уймите вы этого Макалкина! Саке, помоги мне, пожалуйста, утихомирь его! — упрашивал он.

Когда нас вывели на прогулку, я подошел к двери, где сидел Макалкин, и подозвал его:

— Не трогай ты больше Мантена, хватит с него!

На прогулке возле нас остановился Тусип.

— Как вы думаете, что со мной сделают? — трусливо начал допытываться он.

— Откуда же мы знаем? Тебя засадили твои вчерашние товарищи, им виднее,— отвечали мы.

— Ну что же все-таки со мной будет? — не отставал он.

Прошло несколько месяцев с того дня, как нас засади-

ли в тюрьму, заковали в кандалы. Каждый день мы ждали смерти.

Но Тусип, эта тупая башка, нисколько не задумывался о нашей участи. Ему было не до нас! В тюрьму он попал случайно, когда его дружки без разбора бросали сюда всех,— вот и его сгоряча спровадили сюда на три месяца. И теперь он печется только о своей шкуре, пристает ко всем: «Что со мной будет?..»

Ну и народ — эти алаш-ордынцы! Так уж они умеют, бедняги, прикинуться беспомощными!

Сидим мы как-то в камере и слышим, опять Тусип просит подойти кого-нибудь.

— Чего тебе? — откликнулся Жумабай.

— Можно вас на минутку?

Жумабай поднялся.

— Что со мной сделают? Как ты думаешь? А-а? — снова запричитал Тусип.

Жумабай, не на шутку разозлившись, отрезал:

— Тебя расстреляют! Потому что признали вас всех более опасными, чем большевики!

Тусип в страхе попятился.

Я, Абдулла и Бекен рассмеялись. Так мы встретились в тюрьме с некоторыми алаш-ордынцами.

Держать их здесь долго не стали и вскоре выпустили. Как говорится, ворон ворону глаз не выклюет.

А мы остались.

Однажды нам стало известно, что вместо Ростова начальником тюрьмы назначили самого Сербова, монархиста и самодура до мозга костей.

Он обошел камеры и объявил, что адмирал Колчак стал единственным властелином России.

Сербов прослыл грозой заключенных.

Как-то он вошел в нашу камеру вместе с надзирателями и запел свое:

— Правителем Сибири, больше того, диктатором всей России стал адмирал Колчак! Страна на военном положении. Отныне заключенный, который нарушит тюремный распорядок, будет расстрелян без предупреждения. Ясно?

Куда яснее! Положение наше еще более ухудшилось.

Захватив власть, Колчак разогнал меньшевиков и эсеров.

Монархистов не устраивали члены директории, быв-

шие главари эсеровской партии — Чернов, Авксентьев, Зинзинов, Ульский, поэтому они постарались их разогнать. Одним из эсеровских активистов в Сибири был омский писатель Новоселов, член правительства Керенского. Его-то и расстреляли колчаковские палачи средь бела дня в Омске.

Многих недовольных новой властью эсеров, меньшевиков посадили за решетку. Даже те, кто пытался в свое время поддерживать Колчака, были изгнаны.

Монархисты стали хозяевами положения.

Народ бежал от Колчака, как от огня.

Окружали его баи, чьи руки были обагрены кровью рабочих и крестьян, окружали генералы, долгогривые попы, муллы и муфтии, иностранные капиталисты. Ближе к двери, к прислуге, пожевывая насыбай, сидели наши алаш-ордынцы. Ниже их только николаевский пристав...

Сговоры завершались гимном «Боже, царя храни» и увенчивались пьянкой.

Приказы Колчака подкреплялись кнутами.

Однажды меня вызвали в тюремную канцелярию, которая служила одновременно и квартирой Сербову. Пока он выспрашивал, для чего я когда-то взял из школьной библиотеки словарь, я рассматривал комнату.

Над кроватью висел портрет царя Николая. Под ним крест-накрест карабин и сабля в ножнах, отделанных серебром. Еще ниже — полный текст «Боже, царя храни» на белом полотне.

Разнузданные колчаковцы не знали удержу, совершенно не скрывали своих намерений.

Однажды в полночь послышался звон ключей и скрип открываемых дверей! Мы прислушались... Раздался громкий голос:

— Матрос Авдеев, встань!

Нетрудно было понять, что пришел сам Сербов. Вторил ему какой-то незнакомый голос.

— На колени! — прорычал Сербов.

— А если я не встану, что тогда?— услышали мы голос Авдеева.

— Становись на колени и читай молитву во здравие царя! — приказал Сербов.

— Нет, не встану. И молитву читать не буду! — ответил Авдеев густым басом.

— Будешь читать, собака! Заставлю!

Завопили надзиратели, избивая Авдеева плетьми.

— Настоящий воин не бьет пленника, а расстреливает его! — упрекнул Авдеев.

— Молчи, подлец, пой молитву, тебе говорят! — свирепел Сербов, орудуя плеткой.

— Убивай меня, но я не буду петь гимн царю, у меня есть одна песня —«Интернационал»,— стоял на своем Авдеев.

Долго еще избивали мужественного матроса, но он не сдался, не стал перед врагом на колени.

Ругаясь и проклиная большевиков, колчаковские «герои» с грохотом открыли следующую дверь. То же самое повторилось и с Павловым.

— Эй, голубчик, становись-ка на колени да помолись за батюшку-царя!— завопили самодуры. Послышались крики, удары, брань...

— Пой!

Павлов не вытерпел побоев и сдался, плаксивым голосом затянул «Боже, царя храни». Это был не наш Павлов, а тот, который бежал сюда из Туркестана перед мятежом.

Заключенные с досадой и огорчением слушали его пение и проклинали трусливого собрата. А бандиты стояли навытяжку, торжественно приложив руку к козырьку, отдавая честь царю и издеваясь над арестованными.

Но вот Павлов закончил петь, и снова бандиты окружили его:

— А-а, трусливая собака! Ты отдавал приказания расстреливать всех, кто за пятнадцать минут не смог выполнить твоей воли! Чувствовал себя героем, подлец! А теперь, как последняя собака, трусишь!— орали они, продолжая избивать Павлова.

Стоны Павлова доносились все реже и реже и наконец стали чуть слышны.

Изверги вернулись снова в камеру Авдеева:

— Ты молодец, Авдеев! Хотя и враг наш! Ты — настоящий человек! С тобой стоит повоевать! А Павлов — пресмыкающаяся скотина! — говорили они.

Сербов неожиданно заорал:

— Авдеев был начальником штаба большевиков! Он проявил необыкновенную храбрость, когда мы окружили совдеп и направились к штабу. Авдеев не подпустил нас, угрожая гранатой, он повел в бой против нас двух крас-

ноармейцев! Я закричал ему: «Бросай оружие и сдавайся!» Но он ответил: «У нас неравные силы, но мы постоим за себя!».

Разглагольствуя о мужестве Авдеева, Сербов старался подчеркнуть и свою храбрость.

Орущие голоса приближались к нашей камере.

Вот Сербов зашел в камеру, где сидел бывший левый эсер — адвокат Смакотин, казак, перешедший на сторону большевиков. Человек он был уже немолодой, но очень упорный и энергичный. Он не испугался крика Сербова, ответил ему с достоинством. Тогда Сербов сказал:

— Ну ладно, старик. Хоть ты и казак, но сбился с правильного пути. И принципиальный лишь только потому, что роду ты казачьего.

Так, обойдя поочередно почти все камеры, обругав нецензурными словами бывшего левого эсера адвоката Трофимова, теперь большевика и ярого обличителя акмолинских чиновников и баев, они добрались и до нас.

С грохотом отворилась дверь. Вошли Сербов, начальник караула, надзиратели и двое русских в казахских одеждах. Сербов скомандовал:

— Встать!

Мы встали.

Сербов с улыбкой обратился к одному из своих спутников, показывая на нас:

— А это — казахское отделение, господин сотник.

— Начальство, значит,—«догадался» сотник.

— Да, большевистские птенцы, но мы обрубили им крылья, не дали взлететь! — самодовольно закончил подвыпивший Сербов.

На следующий день мы узнали, что Павлова искромсали саблями...

Были в тюрьме и такие заключенные, которых не подвергали истязаниям. Они как-то оставались в стороне, хотя и не были безучастными, когда слышали стоны заключенных, избиваемых бандитами-тюремщиками.

Попадали в тюрьму и крестьяне, далекие от политической борьбы, но отказавшиеся вступить в белую армию.

После очередной мобилизации бросили в тюрьму немца по фамилии Гоппе, якобы агитировавшего молодежь не подчиняться властям.

На вид ему было не более двадцати лет. Родом он

оказался из села Долинки Акмолинского уезда. Русским языком владел плохо, а по-казахски почти ничего не понимал. Но тем не менее это не помешало найти нам общий язык.

Однажды в полночь в нашу камеру ворвались надзиратели и два вооруженных солдата.

— Гоппе, вставай, пошли! — послышалась команда.

— Куда?— спросил он.

— На допрос!

Мы долго не спали в ожидании товарища. В тюрьме тишина. За решетчатым окном непроглядная тьма. Только белыми бабочками кружится снег, устилая землю. Белой стеной высится занесенная снегом тюремная ограда...

Ночь поглотила нашего товарища.

Прошло немало долгих минут. Вдруг снова послышался лязг отпираемой двери, и втолкнули измученного Гоппе. Пошатываясь, он дошел до своего места и упал.

Мы бережно уложили его, стали расспрашивать. Гоппе ничего не мог выговорить в ответ, только обнял меня и по-детски заплакал, приговаривая:

— Скажи, когда придут красные? Когда?..

— Не плачь, надо терпеть, ты же не дитя! Скоро придут красные,— как мог, успокаивал его я.

Гоппе скрипел зубами, сжимал кулаки.

Неподалеку от тюрьмы находилось русское кладбище. Вот туда-то и водили Гоппе четверо солдат. Избивали прикладами, пинали, валяли в снегу до тех пор, пока не устали сами.

Немного лучшим, чем в наших камерах, было положение в тюремной больнице. Днем двери не запирались. Одно время там лежали больные, наш Нургаин и учитель Горбачев.

Тусип хотя и не был больным, тоже попал в больницу, сразу же обособился как алаш-ордынский представитель.

Лечить больных приходил невзрачный фельдшеришка, плохо одетый и похожий на паршивого отощавшего коня.

В часы медицинского приема заключенные обычно высказывали свои жалобы на плохое самочувствие надзирателю и, получив его разрешение, шли к фельдшеру за лекарством.

Однажды и я, почувствовав недомогание, отпросился

у надзирателя в «больницу». Кроме фельдшеришки там оказался Сербов и врач Благовещенский.

— На что жалуетесь?

— Да вот... появились колики, никак не проходят. Не дадите ли какого-нибудь лекарства?— попросил я.

Благовещенский осмотрел меня и попросил фельдшера дать мне лекарство. Ехидно улыбаясь, фельдшер сказал:

— Я бы дал этому типу яд для «скорого выздоровления!»

«Чего этому несчастному-то надо?»— с изумлением подумал я.

Если грозен Сербов — то у него власть. Он начальник тюрьмы, председатель комиссии по борьбе с большевиками, человек образованный — как-никак техник. Его цель в этой борьбе ясна! Он хочет властвовать, угнетать, командовать.

Но чего добивается несчастный фельдшеришка с протертыми штанами? Чего ему-то нужно? Он тоже алаш-ордынец, подобный тем, которые обивают колчаковские пороги с насыбаем за губой, с малахаем под мышкой, подобрав полы чапана, и вторят белогвардейцам: «Уничтожим большевиков!»

Бедные вы, бедные!

При Колчаке казахские деятели начали помышлять о создании национального совета.

Однажды тюрьму посетил омский прокурор. Обходя камеры, заглянул и в нашу. Расспросил о том, о сем, в общем ни о чем и повернулся к выходу. Но я окликнул.

— Можно вас спросить?

— О чем?

— До каких пор мы будем сидеть здесь без суда?

— До тех пор, пока будет образован национальный совет!— ответил он.

В это время красные уже подходили к Оренбургу и Уфе.

— А как скоро будет создан национальный совет? — продолжал я.

Он посмотрел на меня, помедлил и ответил:

— Не скоро!— и вышел.

Когда закрылась дверь, мы рассмеялись.

Так и текли похожие друг на друга дни и ночи...

Рядом с нами через стенку сидели три женщины. Они

каждый вечер пели. Печальные голоса их разносились по безмолвной тюрьме. Грусть и тоска по свободе одолевали нас.

Из окованного железом окна тянет пронизывающей стужей. На улице морозно.

Но разве могут услышать и понять тюремные стены страдания заключенных? Напрасны слезы перед каменным безмолвием.

Нас опять перевели в другую камеру. Но и там не стало легче, время-то шло одинаково тоскливо и медленно. Иногда играли в шашки, рассказывали, читали книги, которые нам передавали тайком.

Я и парикмахер Мартлого, «максималист», ставший впоследствии большевиком, проводили в камере беседы, устраивали некое подобие собраний на свободе.

Так тянулись бесконечные дни...

В ЛАПАХ АТАМАНА АННЕНКОВА. ЭТАП ИЗ АКМОЛИНСКА

В один из злосчастных дней начальник тюрьмы с несколькими надзирателями ворвался в камеру и объявил:

— Готовьтесь к этапу — через два-три дня отправка.

— Куда?— спросил я.

— В распоряжение омских властей,— ответил Сербов.

Как только он удалился, камера загудела:

— Куда нас погонят? Что готовит нам судьба? Кто будет нас конвоировать?

О скорой отправке мы сообщили на свободу своим родным и близким. Попросили принести теплую одежду и по возможности передать хоть немного денег. Отец Абдуллы переслал сыну деньги под каблуком сапога.

В чьи руки мы попадем?

Скоро выяснилось, что в Омск нас будет конвоировать отряд под командованием известного колчаковского атамана — Анненкова и что пятнадцать солдат из его отряда уже прибыли сюда. Все они отъявленные головорезы и в отряд Анненкова вступили добровольно. Среди этих пятнадцати два офицера.

Здесь анненковский отряд пополнился добровольцами — акмолинскими молодыми казаками. Стало в отряде теперь человек сорок-пятьдесят. В руки этих отборных головорезов и собирались акмолинские власти передать нас для отправки в Омск.

Нетрудно было догадаться, что прибывший конвой для этапирования — испытанные палачи. Мы узнали, что по разрешению своего начальника они хотели вывести всех заключенных за город и там расстрелять. А потом оправдаться, что, дескать, «расстреляны при попытке к бегству».

И поползли один за другим тревожные слухи по всей тюрьме: «Пришел всем конец, никого не оставят в живых». Ползли и ползли вести, сея панику и ужас.

Дня через два в нашу камеру вошли начальник тюрьмы и начальник акмолинского гарнизона.

Раздалась привычная команда:

— Вста-а-ть!

Сопровождающие начальство солдаты умышленно забряцали винтовками и саблями.

Мы опять услышали о скорой отправке.

Нас предупредили:

— Запомните: если хоть один из вас попытается бежать, расстреляны будут все!

Теперь уже по-серьезному мы начали собираться в путь.

Со свободы шли бесконечные передачи, чтобы обеспечить нас на дорогу. По слухам, подлежало отправке около пятидесяти заключенных. И только по болезни в акмолинской тюрьме должны были остаться двое — Нургаин и учитель Горбачев.

И вот приготовились мы к этапу:

Сидели на грязных нарах, чумазые, готовые к любым невзгодам.

Все двадцать арестантов нашей четвертой камеры с часу на час ждали появления конвоя. У каждого мысль: «Пусть ведут, куда хотят! Ожидание надоело»...

А погода лютая, январь. Зима по-настоящему вступила в свои права. Морозы трещат дьявольские. Дни короткие. Быстро наступают сумерки.

Заключенные, тесно сбившись по углам тесной камеры, перешептываются.

В разбитое решетчатое окно дует завывающий ветер, обдавая стужей.

Сидели мы долго, до полуночи. Все реже и реже слышались приглушенные голоса и наконец совсем умолкли.

Утомленные тревожным ожиданием неизвестности, так и заснули мы, одетые, скорчившись друг возле друга.

Темная ночь приняла в мрачную бездну всю тюрьму, и казалось, что заключенные не спят, а потонули, исчезли в удушливом мраке.

За окном слышим шаги часового да дробный стук капель,— это иней стаивал от нашего дыхания с обледенелых решеток. Порою откуда-нибудь из углов доносятся бормотание и сонные вздохи, иногда стон в тяжелом бреду:

— У-ух... А-ах!..

Случайно ли тяжкие беды обрушились на нас? Нет. Мы не готовили себя для легкой жизни. Мы взвалили на свои плечи трудную ответственную ношу. Мы ринулись на великую битву за свободу трудового народа! И если мы сами ступили на этот трудный тернистый путь, то обязаны мужественно вынести все невзгоды и взять перевал!

Да, трудно бороться, многие из нас стонут. Но за правое дело легче страдать, можно и умереть, если придется!..

Может быть, завтра нас выведут за город и расстреляют? Только вовеки веков не забудет нас трудовой народ, за счастье которого мы терпим муки! Так терпи и мужайся до конца, борец, продолжай начатое! Не падай и не сворачивай с тернистого пути, пока не одолеешь решающего перевала!

Я очнулся, разбуженный топотом и гулом голосов в коридоре. Моментально проснулись и товарищи.

Выглядываем через волчок в коридор, пытаемся узнать, что там творится.

Видим — снуют надзиратели туда-сюда, в руках зажженные лампы.

Светает... В камере медленно развеивается сумрак.

В коридоре появилось несколько вооруженных солдат, одетых в незнакомую нам форму. Грудь каждого перекрещена пулеметными лентами. На головах высокие, черные лохматые папахи с красным верхом. На плечах красные погоны с окантовкой. Держат себя развязно.

Вскоре весь длинный коридор заполнили солдаты в необычной форме. Застучали о каменный пол приклады винтовок.

— Отряд Анненкова... Отряд Анненкова! — послышались в предрассветной мгле встревоженные голоса заключенных.

Топот кованых сапог, стук прикладов, бряцание сабель, грубые, зычные голоса в коридоре — все это действует удручающе.

В камерах все давно проснулись и сидят в ожидании. Приближалась развязка.

С лязгом распахнулась дверь камеры. Вошли начальник тюрьмы, казачий офицер и несколько солдат с лампами в руках.

Мы вскочили и застыли, как неживые.

— Сейчас начнется отправка. Быстро оденьтесь и собирайтесь в путь!— крикливо сказал начальник тюрьмы и вышел.

Связав пожитки, мы опять уселись в ожидании.

Минут через десять снова появился начальник тюрьмы, с ним казачий офицер. Начали вызывать заключенных по списку.

Вызванных усадили вдоль стены длинного коридора на каменный пол, окружив вооруженными солдатами.

Начался обыск. Снимали с нас всю одежду вплоть до нижнего белья.

Я волновался за свои записи, часть которых успел зашить в пояс стеганых брюк, а часть спрятать под стельками сапог и в носках войлочных байпаков.

Дошла очередь и до меня. Стащили с меня сапоги, вытряхнули байпаки, осмотрели, «нет ли там бомбы», несколько раз засовывали руки в голенища сапог и, наконец, сказали:

— Одевайся.

Успокоившись, я не спеша оделся. Спрятанные записи были спасены!

Поочередно обыскали всех. И пока шла эта процедура, наступил рассвет.

Всех заключенных вывели во двор тюрьмы. Около тридцати конвоиров нас окружили тесным кольцом.

Начальник тюрьмы и два офицера несколько раз уходили в тюремную канцелярию, бегали взад-вперед, один сдавал нас, другие принимали.

Наконец прибыл начальник городского гарнизона, и нас строем вывели за ворота тюрьмы. Там ожидал конвой — тридцать всадников и двадцать пеших. В одинаковой форме были только те, что производили обыск и выводили нас из тюрьмы. Обращали на себя внимание не только их странное обмундирование, но прежде всего их

наглые хулиганские манеры. Это были головорезы-анненковцы, прибывшие из Омска.

За тюремными воротами мы увидели около двадцати саней-дровней, в каждые запряжено по одной лошади.

Последовала команда:

— Рассаживайтесь по четверо в каждые сани!

Я, Бакен, Абдулла и Жумабай заняли одни сани.

И снова команда:

— Рассаживаться только по двое!

Мы покорно выполнили команду, сложили на сани свои пожитки. И вдруг, глянув на одного вооруженного жигита в полушубке и валенках, я узнал в нем близкого родственника — своего жиена[1].

Я не верил своим глазам. Как он оказался в отряде атамана Анненкова?! Ведь туда принимались только добровольцы... Отряд, который будет конвоировать нас, называют «партизанским». В его руках судьбы пятидесяти революционеров. Неизвестно, что они сделают с нами, когда выведут за город...

Неужели это он? Для меня это самая неслыханная обида. Я уставился на молодого жигита, все еще не веря себе — он ли?

«О люди, сколько еще мрази среди вас!.. О жизнь, каких только негодяев не растишь ты! Одни вынуждены страдать за справедливасть, охваченные тоской и горем, другие торжествуют подло и мерзко. Да будут прокляты подлецы и мерзавцы!» — с яростным молчаливым озлоблением думал я.

Жигит, на которого я обратил внимание, забеспокоился, начал боком протискиваться ко мне и, приблизившись, поздоровался.

— Ассалаумаликум!

Я не ответил и отвернулся. Он что-то пробормотал и начал здороваться с моими товарищами. Послышалась команда:

— Трогай!

Заскрипели полозья, и поплелись мы за санями по мерзлому снегу. Мороз пронизывал до костей.

---

[1] По словам самого Сейфуллина, этот человек был сыном Хабибы — дочери Мустафы, родного брата деда Сейфуллина Оспана, являющегося дедом Сакена по отцу. По казахскому обычаю сын Хабибы — двоюродной тетки Сакена — является жиеном. Это был Хамит Абауович Токин, юрист по образованию.

Город еще спал, а над горизонтом медленно поднималось солнце в морозном оранжевом сиянии.

Каждые сани — впереди и сзади — сопровождал всадник и пеший конвоир.

Вышли на окраину города.

Начальник тюрьмы, сидевший на рыжем коне, распростился с конвоирами.

За окраиной некоторых из нас ожидали немногочисленные родственники. Каждый день они выходили на дорогу, чтобы не пропустить этап и проститься. Сейчас стояли молча, не сводя глаз с наших лиц, и утирали слезы, словно провожали нас в последний путь. Звонко скрипел снег под ногами заключенных и конвоиров, под полозьями саней и конскими копытами.

Вооруженные конвоиры шли вперемежку с заключенными, а за нами кавалькадой тянулись казаки на конях. Кони то и дело проваливались в сугробы.

Акмолинск остался позади.

Среди заключенных шесть казахов-большевиков, организаторов совдепа, и одна женщина.

Конвоиров около семидесяти человек — это верные и надежные колчаковцы, правая рука адмирала. Солдатам из мужиков Колчак не доверял конвоировать большевиков. Наш конвой — сплошь казаки, кроме моего родственника-казаха да еще одного сына бродячего торговца-полуузбека.

У пятнадцати атаманцев, прибывших из Омска, вид самый зверский, нрав бандитский. В глаза бросаются две буквы на их погонах «А. А.», выведенные серебристой краской, что означает: «Атаман Анненков».

Шли мы длинной цепью, тяжело ступая за санями по извилистой дороге в сторону Петропавловска.

По команде конвоира мы поочередно, по двое, садились в сани.

К вечеру добрались до какого-то аула и остановились на ночлег. Здесь нас встретили квартирмейстеры из конвойных, заранее выезжавшие вперед.

Расположились мы в двух казахских халупах, грязных и полуразрушенных, но они показались нам раем по сравнению с тюрьмой. Прошел уже ровно год, как мы не видели человеческого жилья.

Перед халупой поставили двух часовых, и, когда нам нужно было выйти до ветру, нас сопровождали солдаты.

Начальник караула вместе с младшим офицером беспрестанно наведывался к заключенным.

Один из начальников конвоя — широкоплечий, смуглый, похожий на калмыка, более разговорчивый и более хамовитый, чем другие, без конца матерился и сыпал похабщиной.

Зайдя в нашу халупу, он предупредил:

— Если сбежит один, будете расстреляны все, мать вашу так! Так что следите друг за другом!

Никто из нас не сомневался, что его обещание будет выполнено.

На рассвете снова двинулись в путь.

К полудню разразился буран. Пришлось остановиться в одном из казахских аулов и переждать буран. Здесь нас покормили.

Где бы ни приходилось останавливаться нам на отдых, ни в одной избе не оказывалось мужчин. Видимо, они боялись попадаться на глаза добровольцам Анненкова.

Вскоре буран затих. Установилась ясная погода. Конвой приготовился было к выезду, но хозяйка, у которой мы остановились, упросила начальника конвоя задержаться. Наварив мяса и покормив всех, она проводила нас с почетом...

После бурана мороз стал еще злее. Снежная сухая пороша ослепительно сверкала. Мы двигались медленно — по тридцать-сорок верст за день.

Красный диск солнца разбрасывал вокруг искрящиеся золотые лучи. Пронизывающий до костей ветер дул навстречу, не давая дышать и смотреть вперед. Плевок замерзал на лету и падал на землю звенящей льдинкой.

Иней обжигал лицо и не таял, как обычно, а, оседая на бровях, особенно на усах, сразу же леденел.

Над вспотевшими от усталости людьми и над лошадьми клубился пар. С лошадиных ноздрей свешивались сосульки. Беспрестанно мы растирали снегом то одну шеку, то другую. Чтобы согреться, размахивали руками, приплясывали.

На ночлег остановились в поселке Кушоки в ста десяти верстах от Акмолинска. Это первый русский поселок, встретившийся нам на пути следования к Петропавловску.

Загнали нас в школу. В поселке конвоиры еще больше рассвирепели, видимо желая показать русским мужикам силу и власть атамана Анненкова. У жителей поселка конвой потребовал самогона.

В одном из классов школы разместились и наши конвоиры, а те, кто повыше чином, разбрелись по поселку в поисках выпивки.

Через некоторое время солдаты приволокли двух местных мужиков, браня их и тыча в ребра прикладами. Мужиков тут же раздели и начали пороть шомполами. Порка была, видать, привычным делом для атаманского отряда. Пересменваясь, отсчитывали: «Двадцать пять... пятьдесят...»

Заключенные тем временем подлечивали обмороженные места, а парикмахер Мартлого сбривал всем усы и бороды.

На рассвете мы покинули Кушоки. Январский мороз трещал, не сдавая. Сегодня мы шли лесом. Густой стеной окружили нас березы и сосны, и только изредка появлялись искрящиеся белые поляны.

На ночлег остановились в станице Макинке. Добрая половина ее жителей были казаки, поддерживающие Колчака.

Среди заключенных не прекращались разговоры о том, что в одну из таких вот остановок в казачьей станице начнут всех расстреливать.

Нас опять загнали в школу, и мы засуетились, чтобы приготовить себе пищу. Но тревожный шепот не умолкал.

Все уже приготовились спать, как вдруг ворвались конвоиры из атаманского отряда. Вид у них был зверский, даже папахи надвинуты как-то по-особому угрожающе. Раздалась команда:

— Матрос Авдеев, адвокат Трофимов, Кондратьева, Монин, все четверо быстро к начальнику!

Мы начали расспрашивать конвоиров:

— Зачем? Что с ними будет?

— На допрос!

После ухода товарищей ни у кого не было мысли об отдыхе. Все думали одно: «Это и есть начало расправы».

Но все обошлось благополучно, товарищей вскоре привели обратно. Мы набросились на них с вопросами: «Зачем водили? Куда водили?» А они сами толком ниче-

го не знали. Никакого допроса не было. Их вывели из школы, заперли в пустом темном сарае, а потом привели обратно.

На следующий день один из разговорчивых конвоиров разболтался, что всех четверых хотели расстрелять, но потом раздумали.

Оставив Макинку, мы двинулись дальше.

Мороз несколько ослабел. Идем через синеющий сосновый бор, проваливаясь в глубокий снег. За день прошли не более тридцати верст.

Уже в начале пути Абдулла не мог идти пешком. За ним свалился Жумабай. Теперь они не сходили с саней, мы с Бакеном шли пешком без отдыха.

Тяжела дорога по сугробам, но мы вынуждены терпеть, зная, что четверых в сани не посадят. Только изредка, выбившись из сил, подсаживался к товарищам Бакен, да и то ненадолго. Конвоир грубо приказывал слезать с саней. Проклиная конвоира, Бакен плелся пешком, сердясь на Абдуллу и Жумабая:

— Что у вас за болезнь?

Обессилев окончательно, Бакен стал упрашивать Жумабая хоть чуть-чуть пройтись пешком, чтобы дать ему возможность передохнуть в санях.

Я в сани не садился, зная, что если ослабею, завалюсь отдыхать, то неизвестно, что будет с моими товарищами, которые не могут идти пешком. Пришлось терпеливо переносить всю тяжесть пути.

Нижнее белье не высыхает от пота, верхняя одежда покрывается корочкой льда, и от этого становится еще тяжелее.

Кругом дремучий лес. Тесными рядами высятся березы и сосны.

Погода все время неустойчивая — то стоит тишина с трескучим морозом, то вдруг налетит буран. И нельзя ни на шаг отставать, нужно шагать и шагать...

И снова ночлег в школе, в казачьей станице Щучинской, в двухстах пятидесяти верстах от Акмолинска.

Нескольких заключенных, в том числе и Жумабая, конвоиры отправили за водой.

Напившись горячего чаю, мы немного согрелись, приободрились, повеселели, мало-помалу разговорились. Мартынов, рабочий-механик, продекламировал нам сти-

хи Надсона, посвященные революционерам. Читали стихи и другие товарищи, негромко пели.

Миновали Кокчетав и сделали остановку в поселке Азат. Здесь разместили нас в очень тесной избе, по обыкновению поставив у дверей часовых.

С тех пор как мы прибыли в окрестности Кокчетава, охраняли нас только смирные солдаты, а атамановские головорезы рыскали по поселкам в поисках самогона.

В полночь по соседству с комнатой, в которой нас разместили, послышались пьяные голоса спорящих, потом ругательства, матерщина.

Раздался выстрел. Слышно было, что дерущиеся гурьбой выкатились из комнаты, продолжая горланить у нашей двери. Кто-то начал ломиться к нам, выкрикивая:

— Пусти! Всех перестреляю!

Наш конвоир вышел за дверь и прикрикнул на разбушевавшегося:

— Чего тебе надо?

Но тот не унимался, орал благим матом за дверью:

— Отопри! Отопри, тебе говорят!

Наш часовой запер дверь, стал у порога и вынул саблю из ножен.

— Что случилось? В чем дело? — всполошились мы.

— Напились, собаки! Хотят сюда ворваться! — пояснил часовой.

— А что им здесь надо?

— Успокойтесь, сидите тихо! Я их не впущу сюда!

Через некоторое время стук в дверь прекратился, ругательства стихли.

На рассвете мы покинули поселок Азат. По дороге я спросил у нашего ночного караульного:

— Что там произошло ночью?

— Да эти дурни напились и хотели перестрелять вас!

...Навстречу нашему необычному каравану часто попадались путники — большинство казахи, не спеша двигавшиеся по долгой зимней дороге. Повстречался как-то одинокий всадник, казах на сивой лошади. Шея его была обмотана белым теплым шарфом из козьего пуха.

Конвоиры остановили его, и один из атаманцев, схватившись за шарф, чуть не задушил безропотного казаха. Стянув шарф, атаманец отпустил несчастного. А тот, не-

злобно пробормотав что-то вслед, затрусил дальше, словно обиженный щенок.

Неподалеку от нашей дороги в лощине показался казахский аул. Избенки, занесенные снегом, спрятались в сугробах, и только по торчавшим печным трубам, из которых клубился дымок, можно было определить человеческое жилье. Аульные собаки встретили нас на дороге лаем. Атаманцы открыли по ним стрельбу. Собаки помчались в аул, взобрались на крыши и испуганно выглядывали на наше шествие из-за труб.

Своей стрельбой атаманцы переполошили весь аул.

Бредем дальше. Встречаем возвращающихся из города путников, сани, нагруженные зерном, верблюдов, навьюченных тяжелыми мешками. Из заиндевевших тулупов смотрят на нас замерзшие, посиневшие лица. Еле двигаются несчастные, видно, что бредут из далеких бедных аулов.

Один из конвоиров-атаманцев неожиданно схватил ближнего казаха за шиворот и толкнул его в сугроб. Подумав, стащил с него барашковый малахай. Другой конвоир отобрал у второго казаха теплый шарф из козьего пуха. У остальных казахов брать было нечего, поэтому конвоиры просто ради потехи поколотили их и повалили в снег. Один из атаманских молодчиков, раздосадованный, что ему не удалось ничем поживиться, подскочил к навьюченному верблюду и саблей стал кромсать мешки с мукой. Мука высыпалась на снег...

А мы, безропотные, ничего не можем поделать, бредем все вперед и вперед.

После этого случая конвоиры-атаманцы, заметив издали караван верблюдов, начинали хвастать друг перед другом:

— Я могу перерубить три аркана с одного взмаха!

— А я четыре!

— Первым я буду рубить! — кричит один.

— Нет я! — спорит другой.

Через некоторое время, поравнявшись с путниками-казахами, головорезы набросились на несчастных. Засверкали сабли. Один за другим падают мешки с верблюдов, сыплется в снег мука, зерно... Все, что можно было стащить с путников: малахаи, шарфы, сапоги — все забрали бандиты.

Миновали Кокчетав. Позади остались густые леса,

и перед нами открылся степной простор. Белым морем раскинулась равнина. И кажется, нет ей конца и края, и только где-то вдали сливается с горизонтом это холодное, безграничное степное безмолвие.

Грустная картина предстает перед глазами тех, кто посмотрит со стороны на голую заснеженную степь и людей, медленно бредущих гуськом по узкой тропинке.

Вдали, то исчезая, то вновь появляясь, замаячили двумя точками всадники.

— Коля, сниму я вон тех чертей с одного выстрела. как ты думаешь?— окликнул один конвоир другого.

— Нет, не попадешь, далеко.

— Давай на спор!— не сдавался первый.

— Ладно, стреляй, если попадешь, так и быть, отдам тебе шарф! — согласился Коля.

Всадники приближались. И по посадке, по одежде издалека было заметно, что это казахи...

Атаманец присел на колено и прицелился. Раздался выстрел. Мимо!.. Снова выстрел. И снова мимо. Казахи повернули коней и, подгоняя их плетками, помчались обратно.

Но солдат не унимался и продолжал стрелять, целясь в них, пока всадники не ускакали. Их счастье, что конвоиры были пешими. Все конные бандиты, доехав до Кокчетава, оставили наш караван и уехали вперед.

Все происходящее было для нас непонятно. Когда встречались в Оренбурге атаман Дутов и аксакалы алаш-орды, то, здороваясь по казахскому обычаю, они обнимались. А атаманские солдаты, встречаясь в степи с казахами из аула, считают их мишенью. И стреляют отнюдь не так, как узбекские басмачи стреляли в Мустафу Чокаева, чтобы только попугать. Стреляют настоящими свинцовыми пулями.

Кто здесь прав? Кто виноват? Понять трудно. Аксакалы, начальство делают свое дело, а рядовые атаманцы, конвоиры, солдаты — делают свое.

Пока одни молодчики-белогвардейцы потешались здесь, в степи, над безоружными людьми, другие воители атамана Анненкова рука об руку с казахскими отрядами алаш-ордынцев боролись с большевиками в Семиречье, где-то за Семипалатинском.

В то время как белогвардейцы бесчинствовали в ау-

лах, издевались над мирными казахами на их же родной земле, аксакалы алаш-орды, заложив за губу очередную порцию насыбая из козлиного рога, подобострастно внимали Колчаку и господам офицерам, готовые выполнить любую их просьбу. В то время как атаманцы стреляли по безоружным казахам, казахские аксакалы вместе с атаманом Анненковым создавали в Семипалатинске «добровольное» воинство по борьбе с большевиками из сынков баев да темных обманутых казахов и опубликовали в газете «Сары-Арка» следующее:

«Приказ атамана Анненкова об образовании I-го казахского полка из числа храбрых жигитов, № 180, пункт 3. Приказываю капитану артиллерии Токтамышеву, прибывшему в мое распоряжение, создать доблестный казахский полк, в который в первую очередь должны войти казахи, владеющие русским языком, а также организовать офицерское училище.

Создание такого полка крайне необходимо для пополнения сил фронта. Да и пора исполнить горячее желание самоих казахов, потому что всем известно, как рвутся они на фронт, чтобы там, грудью защищая родную землю, показать храбрость в уничтожении врага. Они намерены разгромить большевиков в Джетысу.

Первый казахский полк организуется на принципах покорности, беспрекословного подчинения приказам, дисциплинированности. Выучка — по казачьему образцу.

Желательно, чтобы храбрые жигиты не уклонялись от службы, а аксакалы и мырзы в аулах не препятствовали им идти на битву».

«Сары-Арка» № 65

В этом же номере публиковались сведения о помощи войскам алаш-орды на фронтах.

«В прошлом номере нашей газеты сообщалось, что в помощь первому алаш-ордынскому полку начат денежный сбор с населения для отправки посылок казахам, воюющим на Джетысуйском фронте с большевиками»...

Был приведен перечень фамилий аксакалов и господ, избранных для этой миссии. Им выданы документы, на основании которых получены первые пожертвования:

1. Имашем Абдушукиром Жашикбековым, согласно удостоверению № 3, собрано...

2. Членом уездной земской управы Абдулхамитом Балтабаевым собрано... и т. д.

Всего собрано, включая и прежние сборы, 13 272 р. 50 коп.

В то время как одни подданные атамана Анненкова, казахи, обирали население в аулах, другие —«добровольцы» — разбойничали в степи и на дорогах.

Газета не скрывала фактов вымогательства со стороны бандитов и публиковала жалобы.

Вот некоторые из них:

«В декабре 1918 года поступило заявление от жителей аула Кентубек, Семипалатиского уезда, в котором говорилось, что начальник штаба отряда Анненкова Павлодарского уезда обложил аул налогом в 50 тысяч рублей. Налог он собрал и кроме того забрал 10 лошадей.

У Адильхана Жанузакова отобрали 10 тысяч рублей, мануфактуры на 6 тысяч рублей, одного коня-иноходца, одну шубу на волчьем меху, одну шубу на хорьковом меху, 3 стеганых одеяла и 5 пудов масла.

Прибыв за налогом в аул Адильхана Жанузакова вторично, помимо перечисленного отняли много одежды, кошмы, посуду.

У Алдонгара Найманбаева сборщики налога отняли 21 тысячу рублей, 3 лошадей, 2 верблюдов, сбрую, сани и кошмы в придачу.

Конфисковано у большевистской артельной лавки 600 рублей и 10 пачек спичек.

Мынбай Бекбауов вынужден был отдать шубу на лисьем меху, 10 фунтов развесного чая, один малахай.

Кроме того 20 ноября 1918 года от казахов Семипалатинского уезда Бескарагайской волости — Акбара и Беккера Байтеновых и от жен Байтена — Ажыран и Деляфруз — поступила жалоба, в которой говорилось, что 16 ноября на зимовку Байтена Алиева напали бандиты атамана Анненкова во главе с двумя офицерами — русским и китайцем — и в сопровождении еще пяти казаков Корсуской станицы.

При ограблении Байтен Алиев был застрелен русским офицером Пасиным.

Следствием установлено, что награблено на общую сумму 85 тысяч 384 рубля — 20 тысяч деньгами и на 65 тысяч 384 рубля увезено имущества.

К жалобе приложены — акт врача о вскрытии трупа Байтена Алиева и расписка главаря отряда в получении 20 тысяч деньгами от хозяина».

«Сары-Арка» № 65
1919 год

Злодеяния анненковских подлецов до глубины души возмущали русских товарищей. Они подходили к нам и выражали свое сочувствие.

Этап все ближе подходил к Петропавловску. По мере нашего приближения к городу поведение конвоиров несколько изменилось к лучшему, характер их как будто стал мягче.

Мой злосчастный родственник — жиен, никогда не подходил ко мне, и желания с ним разговаривать у меня не было.

Но однажды он заговорил с моим товарищем, намереваясь тем самым наладить отношения и со мной.

— Передайте Сакену, чтобы он на меня не обижался. Ведь солдатом у белогвардейцев я стал потому, что они обещали устроить меня учиться. Вот и приходится выполнять их волю. А если они не помогут мне насчет ученья, я сбегу. Так и скажите Сакену,— просил он товарища.

Я поверил признанию своего жиена, и мы с ним разговорились. Он попросил у меня совета, как ему поступить дальше.

— Ты же сам говорил, что хочешь учиться. Постарайся добиться своей цели. А если пошлют на войну, переходи к красным. Это самое лучшее,— советовал я.

Поначалу разговор у нас не клеился. Я ругал его:

— Зачем ты бросил школу в Акмолинске? Ради чего сделал такую глупость — в лютую стужу поплелся с заключенными в такую даль! Посмотри на себя — лицо обморожено. Сам грязный, чумазый! Неужели ты думаешь, что эти головорезы долго продержатся? А если завтра придут к власти красные, у кого будешь искать защиты?

Но мой жиен был твердо уверен, что расстанется с анненковцами в любом случае — либо уйдет учиться, либо сбежит.

— Что слышно нового о делах в России?— спросил я его.

Он тихонько шепнул:

— Красные наступают. Уже заняли Уфу и Оренбург.

— Да ну! Значит, скоро конец бандитам!

Теперь стало ясно, почему конвоиры стали мягче — красные близко.

Настроение у нас поднялось, тем более, что наконец-то восемнадцатидневный переход наш от Акмолинска до Петропавловска был завершен (5 января вышли, 23 пришли).

Погнали нас по главной улице Петропавловска. Конвоиры не спускали с заключенных глаз, держа оружие на изготовку.

Люди с любопытством разглядывали каждого из нас, останавливались и долго смотрели вслед.

Я и раньше бывал здесь, но теперь город показался мне гораздо больше. И людей прибавилось. В городе много военных — чехов. Одеты они по-своему, лучше белогвардейцев. Я сразу догадался, что это чехи по их надменной чеканной походке, по выправке.

«Так вот вы какие, собаки! Лучшие кони — для них, едят, наверное, не хуже господ, да и все городские красавицы из богатых и знатных семей, наверное, к их услугам»,— подумал я про себя.

Нас провели через весь город и на самой окраине загнали в лагерь, огороженный дощатым забором.

В ВАГОНАХ СМЕРТИ АТАМАНА АННЕНКОВА

Прежде чем рассказать о вагонах смерти и нашей участи, я хочу вкратце описать петропавловский лагерь, куда нас загнали. Он скорее был похож на хлев, наспех сколоченный из хилых досок. Во многих местах зияли щели, в которые дул ветер со снегом.

Из таких вот пяти-шести дощатых сооружений, которые здесь называют бараками, и состоял наш лагерь. В двух из них находились австрийские и немецкие военнопленные, захваченные в империалистическую войну, а в одном содержались красноармейцы, арестованные в дни падения советской власти в Акмолинской губернии.

Вот к ним-то в барак и загнали нас. Мы вошли внутрь беспорядочной гурьбой. Посредине на мерзлом земляном полу возвышались три-четыре скамейки. Отовсюду дуло. В бараке просторно, как в степи.

Нас встретили человек десять заключенных в серых рваных шинелях. Страшно было смотреть на их лица. Не люди, а живые скелеты без единой кровинки. Глаза ввалились, остекленело блестели. И двигались они еле-еле, словно лунатики или больные в бреду.

Здесь был Капылов, бывший командир отряда красногвардейцев, и с ним рядовой, с простреленной ногой, и два молодых татарина. Имен их я не запомнил. Бодрее и крепче других на вид был татарин из Петропавловска. От него мы, в основном, разузнали новости.

Вдруг в углу зашевелилось что-то серое... Сердце замерло... Мы вгляделись. Там на грязной подстилке умирал красногвардеец. Кожа да кости виднелись из-под

лохмотьев. Обмороженные пальцы ног почернели и отвалились. Он стонал... Он умирал, и ничем не могли ему помочь эти голодные изможденные люди, из которых только двое как-то еще бодрились — татарин да Капылов.

Мы слушали их рассказы, и волосы вставали дыбом. Пережитые нами мучения казались просто игрушкой. Да и кто не ужаснется, услышав о зверствах бандитов!

Красноармейцев загнали в этот холодный с промерзлым земляным полом барак. Их морили голодом, изредка бросая куски недопеченного ржаного хлеба. Истощенные, обмороженные, лежали они на голой земле. Большинство их погибло.

И вот перед нами десять уцелевших живых трупов. Глядя на это, испытываешь невероятную ненависть к двуногим зверям. Местью загораются сердца товарищей, пальцы сжимаются в кулаки, каменеют стиснутые челюсти.

Молодой татарин подробно рассказал о петропавловских большевиках, которые были растерзаны при падении советской власти.

Были зверски убиты руководитель отряда казахских рабочих, начальник уездной милиции и член петропавловского совдепа Исхак Кобеков, один из руководителей рабочих Гали Есмагамбетов, организатор и вдохновитель казахских рабочих, член совдепа Карим Сутюшев и матрос Зимин, который прибыл в Петропавловск из Акмолинска накануне переворота. Многое можно было бы написать об этой зверской расправе над мужественными борцами.

Даже с животными, которых убивают на мясо, с которых сдирают шкуру, мясник поступает мягче, чем беляки поступили с большевиками!

Грядущие поколения не должны забывать борцов за советскую власть!

...Все, что было у нас съестного, мы роздали этим десяти оставшимся в живых, поделились одеждой. От нашей заботы у них на щеках пробился слабый румянец.

Невозможно было спокойно смотреть на них со стороны, когда мы делились съестными припасами. Запавшие глаза остановились на еде, и, казалось, вот-вот выскочат из орбит. Дрожащими костлявыми пальцами хватали они куски и тут же торопливо запихивали их в

рот. Обмороженные щеки их сморщились, безжизненные глаза не могли оторваться от хлеба.

Вот до какого состояния довели людей «ученые» «деликатные» господа, превозносящие свою гуманность!..

Мы расположились прямо на земляном полу. За дверями стоят часовые. Вид у них самодовольный и бравый, словно вышли они победителями из тяжелого боя и теперь охраняют своих побежденных. Когда на пути к Петропавловску они услышали, что красные наступают, то испугались, приуныли, но теперь снова ожили, подняли головы.

За еду мы обычно принимались впятером. Я, Бакен, Абдулла, Жумабай, Баймагамбет (Жайнаков) всегда делились последним куском хлеба. Но сегодня нам пришлось туговато. Раздав запасы изможденным товарищам, мы сами остались голодными.

Нужно было как-то связаться с городом, закупить что-либо из продуктов. Абдулла передал моему жиену деньги, и тот после смены отправился в город. До позднего вечера сидели мы в ожидании и, не дождавшись, голодные легли спать.

Наступило утро. Словно мертвецы из могилы, поднимаемся мы с земляного ложа, голодные и простуженные.

Вскоре подошла долгожданная смена моего жиена. Он стал у двери, и Абдулла с Жумабаем пошли к нему узнать, купил ли он вчера нам продуктов. Мы наблюдали за разговором издалека. Вернулись товарищи возмущенные, с искаженными от злости лицами.

— Твой жиен не принес нам ничего! Да еще издевается, говорит, что никаких денег мы ему не давали!

Посмотрев еще раз с ненавистью в сторону часового, друзья попросили меня:

— Иди ты, скажи, чтобы хоть деньги вернул. Может быть, тебя уважит. Он с нами не разговаривает, смотрит как зверь.

— Я ему денег не давал, как же мне их требовать обратно?— ответил я.

Но они настаивали, и мне пришлось подойти к жиену:

— Почему ты отказываешься вернуть деньги? В чем дело?

— Они врут! Никаких денег я не брал. Разве я могу сделать подлость людям, среди которых находитесь вы? Они сами вас обманывают!..

Я так ничего и не добился от своего родственника. Голод и несправедливость разозлили нас еще больше. Сидели и молчали до вечера.

Перед заходом солнца за нами пришли солдаты, похожие на петухов с нашитыми на рукавах знаками отряда атамана Анненкова. Наскоро собрав нас, приказали свернуть постели и погнали неизвестно куда. В бараке остались только красноармейцы. Мы едва успели распрощаться с ними.

На улице метель. Холод пронизывает до костей. Нас повели не по центральной улице, а окольными путями по глубокому свежему снегу, без тропинок. Идем по сугробам, глубоко проваливаемся.

Добрались до вокзала. Люди смотрят на нас с любопытством и состраданием. Останавливаются, загораживают дорогу. Атамановы молодчики то и дело покрикивают:

—Прочь с дороги! Отходи подальше, в сторону!

Народ шарахается. Конвоиры окружили нас со всех сторон, держат оружие наготове. Вышли на перрон. На путях длинной вереницей стоит множество вагонов. Железнодорожные рельсы, словно змеи, расходятся в разные стороны. Нас остановили возле двух вагонов для перевозки скота.

Мы сняли с плеч пожитки, положили их на землю и сгрудились потеснее.

Один из старших конвоиров привел железнодорожного служащего. Тот открыл эти телячьи вагоны, обстоятельно осмотрел их и сказал:

— Разделитесь на две группы и располагайтесь!

Мы разделились по вагонам. В них неуютно, холодно, стены тонкие, в щели задувает ветер. Расселись мы на нарах, плотно прижались друг к другу. Посреди вагона чугунная печка. Окон нет. Единственное отверстие прикрыто снаружи ставнем. Со скрипом закрыли дверь на засов, поставили у вагонов часовых, а остальные молодчики из конвоя разошлись.

Настроение у нас подавленное. Вскоре опять появились солдаты.

— Получайте хлеб!

Выдали по две буханки хлеба нашему вагону и соседнему, разрешили сходить за кипятком. Вручив ведра, конвоиры предупреждают:

— Запомните раз и навсегда! Если кто вздумает бежать, получит пулю на месте!

Скоро принесли кипяток. Один из товарищей зажег огарок свечи. При ее слабом пламени мы пили «чай», стараясь хоть немного согреться.

От нашего дыхания железные шляпки гвоздей и болтов по стенам вагона покрылись инеем.

Семь месяцев отсидели мы в акмолинской тюрьме с июня 1818 года по январь 1919. Два месяца — в кандалах. И все это время терпели издевательства начальников и надзирателей, ждали смерти каждый день. Наконец 5 января 1919 года погнали нас в Петропавловск за 500 верст. Терпели и лютый мороз, и голод, и побои. Каждый думал, что в конце пути ждет его какая-то определенность. Это утешало.

После тринадцати дней[1] пути лагерь в Петропавловске.

А теперь загнали нас в темные холодные вагоны, и куда повезут — неизвестно. Когда же наступит конец нашим мучениям? Кому из нас суждено увидеть светлый день? Говорят, что повезут нас в Омск, там будет суд. Что за суд — никто не знает. Пусть будет любой, лишь бы скорее... Кое-как мы расстелили на нарах свои пожитки и легли спать.

Ночью наши вагоны долго гоняли по путям, видимо, не зная, к какому составу прицепить.

После восьмимесячного заточения мы впервые услышали шум людного вокзала, оглушающие паровозные гудки, свистки и голоса кондукторов. Эти звуки казались нам непривычными, новыми, как будто принадлежали какому-то другому миру. А мы сидим в темных холодных вагонах и чувствуем себя словно на том свете.

Наконец вагон прицепили к составу, и паровоз рванулся вперед, рассекая ночную мглу.

Куда повезли? Зачем?.. Вези, вези... Только скорее!

Вагон скрипит и раскачивается, колеса стучат на стыках рельсов.

Подъехали к Омску. Наши вагоны загнали в железнодорожный тупик.

Через щели проникали тончайшими золотыми нитями

---

[1] Здесь у автора ошибка, на самом деле восемнадцать дней, как сказано выше, т. е. с 5 по 23 января.

лучи солнца. Такой светлой зари мы не видели долго. Как будто перед нами засветилась надежда.

Перочинным ножом мы счистили иней со щелей между досками, и лучи солнца ринулись в вагон. Мы стали различать лица друг друга. Наши глаза давно привыкли к полумраку.

Голод давал о себе знать. Мы уговорили караульных проводить кого-нибудь из нас за кипятком. Попросили дров, затопили печь. В вагоне потеплело. Чугунная печка раскалилась докрасна. Промерзшие за дорогу арестанты заметно повеселели.

Принесли кипяток, получили хлеб. Паек теперь нам урезали. Если раньше хлеб выдавали раз в день, то теперь стали выдавать через день.

Сидим возле раскаленной печки, греемся, жуем хлеб, запивая кипятком.

От печного тепла иней на железных болтах начал таять, и по вагонным стенам словно потекли слезы. А на улице мороз, настоящий, сибирский. Издалека слышится звонкое похрустывание снега, скрежет колес, раздольные гудки паровоза.

К вечеру снова сходили за кипятком. Упросили караульных сходить в город и продать кое-что из наших мелких вещей. На выручку попросили купить нам хлеба, табака, бумаги, конвертов и марок. Просьбу они нашу выполнили и даже принесли сдачу.

Зашли как-то в вагон старшие конвоиры. Они сопровождали нас из Акмолинска. И по дороге выпрашивали у нас добротную и теплую одежду, охотились за сапогами, тымаками, бешметами. У одних успели выманить еще в пути, а другие обещали отдать по приезде в Омск. Вот они и пришли за обещанным.

Мне пришлось отдать новый лисий тымак, а взамен получить вязаную английскую ушанку. Теперь мое одеяние стало таким: английская шапка, казахский купи[1], под ним шерстяной бешмет с хорьковой подкладкой, затем тужурка из черного сукна с желтыми семинарскими пуговицами, штаны из овечьей шкуры, под ними русские шаровары, на ногах казахские сапоги.

---

[1] Купи — верхняя одежда с подкладкой из верблюжьего или овечьего тонкого руна.

Закончив обмен, мы спросили у конвоиров, что теперь с нами сделают дальше?

— А что могут сделать? Расследуют да отпустят,— беспечно ответила охрана.

— Опять в тюрьму загонят?

— Точно не знаем, но куда бы вас ни загнали, ждать осталось немного. Теперь расследуют быстро.

— Пусть загоняют и отправляют, куда хотят, но больше жить в этих вагонах невозможно!

Получив от нас желаемые вещи, начальник конвоя повеселел и решил нас успокоить:

— Ничего, крепитесь, все перемелется. Чего только не бывает в революцию!

Постояли немного и ушли, опять закрыв дверь на засов.

Мы уселись писать письма омским друзьям и знакомым. Жумабай написал родственнику, который учился в Омске. Я, Абдулла и Бакен от имени всех заключенных написали Жанайдару, тоже учившемуся здесь. Личное письмо я написал Мухану Айтпенову. Русские товарищи тоже писали, вспоминая адреса знакомых.

Чем занимались в это время заключенные в соседнем вагоне, мы не знали. Сообщения с ними не было. Только изредка удавалось перебросить несколькими словами, когда одновременно открывались двери у них и у нас.

— Как же мы теперь отправим свои письма? — начал прикидывать Трофимов.

— Надо еще раз попроситься за кипятком и по пути опустить их в почтовый ящик.

— А если конвоиры не согласятся?

— Ничего, теперь согласятся.

За кипятком от нас обычно ходил Катченко. Однажды он вернулся довольный, принес хлеба, бумаги, табак, конверты и сообщил:

— Сейчас, товарищи, я вам что-то интересное расскажу! Ну-ка, давай, выкладывай,— нетерпеливо потребовали мы.

— Зашли мы в лавку возле водогрейки,— рассказывал Катченко.— Хотели продать кольцо золотое или променять на еду. А лавочница как только услышала, кто мы такие, даже в лице изменилась. Нет, говорит, не нужно мне ваше кольцо, приберегите его на другой раз,

а сейчас берите продукты бесплатно. Но мы отдали ей кольцо насильно и дали еще денег. Она стала заворачивать продукты, упаковывать, а я шепотом спрашиваю: газетки нету? Нет, говорит, приходите еще, обязательно приготовлю.

Мы были очень довольны участием совершенно незнакомой женщины, решили и сегодня послать к ней Катченко, авось, ему удастся отправить письмо, зайти в лавку и взять газету.

Но как это сделать?

— Давайте попросимся за водой! — вскочил с места Шафран и принялся стучать в дверь.

— Чего вам? — откликнулся часовой...

Шафран начал доказывать, что именно сейчас мы крайне нуждаемся в воде.

— Хорошо, доложу старшему!..

Через некоторое время караульные открыли двери, взяли двоих наших, в том числе Катченко и еще одного заключенного из соседнего вагона.

С наступлением сумерек в вагоне стало совсем темно. Говорили шепотом. Со станции доносились голоса, гудки паровозов, лязг вагонов, от которых, казалось, содрогалась все земля. Слышались свистки и невнятные выкрики, какая-то команда железнодорожников.

Одним словом, за вагоном кипела не наша, а вольная, потусторонняя жизнь.

Печка быстро остыла, в вагоне моментально наступил холод. На железных частях быстро образовалось множество ледяных сосулек, опять забелел всюду мерзлый иней. В вагоне стало холоднее прежнего. Лежим измученные ледяным холодом этого невыносимого вагона.

В нашем вагоне Катченко, Монин, Павлов, Дризге, Кременской, его зять Юрашевич, Богомолов, Трофимов, Мартлого, другой Монин, я, Петрокеев, Абдулла, Бакен, Жумабай, Аненченко, Котов. Около двадцати других акмолинцев заперты в соседнем вагоне...

Вернулся Катченко.

— Письма отправил? Газету принес?

— Все в порядке. И письма отправил, и вот вам газета!— самодовольно улыбаясь, ответил Катченко, вынимая из кармана махорку, завернутую в газету.

— Кто будет читать? Кто хорошо читает? — загомо-

нили мы в предвкушении новостей: — Иван Павлович пусть прочтет!

Зажгли огарок свечи. Читать взялся адвокат Иван Павлович Трофимов — левый эсер. Мы слушали с напряженным вниманием. Газету издавало в Омске колчаковское правительство.

Можно было предположить, не читая, к чему призывала, о чем писала газета Колчака!

«...Большевики — злоумышленники, кровопийцы, подлецы, мародеры, всех до единого они убивают, кроме своих приверженцев...»

«На фронте наш доблестный полк в районе Стерлитамака заставил отступить краснозадых. Большевикам осталось жить не дольше окончания зимы».

«Совдепия в окружении. С каждым днем сжимается вокруг нее железное кольцо... Теперь подлецам некуда скрыться».

«Телеграфное агентство «Рейтер», радуя нас, сообщает, что Петербург взят генералом Юденичем»...

Короче говоря, таких «радостных» вестей было в колчаковской газете очень много. Но попадались в ней и другого характера сообщения. Например, такие: «По тактическим соображениям наши войска покинули город Уфу». И еще: «Наши войска снова окружают город Оренбург».

От таких вестей мы воспряли духом. Каждый стремился высказать свои соображения. Теперь мы твердо знали, что Уфа и Оренбург в руках большевиков. Снова растопили печку, и при свете ее каждый из нас попеременно читал газету. Делились мнениями до поздней ночи.

Вокруг, не умолкая, двигались поезда, шумел вокзал.

Когда перевалило за полночь, мы закутались потеплее и заснули. Темный вагон стал похож на кованый сундук, набитый безмолвными вещами.

С наступлением зари в вагоне чуть-чуть посветлело. В каждую щель дуло. Стены стали полосатыми от белого инея. У тех, кто спал у стены, попримерзла одежда.

Поднялись, стуча зубами от холода. Печку топить нечем. Долго ждали, пока наконец [illegible] конвоиры для очередной проверки.

На этот раз в вагон вошли вперемежку со старыми незнакомые нам новенькие солдаты. Они скопом втиснулись в вагон и с любопытством на нас уставились.

Пересчитав нас, прежний начальник конвоя передал каждого поименно своему преемнику, а тот в свою очередь пересчитывал нас и записывал фамилии. Затем они направились во второй вагон с той же целью, а потом в третий, где размещался старый конвой. Так нас передали в руки нового конвоя.

Новый конвой повел себя несколько иначе — открыли двери обоих вагонов и разрешили нам выйти на прогулку. Мы кое-как наскоро умылись, сходили за кипятком, за хлебом.

Новые караульные, совсем молодые ребята, показались нам подобрее прежних, хотя и они, судя по одежде, были из отряда атамана Анненкова. Большинство из них оказались учащимися, в отряд Анненкова вступили добровольно.

— А прежние конвоиры вернутся?— поинтересовались мы.

— Нет, теперь только мы будем охранять вас,— последовал ответ.

Потянулись дни за днями в унылом леденящем вагоне. Хлеб нам выдавали через день и не больше одного фунта на человека. Пока у нас были личные вещи, мы их продавали, на вырученные гроши покупали хлеб и делили поровну между собой. Выпросив у солдат дров, топили печку. Со стенок начинала капать вода, образуя на полу грязную лужу. Потом тепло улетучивалось, и лужа мгновенно замерзала. Затем снова оттаивала, снова капало со стен, и лужа становилась все больше, намерзая на полу толстой наледью. Наконец мы догадались просверлить в полу в двух местах дыры для стока талой воды.

Иногда днем погреться у теплой печи к нам заходили часовые. По нашей просьбе они оставляли дверь чуть-чуть приоткрытой, чтобы в вагон заглянуло солнце. Греясь у печки, молодой солдат волей-неволей должен был отвечать на наши вопросы, а мы в первую очередь старались заговорить о политике.

Однажды как бы между прочим я спросил:

— Какое сейчас в России правительство?

— Там, где разогнали большевиков, образовано народное правительство,— ответил часовой.

— А куда девались большевики?

— Большевики?.. В России!

— А что это за народное правительство? Республика?

— Временное правительство называется.

— А как же адмирал Колчак?

— Колчак — верховный правитель. Он временный. Но как только он разобьет большевиков, сразу будет созвано Всероссийское национальное собрание, и вот это самое собрание будет решать, какое должно быть у нас правительство.

Я долго беседовал с этим часовым. До службы он учился в Омском среднем сельскохозяйственном училище. В отряд Анненкова вступил добровольно.

— А что, по вашему мнению, лучше республика или царская власть?—спросил я.

— Конечно, республика! — ответил он.

— Сейчас верховный правитель — Колчак. Значит правительство — это его диктатура. А вдруг он завоюет всю Россию? Тогда какое будет правительство?

— Я говорю, тогда вопрос о правительстве будет решать национальное собрание.

— Ну и как вы думаете, что оно выберет?

— Какое правительство понравится национальному собранию, значит, тому и быть,— неуверенно отвечал солдат.

— Вы сейчас говорили, что там, где нет большевиков, образовано народное правительство. Но разве оно может быть народным, если управляет один Колчак?

— Со временем оно станет народным! Народ выступит на собрании и предложит свое!

— Все дело в том, что на собрание народ не попадет. Там не место для простых людей. В нем будут участвовать адмиралы, генералы, высшие офицеры, дворяне, интеллигенты, бан. Они будут защищать свои интересы. Им выгодно держать народ в узде,— решительно высказался я.

Товарищи, видя, что я слишком увлекся, начали мне подавать знаки, мол, остынь, успокойся.

Солдат призадумался, но продолжал настаивать на своем:

— Вы неправы. На собрании народ большинством голосов выберет своих представителей. Вот они и будут добиваться справедливости.

— Когда власть сосредоточена в руках одного чело-

века, никакое народное голосование не поможет,— резко заключил я.

Прошло несколько дней. Однажды через дверь мы услышали, как кто-то заговорил с часовым по-казахски. Мы приникли к щели и увидели молодого казаха в поношенном пальто и белой ушанке.

Часовой чуть-чуть приоткрыл дверь, и мы просунули головы. Жигит приветливо с нами поздоровался.

— Вы из Акмолинска? — спросил он.

— Да! А вы кто?

— Я родственник Жумабая Нуркина. Он с вами?

Жумабай ринулся к двери, растроганно приветствуя своего молодого родственника, который оказался Курмангалием Туяковым, учащимся омской школы. Оказалось, что он получил письмо Жумабая и пришел проведать его. Расспросив о нашем положении, он пообещал прийти завтра и ушел. Появление этого жигита приободрило нас, все-таки можно было рассчитывать на какую-то поддержку. На следующий день жигит принес нам чайник и четыре жестяных кружки, как мы просили.

О положении на фронтах Курмангали, к сожалению, знал не больше нашего. Но о событиях в Омске рассказал нам подробно. Говорил он просто и скромно, а часовой попался тихий и к тому же не понимал по-казахски.

— В декабре большевики, меньшевики и эсеры, объединившись, устроили против Колчака заговор. Началось все хорошо. Ночью заговорщики напали на тюрьму и освободили всех арестованных, в том числе Шаймердена Альжанова и Кольбая Тогусова. В первый день эти товарищи спрятались в доме муллы Кудери, а ночью отправились в степь. Но алаш-ордынцы пронюхали о побеге, бросились в погоню и на расстоянии двух дней езды в одном из аулов настигли их, схватили и привезли обратно в тюрьму. Тогусов умер, о Шаймердене мне ничего неизвестно...

— Вот какие преданные служаки алаш-ордынцы! — сказал кто-то из нас со злой иронией.— Наверно, Колчак в благодарность надел на их плечи дорогие чапаны за поимку двух крупных революционеров. Кто же эти доблестные граждане алаш, которые поймали Кольбая и Шаймердена? — поинтересовались мы.

Одним из граждан алаш оказался Қази Торсанов, родственник нашего Жумабая. Его отец Торсан, пройдоха и обжора, известный всему Петропавловскому уезду, прослужил двадцать пять лет волостным управителем, не раз получал грамоты от самого царя Николая. Сын его — Қази, пошел по стопам отца. Теперь он член акмолинского областного комитета алаш-орды. Было время, когда Қази, не поладив с губернскими алаш-ордынцами, совместно с Қольбаем Тогусовым и Шаймерденом Альжановым принял участие в создании партии «Уш жуз». Авантюрист по натуре, он пробыл в ней недолго и вскоре снова переметнулся к своим единомышленникам, стал достойным членом алаш. Итак, освободили арестованных из тюрьмы большевики и эсеры, а алаш-ордынцы приложили все старания, этобы вернуть своих соотечественников за решетку. Браво, бедняги!

Подробности этого немаловажного события нам удалось установить позже.

В декабре 1918 года, когда злодеяния колчаковцев перешли всякие границы, подпольный комитет большевиков принял решение поднять в городе мятеж.

Многие из солдат-новобранцев покидали отряды Колчака и переходили на сторону большевиков. К тому времени Колчак, не признав эсеров своими помощниками, начал их арестовывать и некоторых расстреливать. Эсеры также присоединились к большевикам. Совместно был составлен план захвата города. В первую очередь следовало занять вокзал, затем выпустить из тюрьмы заключенных, захватить телефон и телеграф. Предусматривалось окружить казачий конный полк в центре города и освободить из лагерей пленных красногвардейцев, венгеров, австрийцев, немцев. Таким образом, большевики решили за одну ночь свергнуть в городе власть Колчака.

В ночь на 22 декабря отряд большевиков освободил заключенных и обезоружил казачий конный полк. Но по нерадивости эсеров центральный телеграф остался в руках колчаковцев, они подняли всех на ноги, вызвали подкрепление.

Большевистских руководителей захватили врасплох, штаб арестовали. Разрозненные отряды мятежников не знали, что делать. Вместе с другими ждали указаний

штаба повстанцев и вынужденно бездействовали Жанайдар Садвокасов и Адилев (Динмухаммет).

Открылась беспорядочная стрельба. Поднялись по тревоге многочисленное колчаковское офицерье и жандармы. Город взбудоражен. Большевиков осталось немного. Рабочие железной дороги на стороне большевиков, но их тоже очень мало. Малочисленный отряд, отстреливаясь, отступил к вокзалу. Там, воздвигнув баррикаду, продержался до утра, потом отступил на станцию Куломзино.

Из омских казахов участвовал в мятеже с большевиками Жанайдар Садвокасов, живший в доме Айтпенова. Он поддерживал постоянную связь с известным омским писателем-революционером Березовским. Выполнял поручения большевиков и Динмухаммет, прятавшийся в то время от ареста.

На следующий день после подавления восстания Колчак издал приказ: «Укрыватели большевиков будут расстреляны без суда. Все освобожденные из тюрьмы беглецы должны добровольно явиться к властям».

Двенадцать эсеров, бежавших из тюрьмы, послушавшись приказа, сдались на милость колчаковцев.

В ту же ночь все они до одного были расстреляны.

Как я уже рассказывал, поймать беглецов Колчаку помогли алаш-ордынцы.

Жанайдара Садвокасова хотели отстранить от работы в земстве, обвинив его в том, что он подвозил большевикам патроны во время восстания. Рыцари алаш-орды бросились разыскивать Динмухаммета.

Мухан Айтпенов, у которого находился Жанайдар, прятал в своем доме большевика Новикова, бежавшего из тюрьмы.

Так по-разному вели себя казахи во время декабрьского восстания...

Но вернемся к нашим вагонам.

На следующий день Курмангали привел с собой Жанайдара. Радости нашей не было конца. Они принесли нам вдоволь хлеба с маслом. Наевшись, мы решили, что хлеб с маслом — божественная еда.

Русские товарищи с радостью приветствовали наших гостей, интересовались новостями. Но больше мы не встречались с Жанайдаром и Курмангалием, потому что наши вагоны загнали в глухой тупик. Здесь было со-

вершенно безлюдно, только изредка проходили мимо железнодорожники. Тяжело пыхтя, маневрировал по путям черный паровоз, то туда, то сюда, то медленно, то быстро, будто вороной молодой жеребенок тренировался перед байгой. Скоро паровоз подцепит вагоны и потащит их в дальний путь. Разные будут вагоны. В одних — тепло и уютно, на мягких сиденьях господа. В других — голодные измученные люди лежат на голых досках без куска хлеба с утра до ночи. В одних вагонах — рай, в других — ад, паровоз не печалится и не радуется, терпеливо тащит за собой вагоны радости и вагоны страдания. Эх, паровоз, паровоз, железная твоя душа!..

В нашем вагоне положение не меняется, по-прежнему то лед, то сырость и холодный ветер в щели. Не жизнь, а ад кромешный, и тюрьма нам теперь кажется раем.

Сколько раз в детстве нас пугали картинками ада примерно в таком духе:

— Если скажешь «холодно», то тебя бросают в огненную раскаленную печь. Огонь в ней такой, что сжигает человека на расстоянии целого дня езды... А если ты скажешь: «Ой, сгораю!», то тебя бросят в бескрайнее ледяное море. И если ты опять скажешь «холодно», то вернут тебя в прежнюю раскаленную печь...

Наши вагоны хуже ада, потому что в них, вдобавок к жаре и к холоду, еще темно и тесно. Уже трое наших заболели. Состояние Павлова с каждым днем ухудшается.

Попасть в омскую тюрьму теперь нам кажется пределом человеческих мечтаний. Черная беда все злее и глубже вонзает в нас свои кровавые когти.

Две недели прошло, как мы прибыли в Омск, но никакого просвета не видно в нашей судьбе.

Разными путями, то от случайного прохожего, то от той же лавочницы нам иногда удается раздобыть свежие колчаковские газеты. В них рассказывается об одном и том же. Но заметно, что приостановилось триумфальное шествие колчаковщины. Ни одной строчки о наступлении колчаковцев на фронте не найдешь. Между строк можно понять и то, что народ не сидит сложа руки. По всей Сибири: на Алтае, в окрестностях Иркутска,

по долине Енисея — всюду, где властвовал Колчак, прокатилась волна восстаний.

А мы сидели взаперти и ломали голову над тем, как раздобыть хоть полено для печки. Как-то раз мимо нас медленно пропыхтел паровоз. Мы попросили часового, чтобы он спросил дров у машиниста. Паровоз остановился.

Конвоиры высадили по двое заключенных из каждого вагона и повели их к машинисту. Вернулись они с охапками дров и второй раз пошли к паровозу уже поживее, порасторопнее. Паровоз продолжал стоять, видно, машинист попался добрый.

Несколько раз сбегали наши товарищи за дровами.

— Нам удалось поговорить с машинистом,— сообщил Шафран, как только вернулся к нам.— Мы объяснили, кто мы такие, за что сидим, а он ругнул белогвардейцев и говорит: «Крепитесь, товарищи, скоро придет конец этим собакам! Весь народ ненавидит их!»

Вот так понемногу узнавали мы новости то от случайного машиниста, то из газет, а иногда и часовой попадется такой, что не прочь поделиться очередной новостью.

Ободряет нас то, что народ распознал колчаковскую власть. Ждем лучших дней, терпим мучения, надеемся, что хуже не будет. Вагоны по-прежнему стоят в глухом безлюдном тупике. Мы писали товарищам, где нас искать, но от них ни слуху ни духу. С каждым днем становилось все труднее. Кончились вещи, которые разрешалось продать. Одежду не разрешали. Да и все равно продать ее некому. Неоткуда теперь пополнить наш скудный паек. Изголодавшиеся товарищи совсем ослабели.

Вскоре не стало с нами Павлова. Умер он спокойно, недолго мучился и только в последний день стонал. Мы как могли ухаживали за ним. Доблестный мужественный человек ушел от нас навеки. На душе стало еще тяжелее.

Дней через шестнадцать с момента нашего прибытия в Омск зашел в вагон в сопровождении десяти солдат молодой офицер — среднего роста с правильными чертами лица, светловолосый, в форме анненковца.

Достал бумагу, карандаш из изящной кожаной сумки, висящей на боку, и сказал:

— Я буду называть ваши фамилии, а вы откликайтесь.

Стоявшие поближе к нему старались заглянуть в бумагу, пока он проверял всех по списку.

— Сегодня вас отправляют. Все лишние вещи оставьте здесь! — приказал офицер.

— Куда отправляют?

— По приезде узнаете. А сейчас каждый пусть выложит свои вещи для проверки!

Офицер снова начал по одному вызывать, каждый из нас подходил и разворачивал свои вещи и постель. Он рассматривал и со словами «это лишнее» откладывал в сторону что поценнее. Отобрал несколько часов и обручальных колец. У меня забрал казахскую шубу, которая принадлежала Бакену, но носил ее я. Офицер знаком подзывал солдата, кивал ему подбородком, и тот откладывал отобранное отдельно.

Посещение офицера значительно нас «облегчило». На мне осталось две рубашки и семинарская тужурка. Поверх был поношенный казахский бешмет на истертой хорьковой подкладке. Хорошо, что офицер не стянул с меня штаны из бараньей шкуры, сапоги и английскую вязаную шапку.

Забрав все вещи, офицер ушел.

Мы начали гадать, в какую сторону отправят? Не то Шафран, не то Трофимов краем глаза успели прочесть в руках офицера предписание направить нас в распоряжение штаба какого-то степного корпуса.

— Что за степной корпус? Где он находится? К кому повезут — к Анненкову? Или в штаб атамана Семенова? К какому-нибудь другому генералу?

Все чувствовали, что дело принимает весьма серьезный оборот. Передадут в штаб, а там военно-полевой суд и расстрел. Других предположений нет.

Наступил вечер. Я выглянул через широкую щель посмотреть, что делается на станции. Сегодня облачно и день не очень холодный. Направо, на путях, что-то делают двое рабочих. Кроме них, никого. Как всегда слышится вокзальный гомон, пыхтение паровозов. Переговариваются сцепщики, кто-то спорит. Доносится лязг буферов. В безветрии медленно падают крупные снежинки.

Зажглись электрические лампочки. Стали видны то

там, то здесь красные и зеленые фонари. Путейцы звонко пересвистываются, сигналят друг другу огнями. С грохотом пронесся мимо нас поезд в сторону Сибири. Потом, сотрясая землю, с грохотом прошел мимо нас еще один состав и тоже в сторону Сибири.

Я долго и пристально наблюдал шумную вокзальную жизнь, совершенно не похожую на темные и суровые наши дни. Мне показалось, что жизнь по-настоящему я оценил только сегодня...

Подбрасывая полешки в печку, мы засиделись до глубокой ночи. Тяжело болен Дризге, тает с каждым часом. Смерть Павлова, состояние Дризге, неизвестность — все это действует угнетающе.

Одни лежа, другие сидя безмолвно наблюдают за угасающим пламенем печки. Стены вагона плачут. С улицы доносится завывание урагана.

В полночь послышались шаги. Они приблизились к нашему вагону. Часовой о чем-то спросил, и шаги удалились. Мы ко всему прислушиваемся.

Несколько минут спустя подогнали к нашим вагонам паровоз, прицепили и потянули на другое место. Все проснулись, вслушиваются. Вагон отцепили. Потом снова прицепили, перетаскивали несколько раз и наконец после долгого маневрирования мы оказались в составе какого-то поезда.

Мчится поезд, но мне не спится, я гляжу через щели во мглу.

Все окутано непроглядной ночной тьмой. Ураган со свистом слизывает снег с полей, кружит его и с силой обрушивает на вагоны.

Стучат колеса.

На рассвете на одной из остановок вывели всех на прогулку. Мы увидели, как из второго вагона вели под руки Хафиза, с одной стороны Баймагамбет, с другой — русский товарищ.

— Что случилось? Заболел? — бросились мы к ним.

— Тяжело ему было, всю ночь метался в горячке. Сейчас немного поправился, но не может еще прийти в себя,— еле слышно проговорил Баймагамбет.

Когда загоняли нас обратно, в наш вагон незаметно пробрался товарищ из второго вагона Панкратов и рассказал:

— Ночью, как только мы выехали из Омска, произо-

шел у нас необыкновенный случай. Все сидели молча, как всегда. Никто не обращал внимания на то, что Хафиз, скорчившись, отвернулся к стенке. Вдруг он приподнял голову и попросил у Баймагамбета перочинный нож. Тот не дал, сказав, что далеко спрятан, неохота доставать. Хафиз, ни слова не говоря, лег и опять отвернулся к стенке. Спустя некоторое время послышались из его угла стоны и бормотанье по-казахски. Баймагамбет рванулся к нему, приподнял и закричал: «Скорей сюда, он хочет убить себя!» Все вскочили, окружили Хафиза. Он хотел вскрыть себе вену гвоздем, но перерезал только мышцы на локте. Из раны текла кровь. Мы перевязали рану, успокоили его, приободрили, поругали за малодушие. Он лежал и плакал, потом как будто успокоился, и мы разошлись по местам. Вдруг он в бешенстве подскочил к двери и начал бить в нее ногами, страшно кричать. С трудом мы оттолкнули его, но он отчаянно вырывался, все угрожал кому-то, никого не хотел слушать, пока не потерял сознание. Долго метался в бреду и умолял: «Братья! Дайте умереть самому, а не от рук этих палачей! Я сломаю дверь! Кончилось мое терпение». Во время остановки он снова бросился к двери, с остервенением начал ругать караульных. Снаружи послышался голос часового. Открылась дверь, и появился офицер с конвоирами и заорал: «В чем дело?» Хафиз не унимался. Бранил офицера, Колчака и колчаковскую власть. Офицер побелел от бешенства и выхватил саблю. Мы начали успокаивать офицера, мол, Хафиз больной, простите его, он в бреду. Но Хафиз не отставал от офицера и начал его умолять: «Если ты человек, не пожалей пули, застрели меня»...

Офицер ушел, а Хафиза мы продолжали держать, он только на рассвете успокоился. Вот такие-то дела, друзья,— закончил свой рассказ Панкратов.

— А какие в вашем вагоне разговоры насчет нашей дальнейшей судьбы? — спросил кто-то.

— К атаману Семенову повезут или к атаману Анненкову, один конец. Наша песня спета...— Панкратов замолчал.

— К сожалению, так же и мы думаем,— с грустью признался кто-то.

— Да-а, не вытерпел бедняга Хафиз!..

А поезд мчится с грохотом через бескрайнюю бело-

снежную равнину, увозя нас на восток, в глубь Сибири. Метель не успокаивается. Из глубокого снега торчат березы, раскачиваются под ветром их верхушки, будто кланяются нам.

Положение в вагоне стало еще хуже, чем было в Омске. Хлеба стали выдавать по четверти фунта на каждого, да и воды не всегда вдоволь. Дрова мы выпрашиваем у машинистов встречных паровозов на остановках. Но чаще нам дают не дрова, а мелкий каменный уголь. Мелкой золой мы засыпаем пол, чтобы впитывалась вода. От тепла, кажется, и есть меньше хочется, будто огнем питаемся. Но скоро от жары одолевает жажда, приходится на остановках просить воды у конвоиров. А они не всегда выполняют нашу просьбу. Лица у всех черные от угольной пыли, глаза впали, не люди — а кожа да кости. Утром, когда выводят на оправку, мы торопливо умываемся снегом, лица от такого умывания становятся полосато-грязными.

Нары все пошли на топку. Остались только те доски, на которых лежат больные. А число их с каждым днем увеличивается... Особенно плохо чувствует себя Дризге. Голод мучил всех, но прежде всего мы старались хоть чуть-чуть накормить больных...

Время за полночь... У раскаленной докрасна печки остались сидеть четверо — Шафран, Катченко, Ананченко и Котов. Я подсел к ним.

— Если не умрем здесь, там все равно расстреляют,— произнес Шафран.

— Если бы они хотели судить нас, то оставили бы в омской тюрьме. Зачем везти в другое место? Ясно — прикончить!

— Надо бежать. Иного выхода нет. Тогда хоть кто-нибудь из нас останется жить,— продолжал Шафран.— Надо на ходу выпрыгивать из вагона.

Товарищи поддержали, а я промолчал.

— Но вагоны-то закрыты и инструментов нет, чтобы открыть,— заговорил Катченко.— Как прыгать? Голыми руками дверь не выломаешь. А часовые и на ходу следят. Если заметят одного, все погибнем.

— А если расширить дыру, в которую выходит печная труба? — сказал Котов.

Каждый предлагал свой план. Неожиданно Шафран встал.

— Проще выскочить в окно, только нужно открыть ставень,— уверенно проговорил он и подошел к окну.

Недолго повозившись, он открыл ставень и обернулся к нам. Мы застыли на местах, глядя на открывшийся ставень и на самого Шафрана — что он будет делать? Шафран осторожно высунул голову в окно посмотреть на вагон караульных. Раздался выстрел. Шафран моментально отдернул голову и поспешно закрыл ставень.

— Сукины сыны, следят. Целился прямо в голову, сволочь! — выругался он.— Даже ночью следят.

Прошла ночь. На одной из остановок удалось достать немного хлеба и воды, заморить «червячка».

День прошел как обычно. Вечерело. Все сидят около печки.

Вдруг Нестор Монин поднялся на нарах и закричал:

— Товарищи! Колчак сбежал! Только что проехал генерал Гайда!

Все оглянулись на него с изумлением. Куда сбежал Колчак? Где Гайда?

— Что ты там мелешь чепуху?

Имя Гайды, чехословацкого генерала, мы знали по газетам. Он командовал фронтом против армии Советов.

Мы уложили Монина на нары, поняли, что он тяжело заболел. Но Монин вскоре опять вскочил, закричал:

— Да здравствует Советская Социалистическая Федеративная республика!

...В вагоне душно. Руки, ноги словно скованы железом. От черной немой беды, охватившей все наше существо, не хочется шевелиться. Все кажется кошмарным сном... На полустанках наши вагоны отцепляют, прицепляют к другому поезду и снова тащат.

Во втором вагоне дела не лучше наших. Там умирает Хафиз, появились другие больные.

Навстречу нам стали часто попадаться поезда с новобранцами из крестьян. Плохо одетые, они кричат и галдят, будто пьяные. Доносятся пение, ругань, иногда слышатся слезливые причитания. Там, в вагонах, тоже неволя. Нас везут на восток — к смерти, их на запад — тоже к смерти. Черный ее приговор обжалованию не подлежит!..

Прибыли в Ново-Николаевск[1]. Вагоны наши отцепи-

[1] Ново-Николаевск — ныне Новосибирск.

ли и снова загнали в глухой тупик. Вывели на прогулку. Мы кое-как умылись снегом, от въевшегося угля лица стали полосато-черными, только глаза поблескивают и белеют зубы.

К вечеру увели шестерых за дровами. Мы попросили часовых оставить дверь открытой. Кто еще держался на ногах, столпились возле нее. Глазеем на прохожих.

Вскоре появился офицер — какой-то начальник наших конвоиров, с ним еще несколько военных, одетых с иголочки, с шиком — в начищенных сапогах со звенящими шпорами, на рукавах нашивки золотой тесьмой, вооружены шашками и револьверами. У одного из них — блондина высокого роста — на рукавах и фуражке нашивки с человеческим черепом.

— Есть среди вас оренбургские? — спросил один из пришельцев.

— Нет, мы все акмолинские,— последовал ответ.

— Кажется, совдеповцы? — спросил пухлощекий мальчишка-прапорщик.

— Да.

— Ишь, свободы захотели, сволочи! — ехидно заметил мальчишка.

Мы молчали. Офицеры вскоре ушли.

Из Ново-Николаевска нас повезли в Барнаул. Становилось ясным, везут нас в Семипалатинск к атаману Анненкову, в тот самый «штаб степного корпуса».

Поезд теперь шел медленно, с остановками. На разъездах подолгу ждали встречных поездов. Обессилев, мы уже не могли говорить. В вагонах воцарилось гробовое молчание.

Скончался товарищ Дризге. Он, как и Павлов, терпеливо и молча переносил страдания, умер спокойно. У Павлова осталась жена и четверо или пятеро детей. Он был в совдепе комиссаром финансов, стойкий, выдержанный, широко образованный человек. О Дризге мы знали мало. В Акмолинск он приехал из Омска и был у нас председателем ревтрибунала. Это был смелый, непоколебимый в убеждениях человек.

Мы сообщили часовым о смерти товарища. Конвой открыл двери. Приказали вынести труп. Оказалось, что к нашим вагонам был прицеплен еще один порожний вагон, специально предназначенный для покойников. Бывалые колчаковские убийцы оказались предусмотритель-

ными. Когда выносили тело товарища Дризге, мы сдавленными от гнева и скорби голосами медленно пели «Замучен тяжелой неволей...»

За Дризге последовал Монин. Он болел тяжело и мучительно боролся со смертью. Ярость тугим узлом стягивалась в нашей груди. Покойного отнесли в вагон, где нашел свое место Дризге. Когда выносили труп, Яков Монин — брат умершего, не выдержал, ухватился за покойного и начал всхлипывать как ребенок. Я первым на него напустился:

— Сейчас не время для слез! Встань! Он не только твой брат!

Яков понемногу успокоился.

Монин родился в Акмолинске, был солдатом, после свержения царя одним из первых поднял знамя Советов в Акмолинске и стал красным командиром. Он добросовестно работал вместе с Кривогузом. Был грамотным, смелым, боевым членом президиума нашего совдепа, комиссаром по делам контрибуций. В Акмолинске у него остались старики — отец с матерью — и молодая жена...

Проехали Барнаул. Купили там около фунта масла и хлеба, подкрепились. Но голодным и изможденным поможет ли такая пища? Лучший кусок мы отдавали больным. Свежую воду, которую доставали с перебоями, мы, несмотря на сильную жажду, тоже берегли для больных.

В нашем вагоне особенно тяжело болели матрос Авдеев и товарищ Мелокумов. В другом вагоне скончались двое — Мартынов и Пьянковский, оба акмолинские. Мартынов — рабочий Спасского завода, Пьянковский — горожанин, кузнец, поляк по национальности. Оба — члены совдепа. Пьянковский был комиссаром труда. У обоих в Акмолинске остались жены и дети. Перед смертью Пьянковский пел «Марсельезу». Поляк с лирической романтической душой, даже умирая, пел...

Когда проезжали Барнаулский уезд, наше положение заметно улучшилось, только по-прежнему омрачала настроение смерть товарищей.

«Батыры» атамана нарочно хотели заморить нас голодом, это было понятно по тому покойницкому вагону, который нам добавили. Не говоря о других продуктах, они даже хлеба для нас не запасли. Вдобавок на многих станциях совсем не оказывалось никакой еды. Изредка

можно было увидеть крестьянку с буханкой хлеба, а других продуктов совсем не было. Вся беда в том, что, во-первых, продуктов недостаточно у самих крестьян, а во-вторых, они ничего не хотели продавать на колчаковские деньги. Да к тому же местное население вообще страшилось колчаковцев.

На одном из полустанков наш состав задержался долго. Верстах в пяти от железной дороги виднелся поселок. Четыре конвоира где-то достали пару лошадей, запряженных в сани, взяли с собой по одному арестанту из каждого вагона и поехали в поселок... Вернулись с хлебом. Большую часть забрали себе, остальное разделили на два вагона.

Как было дело? Ворвавшись в поселок, атаманцы потребовали хлеба. «Сами сидим голодными»,— ответили крестьяне. Солдаты побывали в каждом доме, ни у кого хлеба не оказалось. Улучив момент, один из наших товарищей потихоньку шепнул крестьянину, для кого хлеб. Крестьянин с досадой заметил: «Почему ты об этом давеча не сказал, мы ведь не знали вас!» Положение сразу изменилось, крестьяне моментально натащили хлеба. Они усердно собирали все, что можно было, до последней крошки, пока солдаты атамана не сказали: «Хватит, некогда, поезд ждет».

На станциях Барнаулского уезда нашим товарищам, которые ходили за хлебом и табаком, иногда удавалось захватить газету на русском языке —«Алтайский луч». Ее материалы отличались от омских газет, держалась она более или менее против Колчака, видимо, ее издавали эсеры. Из этой газеты мы узнали немало новостей.

«...Президент Америки Вильсон для сохранения спокойствия в Европе созывает конференцию на Принцевых островах. На этой конференции будет обсуждаться вопрос о водворении мира в России. На конференцию приглашаются от России вместе с другими также представители большевистского правительства».

Газета сообщает, что Колчак якобы ответил: «Если будут приглашены представители большевиков, мы отказываемся от участия в конференции».

В газете писалось о том, что в России эсеры и меньшевики, договорившись с большевиками, намерены

объединиться и выступить против Колчака. По этому поводу руководитель эсеров Чернов выпустил воззвание: восстать всей Россией против Колчака! После объединения с эсерами и меньшевиками большевики согласились созвать учредительное собрание.

Это сообщение газеты приободрило наших товарищей, особенно левого эсера Трофимова.

— Ничего, Сейфуллин, теперь будет хорошо! Теперь будет хорошо!— несколько раз обрадованно сказал он.

По сведениям газеты, все рабочие железной дороги Сибири, все крестьяне и кооперативные объединения настроены против Колчака.

В достоверности этих сведений мы не раз убеждались сами.

— Теперь долго не протянешь, гад!— все чаще слышалось в нашем вагоне.

— Сообщалось, что в Алтайской губернии крестьяне подняли бунт против Колчака, но неудачно. Были силой подавлены. Руководители восставших скрылись в Алтайских горах.

В барнаулском губернском правлении кооперации колчаковцы произвели обыск и посадили в тюрьму руководителей правления. Колчак не раз запрещал алтайскую газету, не раз накладывал штрафы и привлекал к ответственности редактора.

Но запрещенная газета продолжала выходить под другим заголовком. Одно время ее называли «Зарей Алтая». Потом переименовали в «Новую зарю Алтая» и, наконец, она стала «Алтайским лучом». Все эти данные сообщала сама же газета.

Но когда мы стали приближаться к Семипалатинску, наше положение ухудшилось. Опять без хлеба, опять вода не каждый день.

Когда нас выводили, мы набирали снегу в мешок, в котором держали каменный уголь. Снег таял у печки, и мы пили эту грязную жижу. Но даже и снега конвойные солдаты не давали набрать побольше... Несколько дней подряд бушевал буран. Поезд подолгу стоял, как будто машинисты нарочно медлили, старались оттянуть час нашей смерти.

Авдеев плох. Он весь дрожит, едва встает на ноги. Как-то раз он хотел подойти к двери, но его схватила судорога, и матрос беспомощно остановился. Он раска-

чивался из стороны в сторону, хотя поезд стоял. Страшно было глядеть на него. Впрочем, любой из нас имел вид не лучше. Угольная пыль впиталась в поры, на лице видны только одни глаза. Пыль в ноздрях, в ушах, во рту.

Все ждут, чтобы привезли скорее, хоть куда. Но поезд не торопится. Разбушевавшийся буран не дает ходу. Мы изнемогаем, ждем. Самым выносливым среди нас оказался товарищ Катченко. По всем нуждам — за табаком, дровами, за водой и хлебом ходил всегда он, словом, Катченко был нашим старостой. Мужественный украинец, он с достоинством представлял свою нацию.

На одной из остановок стонущий Авдеев попросил:

— Катченко, достань стакан молока... Если достанешь, я не умру, жизнью тебя прошу!..

У Катченко на глаза навернулись слезы. Вместе с конвоиром он отправился на станцию и спустя полчаса появился со стаканом молока. Быстро вскипятили его на печке и подали Авдееву.

Мы все верили, что это молоко помогло Авдееву остаться живым. Не отходила от матроса товарищ Кондратьева, единственная женщина среди нас. Днем и ночью она ухаживала за больным.

Долго мы добирались от Барнаула до Семипалатинска. Иссохшим, бледным, окончательно «дошедшим», нам перестали выдавать воду. Не разрешали снега вдоволь набирать. Иногда раз, иногда два раза в день выводили на прогулку, во время которой второпях мы хватали куски льда и снега. Талую воду в первую очередь отдавали больным, а остаток, иногда по стакану, даже по полстакана делили между здоровыми. Человек терпит голод дольше, чем жажду. Только сейчас, в этом вагоне, я узнал, что вода — самое дорогое на свете. «Эх! Где же вы, журчащие горные ключи и ручьи, через которые я не раз шагал равнодушно?»— невольно думалось мне.

Прибыли в Семипалатинск на рассвете. Наши вагоны отцепили на товарной станции. Мы достали воды, напились, облегченно вздохнули. В двух верстах от нас виден город. Солнце взошло, нас вывели из вагона и не торопили, как обычно, а дали возможность умыться снегом.

Куда ни глянь, всюду толстый слой пушистого снега. Семипалатинск напоминает большой многолюдный поселок. День теплый. На небе ни облачка. Чистый белый

снег в лучах солнца переливается, играет. На товарной станции несколько казахов грузят на сани бараньи туши.

Начальник конвоя с двумя солдатами отправился в город. Оставшиеся конвоиры достали нам немного хлеба: Что ожидает нас в этом городе, неизвестно, но мы на все согласны, лишь бы избавиться от вагонов мученья.

Весь день мы с надеждой наблюдали за станцией и ждали новостей. Вечером к нам в вагон вошел офицер.

— Ну, поедем обратно. Сегодня вечером отправляемся,— сообщил он.

— Почему обратно?! Куда?!

Нашему удивлению, злости, возмущению не было конца.

— Приказано везти обратно. Больше ничего неизвестно,— ответил офицер.

И снова закрылись двери вагона. Зачем привезли сюда? Почему возвращают обратно? Куда еще повезут?

— Очевидно, в самом Семипалатинске положение плохое. Поэтому нас и не принимают. Теперь до самой смерти будут возить нас в этих вагонах,— рассуждали мы.— Они нарочно везли нас в Семипалатинск, чтобы заморить голодом по пути. А теперь, раз мы выдержали, повезут обратно, в глухую тюрьму Сибири.

Никто ничего не знал. Ночью выехали из Семипалатинска.

И опять долгие нудные остановки, вялый медленный перестук колес. Разыгрался буран, и поезд совсем остановился. Дорогу занесло снегом. Людей не слышно. Оказалось, что нас прицепили к товарному составу.

Двигаемся со скоростью лошадиного шага. Подолгу стоим. Проехали всего двадцать пять верст за день. Буран бушевал подряд три дня. Три дня мы не видели хлеба, а вода появлялась изредка...

Когда буран прекратился, поезд задержали заносы. Вот уже четвертый день нет хлеба, нет и воды. Голодные арестанты сидели взъерошенные, словно голодные львы. Огня в глазах стало меньше, зато ярости — больше.

— Нет уж, чем умирать по одному, пусть лучше перестреляют всех сразу! Надо стучать в дверь, просить хлеба и воды!,— предложил кто-то.

— Правильно!— подхватили разом.

На ближайшей остановке начали колотить ногами в дверь.

Конвойный с остервенением отозвался:

— Какого черта надо?

Мы потребовали хлеба и воды.

— Нет!— отрезал конвоир.

— Выпусти нас хоть за снегом!

Конвоир выругался. Мы снова стали бить ногами в дверь.

— Эй! Не стучите, начну стрелять!— предупредил конвойный.

— Стреляй!— закричали мы разом.— Или открой дверь и дай нам набрать снегу!

Пришел начальник конвоя, открыл дверь, разрешил набрать снега. Мы наполнили мешок и ведро. Нетерпеливый конвойный начал торопить нас. Товарищ Афанасьев сказал:

— Подождите, наберем и зайдем.

Солдат закричал на него. Разозленный Афанасьев не двинулся с места. Конвоир начал вызывать других солдат, сидящих в вагоне:

— Выходи! Они хотят бунтовать!—Повернувшись к нам, он крикнул:— Перестреляю всех!— и щелкнул затвором.

Афанасьев впился в него глазами.

— На, стреляй!— яростно крикнул он и стал перед солдатом. Тот не осмелился. Вышел начальник конвоя и уладил скандал.

Поезд тронулся, но вскоре опять остановился, и на этот раз конвоир сам открыл дверь и велел набрать снегу. Поезд простоял долго. Мимо нас несколько раз проходил паровоз. Машинист пристально разглядывал нас в открытые двери. Один из наших товарищей крикнул:

— Мы арестанты, большевики!.. Голодаем! Окажите помощь!..

Паровоз ушел и остановился в голове состава. Через некоторое время с него сошел человек в грязной черной тужурке и направился к нам. Подойдя к начальнику конвоя, он поговорил с ним и передал ему узелок.

Начальник конвоя принес узелок нам, в нем оказался хлеб.

— Вон тот человек передал, возьмите и разделите между собой!— сказал начальник, как будто мы и без него не знали, что делать.

Нашу радость невозможно было передать словами.

Мы радовались не столько хлебу, сколько тому, что вызвали у постороннего человека внимание к себе. Значит, он сочувствует нам, а не ненавидит нас, как все колчаковцы.

Заперли дверь, но скоро опять отперли, и конвоир сказал:

— Получайте хлеб!

Оказывается, тот же самый машинист пришел снова, держа под мышкой две буханки черного хлеба.

Высунув голову в двери, я долго глядел на него. Он два-три раза приветливо кивнул. Глаза его сочувственно блестели.

Назавтра прибыли в Барнаул.

Добившись разрешения начальника и собрав подходящую одежонку, Катченко отправился с конвоиром на вокзал. Вернулся с добычей — принес хлеба, колбасы, масла, табаку. Курильщики ринулись к табаку прежде, чем к еде. Я не раз удивлялся тому, что голодные изможденные люди дрожащими руками хватались не за масло и хлеб, а за папиросы, торопливо прикуривали, и после первой жадной затяжки на лбах у них выступали крупные капли пота. Они вдыхали весь дым в себя и, кажется, съедали его, не выпуская ничего обратно.

...По дороге от Барнаула до Ново-Николаевска умерли еще два товарища. Один из них — техник по мельницам Юрашевич (зять Кременского).

Мы не знали, куда теперь нас повезут из Ново-Николаевска. Но опасения рассеялись, когда мы поняли, что везут в Омск.

Опять загнали нас в один из глухих тупиков омского вокзала. Простояли там двое суток. На третий день товарищи, ходившие на вокзал за водой, рассказали:

— Какой-то хорошо одетый солидный гражданин встретил нас на вокзале, шел за нами до самого вагона. А потом повернул обратно.

— Наверно, простой обыватель,— заключили мы,— мало ли желающих посмотреть на арестантов.

— Нет, не может быть! Взгляд у него проницательный, он смотрел на нас по-особенному.

В полдень Катченко еще раз сходил за водой и, возвратившись, шепотом сообщил:

— Тот человек опять здесь! Вон там, за вагоном, посмотрите-ка!

Мы прильнули к щелям. Действительно, плотный человек выше среднего роста, блондин, прохаживался неподалеку то взад, то вперед как посторонний.

На следующий день возле наших вагонов появилась женщина с небольшим узлом в руках, простенько одетая. Двери вагона были открыты. Когда часовой стал запирать дверь на засов, нам под ноги неожиданно упал узел. Мы увидели, что женщина почти бегом удаляется от нас. Караульный солдат стоял и обалдело смотрел ей вслед. Мы быстро спрятали узелок. В нем оказались хлеб, колбаса и папиросы.

Тот, кто не бывал в таком же отчаянном положении, как наши, не поймет, что значила для нас даже самая маленькая помощь и поддержка!

На третий день мы наконец расстались с вагонами.

За свободу рабочего люда.
Мы окрасили кровью поля.
От орудий страшного гуда,
Содрогаясь, стонала земля.
Нас к земле беспощадно гнули,
Мы стремились упрямо ввысь.
От клинка, от полета пули
Целиком зависела жизнь.
Наши легкие дымом фабрик
Прокоптились уже давно.
От цепей вековечных рабьих
Сбита кожа у рук и ног.
Все познав — и нужду и беды,—
Мы дождались своей весны.
И не раз холод смерти изведав,
В жизнь мы дьявольски влюблены!
Те, кто злую мечту лелеял
Запугать нас,— в земле лежат.
...Кто еще угрожать нам смеет?
Каждый в нашей стране — солдат[1].

В ОМСКОМ ЛАГЕРЕ

Стоит конвой. Поблескивают сабли и штыки винтовок. Один пеший конвой, другой, только что прибывший из города, конный. Нас вывели из вагонов и выстроили в ряд. Начальник нового конвоя — такой же молодой офи-

[1] Из стихотворения С. Сейфуллина «Біз»—«Мы» в переводе А. Скворцова.

цер, как и начальник старого. Окантованные позументом погоны блестят на плечах. Серебром выложены ножны сабель с темляками на рукоятках. Шпоры позванивают при малейшем движении. Офицерики молодые. Они как борзые щенки в серебряных ошейниках. Мы уже хорошо изучили их. Это своевольные шалопаи и бездельники, которых некому одернуть — ни отцу, ни матери. Грязная ругань, бессмысленный дурацкий смех, рыкающие звериные голоса. Не раз они самодовольно баловались своими сабельками и плетьми. Не раз в пьяном виде угрожали нам оружием, орали, что расстреляют, и поливали нас грязной руганью. Не раз мучили, требуя на коленях молиться за царя. Меру человечности их наши товарищи узнали сполна...

Те, кто мог идти, выстроились в два ряда. Офицеры стоят рядом, переговариваются, поглядывают на нас.

— Два товарища из второго вагона не могут подняться,— послышалось из наших рядов.— Разрешите вынести их на руках?

— Выходи, кто покрепче!

Я и товарищ Панкратов вошли в вагон. На грязном полу в угольной пыли лежали двое. Один — товарищ Пьянковский[1], который был схвачен в Акмолинске по прибытии из Туркестана, другой — адвокат-максималист Смокотин. Оба молча смотрят на нас не в силах выговорить ни слова. Глаза их как замерзшие льдинки... У Пьянковского хватило сил надеть только один сапог, второй лежал рядом. Пристально смотрел он на меня остановившимися глазами.

— Ты не можешь надеть сапог?— спросил я.

Тихо застонав, он кивнул головой, попытался сесть и не смог, только взглядом показал в сторону сапога. Мы с Панкратовым вдвоем натянули сапог на распухшую ногу, подняли товарища и понесли к саням конвоиров.

Глядя, как мы выносили из вагона полуживых товарищей, начальник нового конвоя с усмешкой заметил:

— Оказывается, по пути у вас не было убытка?

Начальник старого конвоя на шутку ответил шуткой:

— Убытка не было... Стойкие, собаки. Только шестеро умерло.

---

[1] Однофамилец умершего члена нашего совдепа Пьянковского.

День был совсем теплый, приближалась весна! Я смотрел во все глаза, как будто впервые увидел окружающий меня солнечный светлый мир. При свете дня мои товарищи выглядят ужасно: высохли, побледнели, глаза ввалились. Лица и одежду покрывает слой черной пыли. Они похожи на выходцев с того света. И я себе кажусь каким-то потусторонним. Девять месяцев мы пробыли в клетке, в темноте, в голоде и холоде. Всего девять месяцев!.. Но невзгод, которых нам привелось хлебнуть, хватит и на девять лет! За девять месяцев мы потеряли всякую надежду увидеть мир и стряхнуть с себя угольную пыль. Все, кроме опоясанных ремнями с саблями на боку конвойных, кажется нам сказкой...

Нас погнали... Тех, кто валился с ног, усадили в сани.

С юго-запада тихо веял свежий ветерок. Снег возле железной дороги и перед домами начал набухать и таять. Как будто лик солнца далеко в небе потеплел и, обдавая наши сердца своим теплым дыханием, предвещает лето. Чувствуется, что подходит время таяния снегов. Щурясь на солнце, подставляю лицо мягкому легкому ветру. Смотрю, а сердце бьется все сильнее... Лев, притихший было в душе, зашевелился, предчувствуя свободу. Смотрю на товарищей, и кажется, что на их лицах, покрытых угольной грязью, появляется румянец. Все расправляют грудь, ненасытно, жадно глотают воздух. Наши изнуренные тела ожили, в запавших омертвевших глазах засветилась надежда. Все верят, что там, куда нас ведут, наверное, будет не хуже, чем в вагонах смерти. Мы неотрывно смотрим на беззаботно идущих по улицам людей, мы соскучились по человеческому облику. Сердцу сладко. В сердце оживают давно похороненные мысли и желания.

Конный конвой гонит нас, обнажив сабли. Мимо проходят и проезжают обыватели, с удивлением таращат глаза.

Вороной конь ближнего ко мне конвойного шагает, встряхивая гривой. Бока вороного лоснятся, как черный бархат. Я наслаждаюсь теплым днем, надеюсь на свободу, восхищаясь игривым вороным. Конвоир, увидев, что я любуюсь конем, усмехнулся: «Посидеть хочешь на лошади?..»

Нас загнали в лагерь, расположенный неподалеку от железной дороги. У вахты к нам вышел, бренча саблей,

плотный рыжеволосый молодой офицер, видимо, начальник лагеря, с четырьмя солдатами. Он принял нас и отпустил конвой.

В лагере, огороженном деревянным забором наподобие загона для скота, стоят сбитые из трухлявых досок десять длинных бараков. У закрытых ворот снаружи и изнутри стоят часовые. Лагерь похож на самостоятельное государство. Все десять бараков набиты арестованными. Двери бараков не запираются. Арестованные свободно ходят от барака к бараку.

Когда нас пригнали, весь лагерь вышел встречать.

Полный молодой офицер, который принял нас у конвоя, приказал своим помощникам разместить нас в пустых бараках.

Лагерь охраняли чехословаки.

Пока мы шли к своим баракам, все больше и больше заключенных выходило посмотреть на нас. Многие из них по виду мало чем отличались от нас, такие же изможденные, обносившиеся. Все сочувствуют нам и стараются показать свое участие. Когда мы признались, что голодны, заключенные разбежались по своим баракам и принесли хлеба. Усадили нас группами, принесли кипяток, угощают чаем. Впервые за долгие месяцы мы почеловечески умылись.

Заключенных в лагере полторы тысячи. Они согнаны сюда с разных сторон. Есть и русские, и татары, и немцы, и мадьяры (венгры), и корейцы. Они, как муравьи, копошатся в зоне лагеря, снуют туда-сюда. Внутри бараков грязные нары, темнота, вонь, мрак. Заключенные измождены, многие в лохмотьях. Каждый день кто-нибудь умирает. Но мы после вагонов чувствовали себя так, словно прибыли к себе, в свой аул. Наелись, приободрились, настроение у всех поднялось.

Венгр, которого здесь звали Хорват, среднего роста, круглолицый, чернявый, сразу пристал к нам, казахам, принес нам кое-что из съестного, долго беседовал с нами. По-русски он говорил не очень хорошо — спотыкался, но понимал все. Хорват рассказал, что был в конном отряде красных, участвовал в бою на одной из станций под Петропавловском. Там было истреблено несколько тысяч чехословаков, которые шли на Омск. Пока чехи не подавили малочисленный красный отряд своей численностью, он не отдавал станцию. Вот в этом сражении

и участвовал Хорват. С Хорватом вместе сражались и казахские жигиты, которые вступили в красный отряд в Омске. Этот отряд мужественно бился до последнего патрона.

— Ничего, товарищи! Ничего страшного. Победа наша. Мы их — вот так! — страстно проговорил Хорват и, схватив себя за горло, показал, как мы их уничтожим.

— Весь мир навалился на красных,— сказал я.— Конца-края не видать издевательствам.

Подошедший к Хорвату русоволосый парень, тоже венгр, посмотрел на меня.

— Не унывай, товарищ, красные придут. За царей мы воевали пять лет, а за пролетариат, если надо, будем воевать и пятнадцать лет... Во всем мире будет только наша власть.

В лагере мы встретились с Басовым, одним из руководителей атбасарского совдепа. Так как атбасарский совдеп был не очень активен, то белые засадили в лагерь только четверых, а остальных освободили. Большевиков в Атбасаре было немного...

Лагерники, оказывается, получали газеты. Мы жадно на них накинулись, хотя газеты колчаковские. Сообщалось, что в местах, занятых Колчаком, появились партизаны, что красные войска из России наступают и продвигаются вперед. С явной неохотой, но все-таки в газетах сообщалось о том, что оставлен такой-то город, такой-то населенный пункт. Прежде всего нас порадовало сообщение о росте партизанского движения, ведь партизаны действовали где-то неподалеку от нас.

Вскоре, присмотревшись, мы поняли, что в лагере половина заключенных больна. Ежедневно умирало по пять-десять человек. Многие почти раздеты. Зимние холода и голод довели их до крайнего истощения. Незадолго перед нашим прибытием заключенным начали давать более сносную еду. Но многие, подолгу голодавшие, уже не могли поправиться. В лагере началась эпидемия тифа. Около сорока наших товарищей через два дня после прибытия в лагерь тоже заболели. Сказались голод, холод и пережитые страдания. Многие начали опухать. Умер один, умер другой...

Только шестеро или семеро из нашего этапа не свалились от болезней. Все заболевшие лежали в двух отдельных бараках. Ухаживали за ними сами заключен-

ные. В одну дверь барака-лазарета каждый день вносили новых больных, а из другой ежедневно выносили покойников. Выздоравливали очень немногие. Если зайдешь в барак, где живут здоровые, можно увидеть, что некоторые, собравшись, читают газеты, беседуют, другие играют в засаленные карты или же в самодельные шашки. Есть и певцы. Но мало кто способен веселиться. Заключенные напоминают оглушенную рыбу. Они едва волочат ноги, качаются, как в полусне. Многие не поднимаются с нар целый день. Внутри каждого барака двухэтажные нары, сбитые кое-как, наспех. Барак не проветривается, сплошная грязь и вонь. Каждый день кого-нибудь уносят в лазарет. Мы очень скоро поняли, что и здесь, в лагере, преддверие ада. Особенно плохо ночью. Если проснешься, долго не можешь заснуть, только и слышишь тяжелый бред заключенных. Многие стонут во сне. Иные просыпаются в жутком страхе, порываются куда-то бежать, ищут чего-то, что-то бормочут и выкрикивают спросонья, мечутся и дико озираются вокруг. Ночная жизнь в бараке, как черная яма, в которой копошатся и стонут погруженные во мрак и ужас какие-то безликие тени.

В бараке для больных и того хуже. Стоит сплошной стон. Больные мечутся в жару, в предсмертной агонии. Видно, как с каждым мгновением угасает их жизнь. Одни в бреду ужасаются, другие чему-то радуются, невнятно бормочут о самом заветном, раскрывают тайну своей души... Заключенные в роли сиделок помогают обессилевшим напиться, приподняться, ухаживают как могут. У сиделок брови нахмурены, и по их лицам вряд ли может больной надеяться на выздоровление.

Единственная отрада в том, что в бараках не запирают двери.

Потянулись дни. Один похож на другой. Читаем русские и казахские газеты... Радуемся успехам красных. Нам удалось связаться с некоторыми товарищами, находящимися на свободе в Омске. Они, выхлопотав разрешение, начали приходить в лагерь на свидание. Приносили передачи Мукан, Жанайдар и Курмангали.

Однажды возле «столовой», где мы набирали кипяток, я увидел Зикирию Мукеева. Поздоровались, разговорились.

— Как ты здесь оказался?— спросил я.— Давно в лагере?

Зикирия, оказывается, в лагерь попал раньше нас, и его держали в карцере. Еще до нашего прибытия сюда Зикирия задумал бежать. Но часовые чехи поймали его. При допросе он прикинулся дурачком, но тем не менее беглеца запрятали в карцер и выпускали на прогулку очень редко.

Получив возможность видеться с вольными товарищами, мы услышали много новостей. Нас интересовало, что стало с казахами из отрядов красных и где большевики — члены совдепа. О судьбе немногочисленных революционеров-казахов из Петропавловска мы узнали в петропавловском лагере. Исхака Кобекова белые расстреляли в день переворота. Карима Сутюшева мусульманские баи Петропавловска забили до смерти. Гали Есмагамбетова тоже убили. Мукана Есмагамбетова, продержав три месяца в тюрьме, освободили. Остальные успели скрыться. Шаймердена Альжанова и Кольбая, освобожденных из тюрьмы в дни восстания, поймали алаш-ордынцы и передали в руки колчаковцев. Кольбая убили в тюрьме, а через некоторое время был расстрелян и Шаймерден Альжанов.

Как сложились судьбы казахов, вступивших в Омске в отряд Красной гвардии? Многие из них воевали в конном отряде. Командовали казахскими жигитами Мухаметкали Татимов, Шокеев, Жумабай Тольмебаев, Угар (Мукатай) Жанибеков, Зикирия Мукеев.

В начале июня 1918 года чехословаки из Петропавловска по железной дороге двинулись на Омск. В каждом вагоне по тридцать-сорок чехословацких солдат, вооруженных до зубов.

И винтовки, и пулеметы, и пушки, и маузеры, и бомбы, и сабли. Все прекрасно обучены военному делу. Красноармейцев, по тому времени, было довольно много, но все они были плохо обучены военному делу и вооружены чем попало. Мало было винтовок, и особенно плохо обстояло дело с патронами. Отдельные небольшие отряды красных, хотя и видели, что чехи сильны, но всячески мешали их продвижению, устраивали на дороге засады и всюду: в лесу, в степи, на железнодорожных станциях — смело бились с чехословаками.

Враг поливал пулями, как дождем. Красноармейцы

из своих засад вынуждены были отвечать лишь редкими выстрелами.

Два дня и две ночи сражались возле Марьяновки. Несколько раз красные отбивали врага и сами переходили в контратаки. В конце концов и патроны кончились, и бойцов осталось совсем мало. Превосходящий вооружением и числом враг победил. Взяв Марьяновку, чехословаки устремились на Омск. На станции Куломзино, непосредственно перед Омском, навстречу им вышли последние отряды красных. Многие рабочие и служащие впервые в жизни взяли в руки оружие, чтобы защитить город. Среди защитников было около двадцати пяти казахов. На станции Куломзино снова произошло кровавое побоище. Снова человеческая кровь лилась, как вода. Не осталось места, где не пролилась бы кровь. Но в конце концов красные вынуждены были отойти, враг захватил Куломзино и вступил в Омск. Из двадцати пяти казахов, сражавшихся в Куломзине, двадцать были убиты в бою, остальные захвачены в плен и зверски казнены — им отрубали головы, кромсали саблями на куски. Из попавших в плен жигитов остались в живых Зикирия Мукеев и Угар (Мукатай) Жанибеков. После боя казахи подобрали убитых. Но их головы были так изуродованы, что трудно, а порой невозможно было опознать трупы. Одного из павших в бою казахов приняли за Мухаметкали Татимова и похоронили с почестями. На родину Мухаметкали написали письмо. В Омск приехал старший брат Мухаметкали, служивший на Иртыше матросом, приехали друзья и устроили поминки по-казахски. Так окончилась, как все думали, жизнь одного из героев, вышедших из среды омских трудящихся казахов и ставших под знамя Советов...

Но потом выяснилось, что судьба Мухаметкали Татимова этим не завершилась. И о ней стоит рассказать подробнее нынешнему поколению.

То, что пережили Мухаметкали Татимов и Абдолла Асылбеков в 1919 году на войне, похоже на сказку. Один действовал на Урале, другой на востоке — почти рядом с Японией. То, что совершил Сабыр Шарипов и что пережил, тоже удивительно. О них я еще напишу отдельно, эти люди заслуживают большой поэмы. Здесь же кратко расскажу о том, как действовал Мухаметкали.

Оказывается, после боя с чехословаками Мухаметка-

ли остался в живых и вместе с жигитом Телимбаевым и сорока товарищами из красного отряда, отступая, добрался до города Ишима, который был занят белыми. Отряд неожиданно напал на беляков, освободил сидящих в тюрьме красноармейцев и большевиков и ушел дальше. С боями отряд продвигался на Екатеринбург. На станции Вагай Жумадиль Телимбаев был ранен, и его отправили в Вятку. В это время Мухаметкали вступил в отряд, который назывался «Омская дикая сотня». В этом отряде Мухаметкали воевал на Северном Урале

Во время празднования Октября он был на Кошувенском заводе. Сюда на празднование приезжали руководители из Москвы. Они собрали разрозненные красные отряды и организовали Первый путиловский кавалерийский полк. Мухаметкали командовал в этом полку взводом пулеметчиков.

Этот полк попал в окружение белых, но прорвал окружение и соединился с Красной Армией возле города Глазова. На этом участке полк воевал всю зиму. Вместе с ним на Северном Урале сражался с белыми так называемый «Полк красных орлов». По-казахски это не очень хорошо звучит, но по-русски — сильно. Об этих полках: о Первом путиловском стальном полке и о Полке красных орлов мы узнали в лагере из колчаковских газет.

В апреле 1919 года на Северный Урал приезжают руководители из центра. Сила Красной Армии увеличивается. Партия бросает клич: «Нас ждут стонущие под вражеским игом Сибирь и седой Урал».. Этот призыв поднимает боевой дух Красной Армии. Белых выбивают из Екатеринбурга. Мухаметкали — командир пулеметного взвода. К нему прибывает выздоровевший Телимбаев, и друзья продолжают биться с беляками всегда в первых рядах. После взятия Ишима и Ялуторовска Мухаметкали заболел тифом, и его отправили в Екатеринбург.

Уже после взятия Омска и бегства Колчака возле Барнаула Жумадиль попал в руки белых, и они зверски убили его.

Таковы были судьбы казахских революционеров из Омска. Угар (Мукатай), попавший в руки белых, бежал, снова был схвачен и снова бежал.

В великой борьбе, в исторических событиях того времени было немало подлинных героев, вышедших из нашего трудового класса. Об их героических делах я расскажу позже. Под знаменем революции через невероятные трудности прошел один из руководителей кокчетавского совдепа Сабыр Шарипов. Самоотверженно боролся за новую власть Досов — один из тех, кто среди учащихся Омска организовал Демократический совет и присоединился к большевикам. Таутан перед падением совдепа скрылся в своем ауле, в Кустанайском уезде, Только Жанайдар Садвокасов остался в Омске...

Услышав о том, что нас пригнали в омский лагерь, приехал из Петропавловска отец Жумабая Нуркина и привез нам много съестного.

Заключенные, потихоньку спросив разрешения у коменданта, выходили из лагеря с конвоирами, ходили по городу, заходили в лавки, к знакомым. Мы тем же путем сумели выбраться в город, побывали у отца Жумабая, повидались с Муханом и Жанайдаром.

Когда мы идем в город, нас сопровождают чехословацкие солдаты. Эти «герои» заметно присмирели, буйство уже прошло и чувствуется: они начинают сознавать, что натворили бед, хватили лишнего. С ними мы заговаривали открыто. Некоторые ругают своих офицеров, говоря, что дескать, все сделали они... Другие обвиняют советскую власть: «Нас не пускали домой, только поэтому мы начали воевать, подняли мятеж». Короче говоря, многие из чехословацких солдат начали относиться к нам сочувственно, называли нас «братьями». Когда сопровождали нас по городу, вели, куда угодно, но предупреждали:

— Брат, сам знай, если сбежишь, то меня расстреляют.

Мы выходили в город, не помышляя о побеге, хотя это можно было сделать. Нас останавливало то, что если мы сбежим, то оставшиеся в лагере товарищи будут расстреляны. Мы строили планы коллективного побега.

Приближалась весна, становилось теплее.

При очередном выходе в город мы с Жумабаем и Катченко раздобыли два документа, удостоверяющие личность. Один достал нам Жанайдар Садвокасов, другой — Курмангали Туяков. Этих документов было мало, и потому я сходил под конвоем к Жанайдару и взял у

него штемпель и печать открытого в 1917 году Демократического совета учащейся молодежи, раздобыл клей, острые перочинные ножи, химические карандаши, бумагу, перья, чернила.

В лагере мы осторожно срезали резиновую печать, кое-какие буквы переправили, опять наклеили, и у нас получилась печать педагогического совета. Но мы все тонкости не смогли предусмотреть, и если бы кто-нибудь догадался прочесть полностью оттиск нашей печати, то там значилось по-русски: «Педагогический совет учащихся».

Документ, который мне раздобыл Жанайдар на имя Дуйсембия Асиева, соответствовал моему возрасту.

Вот этот документ:

Свидетельство

Педагогический совет казахских учителей 1919 г., 25 марта № 112 (место печати)

Действительно выдано учащемуся Омской педагогической школы для взрослых Дуйсембию Асиеву, казаху из Слетинской волости Омского уезда 26 лет. Асиев находится на летних каникулах. Свидетельство подтверждаем, ставим печать и подпись.

Зам. пред. педсовета (подпись)
Секретарь (подпись)

На всякий случай я запасся и удостоверением от имени алаш-ордынского уездного комитета, подписанным председателем комитета Садвокасом Жантасовым.

Мы хорошо знали о существовании указа: «Бежавших заключенных при поимке расстреливать без суда и следствия». Но несмотря на это все здоровые решили бежать.

Жумабай намеревался бежать с отцом в аул. Остальные пойдут каждый своим путем, кому как удастся.

После того как потеплело и начал таять снег, накопившийся за зиму и слежавшийся между бараками, его начали вывозить за город пленные австрийцы. Мы договорились с ними насчет побега.

Вывозили снег обычно австрийцы, попавшие в плен в империалистическую войну. Насчет побега мы договорились с этими возчиками.

В тот день встали рано. Сердце бьется тревожно,

волнуется. С утра подмораживает. День сероватый. Оделись, умылись, напились чаю. Вскоре поднялись все заключенные и опять начали сновать между бараками и возиться, как муравьи. Мы беспрестанно выходим на улицу, высматриваем сани.

Наконец прибыли австрийцы.

Первым мы решили отправить Жумабая. Решительный момент приближался. План уже давно готов, обо всем переговорено. Мы молча поглядываем друг на друга... В глазах у каждого решимость идти на риск.

Между двух бараков, окружив сани, сгрудились заключенные с лопатами в руках. Чтобы часовые не заметили ничего подозрительного, все они делали вид, будто нагружают сани снегом.

Жумабай быстро лег в сани. Заключенные уже разрыхлили снег заранее и забросали им Жумабая. Сверху положили доску, на нее уселся австриец, и сани тронулись. Внимательно смотрим вслед... Сани благополучно проехали вахту. Чехи у ворот равнодушно посмотрели им вслед. Солдаты открыли ворота. Мы смотрим, сгорая от нетерпения...

Сани выбрались на свободу.

Мы с Абдуллой решили бежать завтра.

Я зашел в барак к больным Баймагамбету и Бакену, напоил их водой. Решил навестить Хафиза и Афанасьева, но Афанасьев уже умер. Умер и Смокотин...

Всю ночь я не мог заснуть... Всю ночь я мечтал. Побывал на родине. Увидел с детства родные степи и горы. Борясь с непогодой, я смело шагал по глубоким снегам, В родном ауле встретила меня мать. С тех пор как я помню себя, я никогда не обнимал и не целовал ее, а сегодня впервые обнял и поцеловал и как ребенок ластился к ней...

Побывал я в грезах и в других аулах, нашел партизанский отряд и вместе с ним сражался против белых мстил за гибель своих товарищей... Я побывал в Туркестане... Побывал в России. Я побывал всюду, не было на земле места, где бы я не был. Я гонялся за свободой!

Встал я раньше всех, начал выглядывать возчиков снега. Они все не едут. Вскипятил молоко больным. Бакен еле выпил его. Еле движется, еле смотрит. Бессильным голосом попросил меня:

— Дай-ка бумагу и карандаш...

Я выполнил его просьбу. Он попытался что-то написать, но не смог. На глаза его набежали слезы. Я сам еле удержался, чтобы не заплакать.

— Я напишу за тебя, говори.

Бакен покачал головой.

— Не надо.

Я долго сидел, погруженный в печальные думы. Вспомнились стихи Некрасова.

Внимая ужасам войны,
При каждой новой жертве боя
Мне жаль не друга, не жены,
Мне жаль не самого героя...
Увы! утешится жена,
И друга лучший друг забудет;
Но где-то есть душа одна —
Она до гроба помнить будет!
Средь лицемерных наших дел
И всякой пошлости, и прозы
Один я в мире подсмотрел
Святые, искренние слезы —
То слезы бедных матерей!
Им не забыть своих детей,
Погибших на кровавой ниве,
Как не поднять плакучей иве
Своих поникнувших ветвей...

Я мысленно попрощался с больными товарищами и вышел из барака.

Яркое солнце поднялось над лагерем.

Вижу у бараков австрийцев, сани, лошадей и своих товарищей с лопатами. Они плотно окружили сани...

Я быстро ложусь лицом вниз, вытягиваюсь. На меня падают тяжелые комья снега со льдом.

Товарищи быстро забросали меня грязным снегом вперемешку со льдом. Сверху положили доску и на доску сел человек... Он крикнул: «Но!». Сани тронулись. На мою шею, на плечи, на все тело еще сильнее навалилась тяжесть. Она мнет, расплющивает меня. Дышать становится все труднее, но я терплю. Со скрипом отворились широкие ворота лагеря. Сани выехали на свободу.

ПОСЛЕ ПОБЕГА

В пути на Павлодар

Не знаю, сколько времени ехали мы по тряской дороге. Капли растаявшего от дыхания снега стекали по моему лицу и шее. Наконец сани остановились. Слышу, как возница не спеша сошел с саней и перевернул их. Я вместе со снегом вывалился на землю. Возница шепотом предупредил: «Лежи, не шевелись!». Возница — пленный австрийский солдат — стал руками счищать с меня комья снега и всякое тряпье, приставшее к одежде, потом, оглядевшись, сел на снег, рядом со мной.

Место, где мы остановились, было свалкой нечистот на восточной окраине Омска, вблизи березовой рощи. Неподалеку жили бедные казахи. На расстоянии окрика изредка проезжали люди на санях, виднелись одинокие прохожие, не обращавшие на нас никакого внимания.

— Ну, а теперь куда тебе?— спросил меня пленный австриец.— Если хочешь в город, то садись, подвезу!

Как будто он случайно подобрал меня на городской свалке. Я забрался в сани, и солдат повез меня. Я недолго раздумывал над тем, к кому сейчас податься. Квартира Мухана находилась поблизости, в восточной части города. За квартал от дома сошел с саней и распрощался с пленным солдатом.

— Прощай, счастливый путь!— С этими словами австриец пожал мне руку и отправился своей дорогой.

Я свернул за угол.

Стоял теплый апрельский день. Таяло, звенела капель, вдоль улиц собирались говорливые ручейки. Пятнами темнели проталины. На мне тупоносые старые солдатские сапоги. Поверх короткой тужурки с пуговицами

семинариста я натянул старое казахское меховое полупальто с потертыми рукавами, испачканное в угле и саже. Мое одеяние завершали поношенная шапка-ушанка, шарф и грязная матерчатая опояска. Прежде, когда под конвоем нас выводили в город, я надевал шинель одного татарина-красноармейца и его солдатскую фуражку.

Вот и квартира Мухана. Открыла двери его жена. Поздоровавшись, пригласила:

— Проходи, пожалуйста!

— Пришел окончательно и бесповоротно,— заявил я.

Женщина сразу же поняла, что я сбежал, и тихо проговорила:

— Желаю всего наилучшего, дорогой! Проходи в заднюю комнату.

Я прошел в комнату дочерей Мухана. Дома не было ни Мухана, ни Жанайдара.

— Эта комната не для меня,— предостерегающе заметил я.— Если у вас есть сарай, лучше мне спрятаться там!

Женщина сказала настойчиво:

— Ты не думай, что сюда кто-то придет. А если и придет, то не посмеет зайти в комнату моей дочери!

Но я не мог успокоиться. Я себе ясно представлял, что если колчаковцы схватят меня в доме Мухана, то его семье несдобровать. А если поймают в сарае с незапертыми дверьми, то хозяева могут вывернуться, что они, мол, знать ничего не знали. Соблюдая полнейшую осторожность, я вышел из дому и пробрался в сарай. Там я разрыл кучу соломы, сделал себе подобие гнезда и прилег. День стоял теплый. С крыши сарая медленно капало на солому. Влажными запахами весны наполнен апрельский день. Все вокруг как будто ожило и повеселело от приближения весны. Гуси с звонким гоготом шлепали по лужам. Воробьи, словно дети, играющие в жмурки, с чириканьем носились вдогонку друг за другом. Возле сарая промычала корова. Как будто и она рада наступающему теплу...

Я незаметно вздремнул. Меня разбудил Жанайдар. После радостного приветствия затащил меня в дом.

Жена Мухана уже приготовила самовар, испекла на сливочном масле оладьи и ожидала нас.

— Родной мой Сакен, раздевайся и садись пить чай! Никто сюда не придет. А если кто и придет, ты пере-

ждешь в комнате моих дочерей!— опять захлопотала она.

Я умылся и присел к столу. Довольный благополучным побегом, я говорил о будущем, с удовольствием ел оладьи и пил душистый казахский чай, которого не было у нас на протяжении девяти месяцев.

Мне как-то не думалось, что есть на свете женщины умнее и храбрее мужчин. Я ошибался. Тетя Батима оказалась сильной духом, умной и спокойной женщиной. Конечно, в спокойной обстановке каждый может выглядеть сильным и умным. Но каким он будет в трудную минуту? Именно в трудную минуту тетушка Батима оказалась на высоте.

Поверьте мне, не всякий осмелится принять в свой дом человека, за которым рыщут по пятам колчаковские убийцы. Как не восхвалять такую женщину, как не уважать ее за силу духа!.. Мы долго сидели, мирно беседуя, я, Жанайдар, тетушка Батима и ее дочери. Я попросил одну из дочерей срезать с моего пиджака семинарские пуговицы и пришить обыкновенные, черные.

В полдень приехали к хозяйке знакомые из аула. Пришел сын Мухана, учащийся, с двумя своими товарищами. Один из них был Каскей Утекин. Пришел наконец и сам Мухан. За бесбармак сели все вместе... Но разве могут обойтись казахи без расспросов? Когда подошел черед говорить мне, я постарался не возбуждать подозрений. Приехавшие из аула, между прочим, выражали недовольство алаш-ордой, каким-то распоряжением и, видимо, приехали добиваться справедливости в каком-то спорном вопросе.

Вечером в комнате Жанайдара обсудили план моих дальнейших действий.

Разработали два варианта. Первый — из Омска на поезде добраться до Петропавловска. Там, на улице Торговой № 64, встретиться с Абдрахманом Байдильдиным. В случае его отсутствия двинуться на его родину, к озеру Таинча, расположенному южнее Петропавловска. По убеждению Жанайдара, Байдильдин в то время являлся верным нашим единомышленником. С его помощью я мог направиться далее в Кокчетавский уезд к фельдшеру Ниязову, затем встретиться с Досовым и через Атбасарский и Акмолинский уезды, через Голодную

степь переправиться в Туркестан, где уже установилась советская власть.

Второй вариант выглядел так: из Омска поездом добраться до Славгорода (по-казахски Шот), что в Алтайской губернии. Там зайти на квартиру к двум большевикам. С их помощью перебраться в Павлодар (Кереку), а оттуда в Баян-Аул. Там в горах, где располагаются поселения рода Суюндик, найти родственников отца. В Баян-Ауле встретиться с фельдшером Шайбаем Аймановым. Здесь можно повременить, отдохнуть, затем перебраться в Акмолинский уезд и опять через Голодную степь — в Туркестан.

Жанайдар написал письма Абдрахману Байдильдину, Абульхаиру Досову, Динмухаммету Адилеву.

Назавтра, взяв у Мухана денег на дорогу, я отправился в путь.

До вокзала меня довез Жанайдар на санях Мухана. Обошлось без происшествий. Здесь Жанайдар побежал узнать, когда отправляется поезд на Петропавловск, а я остался у саней, возле отцепленных вагонов, подальше от вокзала. Через некоторое время Жанайдар вернулся и сказал, что поезд отходит в десять часов. А сейчас было только восемь. Жанайдар сам пошел за билетами. Он хотел посадить меня в вагон и лишь потом уйти. На вокзале мог встретиться кто-либо из казахов-интеллигентов, знавших меня в лицо, потому что я учился в омской семинарии с 1913 по 1916 год. Все наши планы могли сразу же провалиться, если меня узнают казахи из олаш-орды. Поэтому, когда Жанайдар кинулся покупать билеты, я насильно удержал его. Могли заметить, что Жанайдар разговаривал со мной, и установить за ним слежку. Я убедил его, что нам пора расставаться, так будет лучше. Попрощавшись с товарищем, я незаметно вошел в здание вокзала.

На вокзале многолюдно. Слоняются, томятся пассажиры, которые вот уже несколько дней не могут купить билеты. Много деревенских мужиков и баб с котомками за плечами. Здесь же снуют торговцы, усталые и оборванные солдаты, голодные дети.

Я зашел в зал ожидания третьего класса, где было полно бедняцкого люда.

Вокзал просторный, с каменным полом. Я не спеша осмотрел публику — нет ли знакомых? Изменил свою

походку, попытался исказить лицо, чтобы не опознали. То и дело сновали взад-вперед солдаты Колчака, патрулирующие на станции. Офицерье вышагивает чинно и важно, сверкают погоны и шашки. Вокзал напоминает муравейник. Шум, гам, толкотня. Я подошел к старому солдату и мужику, которые с семьями расположились в углу между стульями. Чтобы завязать разговор, я спросил про поезд на Петропавловск. Окошечко кассы было еще закрыто. Я присел. Старый солдат рассказывал мужикам о германской войне, о России и наконец заговорил о большевиках. Мне он показался человеком бывалым.

О большевиках он рассказывал так, будто знал о них только один он, а мужики слышали это слово впервые.

— Большевики сильные, собаки. Все заводы и фабрики в их руках. У них винтовки всяких марок, пушки, пулеметы и тьма-тьмущая патронов и снарядов. Мануфактура, чай, хлеб, сахар — все в их руках. Все машины у них. Даже аэропланы есть, танки есть, бронемашины. Там вся Россия записалась в Красную Армию. Сейчас они захватили все земли до самого Урала. А вот на Сибирь не хотят идти...

— А почему же на Сибирь не идут?— нетерпеливо спросил мужик.

Солдат скупо пояснил:

— Нарочно не хотят! Они хитрый народ, знают, что сибиряки против большевиков и совдепа... Раз в Сибири свергли советскую власть, то пусть теперь на своей шкуре испытают, что им даст новая власть! Большевики ждут, когда сами сибиряки одумаются и поднимутся.

Слушавшая женщина покосилась на меня и толкнула солдата локтем, будь, дескать, поосторожнее.

Солдат глянул на меня и успокоенно махнул рукой:

— Да это свой человек, верно я говорю?

Я притворился ничего не понимающим, пожал плечами.

Увидев проходящих мимо офицеров-колчаковцев, солдат замолчал. Когда офицеры прошли, мужик снова обратился к солдату:

— Ты правду говоришь, что в России все записались в Красную Армию?

— Да, все рабочие и крестьяне, все, кто может держать винтовку, вступили в Красную Армию. А как же

иначе? Для своей пользы вступают. Неужели крестьяне без сопротивления отдадут землю, отобранную у помещиков? Рабочие тоже не отдадут заводов и фабрик. Вот почему все добровольно вступают в Красную Армию!..

Я, нарочито коверкая слова, с непонимающим видом спросил:

— Большевик сюда... идет?

— Обязательно придут! Но сейчас они нарочно выжидают. Хотят, чтобы Сибирь хорошенько узнала новую власть, какая она есть. С весны они должны двинуться сюда!— убежденно заключил солдат.

Я сокрушенно покачал головой и с глупым видом проговорил:

— Ой, плохо... плохо.

— Почему плохо? — спросил солдат.

— А как же! Большевики убивают!— сказал я.

— Что ты мелешь? Таких, как ты и я, бедняков, они не трогают. Потому что сами бедняки. Они берутся только за богачей. Поэтому богачи и распускают слухи, что большевики, мол, плохие — убийцы. Ты этим басням не верь,— посоветовал солдат.

Не показывая своего удовлетворения, я с сомнением покачал головой и повторил:

— Ох, плохо, если они придут...

В это время у окошка кассы начала выстраиваться очередь...

Я тоже занял очередь. Прижались один к другому и стоим, ждем. Наконец объявили, что поезда не будет. Очередь стала расходиться.

Я снова пробрался подальше в толпу, к мужикам.

Ко мне подошел рыжий мальчуган лет пятнадцати в заячьей шапке, в рваной одежде и обратился ко мне по-татарски. Я ответил ему, и мальчишка доверчиво присел около меня.

Чтобы не обращать на себя внимание, я лежал в углу. Татарчонок попросил у кого-то чайник, принес кипятку. Сбегал за хлебом, за молоком, и мы вместе перекусили.

Наступил вечер. Немного прогулявшись, я вернулся на свое место в углу и лег. Старый солдат и мужики куда-то ушли.

А мальчик-татарин не расставался со мной. Неожи-

данно в дверях, у входа и выхода, появились вооруженные солдаты. Они выстроились и объявили: «Всем оставаться на местах! Проверка документов!...»

Из строя вышли два молодых солдата, прошли на середину зала.

— Приготовить документы! Начинаем проверку!

Каждый, оставаясь на своем месте, начал доставать документы.

Я тоже, скрывая волнение, достал «документы».

Звеня шпорами, два молодых военных, особенно не задерживаясь, продвигались в нашу сторону. Мельком глянули на наши документы и пошли дальше...

Каждый занялся своими заботами. По-прежнему одни сидят в зале ожидания, другие выходят, третьи просто прохаживаются. Поезда нет, все томятся в ожидании.

На восток, в сторону Сибири, прошло несколько поездов, а в сторону Петропавловска — ни одного, и никто не знает почему.

Ночь прокоротали на вокзале. Рассвело. Пассажиры снова засуетились. Татарчонок опять выпросил у кого-то чайник, сбегал за кипятком, принес молока и хлеба. Мы позавтракали. То приляжем, то встанем. А поезда все нет. Ожидание утомляло. В полдень я вышел из вокзала. На привокзальной площади многолюдно, толпятся, толкают друг друга, словно льдины в пору весеннего половодья. Остерегаясь, что кто-нибудь в толпе может узнать меня, я решил вернуться в помещение вокзала. У входа встретился взглядом с рыжим щупленьким русским парнем в грязной солдатской шинели. Он шел мне навстречу. Я не успел свернуть в сторону.

— А-а, здорово! И ты здесь?— изумился парень, протягивая мне руку.

— Слава богу, здоров,— пролепетал я, проходя мимо.

Зашел внутрь вокзала и постарался смешаться с толпой. Но снова увидел этого щуплого парня. Глядя на меня с наивным детским выражением, он довольно рассмеялся и спросил:

— Ты давно из лагеря?

Я понял, что он знает меня по лагерю. Я спокойно, холодно посмотрел на него.

— Недавно вышел... Ну-ка, выйдем на улицу!— с этими словами я направился к выходу. Парень последо-

вал за мной. В безлюдном месте я остановился, спокойно спросил его:

— Ты тоже был в лагере?

— Конечно, разве не узнаешь? А я тебя узнал с первого взгляда. Ты же был в седьмом бараке, а я в восьмом.

— Тебя когда освободили?— спросил я.

— Пять дней прошло.

— А теперь куда едешь?

— К себе хочу, в Пермскую губернию... Жду поезда.

Не меняя выражения лица, я шепотом предупредил:

— Смотри, будь осторожен. У них есть привычка освобожденного снова ловить и возвращать. Здесь, на вокзале, есть люди, которые следят за нами. Ты никому не признавайся, что освободился из лагеря! И ко мне не подходи, понял?

Щупленький парень испугался.

— Ладно, ладно, ни слова!

— А теперь ступай!

После этого разговора мой знакомый больше не подходил ко мне.

У кассы в этот день, когда выстроилась очередь, мимо меня прошли два молодых казаха. Одного из них я видел на квартире, где жил отец Жумабая, когда мы ходили к нему под конвоем.

Долгоногий и краснощекий, он был одет по-купечески, а второго — низкого смуглолицего, я никогда прежде не видел. Они прошли мимо меня раза три. Посмотрели на меня, но, видимо, не узнали, так как мое одеяние было не похоже на прежнее. Некоторое время спустя они снова появились возле меня. Я нарочно несколько присутулился.

— Ты в какую сторону путь держишь?— спросил меня один из них.

— В Петропавловск.

— Купи нам два билета до Петропавловска, не хочется становиться в очередь!

— Ладно, а где вас найти?— спросил я.

— В зале первого класса. Деньги дадим, когда начнут продавать билеты.

— Хорошо.

Полный казах, одетый по-купечески, пристально посмотрел на меня.

— Из каких ты мест, жигит?

— Здешний, из Омска.

— Из города или из аула?

— Городской...

Казахи вообще любопытны, падки на знакомства.

— Если ты городской, то чей ты сын?

— Я довожусь родственником борца Хаджимухана,— соврал я.

Полный казах, оказывается, Хаджимухана знал, а меня нет.

Немного помедлив, он усомнился:

— Тебя здесь я почему-то не видел... В Петропавловск по делу едешь?

— Да так... по мелочам...

— А к кому едешь?— назойливо пристали они.

— К знакомому по имени Садык!

Все тот же полный казах с еще большим интересом начал расспрашивать о мулле Садыке. Его спутник счел своим долгом проявить чуткость и начал читать мне назидание:

— Ты, кажется, наивный, кроткий малый!— проговорил он.— Смотри, не упусти очередь.

— Постараюсь.

Они направились в зал ожидания первого класса.

И в тот день не было поезда на Петропавловск. Я терпел. Чем дольше я оставался на вокзале, тем большей опасности подвергался.

Поневоле пришлось отменить поездку в Петропавловск. Я надумал ехать в Славгород, в Алтайскую губернию.

Под вечер подошел поезд со стороны Петропавловска — на восток. Пассажиры с шумом высыпали на перрон. Стало многолюдно. Неожиданно ко мне подошел одетый по-аульному молодой казах.

— Нужен билет?— спросил он.

— Какой билет?— в недоумении спросил я.

Жигит объяснил, что в Омск без служебных причин билеты не продают, поэтому он был вынужден обманно взять билет до станции Татарки. А ему нужно только до Омска, вот он и решил продать свой билет!..

Я быстро прикинул. Чтобы попасть из Омска в Слав-

город, надо сойти на станции Татарка и пересесть на поезд Кулундинской железной дороги.

Я купил билет у этого казаха. Поезд был товаро-пассажирский. В билете место не указано. В один из неосвещенных красных вагонов пассажиры лезли с криками, толкая друг друга.

Я тоже влез и подсадил плачущую старуху. В темноте нащупал лежавшую поперек доску и улегся на нее. Около меня толкались пассажиры. Через некоторое время раздался звонок отправления. Рывком качнуло, и поезд с грохотом тронулся.

«Наконец-то»,— вздохнул я во всю грудь. Мерцая во мгле огнями, Омск поплыл назад... Пыхтя и громыхая, поезд помчался вперед. Среди пассажиров многие оказались солдатами Колчака, возвращавшимися с фронта. Все сбились в неосвещенном вагоне. Разговор шел, в основном, о борьбе с большевиками. В темноте никто никого не видел. Один говорил басом, второй тонким голоском, третий со злобой в голосе, четвертый спокойно. В темном вагоне началась перепалка, в которую и я сгоряча ввязался. Постепенно многоголосый говор стал затихать, и сон одолел людей.

На следующий день к полудню поезд прибыл в Татарку. Я первым вышел из вагона и увидел на перроне двух молодых татар, тоже сошедших с поезда. Оба не спеша направились в сторону города. По виду это были учителя. Я догнал их и поздоровался. Они остановились, спросили, куда я держу путь.

— Я из Омска, еду в Славгород,— ответил я.

— В таком случае нам попутчик! Мы тоже едем почти до самого Славгорода.

— Прекрасно, я очень рад быть вашим спутником!

Один из них спросил, как меня зовут.

— Дуйсемби,— ответил я.

— Давай-ка сходим в какую-нибудь столовую, попьем чаю!

Мы попили чаю в одной неприглядной столовой на окраине города, затем осмотрели магазины. Одного из моих спутников звали Хабибулла, другого Хамза. Оба они учителя из города Шадринска.

— Попали в эти края по торговым делам,— утверждали они.

В руках одного из моих спутников был легкий че-

моданчик, который он не выпускал ни на минуту. В магазине тканей, пока мои спутники узнавали цены, я увидел на прилавке свежий номер русской газеты и обратил внимание на телеграфное сообщение, набранное крупными буквами на первой странице:

«...В Венгрии установлена советская власть. Создан Совет Народных Комиссаров. Рабочий класс Венгрии телеграфирует в Москву, что Ленин — вождь международного пролетариата».

Я перечитал текст телеграммы несколько раз. Радость не вмещалась в моей груди, но я не выдал ее своим товарищам-татарам.

Вернулись на вокзал. Поезд в Славгород отправлялся вечером. На вокзале и привокзальной площади толпятся солдаты, конные и пешие. По форме нетрудно узнать чехословаков. Одеты они с иголочки, во все новое, шинели из добротного сукна, лица сытые, лоснятся, словно смазанные жиром. В тупике виднелся бронепоезд. Расспросив прохожих, мы узнали, что день-два тому назад большевистский отряд сделал налет на Татарку и чуть не захватил город. Перестрелка всполошила чехословаков. Город находился на военном положении, поэтому у всех отъезжающих из Татарки проверялись удостоверения личности и билеты. В кассе при покупке билетов также проверяли документы. Видя это, мы все трое смекнули, что билетов на поезд от Татарки до Славгорода нам не получить.

Оба татарина забеспокоились, что к ним могут проявить недоверие как к сомнительным, нездешним торгашам. Я же беспокоился, что мне просто не достанется билета.

И мы решили: дойти пешком до первой станции в сторону Славгорода, где не проверяют документов при продаже билетов.

Отправились пешком по кулундинской дороге. День выдался теплый. Снег подтаивал, слегка прилипал к подошвам.

К вечеру были уже на соседней станции. Порасспросили. Поезд из Татарки приходит в сумерках, документы не проверяли. Мы зашли в будку железнодорожника и напились чаю. Вечером взяли билеты и заняли места в товарном вагоне, который должны были прицепить к

составу. Темно, места не обозначены, вкруговую сплошные нары. Пассажиров набилось до отказа.

Поздним вечером нас прицепили к поезду, и мы поехали в сторону Славгорода.

Утром, проснувшись, я долго не поднимался.

В вагоне светло от взошедшего солнца. Люди теснятся, словно сельди в бочке. Не поднимая головы, я тайком огляделся, нет ли знакомых.

Втроем мы купили съестного, набрали кипятку и сели завтракать. Люди сначала вполголоса, а затем громче и громче заговорили, перебивая друг друга. В вагоне почти все русские, простые деревенские мужики. Кроме них ехали два черномазых, круглолицых казашонка, возвращались с учебы. Выделялись трое хорошо одетых мужчин — они оказались фельдшерами.

На одной из станций я купил на базаре пирожки с творогом и принес их своим попутчикам-татарам. Они отказались:

— Дуйсемби, мы только что поели, зачем ты это принес?

Я настойчиво начал их угощать. Сидевший неподалеку фельдшер обратился ко мне.

— Кто торгует пирожками?

— Простые бабы.

Фельдшер с улыбкой покачал головой, с видом мудреца предупредил:

— Не надо их есть, живот будет болеть!

Я на ломаном русском языке ответил:

— Пусть болит!

Фельдшер засмеялся и, пытаясь пояснить мне, стал пальцем указывать на свой живот:

— Вот это будет болеть: не ешь, плохо!

Сидевшие вокруг от нечего делать уставились на нас. Я махнул рукой на предупреждение фельдшера и начал совать в рот пирожки с творогом, приговаривая:

— Если заболит живот, смерть, что ли, будет? Нам, что смерть, что ходить живыми, все равно!

Фельдшер удивился.

— Почему все равно?

— А что нам жалеть? Посмотрите на меня... На мою одежду... Мне все равно, я не боюсь смерти. А вот ты не умирай! Тебе нужно жить. Вид у тебя хороший, одеж-

да хорошая. Вон какие имеешь золотые часы. Умрешь — пропадут. А я не боюсь смерти!

— А почему ты не боишься смерти?— допытывался фельдшер.

— А чего мне ее бояться? Я вырос в подземелье. Если умру, снова попаду туда же. А если бы я не хотел умереть, что бы ты сделал, как мне помог? Всех в конце концов поглотит черная земля!

И мы с фельдшером вступили в спор. Я нарочито грубым языком доказывал фельдшеру его ошибки. Окружающие, посмеиваясь, внимательно нас слушали. Несколько мужиков кольцом окружили нас. Большинство было на моей стороне.

В конце концов фельдшер признал себя побежденным и спросил в упор:

— Ты все же кем будешь?

Я немного растерялся, но не подал вида и ответил:

— Казах я!

Подошел другой фельдшер, смеясь, протянул мне руку и крепко пожал:

— Молодец, хорошо!

Мои татары удивленно глазели на меня и стали мною интересоваться, как будто впервые увидели.

— Дуйсемби, прекрасно! Откуда у тебя столько неожиданных мыслей? Ты словно ученый говорил. У тебя какое образование?

— Небольшое. В Омске две зимы ходил в вечернюю школу для взрослых. Кое-что мне запомнилось со слов учителей. Сами подумайте, откуда я могу что-то знать?

— Нет, ты говоришь нам неправду. Ты не из недоучек,— заключил один из татар.

Второй поддержал:

— Да, да, вид у тебя как у образованного человека.

Потом мы завели разговор о политике. Я внимательно слушал, интересно было узнать подробности жизни татар и башкир.

— А кто сейчас вами управляет, какая власть?— спросил я.

— Сейчас у татар и башкир своя власть. Большевики дали нам автономию!

Притворившись совсем отсталым, я поинтересовался:

— Неужели отдельно от русских? Сами по себе установили ханство?

Оба взглянули на меня с усмешкой.

— Нет, когда автономия, то ханства не бывает. По-русски говоря, образовалась республика,— пояснили они

— Откуда мне знать? Я подумал, что у вас, как у казахов.

— А разве у казахов есть хан?

— Есть. По имени Букейхан,— ответил я.

Оба громко рассмеялись и стали доказывать, что Букейхан вовсе не хан и что ханы — это вообще плохо. Они начали ругать башкирского Заккия Балитова. Говорили также о том, что малым народностям, входящим в состав России, никто, кроме большевиков, не даст свободу.

Я же, наоборот, начал хаять большевиков. Они пояснили, что плохие слухи о большевиках распускают грабители и еще те люди, которые против свободы и равенства.

Наконец они заключили:

— Эх, Дуйсембн, хоть ты и умный и к тому же немного образованный, тебя, оказывается, неправильно настроили, направили по ложному пути...

Мои попутчики сошли на одной из станций, не доезжая Славгорода. Мы обменялись адресами. И они, и я дали, как мне думается, выдуманные адреса.

Я достал из кармана записную книжку и карандаш и стал записывать арабским шрифтом. Глядя, как я пишу, оба с улыбкой переглянулись:

— Говорил, «ученик», а сам без единой ошибки написал...

Мы прибыли в Славгород, когда наступила вечерняя мгла. Это конечная станция Кулундинской железной дороги. Казахи ее называют Шот.

От вокзала до города около пяти верст. Состоятельные люди уехали на извозчиках. Многие поплелись пешком, и я с ними. Шли по узкой тропинке, которая днем немного подтаяла, а к вечеру подмерзла. Луны нет, вечер темный. Спотыкаясь, едва волоча ноги, вошли в город. Людей не видно. Низенькие домишки, как в деревне, занесены снегом почти доверху.

Кроме меня, все разошлись по знакомым адресам.

Я шагаю один в поисках ночлега. Встретились двое с саблями на боку, солдаты атамана.

— Где здесь постоялый двор?— спросил я.

Они показали дорогу. Я подошел к указанному дому и постучался. Дверь занесена снегом, окон не видно. Через некоторое время кто-то открыл ворота.

— Переночевать можно?

— Заходи, если поместишься...

Вошел. В двух смежных комнатах темно, грязно. В одном углу стоит красно-пегий теленок. Вонь, запах пота, махорки.

До меня здесь обосновались несколько мужиков и цыган с женой. Мне досталось место в углу, рядом с теленком. Мужики долго не спали, вели разговор о политике. Больше всех говорил чернобородый цыган. Он ругал большевиков, но хитро. Сначала ругнет, а потом расскажет, как колчаковцы исхлестали розгами одного мужика, как расстреляли другого. И, наконец, закончил:

— Выхода нет!... Куда податься крестьянину? Только в горы да в леса. А чем жить? На Колчака нападать, добром с ним поделиться. Вот мужики поневоле и становятся красными... Как растает снежок, загуляют по всему краю красные банды!— ликовал цыган.

Мужики, кивая головами, сдержанно соглашались с ним — куда денешься? Цыган повернулся ко мне:

— Ты из Татарки приехал? Не слышал, там, говорят, красные недавно большую бучу затеяли?

Я скромно рассказал то, что слышал.

Наутро я вышел в город.

Славгород, хотя и считается уездным городом Алтайской губернии, похож на обычный зажиточный поселок. Стоит в открытой степи.

Я поинтересовался, живут ли в городе казахи. Оказалось, что есть две казахские семьи. Я зашел в одну, но все мужчины этой семьи встали рано и ушли на базар. Я отправился туда же. День оказался базарным. Со всех концов по улицам на санях стекались на базарную площадь мужики. Я зашел на почту, написал письма в Омск — Мухану и Жанайдару, затем пошел на базар. На широкой открытой площади рядами стояли лавки, толпился народ. Здесь были крестьяне, только изредка попадались люди, одетые по-городскому. Казахов вообще не видно. Торговля кипит. На санях полные мешки пшени-

цы, овса, ячменя, муки, ящики с маслом. Привязаны к саням пригнанные на продажу волы, овцы, кони, свиньи. Народу кишмя кишит. Одни покупают, другие продают, третьи приценяются, четвертые просто глазеют. Прохаживаясь, я увидел неуклюже переваливающегося человека в халатообразном купи, в тымаке.

Он оказался казахом из Павлодарского уезда Баян-Аульского района, из рода Каржас. Звали его Смагул. В Шот он приехал искать работу. Работы не нашел и теперь думает возвращаться домой. Я обрадовался неожиданному попутчику. Он спросил, кто я.

— Я казах Слетинской волости Омского уезда... Батрачил в Омске. Являюсь близким родственником борца Хаджимухана. Брожу сейчас в поисках своего нагашы, живущего в Баян-Аульском районе Павлодарского уезда.

Договорились вместе идти в Павлодар.

— Сегодня побудем здесь,— предложил Смагул.— Тут одному лавочнику-татарину требуются работники рубить дрова. Наколем ему дров, и за этот труд он нам заплатит двадцать рублей. А завтра отправимся.

— Хорошо,— согласился я.

— В таком случае пойдем в лавку.

Мы быстро договорились с лавочником, высоким рыжим татарином.

Смагул решил сразу же попрощаться с хозяином своей квартиры. Он жил в доме казаха, который сторожил помещение казахского волостного исполнительного комитета в Славгороде. Оказывается, в Славгородский уезд входили две казахские волости, одну из которых называли Сары-Аркинской.

Мы подошли к низенькому домику. На фасаде крашеная доска, и на ней написано по-русски: «Волостной комитет Сары-Арки». Вошли. Через маленькую переднюю прошли в заднюю комнату, где размещалась канцелярия комитета. Там стояло два-три стола, на них бумага, чернильницы, линейки, счеты, регистрационные журналы, кое-как переплетенные. За одним столом сидели двое русских, один писал, другой, молодой, переплетал бумаги. В левом углу за столом мы увидели молодого казаха в черной тюбетейке. Судя по всему, это и был председатель комитета Сары-Арки.

В канцелярии грязно. Деревянный пол не вымыт. Воз-

дух спертый. На стенах развешаны плакаты и приказы Колчака. Справа в приоткрытую дверь видна тесная комната с бедной казахской утварью. В ней жил сторож комитета.

Когда мы зашли, из двери посмотрела на нас худощавая бедно одетая казашка. Работники канцелярии лениво подняли головы.

Смагул сделал мне жест следовать за ним. Я еще не успел сделать шага, как пишущий за столом русский сурово окликнул:

— Куда? Загрязнишь пол!

«Хорош комитет, если такая грязища считается чистотой!»— зло подумал я.

Я сел у двери на пороге, вынул из кармана иголку с ниткой и начал штопать свои овчинные рукавицы.

Смагул распрощался, и мы снова пошли к татарину-лавочнику. Тот послал с нами своего сына домой на западную окраину города. Пожилая татарка показала нам толстые сосновые бревна и жерди, разбросанные возле сарая, вынесла поперечную пилу и колун с колотушкой. Чурбаки толстые, в два обхвата. Сначала мы должны распилить эти чурбаки покороче, чтобы полено помещалось в печи. Потом колуном с помощью колотушки и клина расколоть чурбаки. Мы со Смагулом работали до полудня, не жалея сил. Давно я не занимался черной работой. Все тело гудело. Руки онемели и дрожат. К полудню сделали маленькую передышку, перекусили. Татарки всегда готовят очень вкусно. После мясного блюда хозяйка подала нам вкусный бульон, смешанный с кислым молоком.

До наступления сумерек мы продолжали пилить и колоть дрова. Вечером с удовольствием отдохнули в чистой теплой комнате. Верхние рубашки и бешметы повесили сушить.

В семье лавочника-татарина всего три человека — сам, жена и сын. Еще есть прислуга — русская девушка.

Когда беседовали за столом, татарин, обращаясь ко мне, посоветовал:

— Останься здесь, еще поработай немного. Не стоит тебе в такое трудное время в начале весны идти пешком в далекий Павлодар. Выйдешь, когда стает снег, земля подсохнет, зелень появится.

Я отказался. Дело не терпело отлагательства.

Встали спозаранку и до полудня с остервенением кололи распиленные чурки и складывали в сарай.

Взяв на дорогу хлеба с маслом, вышли из Славгорода на Павлодар. Оба одеты легко, туго подпоясаны, в руках палки. Занесенный снегом Славгород остался позади.

Мы шли долго, лишь к вечеру показались сзади сани, запряженные парой лошадей. В пустынной степи на белом снегу у обочины дороги стоят два уставших пешехода. На передних санях сидит жирный казах в шубе, в лисьем тымаке. Лошади грызут удила, быстро приближаются. Мы поздоровались. Губы человека в лисьем тымаке чуть дрогнули. Лошади поравнялись с нами.

— Дорогой хозяин, подвезите нас хоть немного,— попросил Смагул.

«Тымак» не обратил внимания на мольбу, проехал. Вслед за ним быстро пролетели галопом и вторые сани.

Пошли дальше.

Опять сзади показалась пара лошадей, запряженных в сани. Мы сошли с дороги. Сани с шумом подъехали к нам и остановились. В них — русский крестьянин.

— Эй, садитесь!— крикнул он.

Мы стояли в растерянности. Мужик, натянув вожжи, крикнул удивленным голосом:

— Айда, садитесь! Чего стоите?!.

Мы, моментально спохватившись, бросились в сани, и мужик погнал лошадей. Полозья по мокрому снегу скользят быстро, кони мчатся легко и игриво. Мужик возвращается с базара, видимо, после удачной торговли.

— Г-е-ей! Соколы-ы! Г-е-ей!— протяжно покрикивал он и махал плетью.

Ехали долго. Утихомирившись, крестьянин завел разговор о главном — о власти. Не стесняясь, он рассказывал, почему мужики настроены против Колчака, и доказывал, что Советы для крестьян — лучше всякой другой власти.

— Вот когда сойдет снег, подсохнет земля, придут большевики. Тогда поднимемся и мы, крестьяне, погоним этого черта в тайгу!— заключил он.

Дорога была безлюдной. К вечеру поехали к месту, где крестьянину надо было сворачивать в свой поселок. Распрощались.

Ночевали у бедного казаха, в ауле возле дороги, где было всего четыре-пять дворов.

От Славгорода до Павлодара сто пятьдесят две версты. Выходим рано утром, делаем короткий привал в полдень. Снег день ото дня все больше тает. Лишь через двадцать-двадцать пять верст можно встретить поселок. По улицам звенят талые ручьи. Тупоносые мои сапоги насквозь промокают. Портянки выжимаем и сушим на ночевке. Мокрые ноги побелели, кожа стала тонкой, выступили волдыри.

К четвертой ночи мы прибыли в Павлодар.

Казахская беднота здесь живет обособленно, в двух верстах от юго-восточной окраины. Среди городской бедноты жил товарищ Смагула по имени Абдрахман. У него мы отдыхали два дня. Абдрахман работал в Омске, женился на зажиточной вдове, у которой было две дочери от первого мужа. Он привез ее сюда, занялся торговлей на скотном базаре и стал состоятельным жигитом. Когда жена умерла, Абдрахман женился на дочери казахского муллы. Он совсем не такой, как Смагул,— юркий, всезнающий, прекрасно одет и, кажется, позабыл прежнее положение рабочего, став купцом.

Мы разговорились. Абдрахман непоколебимо верил в алаш-орду. Я попытался заговорить об отрицательных сторонах алаш-орды, но Абдрахман не сдавался... Зашел как-то к Абдрахману пучеглазый жигит по имени Абиль. Он прибыл из Семипалатинска, служил в войске алаш-орды. С ним я долго и подробно беседовал. Поскольку я отрекомендовал себя родственником борца Хаджимухана, то они, глядя на мое телосложение, и меня признали за борца. Многое со слов Абиля я узнал о деятельности «батыров» алаш-орды за это время. С Абилем обошли весь Павлодар. Побывали и в русско-казахской школе, в мечети, где собрались мусульмане, чтобы совершить молитву в день пятницы.

Теперь мне предстояло совершить переход от Павлодара до Баян-Аула, пройти сто девяносто две версты. Смагул нашел работу в Павлодаре, а я договорился с караванщиками, прибывшими из Баян-Аула. Положение в той стороне было неважное, население голодало после тяжелого жута[1].

---

[1] Жут — массовый падеж скота во время гололедицы.

На городском базаре между рядами, греясь на теплом солнце, гуляют солдаты атамана Анненкова. Форма их мне очень знакома — пулеметные ленты, черные папахи, сабли, на погонах две буквы «А. А.». Некоторые из них — китайцы из числа отщепенцев, бродяг. На поясах кинжалы. Наблюдал я спокойно, уже не как заключенный. Вот едет на лошади казах. Один из китайцев в форме схватил ее за хвост и придержал. Лошадь остановилась. Казах обернулся, но, увидев солдата, смиренно опустил голову и ничего не сказал. Китаец перочинным ножом срезал целый пук волос от хвоста лошади. Казах в испуге начал озираться по сторонам, ища защиты. Двое городских казахов, задетые за живое, что-то сказали солдатам. Те ответили площадной бранью. Казахи хотели отобрать пук волос у солдата. Собрался народ, большинство — казахи. Увидев, что дела плохи, солдаты-китайцы позвали своих на помощь. К ним быстро подошли три-четыре атаманца, вынули сабли из ножен.

Казахи разбежались, как мелкая рыбешка от щуки. Анненковцы били их по спинам саблями плашмя.

С караванщиками я вернулся на квартиру, взял несколько номеров газеты «Сары-Арка». Я не мог забыть необузданную подлость атаманцев и вдруг увидел в газете статью, подписанную аульным казахом. Передо мной был еще номер «Сары-Арки» от 26 марта 1919 года.

Вот эта статья:

«Необузданность.

...В конце января 12 казачьих милиционеров выехали в бараки «Бес оба», находящиеся в двухстах верстах от Баяна. По пути они делали все, что им взбредет в голову, издевались над казахами Акбеттаусской волости. Слов нет, чтобы обо всем рассказать. Встречных казахов избивали плетью и розгами. Прекращали избивать только тогда, когда обиженный обещал выкуп. Подводу возвращали хозяину при условии, если тот даст выкуп за свою же подводу. Берут тымаки, ковры, шаровары, узорчатые кошмы, короче говоря, все, что понравится им в доме казаха. Они самовольно срывают замки с кладовых. Есть случаи изнасилования женщин.

Приведем факты: избили жену, детей и самого Абдира Мойнакова. Пороли розгами его сына Бекена. У хо-

зяина не было денег откупиться, поэтому он пообещал отдать тысячу рублей на обратном пути. Коня, взятого для подводы, они вернули, получив двести рублей.

У казаха седьмого аула Ордабая Адирова взяли одну узорчатую кошму и одну подушку.

Избили известного муллу Машхура Копеева.

Выпороли розгами некоего Темирбулата и его сына, потом получили от них двести рублей.

Мулле хаджи Абайдильды и его сыну из шестого аула присудили по 15 розог каждому и получили от них двести пятьдесят рублей.

Выпороли розгами Аскара Топпасова и взяли у него тымак.

Выпороли розгами Оспана Битакаева, получили с него двести пятьдесят рублей и один тымак.

У Ашима Доскараева отобрали один тымак и семьдесят рублей.

«Разыщи своего покойного мужа!»— с таким несуразным требованием избили жену Жалпака Ондирбаева и отобрали у нее ковер.

У табунщика Дуйсенбая Карашолакова отобрали пятьдесят рублей и двенадцать лошадей для своих подвод.

Наказали розгами Абиля Шалкарбаева из второго аула, избили, искалечили его старшего брата Нурмана, после чего у обоих забрали двести рублей.

У Сулеймена Оркенбаева взяли двести рублей.

Хамита Чоканова не стали пороть розгами после того, как он дал выкуп две тысячи рублей.

У Сламбека Имамбекова взяли полторы тысячи рублей.

Жамбека Имамбекова пороли розгами и взяли у него пятьсот рублей.

У Аскара Шанкуланова взяли тысячу рублей.

Киящу Алимбаеву дали двадцать пять ударов розгами и взяли у него двадцать пять рублей.

Мусабек наказан двадцатью розгами и заплатил двадцать пять рублей.

У Туктибая Тогайбаева из 11-го аула забрали тысячу рублей.

На обратном пути в Аккелинской волости наказали 15 розгами Ажмагамбета Жамакова и забрали у него 300 рублей.

Учитель Сулейман Ержанов, упрашивая «не трогать свой аул», заранее заплатил 500 рублей и «подарил» один тымак, одни брюки и снарядил четыре конных подводы.

Все притеснения и издевательства невозможно передать в одном письме. Народ в недоумении. Одни утверждают, что это дело рук отщепенцев — русских. Они это делают по злобе за то, что некоторые хотят отделить казахский народ, сделать самоуправляемым. А народ только лишь умоляет: «О боже, смилуйся, чтобы не встретить их никогда!..» Как только появится на горизонте русский человек, народ в испуге разбегается. Многие казахи озлоблены, но все еще надеются, что среди русских найдутся разумные люди, которые укротят своих разнузданных собратьев.

Старшины аулов, боясь побоев и грабежей, воздерживаются от подачи телеграмм высшим русским чинам. Они рассуждают так: «Пока приедут расследовать, здесь покончат с нами самосудом».

В 30 верстах от Баяна находится маленький Александровский завод. Управляющим его работает некий Гроненго. После указа от 25 июня[1] этот Гроненго слыл «спасителем душ». Не ограничиваясь тем, что казахи работали у него даром, он еще брал с них взятки за «устройство» на завод. Два месяца он использовал казахов на работе и в конце концов не смог спасти их от тыловых работ. В прошлом году, боясь большевиков, он хотел скрыться в казахской волости. Казахи не позабыли его «доброты» и поэтому не приняли его. Теперь тот же Гроненго 5 февраля вызвал к себе начальника милиции со всеми милиционерами и приказал избить неугодных ему казахов. Нижний этаж своего дома он превратил в тюрьму. Туда заключили Торе Каракеева и Аскара Жусипова. Гроненго ходил, засунув руки в карманы, и говорил: «Если дадите 8 000 рублей, то выйдете из тюрьмы!..»

Некий казах Ажибай бранил в прошлом этого «буржуя» за невыдачу заработной платы. Когда Гроненго решил выпороть его розгами, казахи заступились и добились прощения, заставив Ажибая с унижением обнимать ноги «буржуя».

---

[1] Речь идет об указе царя о мобилизации казахской молодежи на тыловые работы.

Некий казах Амра своевременно не возвратил гири, за это Гроненго отобрал у него коня и верблюда.

В прошлом году весною у одного русского потерялся мешок хлеба, за это было отобрано 9 волов у одного аула. Все прошло безнаказанно, отнесено к деяниям «смутного времени».

Вот вам физиономия руководителя, призванного усмирить русских хулиганов. Спрашивается, кто же должен обуздать его? До каких пор будут унижать казахский народ? Каким путем можно добиться добрососедских отношений между двумя народами?..

Гора Баян»

Обо всем этом писала газета алаш-орды, тщательно скрывая дружбу своих руководителей с колчаковцами.

Перелистываю другой номер «Сары-Арки» за 6 февраля 1919 г. Читаю статью, в которой описывается дружба и солидарность атамана Анненкова с казахскими волостями и с главарями алаш-орды.

«Из Урджара.

...Атаман Анненков проводил съезд, созвав руководителей народа (волостных). Из 12 волостей прибыли на съезд 5 человек... Атаман потребовал выделить по 10 человек от каждой волости для обучения военному делу. Когда атаман Анненков заявил, что хорошо знает достопочтенных руководителей казахского народа (вроде Алихана, Мухаметжана, Ахметжана и Жайнакова), тут все представители с радостью загудели: «Оказывается, вы знаете всех доблестных людей, которых мы чтим больше своих отцов. Если они скажут ложись, мы ложимся, если велят встать, то встанем».

Анненков, кстати, вставил: «Семиреченский казачий атаман Афонов их ненавидит, говорит, что «они зря цепляются за автономию», а я лично верю этим доблестным гражданам! Афонов разжигает раздор между казахским и русским народами. Афонов не одобряет того, что я раздаю оружие казахам и организую казахские полки...

Переводчик при атамане *Кенсебай Умбетбаев».*

В «Сары-Арке» от 26 марта 1919 года я увидел статью «Как воюют казахи», где со смехом описываются «богатырские действия» войск алаш-орды против большевиков. А вот в этот самый момент «богатыри» атамана издеваются над казахскими бедняками, пиная их ногами,

как собак. В статье восторженно восхваляются храбрые действия Балтая Бесебекова, Ахметкалия Орманбаева, Кагазбека Рашкина из полка алаш, который воюет против красных на Семиреченском фронте.

Прочитав, я сплюнул, отбросил газету в сторону, взял другой номер «Сары-Арки» от 20 февраля 1919 года. Здесь я прочел ответы редакции на письмо аульного казаха Байсалбаева, который жаловался на притеснения русских кулаков Акмолинского уезда. В своем ответе редакция «Сары-Арки» пишет, подбрасывая поленья в костер национальной вражды:

«Акмолинские казахи все еще не организовали милицию алаш-орды, поэтому и терпят насилия со стороны русских...» И далее:

«Забыты правила и порядки, российское государство стало на путь зверства. Единственный выход для спасения — объединиться казахскому народу. Не терять монолитности! Бросить раздоры. Всем включиться в общественную борьбу! Посадите на коней своих лучших граждан, вооружившись, защищайте себя! Уже свыше года прошло, как мы начали твердить, что наступила эпоха «белого калмыка»[1]. За исключением казахов Семипалатинской, Уральской областей и Кустанайского уезда Тургайской области, все остальные, в особенности казахи Акмолинской области, заткнули уши тымаком и бегут, как от огня, от организации милиции. Как же другим не презирать беспечный, слабовольный, нерешительный народ?! Мы сами виноваты, мы не хотим встряхнуться, не желаем стать людьми! Если так мы пойдем и дальше, то, наверное, скоро исчезнем с лица земли! Сейчас не время ждать справедливости и мира от необузданного зверя — мужика. Нечего просить у него совета, зря надеяться в предвкушении несбыточного! Вы можете пожаловаться местным властям, но мы не можем заверить вас, что из этого что-нибудь выйдет. У русских уже приготовлены ответные обвинения, они сразу скажут: «Вы украли наш скот, учинили потраву».

Вы возмущаетесь в своих жалобах: «Неужели мы

---

[1] Здесь автор статьи, видимо намекает на нашествие калмыков в прошлом. Под белым калмыком подразумеваются русские большевики.

останемся в руках того, кто схватил нас, в зубах того, кто грызет нас?» Мы знали об этом и давно предостерегали вас. Пока не поздно, вы сами должны рассказать народу о своих бедах. Кто может поручиться за то, что беда, постигшая сегодня один аул, не постигнет завтра весь народ? Разве так не бывало? Разве в Семиречье наши братья не погибают сейчас поголовно?»

Эх вы, злонамеренные господа! Кто же, как не вы, организовав войско алаш, создал смуту в Семипалатинской, Уральской, Кустанайской, Тургайской областях? Вам этого мало, вы хотите еще опутать своими коварными сетями и акмолинских казахов и тем самым утопить в крови трудящееся население!»

Я читал хронику, различные сообщения и обширные статьи, опубликованные в разных номерах газеты «Сары-Арка», которая в то время являлась органом центральной алаш-орды. Конечно, газета по своему усмотрению искажала факты, коверкала их, прихорашивала, что ей угодно, раздувала выгодную небылицу. Но сколько бы ни стремилась она создать у читателя ложное представление о соотношении сил, было видно, что положение алаш-орды неважное. Алаш-ордынские министры занимались сколачиванием отрядов против большевиков, в остальном их деятельность не стоила и пяти копеек.

Мало ли, много ли, но по мере сил активничала молодежь алаш-орды. Она выпускала в Петропавловске газету «Жас азамат», в которой давала установки националистической молодежи всего Казахстана. Единственный в то время журнал «Абай» издавался в Семипалатинске и тоже находился в руках молодежи алаш-орды. Редакции газеты «Жас азамат» и журнала «Абай» время от времени просили помощи у читателей, указывая на отсутствие денежных средств. 20 февраля 1919 года в № 70 газеты «Сары-Арка» опубликована статья «Читателям газет и журналов». Статья принадлежала редактору журнала «Абай» Аймаутову, одному из лидеров алаш-ордынской молодежи.

«Читателям газет и журналов.

В одном из номеров газеты, издающейся на русском языке в Ново-Николаевске, отмечено, что единственная казахская газета и единственный казахский журнал закрываются из-за отсутствия подписчиков. Речь шла о га-

зете «Жас азамат» и журнале «Абай». Данное сообщение не соответствует действительности. «Жас азамат» выходит по сей день. Правда, возникла тревога из-за недостатка средств. Теперь мы спокойны, ибо омская молодежь выслала в редакцию тысячу рублей, вырученную от литературного вечера. А семипалатинская молодежь уже выслала около пяти тысяч рублей. Надеемся, что желающие поддержать нас найдутся и в других местах. Журнал «Абай» имеет около 900 подписчиков и свое существование временно прекратил до созыва общего собрания, а также и по другим причинам. Издает его мелкое кредитное общество. Есть надежда, что «Абай» будет издаваться. Мы надеемся, что совесть и гражданская честь просвещенной молодежи не позволят закрыть свой единственный журнал. Думается, что он будет выходить при всех обстоятельствах.

Редактор «Абая» *Жусипбек Аймаутов»*

Из того же номера газеты:

«Отчет.

Приход-расход выручки вечера на казахском языке, проведенного молодежью Омска.

Весь доход 6 392 руб. 15 коп.

Чистый доход 3 189 руб. 25 коп.

Сделали подарки:

Султан Абрахимов — 300 рублей, Аккагаз Досжанова — 50 рублей и одну серебряную турецкую монету, Шаяхмет Отегенов — 23 рубля, Балтабай Боранкулов — одну серебряную ложку с вилкой, Амина Куанышева — золотой перстень, Гуля Досымбекова — серебряный перстень, Газиза Досымбекова — одну серебряную монету, Асфандияр Черманов — четвертушку табаку, Муратбек Сеитов — один фунт сахару, Жамин Толемисов — фунт чаю. Всем объявляю благодарность от имени общества «Тилек» («Желание»).

Габбас Тогжанов».

В том же номере «Сары-Арки» я прочел следующее:

«Помощь газете «Жас азамат».

Увидев объявление в номере 68 «Сары-Арки», где говорилось, что газета «Жас азамат» прекращает свою дея-

тельность из-за недостатка средств, я приступил к сбору денег: Калберген Кулов внес 40 рублей, Шыргай Мустамбаев — 20 рублей, Амра — 15 рублей, Газиза Мустамбаева — 5 рублей, я — Идрис Мустамбаев — 5 рублей. Всего собрано 85 рублей. Эти деньги я отправил в редакцию «Жас азамата».

Гимназист Мустамбаев».

Можно было представить, что националистически настроенная молодежь не сидела сложа руки.

ПУТЬ НА БАЯН-АУЛ

На другой день мы выехали с караваном из Павлодара. День теплый, тает снег. Вдоль улиц бурлит вода и со звонким журчанием падает с крутого берега в Иртыш. Мутная вода постепенно собирается на толстом нерастаявшем льду. Осторожно переехали через Иртыш. В караване четыре человека, я пятый. У нас два тощих коня и один слабый верблюд. Лошади тащат сани с тремя мешками пшеницы и двумя ящиками. А на верблюде навьючено три мешка хлеба.

За Иртышом в некоторых местах снег вовсе растаял, и мы сразу почувствовали тяжесть пути. Еле двигались изнуренные лошади по грязи, по талому снегу. Не проехав и одной версты, вороной конь совсем остановился. Попробовали подхлестнуть его — безуспешно. Отчаявшийся хозяин остался со своим усталым конем, а мы вчетвером поплелись дальше пешком по влажной черной земле, ведя за собою пестро-гнедого коня и желтого верблюда.

В местах, где совсем не было снега, конь напрягал последние силы, но сани останавливались. Земля залита обильной весенней водой. Когда падал верблюд, мы снимали с него вьюки, поднимали бедное животное и снова навьючивали.

Продвигались еле-еле. Вода проникла в продырявленные сапоги.

Бредем по колено в воде и тащим за собой коня и верблюда. А они тащат на себе продукты голодающим детям, женщинам, беспомощным старикам и старухам.

Но наши клячи больше стоят, чем идут. Пройдут два шага и падают в глубокий подтаявший снизу снег, и мы из последних сил выволакиваем их; ставим на ноги. Бешметы на спинах взмокли от пота, и нам кажется, что не скотина тащит груз, а мы.

К вечеру мы проехали всего верст десять и остановились на ночлег на чуть просохшей проталине рядом с дорогой. После захода солнца стало холодно. Вода замерзла. Мокрую от пота одежду, старые сапоги и портянки — все начал хватать цепкий мороз. Замерзли все. Я был легко одет и скоро закоченел, но ни слова не сказал караванщикам. Развели костер, отогрелись, вскипятили воду. Спать легли, скорчившись между мешками с хлебом. Я проснулся среди ночи от невыносимого холода, все мое существо с ног до головы было охвачено морозом. Я поднялся. Кругом тишина. Пятнистую землю белым бархатом покрыл легкий туман. Небо чистое, нет ни облачка. Нет и луны, только ясно видны мерцающие звезды. Царит немая тишина. Караванщики лежат между мешками, спокойно посапывают. Рядом шумно дышит желтый верблюд.

Студеный запах мерзлой земли расплывается вокруг. Кажется, вся вселенная охвачена морозом и дремлет в легком тумане, и бодрствует только конь. Он пасется, щелкая зубами, вырывает корни трав, только что освободившихся из-под снега. И конь пестро-гнедой, и земля пестро-гнедая...

Чтобы согреться, я начал бегать взад и вперед и, немного обогревшись, снова лег, но скоро опять замерз и, опять поднявшись, начал бегать, кружиться, хлопать себя по бокам. Так повторялось несколько раз до утра...

На следующий день мы поплелись дальше... Брели по грязи, по слякоти, по колено в мутной воде. Пересекли железную дорогу, проложенную между Иртышом и заводом «Экибастуз», прошли через два поселка.

Весь день мы месили ногами грязь, брели по вешней воде, то развьючивая, то опять навьючивая изможденное тягло. Когда к вечеру стало холодно, совсем обессилев, отчаявшись, я окончательно расписался. Не было ни сил, ни желания шагнуть вперед. Я молча поднял лицо к небу, глянул на ясные звезды, вспомнил о родной матери, которая ждет меня в ауле и, приободрившись, пошел дальше.

Преодолевая тяжесть распутицы, мы только через неделю выбрались на подсохшую землю.

Вдоль дороги безлюдно. Изредка попадаются на глаза жалкие казахские лачуги.

У одного казаха мы сменили сани на двуколку. Теперь мы часто останавливаемся. Ни в каком ауле сейчас не найти подводы, все в крайней бедности после жута, голодные, худые.

Мы бредем и бредем, подгоняя лошадь и верблюда. Старая разболтанная двуколка скрипит и стонет.

Наши ноги истерты. Движемся крайне медленно. Но все же, когда вышли на сухую землю, караванщики начали чаще заговаривать со мною, выяснять подробнее, кто я и откуда.

— Я казах из Омска,— повторил я.— С детства попал на работу далеко от дома. Рано лишился родителей. Теперь вот еду в поисках своих нагашы[1]. Они живут где-то в горах Баян-Аула. Вот и все...

Они начали обстоятельно расспрашивать о моих родственниках.

— К какому из мелких родов они принадлежат, я точно не знаю. По-моему, к Айдаболу[2]— одному из разветвлений рода Каржас,— ответил я.

Это их не удовлетворило, и они продолжали меня все время теребить. По их словам, сами они принадлежат к одному из «влиятельных» родов Каржаса.

— Наши аулы находятся на юго-восточной стороне Баян-Аула, в горах Шокпар и Аулие,— утверждали мои спутники.

Старший караванщик — человек с окладистой черной бородой, сын хаджи Кенбая. Если память мне не изменяет, имя его Смаил. Один из его товарищей — далекий родственник хаджи Кенбая по имени Бекмухамбет. Второй, как мне помнится, Толебай, он из городской бедноты, занимался мелкой торговлей.

Как-то раз, шагая рядом со мною впереди верблюда, Бекмухамбет сказал:

---

[1] Нагашы — родственник по линии матери: нагашы-ата — дедушка по матери; нагашы-шеше — бабушка по матери; нагашы-апа — тетя по матери и т. д.

[2] Айдабол и Каржас — два самостоятельных рода, берущих свое начало от рода Суюндика. Здесь Сейфуллин умышленно путает, выдавая себя за Дуйсемби, недалекого простого рабочего из Омска.

— Слушай, Дуйсемби, ведь мы с тобой вместе едем, вроде однокашники, а ты от нас что-то скрываешь. Видно, что ты совсем не простой жигит, раскрой-ка свою тайну!

Я рассмеялся и попытался отшутиться. Бекмухамбет, видя, что ничего не добьется, отстал от меня. Но вскоре поравнялся со мной Толебай и начал:

— Ты, Дуйсемби, не прячься от нас. Мы такие же люди, как и ты. Кем ты себя покажешь, теми и мы будем... Если хочешь, чтобы мы вместе с тобой украли лошадей из поселка, то и от этого не откажемся!

И на его расспросы я ответил шуткой. Видно, что они зорко следят за мною. Мы отдыхали в полдень у обочины. Рядом возвышался холмик, которым кончалась цепь мелких сопок. На солнцепеке уже зеленела мелкая весенняя травка. Я пригрелся и задремал на холмике. Караванщики меня разбудили к чаю.

Смаил опять начал допытываться:

— Ей-богу, Дуйсемби! Вот сейчас, когда ты спал на склоне холмика, ты мне показался совсем не простым жигитом. Мне померещилось, что ты один из батыров прошлых времен!

Я и на этот раз отговорился шуткой.

Двинулись дальше. По дороге Смаил долго читал наизусть поэму «Боз жигит». Шли рядом. День стоял теплый. Следом за нами деревянная двуколка скрипела, качаясь с боку на бок.

— Эх, Дуйсемби, жаль, что ты не хочешь раскрыться перед нами! А ты наверняка такой же герой, как этот «Боз жигит», не правда ли?

Я промолчал. Через некоторое время Смаил решительно продолжал:

— Ты, Дуйсемби, не стесняйся меня, давай обнимемся и станем друзьями! Идем в наш аул, я привезу тебя, куда сам пожелаешь. Только ты не прячься, не обычный ты жигит, простой жигит таким не бывает!

— Какую же вы узрели во мне особенность? — спросил я.

— Во-первых, твой вид, твоя фигура говорят, что ты не простой жигит. К тому же ты вышел вместе с нами из Павлодара, идешь в дырявых сапогах по колено в воде, терпишь все на свете, но даже брови не хмуришь.

Вот поэтому мне и кажется, что ты либо терпел какую-то несправедливость, либо сам причинил зло кому-то.

Я не сдержался и сказал сердито:

— Почему вы все время просите меня раскрыть какую-то тайну? Какие у вас есть основания подозревать меня в чем-то?

Подошли к нам Бекмухамбет и Толебай.

— Может быть, вы меня считаете вором или убийцей? Если я, допустим, признаюсь вам в этом, все равно вы мне ничего не сможете сделать. Зачем же я должен сейчас перед вами признаваться?

Смаил растерялся.

— Ей-богу, Дуйсемби, я нечаянно оговорился!.. Голубчик мой, не сердись! Коли так, больше не будем допытываться, только не обижайся.

После этого разговора они перестали приставать ко мне с расспросами.

Через несколько дней мы подошли к горам Баян-Аула с юго-восточной стороны. Настало время расставания с караванщиками.

Во время полдневной молитвы у обочины дороги мы пообедали. Отсюда караванщики должны были отправиться к себе, на юг, к горам Шокпар и Аулие. Ехать им оставалось приблизительно двадцать верст. Кругом голая степь, небольшие холмы. Сколько ни гляди, не увидишь ни единого барана. После тяжелого жута аулы все еще на зимовках.

Я подробно расспросил Смаила, как мне идти дальше. Я хотел заглянуть в казачью станицу в горах Баян-Аула. Там можно было остановиться у медицинского фельдшера Шайбая Айманова. Когда я учился в Омской семинарии, он учился в фельдшерской школе. Мы дружили. После окончания учения каждый из нас уехал работать в свои родные края. Хотя почта в эти годы работала плохо, все же изредка мы переписывались. Мы были не просто товарищами, а верными, закадычными друзьями. Теперь вот я и решил пробраться именно к Шайбаю. У него разузнать, где находится мой родственник, отправиться к нему, получить от него, может быть, денег на дорогу, по пути заглянуть в свой аул и проехать в советский Туркестан...

У подножия Баяна виднеется сопка. На склоне изда-

ли заметны три-четыре черных точки, как родинки на лице.

По словам Смаила, в этом ауле хозяином является хаджи Жантемир из рода Суюндика-Каржаса. У хаджи есть сын по имени Имантаку, влиятельный человек. Вот к нему и посоветовал Смаил обратиться.

Когда время перевалило за полдень, я распрощался с караванщиками и зашагал в сторону Баяна. В кармане у меня была испеченная на угле костра лепешка, размером со ступню верблюда — вот и вся провизия. В руках палка.

Опояска из ветхой материи. Ступни ног в волдырях, сочится кровь, но об этом я ни слова не сказал караванщикам.

Шел долго. Золотой диск солнца уже сел на плечи Баяна. Когда подошел к железной дороге, строящейся от Орска через Атбасар и Акмолинск до Семипалатинска, встретил русского сторожа. Поговорили. И он ругает сегодняшнюю власть...

Пошел дальше, перебрался через овраг. В стороне от дороги виднелись три-четыре юрты, паслась скотина. Когда я подходил к сопке, за которой находился аул хаджи Жантемира, солнце закатилось...

Перевалил через вершину сопки — аула нет. Холмы стоят рядами, один за другим. Переваливаю через них, а аула все еще нет. Наступили сумерки. Я остановился, прислушался — ни звука. Опять зашагал по безлюдному глухому плоскогорью. Впереди во тьме молчаливо дремлют черные силуэты гор... Я окончательно устал. Истертые в кровь ступни болят. Кажется, я заблудился. Идти дальше не могу. Присел. Алая заря на западе постепенно редеет, гаснет. Ни звука, ни ветерка.

Невеселые мысли, как сель весеннего половодья, проносятся в моей голове.

Когда кончатся мои мучения?.. Из-за каких преступлений против человека я должен терпеть столько невзгод?.. Я родился, вырос, учился — неужели только из-за этого обязан терпеть позор и страдания?.. Если так, зачем я родился, зачем вырос, зачем учился?..

Вот сейчас я остался один на безлюдном, безмолвном плоскогорье, окутанный темной ночью. Умру здесь, пропаду без вести, бесследно. Нет мочи идти дальше.

Эти думы, как черные тучи, сдавили меня. Когда я

уже отчаялся увидеть предстоящий рассвет, вдруг словно молнией из-за туч блеснула надежда.

«Крепись! Все твои мучения — не зря! Ты боролся за свободу трудящихся, за равноправие обездоленных. Немало героев пало жертвой на этом пути. Немало пролито крови и слез в борьбе за свободу. Мужайся, крепись! Светлый день недалек! Надо идти!.. Надо достичь!.. Надо найти!».

Перевалил еще через несколько сопок, прислушался... Явственно донесся лай собаки. С вершины следующей сопки я увидел расплывчатые черные тени. Приблизившись, я увидел три-четыре саманных зимовки, возле них сломанные телеги с какими-то вьюками. Аул еще не успел откочевать с зимовья. Я подошел к крайней большой землянке и вошел во двор. Кругом грязно, мокро. Вошел в землянку и увидел пожилую женщину с двумя детьми. Она не пустила меня на ночлег, сказав, что «нет мужчины». Я направился к землянке рядом, которая мне показалась чище первой. У ворот стояла женщина. Поздоровались. В сумерках я попытался всмотреться в ее лицо. На голове ее кимешек, на плечи накинут халат. Прямоносая, лет около сорока, по ее лицу, по голосу кажется, что она добрая и умная женщина.

— Голубчик мой, и в нашем доме тоже нет мужчины. А в такое смутное время пустить на ночлег незнакомого — очень опасно...— Она помолчала.— Откуда ты идешь, жигит?

— Из Павлодара... Буду «божьим гостем» у вас,— ответил я.

— Ну что ж, ладно, заходи в дом. Только не взыщи, у нас нет мяса для угощения. Зимой мы перенесли жут, вся наша скотина пала.

— Мне не нужно мяса, женгей[1],— с благодарностью ответил я.

Она провела меня в дом.

Саманная землянка состояла из двух комнат. Горела пятилинейная лампа. На земляном полу я увидел кошмы с узорами. Перед дверью и перед печкой пусто. У двери справа сложены вяленые шкуры. Перед ними лежат два теленка, но в комнате все же чисто. В переднем углу в постели лежат две девушки лет по шестнадцати. Мать

[1] Женгей — вежливое обращение к женщине старше себя.

подняла их. Девушки накинули на плечи халаты и остались сидеть в постели. Женгей разбудила сына.

— Пайзикен, голубчик, поставь самовар, пришел гость к нам,— сказала она.

— Пожалуйста, проходите, голубчик мой! — обратилась женщина ко мне.

Лампу поставили на середину. Пайзикен начал хлопотать у самовара. Женгей села напротив меня, ближе к дочерям. Войдя в чистую освещенную комнату, я сел, скрестив ноги, и заметил, что одежда моя страшно неприглядна. На ногах сапоги, тупоносые, как телячья голова, на плечах изношенный полушубок на хорьке, весь пропитанный сажей, с ветхим матерчатым поясом. На голове ушанка из черной кошки, на шее потертый шарф.

Женгей стала меня расспрашивать, допытываться, кто я. Пайзикен поставил самовар и подсел к нам. Две девушки с опущенными веками украдкой, с любопытством посматривают, слушают, не пропуская ни единого слова. Обеим лет по пятнадцати-шестнадцати. Они словно зеленые лозы и похожи, как близнецы. Глаза черные, как у птенцов кобчика. Накрывшись халатами, они сидят рядком. На голове девушки, сидящей ближе ко мне, тымак из мерлушки с коричневым бархатным верхом.

Женгей продолжает дотошно меня расспрашивать. Я стараюсь ответить на все вопросы подробнее. Женгей тихо почмокала губами:

— Апырым-ай[1], милый мой, если глядеть на твое лицо, то ты кажешься неглупым жигитом. А если представить твой путь, то поведение твое кажется совершенным безумием.

— Почему вы так говорите? — спросил я.

— Как же мне не говорить так! Выходишь из далекого Омска, пускаешься в поиски своего нагашы, даже не узнав, где он живет и к какому роду принадлежит. В самое тяжелое время года ищешь неизвестно кого. Между зимой и летом отправляешься в путь, когда дороги самые плохие. Отправляешься пешком в незнакомый край. И еще приходишь тогда, когда здешние аулы голодают, когда народ охвачен бедствием после сплошного падежа скота. Разве умный человек из далекого края может от-

[1] Апырым-ай — восклицание, выражающее удивление.

правиться один в поиски своего нагашы, точно не зная его местонахождения и принадлежности к роду? Надо ли искать весною, когда дороги непроходимы? Надо ли идти, когда аулы по дороге голодны, только что перенесли гололедицу? Неужели нельзя было идти, когда наступит лето, поднимутся зеленые травы, народ насытится кумысом, окончательно оправится после беды? Ты говоришь, будто хочешь поступить на работу, если подвернется случай, на завод «Экибастуз» или на железную дорогу. Разве есть сейчас работа на «Экибастузе» и на железной дороге? Если бы здесь была выгодная работа, то местные жигиты не уходили бы отсюда на Иртышское пароходство в Омск. Разве ты об этом не знаешь? Наши, такие же, как ты, жигиты ежегодно уезжают на отхожий промысел в Омск. Ты должен был знать их. Каждый год на пароходе толпами они едут в Омск, тебе можно было бы встретиться с ними и узнать, какое положение в наших краях... Твоя внешность и твой разговор позволяют думать, что ты благоразумный человек, но совершенный тобой путь похож на безумие. Удивляюсь, голубчик,— высказывалась женгей.

— Вы правы. Из Омска я уехал сгоряча. А потом посчитал неудобным возвращаться обратно. А о том, что в ваших краях такое тяжелое положение, я узнал только лишь по приезде в Павлодар,— робко ответил я.

Когда мы беседовали с женгей, две девушки хватали каждое мое слово на лету, будто старались нанизать его на нитку, зорко следили за мной. В особенности та, что сидела от меня подальше. Осторожно выглядывая из-за тымака впереди сидящей девушки, она черными очами следила за каждым моим движением. Взгляд этой девушки меня волновал. Мне захотелось отвадить ее от излишнего любопытства, заставить ее отвернуться от меня со своими назойливыми «черносливинами». Безмятежно продолжая беседовать с матерью, я слегка передвинулся. Лицо девушки выглянуло на свет из-под тени тымака. Она продолжала глядеть на меня. Тогда я тоже впился в нее любопытным взором. Она растерялась, опять спрятала свое лицо в тень. Этот мой решительный ход не поняли ни мать, ни ее сестра, ни брат. О нашей перестрелке взглядами знаем только мы вдвоем. Неожиданно старшая сестра отодвинулась, прилегла и сказала матери:

— Мама, подойди-ка сюда!

Мать грузно повернулась к дочери, негромко спросила:

— Что такое?

Отвернувшись к стене, они о чем-то зашептались. Пошептавшись, обе приняли прежние позы. Мать спокойно, без всякой тревоги поглядела на лампу. Сердце мое чувствовало, что дочь что-то говорила ей обо мне. Но о чем же она могла рассказать?

Немного посидели молча, и женгей вдруг обратилась ко мне:

— Голубчик мой, как тебя зовут?

— Дуйсемби! — ответил я.

— Ты в русской школе учился?

— Нет, не учился.

— А владеешь ли русским языком?

— Немного.

— А по-казахски ты учился?

— Да, немного учился.

— А где?

— В Омске были курсы для подростков, вот я там и учился.

— А ты знаешь кого-нибудь из казахов, обучавшихся в омской русской школе?

— Некоторых знаю.

— Кого именно?

— Знаю Асылбека Сеитова, Мусулманбека Сеитова и еще двух Сеитовых, знаю также Асая Черманова и Шайбая Айманова.

— А как ты их знаешь?

— Дом Сеитовых в Омске, поэтому и знаю. Я на лошадях старшего брата Хаджимухана во время русских праздников возил в разные места Шайбая Айманова и Черманова. Поэтому хорошо знаю их. В особенности Шайбая. С ним я был близок.

— А где находятся сейчас эти жигиты?

— Не знаю... Асылбек Сеитов, видимо, где-то работает врачом. Не знаю точно, где и в какой должности сейчас Асфандияр. Кто-то рассказывал, что и Шайбай сейчас работает врачом...

— Если вы были близкими друзьями с Шайбаем, то ты должен знать, где находится его аул,— заметила женщина.

— Где-то около Баян-Аула.

— А знаешь ли ты по имени отца Шайбая?

— Кажется, его зовут Аппас.

Женгей удовлетворенно улыбнулась.

— Хорошо, оказывается, не обманываешь... В таком случае я тебе объясню: сейчас в станице Баян-Аула Асылбек Сеитов работает врачом, а Шайбай фельдшером, оба в одном месте.

Мать обратилась к старшей дочери:

— Скажи, где их квартиры?

— Возле мечети,— ответила дочь.

Мои смутные догадки о том, где меня могла видеть эта девушка, стали теперь проясняться. У Шайбая были два мои фотоснимка. И эти черные очи, вероятно, видели их. На последнем снимке у Шайбая я был сфотографирован перед арестом в 1918 году. Мой тогдашний облик нельзя сравнить с сегодняшним лицом беглеца, бывшего колчаковского узника. Разница между тем лицом и этим должна быть, как между небом и землей. Прошел всего один год, но я знал, что изменился.

— Аул Шайбая находится отсюда приблизительно в пятнадцати верстах,— продолжала женщина.— Отец его в ауле, сам он в городе. Их называют там потомками бия[1]. Мы приходимся родственниками.

Самовар вскипел, накрыли на стол. Мы все вместе стали пить чай. Наливал Пайзикен. Пришли еще два жигита, тоже начали расспрашивать, кто я. Женгей вместе с ними начала устанавливать местонахождение моего нагашы.

— Ты говоришь, что имя твоего ныне здравствующего нагашы аксакал Ильяс. Если отец Ильяса — Каскабас, то сам он Ботпай Ильяс, брат известного Жунуса...

— Знаете ли вы младшего брата Ильяса — муллу Жунуса? — спросил один из жигитов.

— Нет. Говорили, что у него есть брат, получивший русское образование,— ответил я.

— Да, это он. Он был учителем русского языка, обучал детей, и я учился у него. Бедняга уже умер... Его аул находится на северном склоне этой горы — отсюда около двадцати верст. Если с утра все время идти по

[1] Бий — третейский судья. В роде Айдабола были некогда знаменитыми два бия — Чон и Торайгыр. Род Шайбая берет свое начало от Чона, на что намекает автор.

склону горы, то к полудню можно добраться до аула,— объяснил жигит.

Я порадовался тому, как легко выискался мой нагашы. Я шел к Шайбаю, но план мой теперь расстроился из-за того, что он жил с Асылбеком Сеитовым в одном доме. Мне нельзя встречаться с Шайбаем, если он живет под одной крышей с врачом Сеитовым. Мне хорошо знаком Сеитов с первых дней моей учебы в Омске. В 1916 году мы проводили сельскохозяйственную перепись в Акмолинском уезде. Потом в 1917 году, когда я работал в казахском комитете, Асылбек Сеитов дважды приезжал в Акмолинск из Омска. Еще раз он приезжал, когда мы готовились организовать совдеп. Вместе с офицером Аблайхановым он собирал деньги для алаш-орды, старался мобилизовать молодежь в алаш-ордынскую милицию. Мы выступали против этих мероприятий и целых три дня спорили на многолюдных митингах в Акмолинске. Жители города последовали за нами, и врач Асылбек с офицером Аблайхановым вынуждены были ночью бежать. Теперь он в Баяне, в одной квартире с Шайбаем. Баян — казачья станица. Колчак свирепствует. Если я пойду к Шайбаю, Асылбек узнает о моем прибытии, и тогда все пропало: напрасны будут и мой побег из омского лагеря, и поездка в Славгород, и мучительный переход от Павлодара в продырявленных сапогах по колено в воде. Пройти триста пятьдесят верст и очутиться в Баян-Ауле в лапах колчаковцев совсем не входило в мои планы. Я решил не заходить к Шайбаю!

На ночлег женгей направила меня вместе с Пайзикеном в другой дом. Стояла безлунная темная ночь. На улице Пайзикен начал разговор:

— Твой вид мне очень понравился. В народе говорят: «Не сомневайся в том, у кого доброе лицо». Нам нужен работник. Не останешься ли ты поработать у нас?

— Мой дорогой, ведь нанимают работников родители, а не дети. Без отца как ты можешь что-нибудь решать?

— Родители не отвергнут мое предложение. Если мы договоримся вдвоем, значит, так и будет. У нас работа не тяжелая.

Мальчуган пристал ко мне, прилип со своим предложением.

— Какая у вас работа? — не выдержал я.

— Говорю, не тяжелая. Пасти небольшой табун. Доить кобыл. При кочевке навьючивать тюки. Дома будешь работать по хозяйству, вот и все! — ответил он.

— Сколько будете платить?

— Откуда я знаю, сам предлагай!

— Голубчик мой, в самых худших условиях я за месяц получал не ниже ста рублей.

— Ой-ой! Такой платы в нашем краю не бывает!— мальчик смутился оттого, что попал в неловкое положение...

Пайзикен отрекомендовал меня хозяину дома, молодому человеку. В доме бедно, не дом, а просто конура, разделенная длинной печкой. Низенький потолок, тускло горит свечка. Грязно, неприглядно. Хозяева производят впечатление забитых людей. К нашему приходу они уже приготовились ложиться спать. Давешние два жигита пришли и сюда за нами, и опять начался разговор со мной. Не торопился уходить и Пайзикен.

Один из жигитов, тот, который учился у муллы русскому языку, обратился ко мне:

— У тебя есть удостоверение личности?

— Есть!

— Ну-ка, покажи!

В нагрудном кармане теплой рубашки под бешметом хранились у меня три листа бумаги, свернутые каждый в отдельности. Один из них чистый, другой с казахским текстом, а третий — удостоверение на русском языке. Нарочито обнаруживая свою неловкость, я вынул чистый лист и, разворачивая, подал его жигиту.

— Друг, так ведь это чистая бумага,— заметил он.

— А-а, тогда, наверно, вот это! — Я подал ему второй лист с казахским текстом, тоже в свернутом виде.

— Эй, да и это у тебя простая бумага! — упрекнул меня жигит.

— Ах ты, опять ошибся! — сказал я с наигранным огорчением и подал свое «настоящее» удостоверение.

Увидев печать и штамп, жигит успокоился. Возвращая мне удостверение, он многозначительно заметил:— Заверни получше. Можешь потерять, простофиля.

Со дня бегства из лагеря только сейчас мне впервые пришлось показать свое удостоверение. «Вот каков наш враг казах!» — невольно подумалось мне.

Еще раз подробно расспросив дорогу к моему нагашы, я разделся, постелил свою одежду на закопченную кошомку и с удовольствием растянулся...

Проснулся рано. На небе ни облачка. Мягко веет ветер, нежный, как шелк. Солнце взошло. Зеленая травка еле-еле виднеется, словно пушок на губе юноши. Я любуюсь Баяном, и кажется, все испытания, тяжелые невзгоды теперь навсегда остались далеко позади. Уставшие изможденные мускулы стали крепкими, как железо, и напрягаются под кожей, словно плетеный кнут. Кажется мне сегодня, что вся вселенная пребывает в радости.

Шагаю по склонам Баяна. Роскошные деревья зеленеют пушистыми бутонами. На самой вершине стоит высокая стройная сосна в зеленой шапке. Слышен запах распускающейся зелени. Прозрачный воздух напоминает молодой кумыс, утоляющий жажду одним своим ароматом.

Иду узенькой тропинкой по склону. В ушах у меня звучат мелодии. Их поют горы Баян. По ущельям между деревьями, извиваясь, бегут ручейки. Звонкое журчание, их стремительный бег напоминают шумные голоса резвящихся детей. На деревьях поют птицы, свистят, прыгают с ветки на ветку, гоняются одна за другой, словно дети играют в жмурки. С беспорядочным гомоном лесных птиц сливается голос степного жаворонка. Склоны, камни, журчащие ручейки, деревья, высоты и впадины Баяна — все поет, все сливается в радостном единстве...

Я шагаю. В полдень умылся у ручейка, напился воды, вынул из кармана лепешку, испеченную на кизячном угле, и, можно сказать, пообедал.

Отдохнув на солнцепеке, я снова тронулся в путь. Заглянул в два аула у подножья горы, тщательно расспросил, где аул моего нагашы.

В пору полуденной молитвы я прибыл в аул нагашы.

На восточной окраине аула женщина собирала сухой кизяк. Я расспросил, где дом моего нагашы.

Аул имел жалкий вид. Низенькие неприглядные лачуги. Во дворах грязно.

А вот и избенка моего нагашы. Возле нее, совершая омовение, готовился к молитве мой нагашы — Ильяс, сухощавый, рослый, седобородый старец.

— Ассалаумаликум,— поздоровался я.

— Аликум-салем, здравствуй, свет мой,— ответил он.

— Здоровы ли вы?— продолжал я.

Аксакал меня не узнал, спросил, кто я такой, откуда.

Прошло всего лишь четыре года, как мы виделись с Ильясом. В 1915 году он приезжал к нам в аул и гостил с неделю. Как раз в эти дни я приезжал из Омска на летние каникулы, и мы подолгу говорили с аксакалом о разных делах. Ильяс в молодости побывал в разных походах и рассказывал мне о своих приключениях, о событиях давно минувших дней.

Прошло всего лишь четыре года. И он меня не узнает!

— Не узнаете?— спросил я.

Он пристально поглядел на меня.

— Светик мой, память слабая... Не совсем узнаю...

Мы отошли в сторонку, сели, не отрываясь, смотрим друг на друга.

— Значит, не узнаете?— продолжал я.

— Нет... не узнаю...

— Вы знавали когда-нибудь Сакена?

— Какого Сакена?— Он крайне удивился.— Сакена, сына Сейфуллы, что ли?

— Да...

— Знаю, а что?

— Я и есть тот самый Сакен...

Ильяс вздрогнул, глаза его расширились.

— Брось, светик мой! Не надо шутить со мною, я не ребенок...

«Неужели мое лицо изменилось до неузнаваемости?»— подумал я. Тюрьма оставила свой глубокий след на моем лице. Еще в Славгороде, случайно увидев себя в зеркале, я вздрогнул, испугался своего вида. На лице моем четко обозначились несколько глубоких морщин...

Но сейчас же я вспомнил, что дочь Жантемира в ауле, где я заночевал вчера, узнала меня по давней фотокарточке. А родной нагашы не узнает. И видел меня всего лишь четыре года тому назад...

Я начал рассказывать своему нагашы все подробности того лета, когда он приезжал в наш аул, перечислил членов нашей семьи и насилу заставил аксакала поверить, что я все-таки Сакен.

Бедный мой нагашы, убедившись наконец, что это я, сразу заплакал.

— Голубчик мой, какое же горе пережил ты!?.

— Только никому не говорите, кто я такой. Мое имя Дуйсемби... Скажите всем, что я сын племянника из Акмолинского уезда. Работал на заводе «Экибастуз». Теперь я заболел и возвращаюсь в свои родные края...

Обо всем договорившись, мы зашли в хибарку, разделенную длинной печкой на две половины. Внутри очень бедно. Сидят три старухи, две молодицы, два жигита, двое детей. Поздоровались. Ильяс представил им меня так, как мы условились. Через некоторое время посторонние ушли. Заперев дверь изнутри, оставшись наедине с домочадцами, Ильяс поведал им мою действительную биографию. Когда нагашы закончил свой рассказ, все плакали. С этого часа я прочно обосновался в этой семье...

В доме нагашы я прятался дней двенадцать. У соседа была домбра, я забавлялся ею и забавлял других. Зажили раны на ногах. Ильяс жил крайне бедно, имел истощенного сивого коня, тощего темно-серого вола, четыре-пять коз и одну дойную корову — вот и весь скот. Семья большая: старик со старухой, сын Ракиш, дочь Ильяса — вдова с тремя детьми. Домашняя утварь не стоила и десятка рублей, курносый черный чайник, залатанная узорчатая кошма, одно стеганое одеяло столетней давности, разломанный сундук. Чайные чашки скреплены проволокой. Очаг сложен кое-как. Сломанный жернов, треснувшее деревянное блюдо и тому подобный хлам. Лачуга построена из сырого самана, стены неровные.

Другой дом моего нагашы — дом его брата Жуниса — находится в ста верстах от Баяна на границе между Акмолинском и Каркаралинским уездами. Жунис и его старуха уже скончались. Единственный сын покойного — Мукай сейчас живет в ауле рода Каржас у родственников жены. Я не видел Мукая. По рассказам семьи Ильяса, живет он зажиточно, имеет десять коров, около двадцати овец и три-четыре лошади. Аул, где живет Мукай, лежит на пути в сторону Акмолинского уезда, и я обрадовался этому. Теперь мы с Ильясом решили заглянуть к Мукаю. Потом Ильяс проводит меня до моего аула во избежание неприятностей.

Начали готовиться к выезду. Сын Ильяса обошел весь аул, но не нашел подводы. Пришлось запрячь в телегу темно-серого вола. Взяли на дорогу лепешек, испеченных в золе, купили масла и вдвоем отправились в путь.

Если сядем оба на телегу, вол не тянет. Идем пешком. К вечеру остановились на ночлег у одного бедного казаха. Утром спозаранку тронулись дальше. Оставляя след на черноземной рыхлой почве Баян, мы пересекли посевные поля. По пути встретили семью кочующего казаха. На двух верблюдах навьючен домашний скарб. Едут трое мужчин и одна молодая женщина. Казах с черной бородой поздоровался с Ильясом, и неожиданно они начали крепко ругаться. Встречный казах требовал у Ильяса какой-то должок. Разгорался скандал. Вмешался я, но чернобородый не унимался. Подозвал еще двоих мужчин из своего каравана. Оказывается, они сторожили посевы одного богатого казаха из Баян-аульской станицы.

— Я поведу вас в станицу, сдам русским... Вы беглецы!..

Это заявление озадачило меня пуще всего. «Если бы я встретился в голодной степи с этим чернобородым, то погнал бы его пешком!»— со злостью подумал я.

Три казаха отобрали у нас вола с телегой, установили свою юрту и никуда нас не отпускали. Чернобородый слыл отменным законником в этих местах. Он научился всем подлостям у казачьего урядника. Потребовал у меня документы. Я показал. Он поглядел на бумагу и принял важную позу грамотея.

Со дня бегства от колчаковцев мои документы проверяли всего лишь в двух местах: на восточном склоне Баяна, в ауле хаджи Жантемира, а второй раз — на западном склоне тех же чудесных гор. Это разгневало меня. Как же мне не сердиться! На вокзале в Омске, в Татарке, в Славгороде, в Павлодаре специальные сыщики Колчака не требовали у меня документов. В поисках спасения издалека прибыл в родной Баян, и тут в первую же встречу сами казахи требуют у меня документы! Если бы знал их Колчак, то, безусловно, назначил бы руководить своими ищейками. Ползающие у подножья Баяна казахские пройдохи, научившиеся у богатеев их повседневным подлым повадкам, оказались гораздо бдительнее змеенышей Колчака с блестящими погонами на плечах!

Весь день мы просидели в юрте чернобородого. Он нас не выпускал. К вечеру похолодало, начался буран. Снежная буря бушевала и на другой день. Мы сидели

скорчившись в одинокой юрте в распоряжении чернобородого. «Эх ты, сволочь, встретился бы ты мне в степи!..— думал я.— Гнал бы я тебя плетью пешего, как последнюю собаку!»

На другое утро буран стих. К полудню казахи нас освободили, оставив у себя вола и телегу.

Что я мог сделать в дальней стороне среди чужих?! Спутник мой — слабый хилый старик...

Мы поплелись пешком. Отойдя несколько верст, я попросил старика вернуться домой, а сам отправился в аул нагашы Мукая.

В САРЫ-АРКЕ

Только вчера земля была черной, а сегодня уже белая. С запада дует легкий ветерок. Аулов нет.

Я шагаю по тропинке опять в одиночестве.

Поднялось солнце — снег начал таять, появились черные проталины; они ширились с каждой минутой, и к обеду снег стаял...

Я прошел мимо озера, о котором мне говорил Ильяс. На берегу его стояла одна заброшенная зимовка, развалина, похожая на провалившийся нос гнусавого. Потом перевалил через плоскогорье, о котором тоже мне говорил Ильяс, и увидел аул. С тех пор, как я вырвался из лагеря, я впервые увидел так много скота. В этих местах зима была не такой суровой и принесла казахам меньше ущерба.

Мне навстречу с лаем выбежало шесть или семь псов, все как один упитанные, бешеные. Они напали на меня. Байские собаки пьют жирный бульон, гложут жирные кости, жрут вдоволь мясо сдохшей скотины, поэтому бесятся. Если дать им волю, то моментально разорвут человека на куски. Кое-как я отбился от них камнями.

Зашел в юрту бая, мне подали выпить коже[1]. Выйдя из юрты, я долго шагал босиком по талой воде. Вдали на склоне сопки виднелся аул. Когда солнце село, я подошел к аулу аксакала Айсы, о котором говорил мне Ильяс.

---

[1] Коже — жидкая смесь муки с молоком, подается обычно бедным посетителям.

Возле аула люди очищали колодец от застоявшейся воды. Аксакал Айса с белой широкой, словно лопата, бородой, сидел возле колодца. Четыре-пять жигитов вычерпывали воду бадьей. Я поздоровался с Айсой, и начался обычный расспрос.

Теперь моя биография такова: я, одинокий молодой человек, направляюсь в аул Балабая из рода Бабас, одного из разветвлений Каржаса, выходца из Баяна.

Расспросив меня, аксакал Айса, шутливо улыбаясь, сказал:

— Мой герой, у тебя телосложение крепкое, подходящее для очистки колодца. Ну-ка, покажи этим жигитам свои способности!

Я начал орудовать бадьей. Айса поддразнивал своих:

— Эй вы, удальцы, почему лениво поворачиваетесь, берите пример с него!

Ночевал я у Айсы. Расчесывая свою длинную седую бороду, он расспрашивал меня и сам много рассказывал. Айса показался мне умным, сведущим стариком. Он похож на старого ястреба. В его саманном домике две комнаты.

Совершая намаз, Айса сказал:

— Голубчик мой, ты производишь впечатление достойного жигита, но почему не совершаешь намаз?

— Моя одежда не совсем чиста для совершения намаза. К тому же болячки одолевают меня,— начал я отнекиваться.

Подоили яловых кобылиц. Утром, не дожидаясь чая, я напился кумыса и тронулся в путь.

Перевалив через сопку, я увидел три-четыре аула. Юрты были установлены рядами перед горой Далба, в широкой и просторной долине. Аулы зажиточные, здесь много скота. Я свернул с дороги, зашел в белую юрту. За юртой пасся оседланный, но разнузданный конь. Войдя в юрту, я поздоровался и застыл от удивления. Произошла необыкновенная встреча.

В юрте только что приступили к утреннему чаепитию. На почетном углу дастархана, напряженно выпрямившись, сидел молодой человек, круглолицый, с глазами верблюжонка, прямым носом, с пробивавшимися усиками. Я его узнал сразу. В прошлом, 1918 году, зимою в Акмолинске этот жигит учился на вечерних курсах, где я преподавал. Из Баян-аула, из рода Каржас, учился в ак-

молинской семинарии некто Карим Сатпаев. От Акмолинской и Семипалатинской областей алаш-орда выдвинула тогда делегатом в учредительное собрание Абикея Сатпаева, его родного брата. В Акмолинске сам Карим Сатпаев близко общался с нами, и когда мы открыли курсы по обучению казахских подростков, Карим привел к нам жигита из своего аула. Тогда они вдвоем жили в доме известного казахского бая Матжана... И вот теперь, в апреле 1919 года, в Баян-аулском районе, в казахском ауле возле горы Далба, утром в юрте я встретился со своим круглолицым учеником, которого к нам привел Карим год назад. Какое неимоверное совпадение! Как дубинка, воткнутая в землю тонким концом, торчал жигит в почетном углу и спокойно глотал чай. Раньше одевавшийся со вкусом, он и теперь не изменил своей привычке. Когда я поздоровался, он ответил вежливым приветствием. «Садитесь пить чай!»— последовало приглашение.

Я сел ниже всех, на почтительном расстоянии от дастархана. Стараюсь не выдать себя. Когда начались обычные расспросы, я сказал то же, что и аксакалу Айсе: «Еду из Баяна в аул Балабай, из рода Бабас».

Мимолетным взглядом я заметил, что ученик мой пристально смотрит на меня. Пока я выпил две пиалы чаю, он не отрывал от меня глаз. Когда я ответил на его взгляд, он спросил:

— Как вас зовут?

— Дуйсемби,— ответил я.

Мой ученик разочарованно пошлепал губами, изобразил удивление на лице и замолк. Он был уравновешенным, серьезным жигитом и ограничился молчаливым удивлением, не стал расспрашивать.

Разузнав дорогу, я пошел дальше. Выйдя из юрты, я первые мгновения колебался: может быть, вызвать ученика, отвести в сторонку и наедине рассказать ему обо всем? Но если я расскажу одному по секрету, то этот секрет распространится на всю округу. Я поплелся дальше. С запада дул холодный ветер. Обыкновенный, весенний, временами усиливающийся до ураганного. По небу плыли темно-серые густые облака, словно льдины весеннего половодья. Плоская равнина, увалы, сопки, холмы и горы — сегодня все мне казалось серым, непривлекательным. Целый день я шел по безлюдной тропинке.

На закате среди мелких сопок я узнал возвышенность Кара-Тока[1], о которой мне рассказывал Ильяс.

Он говорил: «Запомни, что на ее вершине будет видна зимовка. Тебе, наверное, придется заночевать в том ауле...» Я заинтересовался названием «Кара-Тока», потому что мои предки принадлежали к этому роду.

Я подошел вплотную к зимовке, но никого не увидел. Кажется, жители ее только что откочевали. Дворы раскрыты, словно разрушенные пещеры. Лежат трупы двух лошадей. Вокруг падали носятся собаки. Они с остервенелым лаем ринулись на меня, защищая свою жертву. Я зашел в одну из землянок — ни души. Взобрался на крышу и оглядел окрестности. Между сопками тянулся сухой овраг и пропадал в степи. У подножия Кара-Тока бурлил ручей. Вдали виднелся пасущийся скот. Прикрытое серыми облаками солнце уже перевалило за сопку.

Как мне быть? Дойду ли я до того аула, где пасется скот? Не заночевать ли мне на этой заброшенной зимовке?.. А на ужин сварить кусок падали? Что же зазорного в этом?.. В омском лагере сидели вместе с нами венгры. Они каждый день убивали по одной собаке и съедали ее. Однажды венгр Хорват и Панкратов угостили меня собачьим бульоном, и я не отказался. А чем мы лучше венгров? Если они едят собачье мясо, почему бы мне не поддержать силы мясом сдохшей лошади?..

Далеко было идти, но я все же отправился туда, где виднелись пасущиеся овцы. Пришлось раздеться, когда переправлялся через речку, поросшую тальником. Мутная вода холодна, словно мерзлое железо, ошпарила, обожгла тело холодом и хотела увлечь за собою, как легкое перекати-поле...

Когда солнце село, я еле добрался до аула, расположенного на берегу речушки. Здесь оказались жители зимовки с макушки Кара-Тока. Остановился на ночлег.

Спозаранку, выпив чаю и чашку кумыса, отправился дальше.

День холодный. С запада дует ледяной, насквозь пронизывающий ветер. Порою серые облака собираются, сгущаются и опускаются вниз к земле.

Опять переправился через речку с тальником и наткнулся на аул. Когда второй раз переходил холодную

---

[1] Кара — черный; тока — имя основателя рода.

речку вброд, один всадник выехал из аула навстречу мне. Чернобородый, краснощекий, с открытым добрым лицом, он на саврасой кобыле подъехал ко мне.

— Давай я переправлю тебя, садись-ка на круп моей лошади!— предложил он.

— Нет, я сам перейду, спасибо...

Он с иронией заметил:

— Вишь, какой ты жигит! Что за вежливость такая?!. Я не отпущу тебя ни на шаг, пока не переправлю!— заявил он и поставил коня поперек тропинки. Я переехал на крупе кобылы и попрощался с добрым казахом.

Заглянув в аул, я убедился, что не сбился с дороги, иду верно. К полудню увидел аул на плоскогорье. Вблизи паслось стадо овец. Я присел в густо поросшем ковылем овражке, вынул из кармана лепешку и, смазав ее остатком масла, начал есть. Ко мне подъехал на рыжем воле мальчик-чабан. Глаза его жадно смотрели на хлеб. Одежда на нем разодрана, залатана. Похоже, он только что оправился от тифа. Щеки бледные. Я подал ему хлеб с маслом. Он поймал его на лету, как окунь, глотающий наживку.

— Вот и наступил день, когда я увидел масло!— с горечью заметил мальчуган.

— Разве у вас в ауле нет масла?

— У нас еле пережили суровую зиму! Много прошло времени, как мы не пробовали масла!

— Ты пасешь большое стадо овец. Неужели у хозяина нет масла?

— Может быть, для себя и есть, но нам разве достанется?

— Сколько тебе платят?

— Доброй платы нет, о которой можно было бы говорить...

— Но все же?

— Пуд пшеницы, одну пару сапог, потом еще изношенный халат, вот и все!

— За эту плату ты пасешь стадо все лето?

— Да!— ответил пастух.

...В другом ауле я зашел в юрту старшей сестры Мукая, о которой мне говорил Ильяс. Она тоже живет бедно. Отсюда уже было недалеко до аула Балабая, где жил мой нагашы Мукай.

В пору вечерней молитвы я прибыл в аул Балабая

Сары-адыр. Он стоит обособленно. Сопку Сары-адыр можно увидеть издалека. Аул Балабая расположен на самой ее макушке, он все еще находился на зимовке. Когда я подходил к подножью Сары-адыра, серые облака сгустились и опустились ниже, начал падать снег. Я так устал, что еле вскарабкался на плечи Сары-адыра.

Аул состоял всего лишь из четырех хозяйств. В одной из юрт жил мой нагашы Мукай. В большой юрте — сам Балабай, который приходится Мукаю тестем. В третьей юрте жил старший сын Балабая.

Я увидел жигита, который поил из ведра мухортую кобылу с белым пятном на лбу. Поздоровались. Плечистый, рослый, с редкой бородой и усами, похожими на хилые травинки каменистой местности, он одет в короткое купи, покрытое сверху полосатой тканью. На ногах его были казахские сапоги с войлочными чулками, на голове поношенный тымак из черной мерлушки, похожий на шлем богатырей. По описанию самого Ильяса, это и был Мукай. Мимо нас то выходили со двора, то входили во двор люди, не обращая на нас внимания.

— Вы Мукай?— спросил я.

— Да... А откуда ты меня знаешь?

Я вкратце рассказал, откуда иду и тут же объяснил, что я — Сакен. Он сначала раскрыл рот от удивления, но затем недоверчиво усмехнулся.

— Молодой человек, не надо выдумывать. Мы — казахи — в любом случае должны принять гостя!

Не поверил мне Мукай, подумал, что я не Сакен, а лишь прикидываюсь жиеном, чтобы меня здесь приняли. Мукай меня никогда не видел. Я опешил. Что делать? Я начал рассказывать подробнее. Сказал, что был у Ильяса, описал его хозяйство, поведал, как Ильяс меня провожал и как с пути вынужден был вернуться обратно. Рассказал про бедность и в семье Ильяса. Свое белье и суконный бешмет я отдал Ракишу — сыну Ильяса, а взамен надел залатанный бешмет Ракиша. И тут же я для убедительности показал его Мукаю. Сказал, что зимой умер старший сын Ильяса. Мукай поверил, изменился в лице, заплакал, стал обнимать меня. Вскоре к нам подошел седой человек с палкой в руках, сам Балабай. Увидев слезы на глазах Мукая, он участливо спросил, что случилось.

Вошли в юрту Мукая. По моей просьбе всем аулчанам Мукай представил меня так:

— Это сын Катши, родной сестры отца. Он доводится мне жиеном. Возвращается с завода Екибастуз на родину в Акмолинский уезд.

Мукай жил в залатанной, темно-серой четырехстворчатой юрте с молодой женой и маленькой дочерью. Судя по обстановке, жил он бедновато. Меня усадили на стеганое одеяло в почетном углу. Узнав о кончине старшего сына Ильяса, жена Мукая громко зарыдала. Быстро собралась детвора, прибежала старуха Балабая, родная сестра Мукая, все громко заплакали. Пришла рослая, круглолицая, жгуче черноволосая девушка, свояченица Мукая, младшая дочь Балабая. Пришли два сына Балабая. Словом, все дети и все женщины четырех юрт оказались в сборе, чтобы поплакать.

АУЛ, ПОДАРИВШИЙ ОТДЫХ

Аул Балабая благополучно перенес суровую зиму. Он расположен на самом дальнем краю Баян-аульского района, почти на стыке границ Каркаралинского и Акмолинского уездов. С вершины Сары-адыра, если смотреть на юго-запад, увидишь земли Каркаралинского уезда, повернешься на запад — увидишь земли Акмолинского уезда, а на юге недалеко и граница Семипалатинского уезда, виднеются горы в голубом мареве.

Все четыре хозяйства аула живут в согласии, как одна семья. Люди простые, душа нараспашку, обычай гостеприимства, свойственный казахам, соблюдают охотно. Не болтливые, не пройдохи, не способны на подлость. Я быстро свыкся с ними, нашел общий язык.

Жил я у Мукая. Меня вдоволь угощали оладьями, кислым молоком и сливками. У него было четыре или пять коров, все с телятами, около двадцати овец, четыре тощих лошади. На гнедом куцем жеребце Мукай намеревался отвезти меня в родной аул, но только после того, как потеплеет, появится трава и жеребец поправится, наберет сил. До наступления этого удобного момента я остался жить, отдыхать у Мукая.

Итак, пройдя пешком восемьсот сорок четыре версты, я добрался до аула Балабая на Сары-адыре, на стыке четырех уездов Акмолинской и Семипалатинской губер-

ний. После такого большого и многострадального пути я наконец нашел спокойный отдых в этом ауле.

Легко сказать, восемьсот сорок четыре версты!

В 1919 году в суровый январский мороз нас погнал отряд атамана Анненкова из Акмолинска в Петропавловск. Четыреста верст я прошел пешком. Бежал из омского лагеря, поездом добрался до Славгорода и оттуда во время таяния снега прошел до Павлодара сто пятьдесят две версты, из Павлодара в распутицу по колено в воде прошел до Баяна сто девяносто две версты. И наконец из Баяна до аула Балабая прошел около ста верст...

Я полюбил аул Балабая. Все хорошие, откровенные, не щепетильные люди. Я быстро стал поправляться. Зажили израненные ноги, окрепли мускулы. Дни стали теплее, зазеленела трава. Аул Балабая перекочевал на Кокозек, на восток от Сары-адыра. В ауле я стал своим человеком. У Балабая было около сорока лошадей, сто пятьдесят овец и множество коров. Я ухаживал за скотом, караулил табун. Аул располагался в одиночестве, некого было кликнуть на помощь в случае нападения грабителей, конокрадов. «Забывая о зле, не дождешься добра»— гласит народная поговорка. Ближайший аул от нас находился в десяти-пятнадцати верстах на восток, кроме него на зов прийти некому. А бродячих воров много, время нехорошее после голодной зимы.

Однажды к вечеру сам Балабай с вершины сопки заметил группу подозрительных всадников с южной стороны Сары-адыра. Он прискакал в аул. Все шестеро мужчин сели на коней. Мне оседлали темно-серого, на котором ездила дочь Балабая. Вооружились дубинками. Было одно ружье, которое взял я. Демонстрируя свое вооружение, мы поскакали в сторону подозрительных всадников. Но те, заметив нас, не стали ждать стычки и поскакали в сторону горы Семиз-буги — Жирный олень. После недолгого преследования мы вернулись обратно.

После этого случая я стал охранять по ночам лошадей Балабая. Если появлялась в окрестности сомнительная личность, то я тут как тут верхом на доброй лошади Балабая. Табун в сумерках пригоняли в аул. Дочь Балабая ночью сторожила овец в загоне. Вот мы вместе с ней вдвоем и коротали весенние ночи.

...Расстелив на зеленой травке узорчатую кошму, сидит дочь Балабая возле загона. На плечи ее накинут ха-

лат, в руках звонкоголосая домбра. А вечер ласковый, теплый, весенний. Сине-голубое небо как будто прошито бесчисленными серебряными гвоздями, оно кажется большим шатром из голубого бархата. Изредка пройдут белые перистые облака, будто из чеканного серебра. А луна — словно золотое блюдо подвешено к своду голубого шатра. Звезды и луна озаряют темную, тихо дремлющую землю. Овцы в загоне спят... В тиши дремлет аул. Только изредка слышится блеяние, негромкое мычание скотины. Вся вселенная до высокого неба как будто в колыбели приятного опьянения.

На узорчатой кошме сидит дочь Балабая, безмятежная красавица степи с домброй в руках. Я лежу на спине и гляжу в небо, будто хочу сосчитать звезды, купаюсь в глубоком море моей мечты. Рядом с нами стоит темно-рыжий жеребец с белым пятном на лбу. Поводья привязаны за переднюю луку седла. Красивый скакун тоже как будто мечтает, дремлет, изредка чмокает губами. Кругом тишина... Но вот послышалась нежная мелодия домбры. Домбра дрожит, словно размышляет о чем-то. Красавица, дочь Балабая, исполняет песню «Зулкия», сочиненную в Акмолинске. Своей печальной песней Зулкия как будто утешала себя, как ребенка...

Я Оспанбая дочь, Зулкия.
В руках Зулкии гармошка.
Альди-ай!
Чем жить мне с плешивым глупцом, лучше я
Уйду в компании с хорошим.
Альди-ай!
Не плачь, мой младенец, не плачь, перестань,
Не плачь ты, мой светик, усни.
Альди-ай!
Ведь телка-двухлетка все стадо ведет.
В горе морщинки лицо мне покрыли.
Альди-ай!
Тобою плешивый владеет за скот.
Кто может перечить всевышнего силе?
Альди-ай!
Не плачь, мой младенец, не плачь, перестань,
Не плачь ты, мой светик, усни.
Альди-ай!
Жила я на острове Красный тростник.
Плешивый не пара мне, как я пойду?
Альди-ай!
Хоть был бы он ровня, а не старик,
То разве бы я так проклинала судьбу?
Альди-ай!

Не плачь, мой младенец, не плачь, перестань,
Не плачь ты, мой светик, усни.
Альди-ай!
Кого может тронуть девушка плачем?
Кто может принесть ей от бед избавленье?
Альди-ай!
Напрасно просить у бога удачи —
Вырваться трудно, коль ты в заточенье.
Альди-ай!
Не плачь, мой младенец, не плачь, перестань,
Не плачь ты, мой светик, усни.
Альди-ай!

...Она утешает сама себя, потому что никто не проявляет участия в судьбе бедной девушки, никто не обращает внимания на ее слезы.

А земля и небо молчат. Небо и земля — глухи...

Я рассказал об одном из вечеров, который мне запомнился.

Вскоре разнеслась весть, что в соседние аулы прибыли волостной управитель и пристав.

Хотя во время колчаковщины и правления алаш милицию все величали «начальником», но в окрестностях Баяна звали по-старому «приставом».

«Зачем приехали? По сбору чего?»— встревожился аул Балабая. Оказалось, что для нужд фронта с каждого аула требуется по одной лошади, по одной телеге, по одной кошме и по одному жигиту.

Вслед за этой вестью пришла и другая весть: «Пригодного коня с телегой забирают насильно. Жесток и волостной и пристав. Волостной — один из потомков Чермана, из рода Каржас.

У Балабая имелась одна сносная телега и пять хороших жеребцов. Самый лучший из них — беговой темно-рыжий жеребец с белой отметиной на лбу. Сыновья Балабая говорили, что волостной Черманов залюбовался им еще тогда, когда жеребцу было всего два года от роду. В 1916 году, когда казахскую молодежь забирали на тыловые работы, на скачках этот темно-рыжий двухлеток получил приз. После скачек волостной Черманов освободил двух сыновей Балабая от тыловых работ и за это забрал призового жеребца с отметиной. После свержения русского царя сыновья Балабая сами забрали жеребца обратно. Теперь, при власти Колчака и алаш-орды, тот же Черманов снова стал волостным. Усердствуя по

сбору помощи войскам алаш-орды, он притеснял народ так, что у того хрустели кости. Было ясно, что Балабаю он не простит угона призового жеребца, своего любимца.

Аул переполошился. Мукай обратился ко мне за советом. Я предложил свой план — в крутом овраге спрятаться вместе с телегой и лучшими жеребцами из табуна.

Захватив с собой кислого молока, кумыса и творога, мы с одним из жигитов Балабая уехали из аула. Подо мной темно-рыжий жеребец с отметиной, других коней мы вели за собой в поводу. Мы договорились — когда волостной уедет из аула, нам должны сообщить об этом, причем вестовой сначала должен подняться на возвышенное место, чтобы мы смогли его заметить издали.

Мы поселились на оставленной зимовке в горах, кормили сеном лошадей, днем и ночью зорко их караулили. Днем, раздевшись до пояса, мы с жигитом подставляли свое тело теплым лучам солнца. Я рассказываю веселые истории, мой слушатель смеется:

— Эй, Дуйсемби, ты очень забавный человек!

Мы спасли от волостного коней и телеги. Больше месяца я пробыл в ауле Балабая.

Когда днем дочь Балабая доила кобыл, я держал жеребят. В пору весны я досыта насмотрелся и налюбовался беспечной жизнью жеребят, резвящихся под лучами теплого солнца на зеленой лужайке...

Куцый гнедой жеребец Мукая, наконец, поправился. Началось лето.

Пришел день, когда Мукай запряг своего гнедого. В телегу постелили старую узорчатую кошомку. Я сел на место кучера, а Мукай в роли хозяина уселся сзади, на почетное место в телеге.

Мы распростились с гостеприимным аулом Балабая и поехали. Обноски своей зимней одежды я оставил в доме Мукая. У Ильяса я сменил ушанку на тымак из серой мерлушки. Отдал Ракишу, сыну Ильяса, свою суконную тужурку, надев взамен залатанный бешмет. Жене Мукая я отдал свой хорьковый полушубок, а взамен надел поношенный халат из дешевой материи.

В рваном ситцевом халате, в потертом тымаке, в штанах из овечьей шкуры, в тупоносых сапогах, я был похож на кучера. Человек в такой одежде только для того и годится, чтобы запрягать и распрягать лошадей, выво-

дить их на луг, стреножив, пасти, одним словом, ухаживать за лошадьми.

Я не намерен подробно описывать всю нашу дорогу от аула Балабая до нашего аула, чтобы не утомлять читателя. Расскажу вкратце.

Переехав границу Павлодарского уезда, мы оказались на Акмолинской земле. Не спеша в течение десяти дней добирались до южных аулов Акмолинского уезда.

Всюду обсуждалось поведение большевиков и «желтых русских»— так называл народ чиновников Колчака и русских буржуев. Большая часть населения потихоньку проклинала «желтых» и открыто заявляла о своем добром отношении к большевикам.

Мы достигли берегов реки Сабыр-кожа, где обычно наш аул располагался на лето. Но нынче аул не смог добраться сюда и остался в долине реки Есен. От Сабыр-кожи до Есена примерно сто верст. Здесь аулы редки. В пятнадцати-двадцати верстах от Сабыр-кожи на берегу речки Кундызды располагаются два аула. Затем снова, примерно через пятнадцать-двадцать верст, на берегу озер Шоптикуля и Жаманкуля находится еще два аула. Затем на берегу Нуры есть еще два поселка, а дальше вплоть до нашего аула — безлюдно.

К закату солнца мы переправились через Сабыр-кожу и увидели два богатых аула с белыми юртами. Вдоль реки, пощипывая сочную зеленую траву, пасся многочисленный табун саврасых лошадей. За аулом звонко блеяли отары белых овец. Очень много коров и верблюдов. Аул не только богат, но и знаменит — в нем хозяйничает известный дворянин Жангир, внук Коныр-Кулжи Худайменди́на — бывшего городничего, в свое время управлявшего всем Акмолинским уездом. В ближнем ауле живет сам Жангир, а в ауле подальше — его зажиточный толенгут. Три больших белоснежных юрты Жангира высятся как минареты. Мы во все глаза неотрывно смотрели на аул и на множество скота. Я видел аул Жангира впервые, хотя прежде жил неподалеку.

Когда мы переправились через Сабыр-кожу и выехали из оврага, навстречу нам показался всадник, ведущий в поводу второго коня. Безусый, безбородый худощавый жигит был хорошо одет. Я сразу узнал его, но не подал виду. Поздоровались, расспросили друг друга. С жигитом говорил Мукай, а я безмятежно разглядывал аул,

делая вид, что совершенно не узнаю встречного жигита. Он здешний. Имя его Ауесхан. Его отца звали хаджи Ахметжаном. Ауесхан учился в Акмолинской городской русской школе вместе со мною, но только в младшем классе. В 1916 году в связи с восстанием казахов он целую зиму провел в тюрьме и освободился после свержения царской власти.

Сейчас Ауесхан, пристально глядя на меня, расспрашивал, куда Мукай держит путь.

— Вы едете в аул ененцев из рода Тока?[1]— спросил он.

— Едем в аул Жанибека! — ответил Мукай.

— У вас там родственники?

— Сейфулла доводится нам жиеном.

Я спокойно, холодно поглядел на Ауесхана, который в свою очередь упорно продолжал изучать меня взглядом.

— А вы кем доводитесь Сакену? — спросил меня Ауесхан.

— Кто такой Сакен?

— Известный Сакен Сейфуллин — Садвокас,— твердо сказал Ауесхан.

Я с удивлением обратился к Мукаю:

— О каком Сакене он говорит?

Ауесхан начал описывать мне меня же самого.

— Как же вы не знаете Сакена? У Сейфуллы был сын по имени Сакен... Увы, забрали его в тюрьму, пропал он...— с сожалением закончил жигит.

Мне не хотелось оставлять Ауесхана в неведении. Но ведь известны казахские обычаи: раскроешь тайну своему другу, а он непременно передаст другому, тот третьему — и так на всю округу.

Ауесхан тронул было коня, сказав «до свидания», но тут я не выдержал:

— Как вас зовут?

— Ауесхан! — последовал ответ.

— Неужели вы не узнаете меня?

Ауесхан мигом слетел с коня и со слезами на глазах обнял меня. Он обрадовался встрече, как ребенок.

---

[1] Тока — основоположник большого рода. Сын его Бесим имел двух жен — Ботей и Даулетбике. Позднее его старшую жену Ботей потомки с почетом называли Енеи — мать. Сакен Сейфуллин принадлежит к этому роду.

— Колчак свирепствует,— рассказывал Ауесхан.— В одном поселке между Акмолинском и Атбасаром поднялись крестьяне вместе с большевиками и хотели освободить Атбасар, но тут подоспел многочисленный отряд колчаковцев. Он разгромил восставших. Многие селения сравняли с землей. После этого в Акмолинске расстреляли всех заключенных. Если кто-нибудь по злобе укажет, мол, «это — большевик», то дело с концом. Одного учителя из волости Кум-куль, признав большевиком, увезли в город и расстреляли. Арестовали Бекетаева Толеубека и его сына Сеитрахмана. Расстреляли твоего товарища Нурганна и многих других людей,— заключил Ауесхан.

Со стороны верховья реки подъехал к нам верховой с гончей собакой. Поздоровались. Не слезая с коня, он спросил у Ауесхана, кто мы такие?

— Они из рода Суюндика. Доводятся нагашы Сейфулле из рода Тока,— разъяснил Ауесхан.

— А-а, отца Сакена? — жигит что-то пробормотал и уехал.

Мы попрощались с Ауесханом. По его совету, мы не стали останавливаться на ночлег у Жангира, потому что у него находился волостной с писарем, а проехали в следующий аул, где жил его богатый толенгут по имени Байтуган.

У Байтугана около трехсот овец. Много коров и волов. Живет он в большой белой юрте. Мы распрягли гнедого жеребца и подошли к юрте. Байтуган со своей старухой не пустили нас.

— Наш дом не гостиница для бродячих казахов! Убирайтесь подальше!...— завопили они.

— Мы в безвыходном положении. Мы не просим нас угощать, но хоть не прогоняйте!— По казахскому обычаю мы заспорили и со скандалом самовольно вошли в юрту. Хозяева вышли и начали бранить нас с улицы. Мы вдвоем остались в чужой юрте. Через некоторое время вошла сноха, развела костер, пришел и взрослый сын хозяина. Оба молча глядели на нас. Потом вошел и сам Байтуган. После всех подсела к костру и старуха.

Это было в месяц великого поста. Специально к «ауыз ашару»[1] приготовили чай, угостили и нас. Во время чае-

[1] «Ауыз-ашар»— пища, приготовленная к вечеру, когда постящийся впервые за целый день раскроет рот. (Дословно —«к раскрытию рта»).

пития хозяйский сын ударил свою жену кулаком по лицу. Жена упала навзничь, выронила из рук посуду...

«Какие они вежливые»,— подумал я.

Постепенно с нашим вторжением свыклись и начался разговор с Байтуганом. Притворившись ничего не знающим, я спросил о житье-бытье Жангира. Байтуган безудержно начал восхвалять его за щедрость.

— Однажды для своей суки, которая в первый раз ощенилась, он заколол ягненка, чтобы накормить ее свежим мясом... Когда он отдавал зекет[1], то сам лично отсчитывал сто лошадей и каждую сто первую лошадь, пусть это будет самый драгоценный конь, без колебания отдавал мулле... Во время жертвоприношения он всегда забивал крупного вола. И слугам своим раздавал скот, чтобы и они приносили его в жертву. Щедрее этого дворянина еще никого не было на земле...

Когда Байтуган кончил возвеличивать своего хозяина, я начал ругать Жангира, раздразнил и совсем доконал бедного Байтугана!..

Дождь шел всю ночь... Мы с Мукаем, скорчившись, без постели лежали в юрте. Спозаранку старуха опять начала ругать нас и с остервенением выбросила на улицу нашу упряжь, внесенную на ночь в юрту... Я проснулся от зычного голоса старухи и начал собирать сбрую.

— Посмотри на них, дугу и хомут внесли в юрту! Не ужели кто-то позарится на этот хлам?!— кричала старуха.

На водопой я водил коня сам и прошел нарочно вблизи от аула Жангира. Раньше я слышал, что у дворянина есть неописуемой красоты дочери. Мне захотелось увидеть их, вот почему, пустив коня пастись, я долго лежал у реки, вблизи белоснежной юрты...

К полудню мы уехали. После ночного дождя дорогу развезло, лошадь еле тянула телегу и поэтому мы шли пешком. К вечеру добрались до Шоптикуля. Возле озера мы повстречались с тремя всадниками, жигитами из аула, в котором мы хотели сегодня переночевать. В этом ауле жили казахи из рода Тока. Три жигита долго ехали рядом с нами. Один из жигитов, Абиш, 1917 году, когда здесь проводили аульные собрания по выборам в комитеты, встречался со мной. Свесившись с седла,

[1] Зекет — религиозный налог.

он долго глядел на меня, но так и не узнал. Жигиты уехали своей дорогой.

Поздно вечером мы приехали в аул Бейсембая на Шоптикуле. Утром пили чай в юрте одного из сыновей Бейсембая по имени Бексултан. Во время чаепития зашел с улицы молодой жигит и разговорился с нами. Почему-то ему захотелось посмеяться надо мной. Я притворился наивным простаком, жигит клюнул на эту удочку и обрадовался безмерно.

В юрте сидел беркут. Глядя на него, я спросил:

— Это что за птица такая, не филин ли?

Жигит досыта насмеялся и спросил меня:

— Разве в нашем краю не бывает беркутов?

— Говорили, что бывает... Я не представлял его таким... Он чем питается, пшеницей?

Жигит громко расхохотался.

— А где он живет? Наверное, в этом озере обитает?— продолжал я.

Вдоволь насмеявшись, жигит объяснил:

— Мы его поймали в горах Карт... Они там гнездятся!

Этот аул зимовал возле невысокой сопки Карт, всего в полутора верстах отсюда.

— Ой-бой, видимо, Карт — недосягаемая гора?

— Да, до вершины ее не доберешься верхом на лошади!

— А для чего вы беркута держите? Он вам яйца несет?— продолжал я разыгрывать жигита.

— Да, мы его заставим нести яйца!— отвечал довольный жигит.

Из аула мы уехали неузнанными. На расстоянии окрика от этого аула стоял аул Кошмагамбета, на берегу озера Жаманкуль. Аул готовился к откочевке. Здесь жили две старшие двоюродные сестры моего отца. Не поздороваться с ними, проехать тайком я считал для себя непозволительным. Аул, свертывающий юрты, в суматохе откочевки не обратил на нас внимания. К этому времени как раз подъехал Абиш, встретившийся с нами вчера на дороге. Он все еще не узнавал меня. Я отвел его в сторону и назвался.

— Теперь ступай к моей сестре и расскажи обо мне. Только пусть она не плачет, когда будет здороваться. Пусть сделает вид, будто не узнает меня!

Сестра разбирала юрту. Абиш подошел к ней, что-то сказал, и они вдвоем направились к нашей телеге. Подойдя ко мне, сестра не удержалась и громко зарыдала!..

Моментально все аулы, находящиеся на берегах Шоптикуля и Жаманкуля, узнали о моем появлении. Кто на лошади галопом, кто пешком заторопились в аул, чтобы повидаться со мной. Дальше скрываться я уже был не в состоянии.

Пообедав, напившись кумыса, мы запрягли в телегу двух отборных упитанных жеребцов и помчались дальше. По пути встретили едущего из города купца, полутатарина. С ним были два жигита из нашего аула, работающие у него по найму. Жигиты проехали мимо, не узнали меня. Нас сопровождал паренек из аула Кошмагамбета. Мы посылали его вдогонку за жигитами из нашего аула, чтобы он тайком от купца сообщил им обо мне.

— Сначала пусть незаметно придет старший из них — Дильмагамбет, а после пусть подойдет младший — Алшагир,— наказал я.

Паренек убежал. Вскоре к нашей телеге прибежал Дильмагамбет. Плачет, торопливо озирается и спрашивает у нас:

— Где Сакен?..

Он тоже не узнал меня.

Купец сделал привал на берегу Нуры, пустил лошадей пастись. Мы тоже остановились, распрягли лошадей и вскипятили чай. Подошел Алшагир, безмерно веселый, как ребенок.

На другой день мы прибыли в наш аул. Дильмагамбет нашел предлог, отпросился у купца и поехал вместе с нами. Я послал его в аул, чтобы он подготовил мою семью — отца и мать, братьев и сестер, и, во-вторых, предупредил, чтобы, кроме нашей семьи, никто не узнал о моем приезде. Повидавшись с родными тайком, я отправлюсь в Туркестан.

— Скажи, что мы являемся нагашы моему отцу, прибыли из Павлодарского уезда,— несколько раз строго наказал я Дильмагамбету.

Быстро подъехали к соседнему с нашим аулу. Увидели большую группу мирно беседующих людей. Нам навстречу поскакал мальчик на коне. Я сразу узнал Жа-

мана, сына Сулеймена. Поздоровавшись, он спросил, куда мы едем и откуда.

— Едем из Павлодарского уезда, доводимся нагашы Сейфулле. Мы из Айдабола, относимся к большому роду Суюндика...

Мальчик помчался обратно к своим, чтобы рассказать.

Оставалось совсем немного до нашего аула. Мы увидели скачущего навстречу жигита со вторым свободным конем в поводу. С этим жигитом я вместе рос с детства. Зовут его Кадырбек. Увы, он тоже не узнал меня! Он круто остановил коня, спросил у Мукая, куда едем, и хотел было скакать дальше, но я не вытерпел:

— Вы из какого аула?

Он узнал меня по голосу, быстро оглянулся. В сильном смущении торопливо спрыгнул с лошади. Тут мы все рассмеялись.

Подпрягли обеих лошадей Кадырбека и помчались. Вскоре заметили вдали группу всадников. Скачут, торопятся. Издалека видно, что среди всадников скачет одна женщина в белом кимешеке.

Кадырбек начал махать им рукой. Всадники галопом направились в нашу сторону, пыль летит столбом. В белом кимешеке скакала моя мать Жамал. Мы остановились, почтительно сошли с телеги. Люди моего аула осаживали коней и бежали ко мне. Все в растерянности. Бедная мать совсем лишилась рассудка, о чем-то лепечет, сама не зная о чем...

Я хотел приехать в родной аул тайком. На другой день о моем приезде узнали жители пяти окрестных волостей. Через неделю о моем приезде узнали все сорок восемь волостей Акмолинского уезда...

КОНЕЦ БЕСНОВАТОГО КОЛЧАКА

Взбесившийся волк нападает на всех без разбора. Обагряя все кровью, бесится волк, пьянеет при виде жертвы...

Вначале, испугавшись Колчака, народ спрятался от навалившейся беды, а потом, убедившись, что беда окружила со всех сторон, стал защищаться. Вооружился топорами, кетменями, мотыгами, вилами, лопатами, шестами.

Когда я прибыл в аул, Колчак уже был на исходе предсмертной ярости. Трудовые люди рука об руку вышли против черной беды.

ВОССТАНИЕ В АМАНТАЕ

В Кустанайском районе простые крестьяне, доведенные до отчаяния, подняли вооруженное восстание против Колчака и освободили Кустанай. Но по железной дороге подоспели многочисленные регулярные войска Колчака и снова заняли город.

Повстанцами руководили выходцы из крестьян — Жалеев и Таран.

Одновременно с кустанайцами поднялись против Колчака селения, расположенные между Атбасаром и Акмолинском по берегам Ишима. Они вооружились, создали народно-революционную армию. Штаб находился в поселке Амантай, по-русски — Мариинovка. Руководили восстанием Горланов и Королев. Горланов работал в поселке медицинским фельдшером. Я с Горлановым познакомился еще во время учения в Акмолинске. Он стал

убежденным сторонником советской власти еще в 1917—18 годах в Акмолинске, Королев был командиром нашего красного отряда. При падении совдепа он попал в тюрьму, был этапирован в Петропавловск вместе с арестованными красногвардейцами. Мы встречались с Королевым в Петропавловском лагере. Освободившись, Королев отправился к себе домой и вскоре возглавил восставших.

Поселок Амантай стал путеводной звездой революционно настроенного народа. Отсюда с боевым призывом помчались гонцы во все стороны. Отовсюду начали прибывать крестьяне в Амантай под красное знамя. Днем и ночью повстанческая армия набирала силы. Наметили захват Атбасара и Акмолинска. В замешательстве администраторы и буржуи Атбасара и Акмолинска начали посылать телеграммы в Омск, прося помощи у Колчака. В ответ Колчак немедленно перебросил туда карательные отряды из Кустаная, Омска и Петропавловска. Вели карателей известные изуверы, казачьи атаманы Катанаев, Волков и Шайтанов. Из Акмолинска и Атбасара белогвардейские отряды вышли на Амантай. К колчаковцам добровольно присоединились городские буржуи Акмолинска и Атбасара вместе с немногочисленными представителями алаш-орды. В назначенный час Амантай окружили со всех сторон — с юго-востока белогвардейцы Акмолинска, с севера — белые Атбасара и с востока — белые Кустаная. Отряды Катанаева и Волкова прибыли на автомобилях с пулеметами. Начался обстрел, село оказалось под градом пуль. Будто тысяча молний разом упала на землю.

Отважные герои Амантая сражались до последней пули, не подпуская врага. Когда иссякли патроны, амантаевцы оставили село. Каратели перевернули Амантай вверх дном. Рекой лилась человеческая кровь от сабель белогвардейцев. Дома обливали керосином и поджигали. Выбежавших на улицу стариков и старух, женщин и детей белогвардейцы поднимали на штыки, топтали конями, давили колесами автомобилей. Стонущий Амантай засыпали золой и залили кровью...

Подлые ловкачи алаш-орды не отставали от своих хозяев. Добровольно прибывший сюда член Акмолинского комитета алаш-орды торгаш Ташти Нусерчин вывозил отсюда на бричках свою кровавую добычу.

Бешеные волки сравняли с землей героический поселок. В Акмолинске собрали около семидесяти казахов и русских и, считая их приверженцами большевиков, расстреляли. Офицерье за одну ночь расстреляло всех рабочих, занятых на строительстве железной дороги около Акмолинска. Всех «сочувствующих» большевикам арестовывали, наказывали розгами и бросали в тюрьму. Моего друга учителя Нургаина Бекмухамметова, оставленного по болезни в Акмолинской тюрьме, расстреляли без суда и следствия. Начались повальные аресты рабочих Караганды, Спасска и Успенки. Были арестованы Орынбек Беков, П. Юмашев, Блудин, Ушаков, Хасен Мусин. Однажды возле завода Нурмак Байсалыков нечаянно проронил слово «товарищ». За это солдаты Колчака выпороли его розгами, обыскали квартиру, напугали его старуху-мать и сестер, стреляя из ружей выше их головы. Нурмака заключили в тюрьму в Акмолинске и выпустили только после ходатайства богатого татарина Бабаева.

Злодеи алаш-орды поймали и заключили в тюрьму фельдшера Адильбека Майкотова, революционера, бывшего члена совдепа в Атбасаре. Алаш-ордынцы добились его расстрела. Когда кровопийцы повели на расстрел Адильбека, за ним побежал его родной сын! Адильбек остановился, чтобы попрощаться с сыном. Остервеневшие палачи приготовили винтовки, чтобы пристрелить и сына вместе с отцом... Адильбек, не простившись, только помахав рукой, пошел дальше. Через сто шагов его зверски убили.

Был расстрелян и наш товарищ Макалкин, бежавший из Омского лагеря в Акмолинск.

Я рассказал одну тысячную долю того, что видел народ. Это всего лишь разрозненные крохи из всех подлых деяний «образованных», «гуманных», «человеколюбивых» господ...

Вскоре акмолинские контрреволюционеры начали искать и меня.

Начальником районной милиции Колчака на Успенском заводе работал Ефремов. Мы с Ефремовым учились вместе в Акмолинске. Услышав, что я прячусь в родном ауле после побега из лагеря, акмолинские чиновники прислали Ефремову секретный приказ срочно арестовать меня. Один из наших смекалистых жигитов

съездил в Успенку и привез мне записку от самого Ефремова. Начальник милиции сообщал, что получено тайное предписание задержать Сакена и доставить его в город, но что он, Ефремов, в ответ сообщил: «Ничего не слышно о приезде Сакена в наш район». Он советовал мне остерегаться. А потом, когда придут большевики, не забыть об этой услуге со стороны Ефремова.

Я не чувствовал особой опасности, зная, что люди нашей округи меня не выдадут. Казахи и раньше не предавали беглецов. Еще в детстве я сам видел многих скрывающихся от преследований царской власти. Они свободно жили в наших краях, а некоторые так и остались здесь, породнились с нами.

Положение мое было нелегальным, но тем не менее управители двух наших волостей советовались со мною по разным вопросам. В эти дни было получено распоряжение взимать с каждой волости в качестве налога по двадцать коней. По моему совету, в нашей Нильдинской (Успенской) волости этих коней взяли у баев.

Сразу же выехать в Туркестан я не смог, потому что дорога была дальняя и трудная.

Дорога в Туркестан лежала тогда через Голодную степь, расположенную в центре Казахстана. От нашего аула до Голодной степи, примерно, триста верст. Дальше начинается Туркестанский край, где одни пески. Голодная степь — безводная, желтая, унылая равнина, где обитают сайгаки, волки и лисицы. В Голодной степи нет зеркальных озер Сары-арки, нет многоводных рек, плодородных долин, звонко журчащих горных родников.

Еще Асан-Кайгы[1], по преданию, утверждал, что Голодная степь — песчаная, высохшая, голая степь. Нет там зеленых сочных лугов, нет плоскогорий с пушистым ковылем, нет и лесов.

Серая, блеклая земля лежит, словно труп мертвеца в саване. Там растет темно-зеленая занозистая полынь, реденький красный изен (вид полыни) и боялыч, низкорослый кустарник. Изредка встречаются заброшенные, обвалившиеся колодцы, похожие на глаза слепых. Воды

---

[1] Асан-Кайгы — легендарный казахский ученый, давший характеристику всем географическим зонам Казахстана. Когда он жил, точно не установлено.

в них мало, и та соленая. В них лягушки, мыши, перекати-поле и насекомые.

На границе между Голодной степью и Туркестаном течет река Чу. Окраинные наши аулы зимуют на этой реке. Чтобы добраться туда из Сары-Арки, они пересекают всю Голодную степь. На зимовку аулы кочуют поздней осенью, чтобы иметь по пути снеговую воду, и возвращаются в Сары-Арку весной, когда не сошел снег. По этой причине я и задерживался дома в ожидании откочевки крайних аулов на Чу.

Со стороны Атбасара к нам приехали путники, и я узнал о восстании в Амантае, узнал также о Кустанайском восстании и о деятельности Тургайской алаш-орды, узнал, что Сабыр Шарипов сумел уже перебраться в Ак-Мечеть (Перовск — ныне Кзыл-Орда), где установлена советская власть... Шарипов бежал через Атбасарский уезд и Тургай. О нем я собираюсь рассказать позже, потому что события, пережитые Сабыром, похожи на легенду...

Мне удалось связаться с Акмолинском и получить весточку от Баймагамбета, который освободился из омского лагеря. Многие больные товарищи умерли в лагере. Некоторым уцелевшим удалось бежать, других отправили на Дальний Восток. Умер Бакен, умер татарин Хафиз.

ЕЩЕ РАЗ О ТУРГАЙСКОЙ АЛАШ-ОРДЕ

В марте 1918 года в городе Иргизе установилась советская власть, но ненадолго. В начале июня 1918 года чехословацкие мятежники свергли советскую власть в Сибири. Оренбургский казачий атаман Дутов со своим отрядом прибыл из Тургая в Иргиз и установил свою власть. Спустя четыре-пять месяцев, примерно в октябре, в Иргизе снова создалась советская власть. Наиболее активными ее организаторами были учитель Баймен Алманов и товарищ Киселев.

Вскоре после этого, переправившись через Каспийское море, прибыл на Актюбинский фронт товарищ Жангильдин. С караваном верблюдов, навьюченных оружием, патронами, боеприпасами, он пересекает песчаную пустыню Адая, доставляет оружие Красной Ар-

мии, а затем с малочисленным отрядом прибывает в Иргиз.

Далее часть отряда под руководством Алманова отправляется из Иргиза в Тургай и там устанавливает власть советов. Тургайская алаш-орда перебирается в один из дальних аулов района и в марте 1919 года начинает вести переговоры с Советской властью Тургая.

«Теперь мы согласны подчиниться советской власти,— говорят алаш-ордынцы.— Поэтому разрешите нам вступить в город со своим отрядом, не сдавая оружия...»

Жангильдин находился в Иргизе. Посоветовавшись с товарищами, Жангильдин принимает предложение алаш-орды и вызывает к себе одного из ее главарей Ахмета Байтурсунова.

Подоткнув внутрь наушники тымаков, переглядываясь, с хитрыми улыбками, горделиво восседая на своих мухортых конях, алаш-ордынцы въехали в Тургай и спокойно начали устраиваться. Своих людей ввели в состав совдепа. Помощником военного комиссара по их инициативе стал Карим Токтыбаев. Дулатов и Еспулов занялись общественно-политической работой. Когда Байтурсунов с Жангильдиным поехал в Москву, алаш-орда подняла бунт, объявила Тургай «своим», а назначенного Жангильдиным военного комиссара Амангельды Иманова и его верных друзей заключила в тюрьму.

Вскоре прибыли в Тургай красные партизаны, оставившие Кустанай под натиском вооруженных до зубов колчаковцев.

Красные партизаны питали надежду на советскую власть в Тургае. Первым в Тургай прибыл командир отряда Таран в сопровождении десяти верных товарищей. Алаш-ордынцы тут же расстреляли самого Тарана и двоих его товарищей, а остальных водворили в тюрьму. После этого навстречу отряду Тарана выехал отряд алаш-орды во главе с командиром, умеющим заговорить и одурачить противника. Начались переговоры с отрядом Тарана. Партизаны, чувствуя предстоящую катастрофу, засомневались. Но алаш-ордынцы настойчиво твердили:

— Тургай находится в руках советской власти. Мы являемся отрядом Советов. Мы не знаем, кто вы такие, поэтому вас опасаемся. Если хотите вступить в Тургай, то сдайте оружие. Если вы на самом деле красные, то

при выходе из Тургая мы вернем вам оружие... Если вы не согласитесь сдать оружие, то мы не сможем пустить вас в Тургай. Вот наш мандат, выданный советским комиссаром Жангильдиным...

Оказавшись в безвыходном положении, отряд Тарана сдал оружие алаш-орде. Его командиры были тут же арестованы, а обезоруженный отряд, даже не впустив в Тургай, погнали на Атбасар.

Влед за отрядом Тарана из Кустаная прибыли в Тургай красные партизаны Желаева. Желаев услышал о том, что сделала алаш-орда с отрядом Тарана, и поэтому, когда навстречу Желаеву выступил отряд алаш-орды, он встретил его градом пуль. Алаш-ордынцы разбежались врассыпную. Тургайская алаш-орда, отступая, убила Амангельды Иманова и его товарищей. Желаев занял Тургай, запасся необходимой провизией, заехал по пути в Иргиз, где уже была советская власть, и присоединился к частям Красной Армии. После ухода Желаева алаш-орда вернулась в Тургай и начала собирать армию. В мае 1919 года алаш-ордынский отряд прибыл в Иргиз, когда там находился малочисленный и слабовооруженный отряд Красной Армии. Алаш-орда занимает Иргиз, устанавливает свою власть. Некоторые члены бывшего Иргизского исполкома (как например: Жаманмурунов, Тойбазаров и Сугирбаев) стали прислуживать алаш-орде. Товарищи Алманов и Киселев отправляются через Челкар на соединение с частями Красной Армии, воюющими на фронте.

За работу с большевиками в Иргизе, за связь с ними, алаш-ордынцы расстреляли восьмерых казахов. В их числе учителей Альмена и Кайнарбая, кузнеца Молдакула и других. За принадлежность к большевикам были расстреляны в Тургае восемнадцать казахов.

Таковы деяния Тургайской алаш-орды. Вот они, просвященные ее главари:

Мержакип Дулатов, Ахмет Байтурсунов, Ельдес Омаров, Тельжан Шонанов, Мырзагази Еспулов, Салимгирей Каратилеуов, Асфандияр Кенжин, Карим Токтыбаев и многие другие.

Мне пришлось остановиться на кровавых действиях Тургайской алаш-орды, чтобы читатель яснее представил себе обстановку того периода...

Приближалась осень. По всему чувствовалось, что Колчак задыхается. Стали появляться в аулах отряды грабителей, тайные агенты, дозорные.

Однажды перед закатом солнца наш аул всполошился. Мы находились во впадине Кара-озек. Я стоял на улице в казахской одежде. С востока показались два всадника, неуклюже сидевшие на лошадях. Прискакав в соседний аул, они подъехали к юрте бая, но не спешились. Это оказались солдаты. Обитатели аула моментально собрались около них. Я направился туда же, узнать, что за новость привезли солдаты. В это время от толпы отделился всадник с куруком[1] и поскакал в мою сторону. Я узнал табунщика бая — Ареша. Незаметным движением плети он дал понять, чтобы я вернулся назад немедленно. Я, сделав вид, что чем-то занят, сел на траву.

Бледный, испуганный Ареш, поравнявшись со мной, мимоходом проронил:

— Они ищут тебя! Побыстрее садись на эту лошадь и скачи к нашему табуну, в степь!

Я сел на лошадь Ареша, взял в руки курук, и не спеша, чтобы не вызвать подозрений, уехал к байскому табуну.

Издали слежу за аулом. Солнце закатилось, наступили сумерки. Солдаты взяли с собой одного сопровождающего из аула и проехали мимо байского табуна куда-то по ложному следу.

Через некоторое время прискакал за мной Ареш, и я вернулся в аул.

Ночь прошла в тревоге... Солдаты заночевали в соседнем ауле, у нашего родственника, бывшего в прошлом третейским судьей и волостным управителем. Вскоре к нам прискакал жигит с той же вестью: солдаты требуют выдать Сакена! Надо дать им взятку. Пусть Сакен разыщет деньги!

Начали советоваться. Один из моих родственников вместе с прибывшим жигитом пошли к богатой вдове[2],

---

[1] Курук — длинный шест.

[2] Богатая вдова Накижан, жена покойного Жакена, двоюродного брата Сейфуллы, отца Сакена.

тоже моей родственнице, посоветовались и позвали меня. Они решили дать за меня выкуп.

Я не согласился. Жигит ускакал, но скоро вернулся обратно с тем же предложением: «Надо дать взятку, иначе будет плохо!»

Я всерьез рассердился: «Если хотите мне сделать добро, то не говорите о взятке! Дать взятку, значит, выдать, предать меня!..»

После этого посредники больше не возвращались. Я опасался ночевать в ауле и пошел на кладбище. Ночью вошел в мазар из самана, перешагнул могилы и лег на травке в углу.

Рано утром аул откочевал в горы.

ДОРОГА В ТУРКЕСТАН

Наступили холода. Дальние аулы начали через Голодную степь откочевывать в сторону Чу. Я тоже решил двинуться. Надо было найти спутника и лошадь. Найти попутчика в такой дальний путь, в такое трудное время нелегко. Кто оставит свой аул, родителей, детей и жену, чтобы уйти в чужие края? Только тот, кого преследуют власти, кто не может больше оставаться в родном краю.

Тем не менее попутчики нашлись. Но мы никак не могли найти лошадей. У моего отца был один мерин, один жеребец и около десятка кобылиц с жеребятами. Жеребец неважный, мерин крепкий. Но это единственная лошадь, на которой отец зимой выезжает охотиться. Купить коня не на что. Есть богатые родственники, но в дни, когда на твою голову свалилась беда, они тебе уже не родня, наоборот, злорадствуют и насмехаются. Зато, когда ты в «чине», когда ты сильный и денежный, когда ты не ходишь пешком, а разъезжаешь на автомобиле и на почтовых, у тебя много и родственников и друзей, и лошадей. Когда я прибыл в аул после побега, из родни лишь один Даулетбек оказался добрым и дал мне лошадь. Но она сильно отощала, была малолеткой и в дальний путь не годилась. Я попал в трудное положение, совсем замучился, прося лошадей у богатых родственников. Я не обращался к бедным родственникам, потому что они сами еле-еле сводили концы с концами. Сколько выпадало на мою долю с детства унижений из-за отсут-

ствия подводы! Совсем ребенком меня послали на Успенский завод обучаться русскому языку. Отец посадил меня на верблюда за спиной Акильдека, младшего брата нашего родственника Раиса. Домой я возвращался либо за спиной Раиса на верблюде, либо с Дукеном, который ездил на завод за сыном.

Я получил похвальную грамоту от учителя Успенской русско-казахской школы Романа Николаевича Склянкина и отправился в Акмолинск. На летние каникулы я возвращался в аул то на груженой подводе торговца из нашего аула длинноногого Омара, то на подводе мелкого торговца из нашего аула Садыка Жаманова, везущего на Успенский завод различные бакалейные товары из Петропавловска, то на подводе торговца Салкая из соседнего рода Тараkты Соранской волости...

И в Акмолинск я ездил на чужих подводах. И в Омск — тоже. Возил меня на своей телеге «золотых дел» мастер Мухамеджан Манасыпов, возил меня на своей подводе Кожамберди Сарсенов, казах из Сары-тауской волости Акмолинского уезда, из рода Тунгатар. Даже после того как в 1916 году я окончил семинарию и «стал человеком», то и тогда богатые родственники не дали мне лошади, чтобы доехать хотя бы до ближайшего поселка. А у них в степи паслись табуны лошадей. И только дети одного небогатого родственника Ибрагимбека дали своего гнедо-пегого коня...

Если сам силен — у тебя и друзей много, и коней много. Если беден, то и родственников у тебя нет, и лошадей нет.

«Если сам беден, то тебе и отец чужой», «Если просишь у чужого, то у него ключи от сундука на небе...» Так гласят пословицы, очень подходящие к моему положению.

В конце концов, я оседлал короткохвостого рыжего коня отца. Попутчик мой не нашел лошади, и я решил ехать через Голодную степь один.

Потом я услышал, что знакомый жигит из рода Алтай, одного из разветвлений большого рода Аргына из волости Актау, собрался кочевать на Чу, чтобы там перезимовать. Я договорился ехать вместе с этим человеком.

Меня провожал отец и еще два родственника.

Четыре одиноких лачуги, четыре маломощных хозяйства собираются самостоятельно кочевать через Голодную степь, через горы и скалы, через пустыню.

Горы Сары-Арки похожи на лица много повидавших стариков, на хмурые лица, изрезанные глубокими морщинами. За горами холмы, плоскогорья. Когда минуешь их — начнутся безлесые, бестравные мертвые степи.

К одинокому аулу присоединились четыре-пять человек с шалашами, навьюченными на верблюдов. Это были хорошо знакомые с аулом жигиты из рода Тараkты Мадибек, Акберген и другие. Они ездили в Акмолинск подавать жалобу на волостного и теперь возвращались, ничего не добившись. Мы познакомились быстро, нашли общий язык и сблизились. Все они прямодушные, приветливые и смелые жигиты. Они рассказали мне множество акмолинских новостей.

Теперь все мы собрались вместе идти по следам аулов, откочевавших раньше. Дороги Голодной степи небезопасны для одиноких путников, там много разбойников и воров.

Была ночь. Я спал в глиняной мазанке, а мой отец в юрте. Среди ночи меня разбудил сын хозяина аула по имени Кошкинбай.

— В чем дело?— спросил я, протирая глаза.

— Ой, вставай, интересное дело! Один казах, а другой, кажется, русский ночуют в соседнем ауле. Они едут с Балхаша, были проводниками у русских офицеров. Теперь возвращаются домой,— прошептал он.

Несколько дней тому назад по этим местам прошли двенадцать вооруженных до зубов русских, большинство офицеры. Они держали путь на Балхаш. Эти двое их сопровождали. В аул они приехали на конях с клеймом Шубыртпалы Агыбая. Сбруя в серебре, переметные сумки набиты вещами. Они, видимо, возвращались с добычей, награбленной в аулах...

Я сразу вспомнил, что мимо нашего аула тоже прошли двенадцать русских. Среди них была одна женщина. Люди говорили, что все они, должно быть, офицеры. Говорили также, что они забрали шесть-семь лучших наших коней.

Рассвело... Кошкинбай предлагал мне ехать в соседний аул и у ночных пришельцев «проверить документы».

Поехали с Кошкинбаем и еще двумя жигитами.

В ауле оживление. Хмурый осенний день. Как вороны, шумно галдят собравшиеся казахи. Мы зашли в избу, где ночевали проводники. Я сразу узнал того, кого называли «почтовым казахом». Это был голубоглазый Рахимжан, который когда-то подходил к решетке акмолинской тюрьмы и приносил нам газеты. Второго я тоже знал, это был татарин с Успенского завода Бауеттен. Но они меня не узнали. Начался разговор. Я сразу понял, что здешние казахи хотят взять с них солидный выкуп.

Бауеттен представился мне русским господином, немного знающим казахский язык. Я сделал вид, что поверил.

Пришел местный аульный учитель и попросил документы у «господ». Они показали. Стоя рядом с учителем, я через плечо глянул на их бумаги. В них говорилось, что этим двум нужно оказывать всяческое содействие. Под документами стояли подписи: «Полковник такой-то... Адъютант такой-то...»

Бауеттен, стараясь скрыть свое волнение, иногда покрикивал по-русски:

— Лошади там готовы?

Но лошадей нет...

Рахимжан попросил меня выйти, отвел в сторонку.

— Я только сейчас узнал, что вы Жумакас,— начал он.— Вы, оказывается, наш сват. Я близкий родственник Скандира Калпемуратова... Богу было угодно, чтобы мы встретились. Помогите мне, этот аул напал на нас. Мы сопровождали до Балхаша нескольких господ. На обратном пути остановились здесь, и у нас украли ночью лошадей, забрали все вещи, всю сбрую, всю провизию и даже не дают нам подводу. Что за разбойничий аул? Хоть вы из Каркаралинского уезда, но они к вашим словам прислушаются. Скажите, пусть отдадут наши вещи... Говорят, недалеко отсюда находится наш родственник Сейфулла, отвезите нас к нему...

— Какой Сейфулла? — спросил я.

— Вы знаете Сейфуллу, отца Сакена?.. И самого Сакена не знаете?.. Мы с ним были друзья. Сейчас он освободился из тюрьмы и уехал в Туркестан!

Через полчаса я собрал Рахимжану его переметные сумки, часть его вещей, сбрую и проводил его в соседний аул, где остановился мой отец. Лошадей же, на которых

они приехали, не оказалось. Владельцы не очень-то огорчились, потому что лошади были не их собственностью. Да и вещи тоже принадлежали аульным казахам.

Бауеттен по дороге сознался, что он татарин.

В юрте хозяина аула, где остановился мой отец, собралось человек пятнадцать: Рахимжан, Бауеттен, Мадибек и другие.

Рахимжан играет на домбре, смотрит на меня и приговаривает: «Сват Жумакас!».

Сидящие вокруг, отвернувшись, тихонько посмеиваются. Рахимжан не замечает ничего подозрительного.

— Бедняжка Сакен, вот был домбрист! — восклицает он.— В Акмолинске мы с ним ходили вместе по кумысным. Попивая кумыс, он брал домбру и, наигрывая на ней, пел песни. Как было хорошо!

Мадибек попросил:

— Ну-ка, спой нам одну из песен, которые исполнял Сакен.

— Да, да! Ну-ка, давайте, спойте!— поддержали остальные.

Рахимжан доволен.

— Ладно... Сакен любил песню, которую сочинила дочь русского Егора, жившего среди казахов рода Тинали. Песня называется «Дударай». Еще он любил «Зулкию».

Рахимжана попросили спеть «Дударай».

Мария была дочерью Егора. Когда ей исполнилось ровно шестнадцать лет, она влюбилась в казаха Дудара и сочинила эту песню...

Егорова дочь я, Марией зовусь,
Мне только шестнадцать исполнилось, пусть.
И я вам скажу, подружки мои:
Любовью к казаху Дудару горжусь.

Дудари-дудым,
Для тебя я рождена,
О мой друг любимый,
Дудари-дудым...

Вода Тущи-куля сверкает в очах,
И шапка соболья на черных кудрях,
Дудар, о Дудар, приезжай поскорее,
Развей мое горе, рассей ты мой страх!

На белых листах запишитесь, слова!
Другой на меня предъявляет права.

Могу ли из дома уйти с нелюбимым?
Твоею любовью Мария жива!

Я жду, мой желанный, я жду, Дударай.
В тоске мое сердце. Ты где? Приезжай!
Тебя обниму я руками за шею.
Не любишь — так руки ты сам отсекай!

Зовусь я Мария, Егорова дочь.
Один, Дударай, ты мне можешь помочь!
Ах, если покинешь за то, что чужая,
Пускай меня скроет могильная ночь!

Уж поздно, а ты все не скачешь сюда,
Над нашей любовью нависла беда!
Храни тебя небо от недругов лютых!
Скорей возвращайся ко мне навсегда!

Дудари-дудым,
Для тебя я рождена,
О мой друг любимый,
Дудари-дудым!..

— Сакен исполнял именно вот так!..— сказал он и отбросил домбру.

На другой день Рахимжан, Бауеттен, мой отец — все двинулись в сторону нашего аула. По дороге завернули в аул Сейдуали, родственника Мадибека, внука известного батыра Байкозы. Посидели у него. В юрте горел огонь, кипел казан, Мадибек вел беседу с Сейдуали. Рядом на подставке, нахохлившись, сидел беркут с покалеченной в схватке с чернобурой лисицей лапой. Сейдуали, бледно-желтый, с пожелтевшими зубами, с маленькой остроконечной бородкой, расспрашивал об Акмолинске, о войне, о белых и большевиках.

— Большевики везде побеждают Колчака. Теперь, наверное, и Акмолинск уже взят...— рассказывал Мадибек.

Сейдуали неожиданно затосковал.

— Если большевики возьмут Акмолинск, то, скажи мне, сын того Сейфуллы снова появится? Испорченный он человек и зловредный. Неужели снова появится?!

Мадибек незаметно толкнул мою ногу, предостерегая, но я не выдержал:

— Уважаемый аксакал, в чем же сын Сейфуллы показал свою зловредность и испорченность?

Сейдуали встрепенулся, указывая на меня, спросил Мадибека:

— Кто это?

— Я из рода Тока... родственник Сакена, сына Сейфуллы.

— Если ты родственник, то должен знать, почему он зловреден. Когда он был в главных, он выгнал из Акмолинского комитета своего близкого родственника аксакала Битабара... Как же он не зловреден, если за один день развел с мужьями сразу восемнадцать женщин? Он не молится богу и утверждает, что пророк Магомет такой же человек, как и все люди!

Мы уехали, не сказав Сейдуали, кто я такой.

— Он тебе высказал все это потому, что не узнал тебя,— смеясь, заметил Мадибек.

Ну и хорошо, что не узнал!

В ГОЛОДНОЙ СТЕПИ

Понемногу, редея, кончились зеленые степи Сары-Арки. Постепенно исчез густой ковыль. Появилась серая полынь, низкорослый, серенький колючий кокпек, засохшие кустики боялыча. Возвышенности каменистые, впадины голые, солончаковые... Ни единой живой души...

Мы медленно движемся по этому серому морю. На десяти верблюдах навьючено четыре юрты с утварью. Жена хозяина аула верхом на лошади ведет за собой караван. На верблюдах сидят, завернувшись в худые халаты, старухи и ребятишки. По серым волнам безмолвной пустыни цепочкой, мерно раскачиваясь, идет одинокий караван. Он похож на стадо гусей, плывущее по бескрайнему в серых барашках морю. Рядом с верблюдами едут верхом на лошадях три женщины. То забегая вперед, то отставая, носятся возле каравана четыре собаки. Подгоняя косяк лошадей, едет хозяин аула со своим малышом. Вслед за косяком лошадей гонит отару овец на трехлетке белолицый мальчуган в рваном чекмене и шубе. Впереди каравана едем мы с Мадибеком и пять-шесть всадников.

Ни единой живой души... Нет конца-краю Голодной степи. Сегодня одно и то же, и завтра будет то же самое и послезавтра...

Ночуем у «слепого» колодца. Вмиг сооружаем жилище. Собираем боялыч, который вспыхивает, как порох. Стараемся достать воду из заброшенного колодца. От вкуса воды никто не морщится, не ворчит, лишь бы нашлась она. Быстро вскипает чай. Готово и мясо. Наши лошади с хрустом жуют полынь. Овцы и верблюды до поздних сумерек пасутся вокруг аула. Ночью четыре шалаша похожи на черный комок угля, брошенного в бескрайней безлюдной степи. Подбрасывая в огонь боялыч, теснимся около костра и ведем бесконечные разговоры. Играем на домбре, на гармони. Две маленькие девочки поют. Иногда в свете костра играем в карты...

Дважды мы отбивались от конокрадов, пытавшихся угнать наших лошадей.

Мадибек ушел вперед в надежде найти наконец аул. Я двинулся вместе с ним. Нас пятеро всадников и верблюд, на котором юрта и два мешка муки.

Ехали до вечера, но не нашли никаких признаков жилья. Жигиты Мадибека рвутся вперед, подгоняют коней, взбираются на каждую возвышенность, чтобы оттуда поскорее увидеть аул. Но аула нет, а лошади совсем выбились из сил.

— Боже мой, неужели возле Сары-Торангы[1] нет следов аула!— восклицают жигиты, подстегивая коней.

Когда стемнело, мы перевалили через увал, за ним увидели обрыв и хмурую бездну. Вот эту бездну и называют, оказывается, Сары-Торангы. Вокруг непонятная растительность, которая встречается только в Голодной степи: «мужгин», «туйекарын» («живот верблюда»), «итсигек» и подобные им травы и кустарники, названий которых многие даже и не слышали.

Мы остановились у края впадины.

— Здесь всегда останавливались кочующие аулы,— пояснил Мадибек.— Если кто-то ночевал здесь вчера, то сегодня угли их костров еще не потухли окончательно...

Мы слезли с лошадей и начали ворошить остатки костров. Братишка Мадибека Батырбек нашел красные угольки. Все мы сгрудились у этого костра.

Мы заночевали на этом месте. В темноте стреножили

---

[1] Сары-Торангы — желтый тополь. Здесь название местности.

лошадей, поставили юрту, насобирали боялыча и разожгли в юрте костер.

Табунщик Суйиндик, пучеглазый, крутолобый, чернявый жигит, принес воды. Поставили треножник и начали готовить мучную похлебку.

Мои спутники, проводя каждую зиму на берегах Чу, знают здесь каждый холм, каждый колодец как свои пять пальцев. В самую темную ночь не заблудятся, найдут воду и стоянку.

Переночевали в юрте и ранним утром, напоив лошадей в «слепом» колодце, двинулись дальше...

В Сары-Арке мой темно-рыжий конь кормился зелеными, мягкими, как шелк, пахнущими, как мускус, вкусными и сочными травами — бетеге (перистый ковыль), тарлау, зеленой полынью, черной полынью, клевером, бидайыком (пыреем), коде (типчаком), мия (солодкой) и множеством других чудесных трав.

В Голодной степи такого корма нет, травы здесь редкие, однообразные, высохшие, жесткие, пыльные.

Вода в Сары-Арке почти всегда пресная, чистая и прозрачная, и ее очень много. Здесь же вода встречалась редко, да и вкус ее не тот.

Без хорошего корма и всды мой конь отощал. Когда вечером я гладил его лоб и трепал холку, он обнюхивал меня и тяжко вздыхал. Взгляд его печальных глаз гнетуще действовал на меня... Я обнял бархатистую шею коня и прижался лицом к его губам... Самый близкий мой товарищ, самый близкий друг с тех пор, как я покинул родной аул,— это мой конь! Я посвятил ему стихи.

Что вздыхаешь, мой конь?
Надорвался ли ты?
Много дней я с тебя
не слезаю.
Или просто мои
понимаешь мечты
И тоскуешь
по отчему краю?
Рыжий мой,
ты товарищем стал беглецу,
И с тобой
мне не так одиноко.
Видишь, слезы бегут
у меня по лицу?
По Арке я
скучаю жестоко!

Но огонь в моем сердце
еще не иссяк,
Я клянусь тебе, Рыжий,
Аркою:
Ты приветно заржешь
и войдешь в свой косяк,
День счастливый встает над землею.

В один из прохладных дней, взобравшись на холм, ставший на нашем пути, мы все радостно зашумели! Под холмом на широкой плоской равнине увидели табун лошадей.

Мадибековцы сразу узнали, чьи это лошади.

— Это же лошади Тыныса!

— Да, да, лошади Тыныса!

Мы повеселели. Показались два всадника.

— Это же сам бай!

— Да, это же сам Тыныс!— восклицали радостные мадибековцы.

Один из встречных был в старой коричневой одежде, с курыком на плече, вероятно, табунщик. Сам бай сидел на упитанной саврасой лошади желтой масти с черной гривой и черным хвостом. Ехал он не спеша. На нем черная шуба, лисий тымак, на ногах черные сапоги, опоясан он кожаным посеребренным поясом.

Мадибековцы отдали салем и начали по-детски плакать. Оказывается, у Тыныса недавно умер старший сын.

Тыныс повел нас к своему аулу. Проехали мимо табунов. Лошадей у бая около шестисот. Масть удивительно желтая, а хвост и грива вороные.

Зимуют на Чу аулы семи волостей. Пять из них — Тама, Жагалбайлы и еще две волости тарактынцев — из рода Аргына. Тыныс был самым богатым в двух волостях Тараты. В аулах Тараты лошадей мало, по-настоящему богатых баев нет. Крупные байские хозяйства есть в пяти волостях Тама, Алшын, Жагалбайлы.

Мы остановились в доме бая Тыныса. Обстановка внутри не особенно роскошная, не на чем остановить взгляд. В аулах на кочевке домашний скарб обычно небогат, такой же, как и у тех, кто находится при отарах на отгоне. Образ жизни кочевника нельзя сравнить с жизнью баев из Арки, таких, например, как Пан Нурмагамбет или дети Нуралы — Олжабай и Барлыбай. Те — белая кость, они гнушаются черной работы.

В ауле Тыныса мы разделились. Мадибековцы пошли своей дорогой, а мы с внучатым племянником Мадибека Батырбеком до самого вечера, погоняя коней, искали аул свата Батырбека. Нашли кое-как, переночевали, а назавтра прибыли в аул Мадибека.

В это время подкочевал и следовавший за нами аул. Я начал разыскивать Қошкинбая, но он куда-то уехал.

В ауле четыре неказистых юрты. Три бедняцкие. Только хозяйство главы аула можно было назвать середняцким.

В Актау, Ортау, Атасу живут казахи из рода Алтай, который относится, в свою очередь, к роду Аргына. Многочисленные алтайцы занимают двенадцать волостей. После алтайцев по численности и могуществу идут карпыки — они живут в девяти волостях.

Из четырех юрт того дружелюбного аула одна принадлежала Красавчику Сыздыку. В двух волостях Тараkты имя Сыздык носят многие. Двое из них были богатыми и широко известными. Третий Сыздык, хотя и был бедным, но тоже стал популярным. И поэтому, чтобы различать этих трех Сыздыков, народ дал им еще дополнительные клички.

Из богатых Сыздыков один был с черной большой бородой, широколицый, с разноцветными глазами. Народ прозвал его Чернобурым Сыздыком. Второй бай Сыздык был худощавый, немного сутулый, слабосильный. Народ его прозвал Широкополым Сыздыком. А третьего, бедняка Сыздыка, прозвали Безлошадный Сыздык. Но некоторые, считая это прозвище оскорбительным, назвали его Красавчиком Сыздыком. Қонечно, ему самому это прозвище нравилось больше.

Люди привыкли к этим прозвищам и не называли их имен, а так и звали Чернобурый, Широкополый, Красивый.

О Қошкинбае я спросил как раз у этого Красивого. Он усмехнулся и почти шепотом ответил:

— Он поехал за хорошим бараном для обеда.

Этот Сыздык и на самом деле был красивый, щегольватый. Жаль только, что усы чуть редковаты и маленькая бородка тоже жидковата. Заметно, что он следит за собой, холит лицо, выдергивает не так торчащие волоски, выщипывает щипчиками брови, а щипчики у него всегда в кармане. Хотя он и бедняк, но старается одеться как

можно наряднее. На голове у него лисий малахай. На ногах ичиги с галошами. На нем серый драповый чекмень, под чекменем тонкий бешмет. Брюки носит навыпуск. Между чекменем и бешметом не для красоты, а для тепла незаметно поддето рваное заплатанное купи. Лохмотья Красавчик прячет, как перепелка прячет свое гнездо.

Мы с Красавчиком едем на конях к аулу Орынбая. День холодный. На мне одежда казахская, аргынская — шапка из мерлушки, купи из верблюжьей шерсти, сапоги с войлочными байпаками, полушерстяные брюки, под купи полушубок наподобие бешмета из шкуры молодого барашка. Короче говоря, я одет тепло, хотя мерлушковая шапка не годится для зимних холодов. Но тем не менее я пока не мерзну. Поглядываю на Красавчика. Талия у него вроде стала тоньше, но Красавчик не показывает виду, что мерзнет. Холод дает себя знать, и я это прекрасно вижу. Под Красавчиком его единственный сивый конь, поджарый, подтянутый, как высохший изюм, силы у него может хватить только для одной скачки. Сутулясь, сивый шагает, как голодный волк. Красавчик мерзнет на лошади, щеки его алеют от холода, ресницы вздрагивают, но он крепится.

«Бедняжка! Наверное, в ауле, куда мы едем, живет кто-то такой, перед кем он вынужден задаваться»,— подумал я и сказал:

— Интересно, есть ли в ауле Орынбая красивые девушки или красивые молодухи?

Красавчик подхлестнул своего коня, глаза его заискрились.

— Девушек нет, но насчет молодых женщин...

Так, болтая о том о сем, мы подъехали к аулу Орынбая. Из серой юрты, стоящей рядом с юртой самого Орынбая, вышла женщина лет тридцати, черноглазая, в белом кимешеке, украшенном жемчугом.

Аулы, кочующие через Голодную степь, почти весь год проводят в юртах и только два-три зимних месяца в землянках на берегу Чу. Поэтому юрты у них маленькие, приспособленные для бесконечных кочевок. Из-за того, что в этих маленьких приземистых юртах беспрерывно разводятся костры, они покрываются копотью и становятся черными. Только некоторые богатые баи ставят летом на берегу Сарысу белые юрты. Живущие в Арке

сразу же по виду юрты узнают «чуйских» и «пустынников».

Мы поздоровались с женщиной, сошли с коней, женщина взяла поводья.

— Орекен[1] дома? — спросил Красавчик.

После утвердительного ответа женщина пригласила нас в юрту. Орынбай оказался полным человеком с бледно-желтым лицом. Он сидел возле огня и подбрасывал боялыч под висевший котел.

В самовар быстро набросали углей. В казан положили мясо жирного барана...

Во всем Казахстане я не едал такого вкусного мяса, как в Голодной степи. А ведь скотина здесь питается скудными травами.

...Таким образом, перейдя через всю Голодную степь, мы оказались в гуще аулов, зимующих в долине Чу. Теперь наша жизнь стала более интересной. Нам представилась возможность познакомиться с некоторыми особенностями казахского быта зимовщиков. Здешняя жизнь отличается от жизни в родах Аргын, Керей, Уяк. Еще раз скажу, что здесь я жил в роде Тараkты, одном из ответвлений рода Аргын. У тараktынцев более двух тысяч юрт, живут они в двух волостях — Соран и Койтас. Так называются горы в Сары-Арке. Тараktынцы частично зимуют в горах Арки, частично на Чу. В нашей волости большой род Аргын представлен ответвлениями Карпык, Тока и Енен.

Представители всех этих ответвлений являются близкими друг другу родственниками. У всех одинаковые обычаи, общие земли, да и быт в общем одинаков. Но все же есть некоторые особенности в характере казахов, зимующих на Чу, и об этом мне хочется рассказать.

ВОЛОСТНОЙ ЧОКАЙ

В бесцветный холодный день мы вдвоем с Красавчиком приехали в аул Акбергена, состоящий из трех юрт. Сошли с коней, привязали их к юрте и с приветствием вошли к Акбергену.

На треноге висел казан, под ним весело горел боя-

[1] Орекен — вежливое обращение к старшему Орынбаю.

лыч. В такой серый, холодный, хмурый день нужны только лишь огонь и мясо... Молодая женщина бережно поддерживала огонь. Из закипающего казана доносился ароматный запах баранины. У костра сидел Акберген и что-то ковырял толстым шилом. На почетном месте восседал, как воткнутый кол, человек преклонного возраста с важной осанкой. Акберген вскочил, бросился к нам с приветствием: «Добро пожаловать!» — и радостно заулыбался.

Мы сели. Почетный человек, растягивая слова, лениво поздоровался с нами. Красавчик с Акбергеном обменялись многозначительными улыбками, а я во все глаза начал разглядывать почетного гостя. У него чуть продолговатое бледное лицо с прямым носом. На нем коричневый купи, воротник сделан из лисьих ножек. На голове поношеный, грязноватый тымак из лисы. Он заметно важничает, жмурится, подолгу сидит с закрытыми глазами.

«Оказывается, и в Голодной степи живут такие паны, как Нурмагамбет!» — подумал я.

— Кто этот молодой человек? — спросила почетная личность.

— Известный ваш сын Сакен! — ответил Акберген.

«Пан» глубокомысленно посмотрел на меня, прищурил глаза и протянул:

— Тот самый?!.— И продемонстрировал перед нами еще несколько внушительных поз.

— Кто этот человек? — спросил и я у Акбергена.

Слегка улыбаясь, тот ответил:

— Он родной брат моего отца, известный в степи волостной... Чокай. Недавно я привез из Акмолинска приказ о назначении его на должность волостного управителя. И только сегодня вручил ему этот приказ. А сейчас я делаю печать волостного...

Акберген показал мне продырявленный шилом маленький круглый брусок. Теперь я тоже понял обстановку.

— Волостной, пусть Сакен прочтет документ о вашем назначении,— предложил Акберген.

«Волостной» не спеша вынул из кармана бумагу и вручил ее мне. Я развернул, увидел печать и текст на русском языке. Какой-то судья из Акмолинска кого-то

вызывал этой повесткой к себе на допрос. Дата стояла давняя. Я недоуменно спросил Акбергена: «В чем дело?»

— Это приказ уездного начальника о назначении Чокая волостным,— ответил мне Акберген.

— Читай же вслух! — приказал мне Чокай.

Чокай начал важно озираться по сторонам, глядел то на Акбергена, то на Красавчика, то на меня, не находя себе места от радости.

— Поздравляю с назначением вас волостным! — сказал я, возвращая документ.

Чокай, сложив бумагу, бережно спрятал ее в карман. В этот момент раздался топот копыт, и какой-то всадник вплотную подъехал к юрте. Через минуту в юрту ввели жирного двухгодовалого черного барана с большим курдюком.

— Давайте, волостной, читайте молитву благословения! — обратился приехавший к «волостному», раскрыв ладони и готовясь к молитве.

Чокай горделиво оглядел меня, Красавчика, Акбергена, перевел взгляд на жирного барана, поднял руки для молитвы. Черного барана жигит ловко прирезал и вместе с женщиной начал разделывать его.

— Ты, оказывается, не пожалел самого лучшего своего барана для волостного! — обратился Красавчик к Акбергену.

Тот ответил с улыбкой:

— Нет, это волостной угощает нас. Черный баран — это подарок мне за ту бумагу уездного начальника, в которой Чокай назначается волостным управителем. Ведь бумагу я привез!

Я открыл рот от удивления.

— Как щедр твой волостной! — с восхищением сказал Красавчик, и в его голосе мне послышалась неподдельная зависть.

Бывает, что охотник, поймав темно-красную лисицу, разделывает ее на белой пороше, или же другой меткий стрелок удачно подобьет крупного жирного сайгака, а третий и на того и на другого смотрит с завистью и остается недовольным своей судьбой. Вот и Красавчик очутился, видимо, сейчас в таком положении. Он голый бедняк, хотя и деловой, энергичный человек. Он красив, но красоту с хлебом не есть. Судьба наделила его привлекательной внешностью, но пожалела богатства. А вот

Акберген зажиточный, скота у него хватает, но тем не менее по велению судьбы в рот ему сам лезет жирный баран Чокая. А в юрте Красавчика черная бурда без приправы...

Пока варилось мясо, мы беседовали и смеялись. Жир на баране толщиной в три пальца. Под шкурой его жидкий жир собирают деревянной чашкой.

Акберген, подержав «печать» над дымом, вынул клочок бумаги из кармана, подул на прикопченную печать и приложил к бумаге.

— Посмотри, ведь удачно вышла печать волостного, не правда ли? — спросил он у меня, показывая бумагу с пятном.

Действительно, печать получилась на славу. Прежде всего, ее удобно держать в руке, а на оттиске мелко и красиво отчеканены слова «Волостной Чокай».

— Хорошо? — спросил меня «волостной».

— Да, очень хорошо! — ответил я.

— Теперь все в порядке? — спросил он у Акбергена.

— Все! — ответил Акберген.

«Волостной» посмотрел отпечаток на бумаге, взял печать в руки, рассмотрел ее со всех сторон, с холодным важным видом достал платок из кармана, завернул в него печать и положил ее в нагрудный карман.

— Теперь поздравляю вас! — сказал Акберген волостному.

— Поздравляю вас! — поддержал его и Красавчик.

Волостной, не меняя позы, многозначительно ответил:

— Пусть будет так! — и зажмурил глаза, как бы предаваясь сладкой мечте...

Я, усмехаясь про себя, воскликнул: «Голодная степь, оказывается, у тебя есть и такие сыны!»

Акберген украдкой от Чокая подмигнул мне:

— Сакен, ты приехал издалека. До ваших краев, наверное, дошли слухи о двух беговых конях волостного под кличками Аклак — Белый козленок и Бескырка — Пять сопок.

— Да, да, я заочно знал вашего волостного. Громкие вести о двух скакунах его доходили до наших ушей! — поддержал я Акбергена.

Чокай открыл глаза и в упор на меня уставился:

— О ком больше говорят, об Аклаке или о Бескырке?

— Ваш Аклак более популярен! — ответил я.

— Да, верно! Удачлив конь Аклак, но как скакун Бескырка опережает его!— поправил «волостной».

Акберген многозначительно обратился ко мне:

— Сейчас волостной приехал на Бескырке. Ты ведь знаток лошадей. После того, как поедим мяса, ты посмотри и оцени его достоинства!

— Хотелось бы посмотреть и Аклака, видимо, он сейчас хорошо упитан?— отозвался я.

— К сожалению, нет. Целое лето на нем ездил батыр Буенбай[1]— сын волостного и не дал ему возможности отдохнуть,— пояснил Акберген.

— Неужели известный батыр — сын волостного?— поинтересовался я.

— Еще бы!— со смаком подтвердил Акберген.— Если он зол на кого-нибудь, то угонит его скот из любой местности, где бы он ни находился!

— Имена батыров всегда отличались своей необычностью, как например, Таргын, Камбар, Алпамыс, Саин. А Буенбай несколько грубовато звучит,— заметил я.

Волостной открыл глаза и пояснил:

— В роду Уйсин был известный конокрад Буенбай. Когда наши аулы прибывали на Чу, он нападал на нас, как голодный волк, и наводил страх на народ. Веря в приметы, я нарек сына его именем!

После сытного обеда мы вышли проводить Чокая. Бескырка оказался незавидным темно-гнедым конем.

Чокай с суровым видом сел на свою рабочую лошадку и уехал.

Мы с Красавчиком посмеялись и стали допрашивать Акбергена:

— Неужели он подарил тебе этого жирного барана? Не стыдно тебе обманывать? А еще говоришь, что он родной брат твоего отца.

Акберген рассмеялся:

— Чего тут стыдного, он богатый... Если я не съем его барана, то все равно другой воспользуется случаем... Таким он родился, таким и отправится на тот свет... Однако он хитер, как Ходжа Насыр[2]!— продолжал Акбер-

---

[1] Буен — слепая кишка; бай — богач. Казахи редко дают сыновьям такие оскорбительные имена.

[2] Ходжа Насыр — Ходжа Насреддин, фольклорный герой, известный всем народам Востока.

ген. Сын у него тихий, трусливый, а отец нарочно врет, объявляя его вором, силачом, храбрецом. Хочет, чтобы люди боялись и остерегались трогать его скотину. Своих коней он называет скакунами и тоже с хитростью, дескать, сын — батыр, отъявленный вор, да еще на конескакуне.

Я в недоумении спросил:

— В чем же хитрость, если его обдурили и получили в подарок за это жирного барана?..

— Он не такой простак, он свое возьмет. Весной поедет по дворам собирать конскую колбасу, жирные бараньи ляжки, утверждая, что это налог и угощение в пользу волостного.

— В прошлом году при мне он прибыл к Алтыбаю и потребовал свою долю,— начал рассказывать Красавчик.— Рыжая жена Алтыбая вынесла жирную конскую колбасу и приторочила ее к седлу Чокая. И вот с этой колбасой Чокай поехал по дворам, заявляя: «Каждый год с тех пор, как я стал волостным, Алтыбай отдает мою долю. А где же предназначенная мне доля с этого хозяйства?»

— И что же, выполняют его просьбу?— спросил я.

— Многие выполняют... Забавляются тем, что он называет себя волостным, балуют его.

— Если люди шутят над Чокаем, а Чокай насмехается над людьми, значит, они квиты!— заметил я.

Вечно живой ходжа Насыр, оказывается, ты обитаешь и в Голодной степи!..

АШАЙ

Однажды, когда я сидел в многолюдной юрте, послышался стук копыт, кто-то подъехал и привязал лошадь к веревке, опоясывающей юрту. Вошел рослый рыжий жигит. У него были короткие усы, а на кончике подбородка торчали рыжие волоски. Одежда его бросалась в глаза: новый тымак из меха красной лисицы, покрытый сине-полосатым шелком, поношенная короткая доха из шкуры гнедого жеребенка. Опоясан он был матерчатым неприглядным кушаком, на ногах его старые сапоги с короткими голенищами. В руках кнут с кнутовищем из таволги.

— Кто это?— спросил я у сидящих поблизости.

— Известный жигит Ашай!

Я о нем многое слышал... Борзая Ашая вчера поймала лисицу... Сам Ашай пристрелил кабана... При схватке с бандитом он отобрал у него ружье... В прошлом году Ашай один одолел десятерых налетчиков. Сначала врасплох снял с коня одного, связал его, поручил охранять жене, а сам схватил винтовку, вскочил на коня и разогнал остальных...

Рыжий, крепко сбитый Ашай сел рядом со мной.

— Говорят, недавно ваша борзая поймала красную лису?— спросил я.

— Да, поймала.

— Действительно красную?

— Какая, по-вашему, лисица на моем тымаке? — спросил Ашай, покачивая головой.

— Красная!— подтвердил я.

— А та лиса еще краснее этой!

Когда Ашай уезжал, он вызвал меня из юрты и сказал, что приехал познакомиться со мною.

— Давайте будем близкими друзьями!— предложил он мне.

Я был доволен.

— Ты заговорил со мной о красной лисице, которую я поймал вчера. Я сошью тебе из нее тымак и покрою тонким шелком. Завтра приезжай в наш аул, мой дом будет твоим!— решительно заключил Ашай.

Назавтра к моему приезду Ашай прибрал свою маленькую юрту и разостлал новые кошмы.

Сидя у костра, он играл на домбре.

— Жаль, что кобыз сломался при перекочевке!— сказал он.— Я на нем хорошо исполняю кюй Ыкласа... Я слышал, как сам Ыклас играл на кобызе. Он был чародеем!— восторгался Ашай.

Аул Ашая состоит из четырех бедных юрт. У самого Ашая маленькая серая юрта. Ценного в ней — рыжая борзая и тымак из лисы. Худой деревянный кебеже[1] и сломанный абдра[2]. Тренога кособокая, казан на ней погнутый, чайник весь покрыт сажей, перина грязная, тонкая. Только разостланные под нами кошмы новы.

---

[1] Кебеже — сундук для продуктов.

[2] Абдра — сундук для вещей.

Ашай считает бедность большим позором и потому всячески старается показать себя зажиточным.

Младший брат Ашая при входе в его юрту не поднимается выше костра. К Ашаю он обращается, как к чиновнику, с поклоном, с большим уважением.

— Кто-нибудь проверил табун, в какой стороне он пасется?— спросил Ашай.

— Лошади пасутся в черном овраге, я недавно ездил!— ответил младший брат.

— Отведи коня Сакена в табун!— приказал Ашай.

Судя по тону хозяина, можно было подумать, что лошадей у него вполне достаточно. Но вскоре я точно установил, что Ашай сильно преувеличивал, называя табуном всего лишь десяток стригунков и кобылиц, принадлежащих всем трем хозяйствам.

Вечером возле аула я увидел небольшую отару, примерно около ста овец.

— Оказывается, овец у вас маловато,— заметил я.

— Нет, не так уж мало. Основная отара находится в нашем втором ауле!..— ответил он.

Но вскоре я убедился, что не было у него никакой основной отары. Проклятая бедность сильно удручала Ашая, оскорбляла его человеческое достоинство, подрезала крылья его души.

Мы подружились с Ашаем. Вечерами подолгу сидели у костра. Ашай рассказывал:

— ...В прошлом году, как раз в это время, наш аул откочевал от черного оврага в сторону Чу. Нам не хватило тягла, поэтому наша юрта осталась на старом месте до следующего дня. Вокруг не было ни единой души. Ночью мы вдвоем с женой спали в юрте. В полночь послышался топот копыт с востока — со стороны Арки. Я вскочил с постели, натянул сапоги и купи и через дверную щель увидел, что целый табун, около пятидесяти-шестидесяти лошадей, скачет прямо к нашей юрте. Черными пятнами виднеются люди, приблизительно человек десять. Моя жена тоже оделась. Я догадался, что лошадей гонят конокрады. Двигались они со стороны Арки. Табун проскакал мимо нашей юрты, и в это время одна лошадь, усталая, голодная, наверное, собственная лошадь одного из конокрадов, изнуренная бесконечными переходами, остановилась возле юрты. Кто-то подскакал к ней и хотел погнать дальше, но лошадь побежала вокруг юрты, и

всадник начал за ней гоняться. Я внимательно присмотрелся через щель и увидел, что у всадника за спиной ружье. Пока он отгонял лошадь от юрты, его спутники удалились. Когда всадник проезжал мимо моей двери, я выскочил из юрты, схватил конокрада за ногу и моментально снял с коня. Не давая ему опомниться, ударил его кулаком в грудь несколько раз, взял у жены платок и сунул его в рот бандиту. Связал ему руки и ноги, снял ружье, из-за пазухи достал патроны. Жене приказал сторожить конокрада, а сам вскочил на коня и погнался за табуном. Лошадь конокрада оказалась резвой и сильной. «Эй!..»— подали голос конокрады. Я отозвался, показывая, что все в порядке, догоняю.

В том направлении, куда они скакали, находился наш род Токтаул. Я все время надеялся, что конокрады приблизятся к этим аулам, поэтому умышленно не догонял. Проехали еще немного, почти подъехали к нашим аулам. Мне опять подали голос. Я тщательно проверил подпруги и решился на риск. «Держи воров!»— отчаянно закричал я, пустил коня галопом и выстрелил вверх. Среди ночи выстрел разнесся далеко. Безмятежно скакавшие конокрады от неожиданности пришли в смятение. Я выстрелил в лошадь одного из воров, тот слетел с коня.

— Конокрады здесь! Люди, садитесь все на коней!— начал громко кричать я.

Послышался лай собак из аула, донеслись голоса. Воры побежали без оглядки. Тут я еще выстрелил и подстрелил двух лошадей под всадниками. Короче говоря, пока подоспели люди из аула, я успел спешить троих воров. Потом поймали остальных, и только трое спаслись бегством.

Конокрадов было двенадцать. Среди них оказался и торе Жусупбек...

Закончив рассказ, Ашай подтянул струны домбры.

— Правду ли говорят, что когда играет на кобызе сам Ыклас, то верблюдица дает больше молока?— поинтересовался я.

— Я еще был юношей,— начал рассказывать Ашай,— мы вчетвером во главе с Сатпаем приехали в аул Ыкласа... Аул его находился на одном из островов реки Чу в высоком густом камыше. Со стороны аул не виден.

Вошли в юрту Ыкласа. Он сухощавый, рослый. Сатпай и Ыклас обнялись, а мы вежливо пожали его руку.

Сатпай начал расспрашивать Ыкласа о состязаниях в окрестных аулах. Я тогда страстно любил кобыз и впился глазами в Ыкласа. Его поза, вся его внешность мне казались совершенно необычными. Он серьезен, видимо, никогда не смеется. Пальцы рук длинные, жилистые. И сам он жилистый и длинный.

В юрту сошлось много людей. Когда все расселись, Сатпай проговорил, что он соскучился по кобызу Ыкласа.

— Подайте мне кобыз. В руках я не держал его с тех пор, как умер мой сын. Но Сатпай сказал, что он соскучился по кобызу,— сказал Ыклас.

Ыкласу подали кобыз. Я, не отрывая глаз, с любовью смотрел на него. Ыклас, настраивая, подтянул струны кобыза и начал водить смычком. Из-под кончиков его длинных пальцев полился стонущий, печальный кюй, хватающий за душу. Мое сердце учащенно забилось... Плачущий кюй будто лился откуда-то сверху, с неба. Люди в юрте замерли. Кобыз тосковал, причитал, рыдал. Очнувшись от глубокого оцепенения, я поднял взгляд на Ыкласа и увидел, что головка кобыза словно приросла к виску Ыкласа. Обеими руками заставляя рыдать кобыз, сам Ыклас плакал вместе с кюем. Слезы текли по его щекам и бородке. Сатпай тоже смотрел вниз и плакал. Я не посмел шевельнуться. Ыклас круто оборвал слезное рыдание кобыза... Люди долго сидели в глубоком молчании,— закончил свой очередной рассказ Ашай.

Я не слышал кобыза Ыкласа, но рассказ Ашая сильно на меня подействовал. Я представил скромный аул из четырех-пяти юрт в долине Чу, в густом дремучем камыше... Голодную степь окутала ночь. Над рекой светят далекие звезды. Высокий дремучий камыш окружил юрты. Дует легкий ветерок, качается, шелестит камыш и тихим шумом своим вторит рыдающему кобызу Ыкласа. Кругом черная ночь, полная бед и страданий. Ночь времен кровавого царизма.

Долго стоял перед моим взором образ угнетенного, глубоко чувствующего народную скорбь Ыкласа...

Немало конокрадов Арки гоняются за аулами, откочевавшими на Чу, чтобы угнать лошадей. Но в свою очередь «чуйские» конокрады ежедневно пригоняют лошадей из Арки.

В один прекрасный день конокрады не оставили и меня без внимания — увели моего единственного рыжего коня.

Весь скот смежных пяти аулов остался цел. Вор выбрал себе лишь моего коня. Я подумал, что конокрад для того, чтобы похитить одного коня, не станет ехать за ним издалека. Возможно, мы виделись с ним каждый день. Коня мог украсть один из людей здешних аулов.

Казахи — мастера уводить скот и не менее искусно они находят украденное. Выяснилось, что в тот день рыскал возле аула и такой-то вор. Но мне, одинокому беглецу, трудно было найти людей, которые отправились бы искать мою единственную лошадь. Конечно, вор в ту же ночь прирезал коня. Теперь ищи ветра в поле. Каждый аул, состоящий из трех-четырех юрт, ворует сообща. Кто же выдаст своих? Люди из чужих аулов прирезанного коня не увидят, ибо расстояние между аулами большое. В такой местности трудно найти человека, укравшего коня, но еще труднее найти здесь человека не ворующего. Стоит ли в таких аулах искать украденное!?

Мы пробовали поговорить с теми ворами, которые рыскали в ту ночь возле аула, но те, конечно, наотрез отказались. Эти пройдохи могли нарочно распространять ложные слухи, чтобы отвлечь внимание.

Итак, перед самым выездом в Туркестан я остался без моего единственного коня...

Я выпросил у Орынбая на время тощего трехлетка, пригласил с собой крепкого жигита, и мы отправились в аул нашего богатого родственника Магжана. Этот аул раньше стоял по соседству с аулами рода Тараkты, относился к волости Тама.

К закату солнца мы прибыли в богатый аул Жумадильды — старшего сына Магжана. Нас приняли в большом черном шалаше, куда пришел и Жумадильда. Поздоровались, познакомились. Приехали мы неудачно, в день большого горя — как раз в этот день была получена весть о смерти самого Магжана. Весь аул был в

трауре, и мы подумали, что здесь не смогут удовлетворить нашу просьбу. Но Жумадильда по случаю смерти отца не валялся дома в большой печали, а пришел и беседовал с нами. В черный шалаш занесли громадные саксаулины и растопили жаркий костер.

К вечеру стало холоднее, поднялся ветер, пошел снег, начался буран. Он не особенно нас тревожил, поскольку в шалаше горел огонь.

На большом березовом блюде подали вареное жирное мясо, накрытое замасленным полотенцем. Мясо отменное — жирная конская колбаса, жирные почки, изумительная субе[1], жирная жанбас[2]. Сам Жумадильда ел вместе с нами. После обильного угощения мы легли спать.

Утром, когда я проснулся, у меня ломило голову, будто волосы кто-то собрал в один сильный кулак и стянул их на макушке. Ночью через щели в шалаш проникал снег и таял на моих волосах, а к утру обледенел. Пришлось мне держать голову над огнем.

После чаепития Жумадильда отвел меня в сторонку и спросил:

— Есть ли у тебя какая-нибудь просьба ко мне?

Я напрямик сказал, что мне крайне необходим конь.

— Хорошо,— сказал Жумадильда без лишних слов и пошел в свою юрту.

Вскоре мой товарищ вошел в шалаш и с улыбкой сказал мне:

— Идем, лошадь уже готова!

На улице я увидел мою хромую трехлетку в недоуздке, а рядом оседланного красивого рыжего коня.

Трещал звонкий мороз. Земля была устлана снегом. Рыжий конь подо мною бежит, словно степной сайгак. Круп точеный, как у зайца, грива шелковая, глаза ясные, темные и большие — красивый конь.

По дороге мы заехали к зажиточному казаху Мынжану, родственнику Жумадильды. Его аул находился на другом берегу Чу. Приехали, остановились, я попросил коня, но Мынжан отказал...

Через два дня, подобрав себе четырех спутников, я отправился в Аулие-Ату (ныне Джамбул). Мои спут-

[1] Субе — филейная часть барана.

[2] Жанбас — тазовая часть барана, преподносится почетному гостю.

ники — Батырбек, Жусипбек, Рашит и батыр Суюндик — были из здешнего рода Уйсун. Жена Батырбека родилась в одном из этих аулов.

Подъехали к реке Чу, уже покрытой льдом. Стоял трескучий мороз. День светлый, небо зеркально-ясное: пылью летит поблескивающий иней... Суюндик с топором на длинном черенке опустился на лед и, сильно ударяя, начал проверять его твердость. Он долго ходил по льду в камышах, пока не нашел наиболее прочный и толстый слой льда, способного выдержать коня и всадника. Суюндик — энергичный жигит, черный как чугун, коренастый. Лошади не могли идти по скользкому льду, поэтому Суюндик в месте перехода подсыпал подмерзшего навоза и песка. Мы спешились и цугом пошли за Суюндиком. Одной рукой каждый держал за длинный повод свою лошадь, а другой придерживал полу с песком. Мы сыпали песок на дорожку поочередно. За нами боязливо шли лошади, ноги их дрожали. Тонкий лед звонко трещит, ломается.

Мы переправились через Чу как будто через мост Сырата[1].

За рекой началось песчаное море, холмы, густые заросли саксаула. После Сары-Арки здесь было особенно дико.

К вечеру прибыли к родственникам жены Батырбека в самый крайний аул на подступах к Аулие-Ате. Мне здесь все окружающее показалось особенным: и вид земли, и скот, и одежда людей. Я увидел как будто другой мир. Среди саксаула паслись лошади с тоненькими шеями, какие-то сутулые, большеухие, с большими копытами. У верблюдов шерсть реденькая, сами они черные и тощие. В ауле юрты остроконечные с прямыми вертикальными стенами. На людях одни желтые шубы из бараньей шкуры, несуразно сшитые, узкие в груди, длиннополые с узкими рукавами. Вид у людей невзрачный, смотрят на встречного робко, исподтишка, говорят невнятно, похоже, что втайне готовят какую-то неприятность.

---

[1] Мост Сырата. По мусульманскому поверью покойники на том свете переправляются через мост толщиной с иголку. Кто пройдет, тот попадет в рай, а кто сорвется — в ад. Поэтому мусульмане приносят в жертву парнокопытных животных, чтобы верхом на них легче было перейти через мост Сырата в рай.

Но казахи Арки тоже, наверное, покажутся диковинными для здешних жителей.

У родственников жены Батырбека мы пробыли два дня и поехали дальше. Через пять суток прибыли в Аулие-Ату.

Мое истосковавшееся сердце рвалось в Совет, но в город мы прибыли поздно. Заночевали в крайнем доме, а на другой день хозяин повел нас к советским работникам-казахам. Сначала мы вошли в дом одного военного жигита. Имя его я не запомнил, но он показался мне очень порядочным и образованным. В квартире я заметил много газет и журналов. Когда я рассказал о себе, он быстро оделся и почтительно, с уважением проводил нас к начальнику ЧК, очень толковому жигиту казаху Жылыспаеву. Оттуда нас проводили в исполком. Я увидел родную обстановку, по которой сильно соскучился, портреты Ленина и других вождей революции, увидел на стенах пламенные призывы.

Нас принял председатель исполкома Қабылбек Сармолдаев. Немедленно одному из членов исполкома поручил приготовить нам квартиру и создать соответствующие условия. Сразу человек пять работников города пригласили нас в гости.

Мы остановились на квартире у Қалмагамбета из рода Аргын, человека энергичного и откровенного.

Двум учителям Аулие-Аты я переписал свое стихотворние «Марсельеза молодых казахов», напел им мелодию. Учителя с радостью начали ее разучивать.

Каждый день я читал сообщения из газет. Они становились все радостнее. Узнав, что Колчак и Деникин окончательно разбиты, я начал собираться в обратный путь...

Қабылбек Сармолдаев долго уговаривал меня остаться у них на работе.

В своем выступлении на бюро я подробно рассказал о тяжелом положении в Акмолинске, попросил отпустить меня на работу в родных местах. По предложению Қабылбека мусульманское бюро приняло решение обеспечить меня на дорогу деньгами, транспортом, выдать мне мандат с правом проводить политико-массовую работу среди трудящихся степи.

На следующий день я получил мандат и деньги у Қабылбека, получил также два мешка агитационно-про-

пагандистских брошюр для раздачи населению, получил оружие и с двумя милиционерами на казенных подводах двинулся обратно в Акмолинск.

Кабылбек оказал мне большую помощь, поверив мне на честное слово. Когда я прибыл в Аулие-Ату, у меня не было при себе никакого путного документа, удостоверяющего, что я действительно совдеповец, бежавший из тюрьмы Колчака. К тому же не было у меня никого знакомого в Аулие-Ате. С таким же успехом меня можно было принять за тайного агента Колчака, как это случилось с Сабыром Шариповым. Он бежал из Омска, вернулся в Кокчетав, потом, проехав через Атбасарский и Тургайский уезды, прибыл в Ак-Мечеть. Руководящие работники исполкома в Ак-Мечети ему не поверили, признали его подосланным агентом Колчака, арестовали и посадили в тюрьму. Сабыр выпутался из белогвардейского ада и очутился в тюрьме у большевиков, встречи с которыми радостно искал. В Ак-Мечети у него не было знакомых. Сабыра не раз допрашивали, он горячо доказывал, что является большевиком-совдеповцем, что бежал из тюрьмы Колчака, но твердолобые дельцы Ак-Мечети не захотели ему поверить. Сабыр сидел долго, испытал немало мучений. В конце концов его условно выпустили из тюрьмы и под вооруженным конвоем отправили в Атбасарский уезд с наказом привезти оттуда хлеб в помощь голодающим Ак-Мечети. В короткий срок Сабыр пробрался в Атбасар, доехал даже до Ишима, заключил договор с «Ханом» Хасеном и привел в Ак-Мечеть караван с хлебом. Он оказал большую помощь голодающему городу, но и эта работа Сабыра не была достойно оценена администраторами Ак-Мечети, за исключением одного-единственного комиссара продовольствия.

После того как по вызову комиссар продовольствия уехал в Ташкент на повышение, оттуда поступила телеграмма с требованием отправить Сабыра Шарипова в распоряжение краевого ЧК в Ташкент. В это время как раз поднял мятеж один полк. Мятеж был подавлен, революционный Совет Ташкента совместно с ЧК начал арестовывать всех сомнительных людей, передавать дела чрезвычайному суду и расстреливать виновных. Как раз в это время привезли арестованного Сабыра под конвоем. В ЧК ему задают лишь всего два-три вопроса.

— Да, и я его знаю, он был членом областного комитета у Колчака,— заявляет один из членов суда.

Председательствующий приказал: «Увести!»

Сабыра ведут в камеру, где сидят приговоренные к расстрелу. Когтистая старуха-смерть заключает Сабыра в цепкие объятия. До этого момента Сабыр находился в состоянии глубокого безразличия, но здесь раскричался, разъярился от несправедливости. Вырываясь из рук конвоя, он опять стал говорить суду правду о себе.

— Назови, кого ты знаешь!— предложил суд.

Сабыр указал на комиссара продовольствия, который после приезда в Ташкент стал начальником ЧК. Но комиссара не оказалось в живых, его убил Осипов.

— Найдется ли человек, который возьмет тебя на поруки до завтра?— опять спрашивают Сабыра. Такого человека у Сабыра не было...

— Я возьму на поруки!— заявил красноармеец, конвоировавший Сабыра из Ак-Мечети.

До завтрашнего дня Сабыра передают на поруки красноармейцу. И здесь начинается прояснение. Сабыр встречается с Дуйсенбаем Нысанбаевым и в конце концов избавляется от смерти. Нысанбаев был членом следственной комиссии Туркестанского ЧК, одним из тех граждан, которые в то время прочно стояли под знаменем Советов Туркестанской республики.

Сабыр сблизился с Дуйсенбаем, побывал с докладом у Куйбышева, прибывшего из Москвы в Туркестан, встречался с Опиным и, получив от них партийный мандат, выехал из Туркестана в Тургай и в южные волости Акмолинской губернии.

Из-за тупости руководителей Ак-Мечети Сабыра чуть не расстреляли.

Но власти в Аулие-Ате, руководимые Кабылбеком, оказались более проницательными.

...Мы возвращались в Акмолинск через море песка и саксаула, через долину Чу и Голодную степь.

Теперь у нас было две лошади в поводу, мы имели право брать подводы в аулах.

Снова с трудом перебрались через Чу в сильный мороз.

Вдоль извилистых берегов реки желтел камыш. Из его зарослей тянулся ввысь голубой дым. Мы оглядывали окрестности с вершины сопки. Несмотря на холод,

Суюндик снял свой неприглядный купи и сидел на коне в одном бешмете, купленном в Аулие-Ате... Ему хотелось покрасоваться в новом бешмете. Батыр сидел на коне и держал в руках винтовку. Вот он неожиданно поднял ее, раздался выстрел.

— Зачем стреляешь?— спросил я Суюндика.

— Пусть враги знают о нашем появлении,— ответил Суюндик, вращая глазами.

...Мы приступили к организации советской власти среди аулов в долине Чу и Голодной степи.

У нас было десять винтовок, две сабли и один наган. С таким вооружением мы вступали в открытую борьбу с теми, кто пытался защищать обветшалые порядки прошлого. Вокруг меня организовалась группа революционно настроенных товарищей — трудящихся казахов.

Мы собрали сочувствующих советской власти двух волостей Тараkты и на собрании избрали председателя аулсовета.

Не обошлось и на этот раз без забавных историй.

— Теперь ты можешь назначить меня снова волостным?— спросил меня уже знакомый Чокай после собрания.

Нас окружили, усмехаются, перемигиваются.

— Так и быть, оставайтесь волостным,— ответил я.

— В таком случае выдайте мне жалование,— не растерялся «волостной» и с серьезным видом протянул мне ладони.

Я вынул из кармана дешевые деньги Туркестана и подал ему две бумажки...

Теперь открыто выступили против баев такие жигиты, как Суюндик, который вчера был батраком, выступил и самолюбивый Ашай, который всячески скрывал свою бедность от людей. Они стали руководить простым трудовым людом — кочевниками. Вчерашние униженные, изможденные сыны Голодной степи, сегодня сели на коней и вступили в борьбу с врагами власти трудящихся — советской власти...

17 апреля 1926 года. Кзыл-Орда.

О „ТЕРНИСТОМ ПУТИ"

В газете «Енбекши казах»[1] в № 296 напечатана статья Назира Турякулова[2] «Два слова о «Тернистом пути». С какой направленностью будет писать обо мне Турякулов, читающая публика, вероятно, догадывается по его предыдущим выступлениям.

В конце статьи Турякулов как бы между прочим замечает: «Если у Сакена будет время, наверное, он мне ответит». Свободного времени у меня не так уж много и лучше, если бы его не хватило для ответа на подобную «критику».

Если кто-то со стороны начинает порочить твое произведение, то неудобно самому автору вести полемику, доказывать свою правоту, ибо понимаешь, что редко создаются вещи без недостатков. Но когда критикующий допускает умышленные передержки и искажения, автор вынужден защищаться.

Турякулов рассказывает о Ходже Насреддине, который преподнес своим гостям пустую воду и заметил: «Не смущайтесь, друзья, если в нее подбавить мяса, в меру соли и риса, то получится отменный плов!» «Тернистый путь» Сакена напоминает нечто подобное...»

Далее Турякулов раздраженно заявляет: «Было бы правильней, если бы он вообще не писал эту книгу.

---

[1] «Енбекши казах»— «Трудовой казах»— республиканская газета, впоследствии переименованная в «Социалистик Казахстан» (примечание переводчика).

[2] Н. Турякулов — в то время заведующий восточным отделом Центриздата в Москве.

К чему в таком тоне описывать бегство министров алашорды!..»— выходит из себя критик.

Турякулов безусловно прав в том смысле, что если бы Сакен не написал «Тернистый путь», то угодил бы многим знатным господам вроде Тынышпаева и его приспешников.

— Но что теперь поделаешь, будь он неладен, этот Сакен, описал-таки, как сражалась с беляками, с алашордынцами разная мелочь вроде Татимова, Дуйсекеева, Угара (Жанибекова), Мукеева, Шарипова... Сейфуллин рассказал в книге и о своем участии в революции, рассказал мимоходом и о том, каких видел девушек в Акмолинске и в аулах, и о том, как пил кумыс. Словом, он похвалил себя...

В «Тернистом пути» более четырехсот страниц, из них рассказу о девушках посвящено не больше десяти.

«Он описывает саврасых девушек...— ядовито замечает Турякулов, выходя из себя от негодования.— Саврасыми можно называть только лошадей».

В «Тернистом пути» нигде не употреблено «саврасая девушка». В книге мимоходом замечено, что песня, исполняемая девушкой (Хабибой), звучала, как мелодия жаворонка. Неужели эти строки дают повод для чрезмерного гнева какому-нибудь блюстителю нравов?! Среди пролетарских писателей СССР, если не говорить о Горьком, наиболее популярен в настоящее время Ф. Гладков. В недавно напечатанном рассказе «Непорочный черт» Ф. Гладков рассказывает о женщине-коммунистке Анюте:

«Анюта — баба горячая, с постоянной зарядкой, работать с прохладцей не любила, и дело у нее всегда пылало пламенем. Когда говорила, голову задорно вскидывала кверху. Грудь была девичья, но по-матерински налита обильно. И вся она в минуты возбуждения как будто опиралась только на грудь».

Такое изображение женщины может ввести в краску лукавых мюридов ходжи Насреддина да еще тех, кто закрывает лицо женщины паранджой и прячет ее от чужих глаз в гареме.

В одном месте книги я написал, как во время отдыха в ауле Балабая, после побега из омского лагеря, я, лежа на спине, считал звезды на небе... В старину мюриды ходжи Насреддина предостерегали нас: «Ой, не считайте

звезды, плохо будет!». Прочитав мою безобидную фразу, Турякулов ехидно спрашивает: «Сакен, сколько звезд на небе?» На этот вопрос критика я могу ответить словами некоего хитроумного ходжи. Он ехал на длинноухом осле и, когда его спросили: «Ходжа-еке, сколько на небе звезд?», ходжа ответил: «На небе звезд столько, сколько волос в хвосте моего осла, а если не веришь, то посчитай сам!»

Для того, чтобы Турякулов в своем очередном выступлении не говорил, что Сакен расхваливает самого себя, я приведу ответ Маркса критикам «Капитала»: «Недостатки своего произведения я знаю лучше кого бы то ни было».

Турякулов пишет: «Одна из плохих привычек наших писателей заключается в том, что едва их покритикуешь, как они сразу начинают аппелировать к Марксу и приводить доказательства из Плеханова. Такая привычка есть и у Сакена, и у Сабита[1]...»

По мнению этого критикана, мы должны покорно принимать все им сказанное за абсолютную истину, а если приводим доказательства из Маркса и Плеханова, то чуть ли не совершаем преступление.

В прошлом году в Кзыл-Орде, когда мы полемизировали с одним товарищем, Ахмет Байтурсунов заявил, что он не может согласиться с Марксом и остается при своем мнении. Букейханов в одном из своих писем, опубликованных в журнале «Айель тендиги» («Равноправие женщины»), пытался иронизировать над формулой Маркса «Бытие определяет сознание».

Как бы ни возмущались писаки, примазывающиеся то к одному правительству, то к другому, мы, когда потребуется, всегда будем приводить в качестве доказательств определения и лозунги марксистской науки!

Но оставим в покое Турякулова и поговорим о том, как оценивают книгу те, кому она посвящена.

Как-то Ораз Жандосов[2] сказал мне: «Вы, оказывается, прозу пишете лучше, чем стихи. Казахи обычно склонны к стихосложению. Так пишите, пожалуйста, больше прозой. Я с удовольствием прочитал «Тернистый

---

[1] Имеется в виду Сабит Муканов, ныне выдающийся казахский писатель.

[2] Ораз Жандосов — в то время нарком просвещения республики.

путь». Некоторые места в книге написаны высокохудожественно». Эти слова Ораз повторил на расширенном заседании крайкома по вопросам литературы.

Общественность знает Жандосова не меньше, чем Турякулова, и знает, каков удельный вес каждого из них. Идрис Мустамбаев[1] — гражданин, не согласный с нашей политикой в области литературы, пишет в журнале «Қызыл Қазахстан»: «Нужно специальное исследование, рассматривающее, как соответственно с временем и социальной средой выросло мастерство поэта в «Красных соколах» и «Тернистом пути». Это — большие творческие работы. В них есть и недостатки, как было сказано выше. Но в написанном позже «Тернистом пути» есть отличные места...»

С нашей политикой в области художественной литературы не всегда соглашается Ергали Алдонгаров, тем не менее в газете «Енбекши казах» (от 3 декабря 1926 г.) он пишет: «Ряд писателей, особенно Сакен, рассказали о том, что делали сами в революцию, что пережили. В «Тернистом пути» Сакен описывает времена, когда он вместе с группой товарищей боролся против врагов революции. Создавать литературу об этом — правильное дело. Это полностью соответствует духу социальной романтики. Но необходимо иметь в виду, чтобы в историческом материале чрезмерно не сгущались краски...»

И далее. Если Турякулов говорит, что в «Тернистом пути» нет даже малых литературных достоинств, то главарь алаш-ордынцев Кокчетава Салим Кашимов через газету «Енбекши казах» написал мне из тюрьмы такое письмо: «Я прочитал вашу книгу «Тернистый путь». Мне, сидящему в заключении, она придала много сил, вызвала много разных раздумий...» Некоторые из людей, не согласные с идеей «Тернистого пути», тем не менее признают книгу как достойное художественное произведение.

А что же говорят, читая «Тернистый путь», наши советские работники, особенно те, кто участвовал в Октябрьской революции, кто сражался с ее врагами?

Живущий сейчас в Башкирии и проводящий большую работу в области просвещения бывший узник колчаков-

---

[1] Идрис Мустамбаев — автор одного из первых литературоведческих исследований о творчестве Абая.

ской тюрьмы, руки и ноги которого были закованы в кандалы, учитель Вали Хангельдин (татарин по национальности), прочитав «Тернистый путь», прислал мне такое письмо:

«Я не могу оторваться от этой книги... Через это письмо я хочу искренне пожать твою руку... Я считаю своим долгом сказать тебе, как товарищ и друг, большое спасибо за твою книгу, рассказывающую об исторических событиях в среде казахского народа, о классовой борьбе. Твоя книга снова воскресила передо мной незабываемые картины.

Когда я читал твою книгу, меня охватывал то гнев, то на глаза навертывались слезы. Еще в годы ученичества я прочел книгу Гаяза Исхаки «Зындан» («Темница»). Она хорошо сохранилась в моей памяти, но не вызвала тех переживаний, какие я испытал, читая «Тернистый путь». Ведь эти события прошли через мое сердце. Твоя книга пробудила во мне прежние чувства, произвела огромное впечатление. Разве не тронут человеческое сердце картины, показывающие страдания в вагонах смерти, картины бегства или рассказ о скитаниях по казахской степи, о неимоверных трудностях и лишениях? Строки твоей книги, написанные кровью, показывают: в какой ожесточенной борьбе создавалась советская власть.

Эта книга, несомненно, принесет большую пользу в деле воспитания молодежи... Она написана с большим мастерством и вдохновением. Все события, которые ты видел и перенес сам, придают книге определенную историческую ценность. Представляя собою летопись революционных событий, «Тернистый путь» является и ценным литературным произведением...»

Татарская девушка по имени Написа, которая работала в Кокчетаве по линии просвещения и была связана с людьми, участвовавшими в революции, дала яркое и полное описание деятельности алаш-орды в Кокчетаве. Она говорит: «Язык вашей книги очень выразителен и прост. Книга написана хорошо».

Жигит по фамилии Рахматуллин, сидевший в Омске в колчаковской тюрьме, откуда в 1919 году во время декабрьского восстания был освобожден и впоследствии сражался с войсками Колчака, написал мне из Кара-Калпакии:

«Когда я читал вашу книгу «Тернистый путь», мне вспомнились все злодеяния, которые чинились над нами в колчаковской тюрьме. Не раз на мои глаза наворачивались слезы». Рахматуллин подробно описывает моменты из декабрьского восстания, события, происходившие в тюрьме, и некоторые делишки алаш-ордынских «соколов», о которых я не знал.

В своем письме ко мне молодой человек из Семипалатинского округа Жусипбек Валитов (как и Рахматуллин, он мне совершенно незнаком) пишет: «У вас в литературном творчестве нет робости, малодушия, корыстолюбия, так как вы испытали на себе все трудности революции, и написанное вами зовет человека к героизму, выдержанности. По этой причине ваше произведение производит большое впечатление на читателя...»

Другой, тоже незнакомый мне жигит под псевдонимом «Медь» из Ташкентского казахского лесного техникума пишет: «Я прочитал «Тернистый путь». Мечта моя сбылась... Сколько сведений, сколько интересных образов!.. Историю, интересную, впечатляющую историю увидел я». И прилагает свои стихи о моей книге.

Читатель Нурша Бижанов, работавший на Успенском руднике и в Экибастузе, прочитав «Тернистый путь», написал мне: «Дорогой мой, пока не дочитал вашу книгу, не смог заснуть!.. Хорошо! Очень хорошо! Что могу еще сказать! С открытым сердцем протягиваю товарищескую руку и пожимаю твою!..»

Рабочий из Риддера Касым Чинтаев, прочитав «Тернистый путь», пишет: «Я вас считаю своим настоящим другом!».

Товарищ Курман, работающий на заводе в Корсакпае, пишет: «Товарищ Сакен! Во времена «Тернистого пути» я был членом штаба восставших казахов, был всегда на коне. Вашу пьесу «Красные соколы» мы ставили для карсакпайских рабочих, ваших друзей... И просим: приезжай сам в Карсакпай и познакомься со своими друзьями!»

От имени своих товарищей по работе один из руководителей завода в Риддере Шаймерден Оспанов пишет:

«Этим письмом я напоминаю о вашем обещании написать окончание «Тернистого пути». Но окончание до сих пор не увидело света. Я прошу вас от имени рабочих исполнить свое обещание и дописать книгу. Причи-

на: очень мало тех, кто говорил мне о революции от чистого сердца...».

Эти письма для меня гораздо значительнее и дороже оценок «знатоков» литературы.

Критиковать никому не запрещено. Но критика должна исходить из марксистских позиций, быть честной, товарищеской, а не злопыхательской. Цель критики — не в издевательских передержках и не в притягивании фольклорных сравнений с целью обратить внимание на свою персону. Критикой с коварной целью пользуются только классовые враги. Критик должен быть подобен врачу. Но если врач набросится на здорового человека с ножом, утверждая: «Ты болен», или же больному вместо лекарства даст яду, то народ знает, как отнестись к такому лекарю.

Если Турякулов подобным образом заботится о моем творческом здоровье, то пусть он поищет себе клиентуру в другом месте.

Если же Турякулов действительно озабочен судьбами наших литератур, то пусть он, прежде всего у себя под носом в Восточном издательстве в Москве, обратит внимание на книги стихов киргиза Тыныстанова и казаха Магжана (Жумабаева), в которых льются горькие слезы по былой славе алаш-орды; пусть Турякулов всерьез проанализирует двусмысленные сказки Букейханова или собственного сочинения стихи, подписанные «Дервишем».

«Трудовой народ, только твоя критика для меня ценна,— говорит Демьян Бедный.— Только ты один мой честный и беспристрастный судья!»

У меня тоже есть единственный критик, который может исправить мои ошибки, единственный исцеляющий врач — это честный, правдивый мой критический судья — рабочий класс.

Повторяя слова Маркса, скажу, что недостатки своей книги я знаю очень хорошо. Но какими бы ни были эти недостатки, книга опубликована, и если она принесет пользу читающему рабочему классу, то труд мой не пропал даром.

Журнал «Әдебиет майданы» № 7, 1929 год.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора 49
Накануне 51
На Шубыре 52
Аупильдек 54
Чучело 60
Перед бурей 63
Казахское освободительное движение 75
Первые годы революции 90
Борьба за советы 120
Ночью в горах 177
Самозванные ханы в Западном Казахстане . . 178
Каратюбинский съезд 180
В Уральском округе после Каратюбинского съезда . 184
В Акмолинске 190
Чехословацкий мятеж. Падение советской власти в Акмолинске 204
В акмолинской тюрьме 222
Колчаковщина 256
В лапах атамана Анненкова. Этап из Акмолинска . 267
В вагонах смерти атамана Анненкова 283
В омском лагере 312
После побега 325
Путь на Баян-Аул 352
В Сары-Арке 368
Аул, подаривший отдых 375
Конец бесноватого Колчака 387
Восстание в Амантае . . . . . —
Еще раз о тургайской алаш-орде 391
Опять преследования 394
Дорога в Туркестан 395
В Голодной степи 401
Волостной Чокай 408
Ашай 413
Домой через Туркестан 416
О «Тернистом пути» 424

С. Сейфуллин

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ

Редактор *Л. Космухамедова*
Художник *В. Григорьев*
Художественный редактор *А. Смагулов*
Технический редактор *С. Лепесова*
Корректоры *Г. Сыздыкова,*
Ш. Мукажанова.

Сдано в набор 9/IV-75 г. Подписано к печати 11/VII-75 г. Бумага № 1, 84×108¹/₃₂=
=13,5 п. л. 22,68 усл. п. л. (Уч.-изд. 22,97.)
Тираж 350000 экз. (3-й завод 200001—350000).
Цена 88 коп.

Издательство «Жазушы», г. Алма-Ата,
480091, пр Коммунистический, 105.

Заказ № 855. Фабрика книги Главполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров КазССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли,
г. Алма-Ата, пр. Гагарина, 93.